Н.С.КИНЯПИНА
М.М.БЛИЕВ
В.В.ДЕГОЕВ

Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России

Вторая половина XVIII-
80-е годы XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII—80-е годы XIX в.). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.— 328 с.

В монографии исследуются проблемы русско-кавказских и русско-среднеазиатских отношений от начала развития прорусской ориентации народов Кавказа и Средней Азии до их вхождения в состав России. Успехам России на Кавказе и в Средней Азии способствовали и дружественные связи народов этих стран, наметившиеся в XVI в. и укрепившиеся в XVIII—XIX вв. Впервые в советской историографии изучаются преемственность кавказской и среднеазиатской политики России, а также продолжительная борьба России с экспансией Османской империи, шахского Ирана, Англии; определяются основные направления дореволюционной, советской и зарубежной историографии по проблемам исследования, дается критика антинаучных построений ученых Запада.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов и всех интересующихся внешней политикой России, историей народов СССР.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ответственный редактор
доктор исторических наук Н. С. Киняпина

Рецензенты:

доктор исторических наук В. Б. Виноградов
доктор исторических наук А. П. Новосельцев

Нина Степановна Киняпина,
Маркс Максимович Блиев,
Владимир Владимирович Дегоев

КАВКАЗ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
(вторая половина XVIII—80-е годы XIX в.)

Зав. редакцией Н. М. Сидорова
Редактор М. Л. Будниченко
Художник Е. Н. Волков
Художественный редактор Б. С. Вехтер
Технический редактор Е. Д. Захарова
Корректоры Л. А. Айдарбекова,
Л. А. Кузнецова, Т. С. Милякова

КБ № 8—32—84
ИБ № 1734
Сдано в набор 21.04.84 Подписано к печати 13.11.84
Л-79086 Формат 60×90/16 Бумага гл. печать
Гарнитура литературная Высокая печать
Усл. печ. л. 20,5 Уч.-изд. л. 25,17 Тираж 1950 экз.
Заказ 387 Цена 4 р. 10 к. Изд. № 2606

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ
119899, Москва, Ленинские горы

К 0505020000—063
077(02)—84 КБ № 8—32—84

© Издательство Московского университета, 1984 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта монография посвящена истории политических и дипломатических связей России с народами Кавказа и Средней Азии на протяжении середины XVIII — конца XIX в. Без исследования истоков этого общения и его эволюции невозможно понять глубинную сущность процесса присоединения нерусских народов к России. Указанная проблема рассматривается на широком и неоднотонном фоне международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, которые, не исчерпываясь русско-турецкими и русско-иранскими противоречиями, с течением времени все заметнее осложнялись вмешательством западных держав. После наполеоновских войн, а затем сокрушительных поражений Турции от России в 20-х гг. XIX в. русско-английские антагонизмы на Востоке вытесняют другие конфликтные линии.

Лишь в свете анализа роли Кавказа и Средней Азии в международных делах объяснимы мотивы проникновения России в эти районы.

Уже в силу своего географического расположения Кавказ издавна составлял сферу жизненно важных интересов для Российского государства. Кавказский вопрос стал главным компонентом восточной политики России еще с XVI—XVII вв.

От разрешения проблемы выхода России в Черное море зависело развитие хозяйства и торговли страны. Приходилось не меньше думать о безопасности оголенных перед лицом турецкой и иранской агрессии южных рубежей формирующейся империи.

Продвижение России на Кавказ облегчалось возникшей еще в XV в. и укреплявшейся с каждым следующим столетием прорусской ориентацией населявших эту территорию народов. Активизация политики России на Кавказе в XVIII в. вызвала спор за обладание им между Россией, Турцией и Ираном. В конце XVIII — начале XIX в. экспансионистские планы наполеоновской Франции, а затем и Англии на Востоке заставили Петербург усилить внимание к Кавказу.

После завершения присоединения Кавказа к России (1829) русско-английское соперничество в этом регионе резко возрастает. Лондон стремится наверстать упущенную в первой трети XIX в. возможность превратить Кавказ в свою колонию, а значит в дамоклов меч над Россией.

Англия ужесточила спор с Петербургом за Кавказ в связи с начавшимся в 30-х гг. движением горцев. Усилиями Англии кавказский вопрос оставался фактически (но отнюдь не юридически) международной проблемой до начала 60-х гг. XIX в.

В общественном и государственном строе Кавказа и Средней Азии было много общего. Оба региона отличались неоднородностью социально-экономического развития: в нагорных районах Кавказа и степных зонах Средней Азии разлагался патриархально-родовой строй и складывались феодальные отношения.

Характеризуя экономические процессы, происходившие на Кавказе в XIX в., В. И. Ленин отмечал, что «то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»[1]

Это сходство регионов позволяет проследить самые различные, подчас сложные, закономерные процессы, связанные с изучением истории народов СССР.

В настоящем исследовании Кавказ и Средняя Азия объединены самой проблемой, поскольку в политике и стратегии России, Англии, Турции и Ирана они — «смежные» территории. Для того, кто владел Кавказом, облегчался путь в глубь Средней Азии. Кавказ часто называли мостом между Европой и Востоком. Военно-политическими и экономическими мотивами объяснялся интерес к нему России и Англии. Англия наступала на Азию не только через Турцию и Иран, но и из Индии. Уже к середине XIX в., наряду с еще не устраненной британской угрозой Кавказу, появляется опасность вовлечения огромных закаспийских пространств в орбиту влияния Лондона. Тогда вместо слабых феодальных ханств соседом России стала бы мощная капиталистическая держава, а прочность завоеванных с таким трудом позиций России на Кавказе оказалась бы под сомнением. Петербург, предвидя эти последствия, внимательно следил за развитием политической ситуации в Средней Азии. В первой половине XIX в. постепенно расширяются дипломатические и экономические отношения с ее ханствами. В более решительных действиях до конца 30-х гг. XIX в. не было нужды: они предпринимались в области восточного (включая кавказский) вопроса. Между тем Великобритания наращивала силы для вмешательства в среднеазиатские дела.

По мере проникновения в Бухару и Хиву английских купцов с товарами и разведчиков усиливалось беспокойство правительства России. В Петербурге слишком хорошо знали, чем оборачивается европейская торговля в Азии: дело «начинается там ситцами, а кончается созданием подвластной империи в 150 миллионов жителей»[2].

Британская политическая и экономическая экспансия вынудила Россию после неудачного хивинского похода (1839) перейти во второй половине XIX в. к активным планомерным действиям

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

[2] Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Собрание сочинений. Т. I, ч. 1. Спб., 1889, с. 7.

в Средней Азии, подобно тому как в конце XVIII в. агрессивные поползновения поддерживаемых Западом шаха и султана заставили Россию активизировать свою политику на Кавказе.

Экономические процессы, происходившие в России, прогрессивно влияли на народы Кавказа и Средней Азии. В данном случае речь идет о единых мотивах политики государства в этих регионах.

Показательно, что на тесную взаимосвязь в дипломатии и стратегии России, Кавказа и Средней Азии указывали еще русские дореволюционные авторы (Р. А. Фадеев, А. Л. Зиссерман), высокопоставленные царские сановники (А. И. Барятинский, К. П. Кауфман, великий князь Михаил). По замечанию одного английского ученого, приобретение Кавказа «не привело (Россию. — *авт.*) в Константинополь, зато указало дорогу на Ташкент и Самарканд»[3].

В разработке программы Петербурга по среднеазиатскому вопросу принимали участие государственные и военные деятели, хорошо знавшие Кавказ, где к середине XIX в. уже обозначились оптимальные варианты управления окраинами империи. В ходе утверждения России на Кавказе вырабатывалась более или менее эффективная и в то же время своеобразная модель административного устройства на новых территориях государства, успешно применявшаяся затем в Средней Азии. Для системы управления обоих регионов характерно создание особых административных единиц: наместничества для Кавказа и генерал-губернаторства для Средней Азии.

Генерал-губернатору К. П. Кауфману пришлось решать в Средней Азии проблемы, во многом схожие с теми, с которыми ранее столкнулись А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский на Кавказе. Как бы естественным завершением сложившегося в политике России единства двух регионов стало включение на определенное время закаспийских областей в состав Кавказского военного округа.

Если кавказский вопрос возник перед Россией в эпоху ее становления как великой державы и утверждения господствующего положения в Европе, то проблема Средней Азии предстала перед ней после поражения в Крымской войне, когда правительство устами А. М. Горчакова объявило программу «сосредоточения» внутренних сил страны. При подобных обстоятельствах лишь крайняя необходимость могла заставить Петербург пойти на такое весьма обременительное для истощенных военных и финансовых ресурсов государства предприятие, как присоединение Средней Азии.

Время, выбранное для активизации политики России в Средней Азии, — 60-е годы с их экономическими трудностями, социальной напряженностью внутри страны и унизительным надзором со

[3] Stephenson G. Russia from 1812 to 1945. A History. New York, 1959, p. 276.

стороны держав — участниц «крымской системы», — убедительно доказывает вынужденный характер подобного шага. Таким образом, кавказская и среднеазиатская проблемы встают перед Россией по мере осложнения международных противоречий на Ближнем и Среднем Востоке, вызывавшимися в разные времена разными факторами, из которых определяющим в конечном итоге становится русско-английское соперничество. Об этих очевидных фактах часто забывают зарубежные буржуазные историки, противопоставляющие «захватнические» устремления русских на Востоке «миролюбию» англичан. Еще раз подчеркиваем: под «крайней необходимостью» подразумеваются экспансионистские замыслы и агрессивное поведение Англии, надеявшейся, что России после Парижского мира было не до среднеазиатских дел.

Форин-оффис издавна мотивировал свое вмешательство в сферы влияния России, расположенные в тысячах километров от Англии (!), мифической русской угрозой Индии — источнику британского могущества. Навязанная общественному мнению на Западе и отчасти принятая им с сочувствием версия об «оборонительных задачах» Лондона на Востоке, которые по сомнительной логике якобы следовало решать либо на границах России (Средняя Азия), либо в пределах ее (Кавказ), была изобретена для оправдания агрессивности английского колониализма.

Эта старая концепция родственна современной американской доктрине о законности любых акций, направленных на защиту «жизненно важных интересов» Соединенных Штатов в любой части света. Такой подход позволяет произвольно определять и круг интересов, подпадающих под категорию «жизненно важных», и их географию, создавая условия для нарушения суверенитета малых государств.

Для успешной аргументированной критики идеолого-политической основы современной зарубежной буржуазной историографии необходимо показать не только пути складывания, сущность и эволюцию политики России на Кавказе и в Средней Азии, но и закономерный характер включения этих регионов в состав Российского государства; воссоздать цельную и вместе с тем подробную историческую картину многолетних происков Великобритании на Кавказе и в Средней Азии; выяснить значение этих территорий в общей захватнической программе Англии на Ближнем Востоке и в системе предпринимавшихся против России действий в Турции, Иране, Афганистане; вскрыть механизм формирования внешнеполитического курса Лондонского кабинета, на который ощутимо влияли колониальные вожделения господствующего класса страны, порождавшие своеобразный и настолько устойчивый феномен общественного сознания — русофобию, — что его злокачественные последствия заметны и сегодня.

Кавказ и Средняя Азия рассматриваются в книге как объекты внешней и — в гораздо меньшей степени — внутренней политики России. Исследование форм, методов, темпов внедрения имперского административного аппарата на этих территориях на фоне

протекавших здесь социально-политических и экономических процессов позволяет углубить анализ общих тенденций политики России.

Предмет и задачи настоящей работы существенно ограничивались стремлением авторов максимально отразить достижения отечественной историографии в области изучения русско-кавказских и русско-среднеазиатских отношений, а также проблемы «Кавказ и Средняя Азия в системе международных отношений». Это, конечно, не исключало наших исследовательских усилий по выявлению закономерностей, открывавших новое видение важных исторических процессов. Так, установление закономерностей развития русско-кавказских отношений позволило периодизировать их, а это, в свою очередь, вело к более строгой хронологии событий, сопровождавших присоединение народов Северного Кавказа к России. В монографии прослеживаются пути формирования внешнеполитической программы России на Кавказе в XVIII в., определяются масштабы влияния на этот процесс международной обстановки на Ближнем Востоке.

Мы сочли уместным раскрыть международные аспекты истории Кавказа второй трети XIX в., ощутимо влиявшие на политику России в регионе. Обнаруженные в Архиве внешней политики России документы, наряду с опубликованными отечественными и зарубежными источниками, позволяют утверждать, что в русско-английских противоречиях Кавказу принадлежало гораздо более видное место, чем принято считать. В это время он прочно вошел в число традиционных объектов экспансионистских устремлений Англии, подчас становясь причиной крайне опасного обострения ближневосточной ситуации. Как нам думается, планы Лондонского кабинета, предполагавшие превращение Кавказа в колониальный придаток Великобритании и постоянную угрозу для России, в немалой степени повинны в нарастании той напряженности в отношениях между Петербургом и Лондоном, которая привела к Крымской войне. Нами также исследуется почти не изученная в советской историографии проблема, связанная с особенностями политики западных держав (Англии, Франции, Австрии) в кавказском вопросе в 1856—1864 гг.

В монографии впервые в советской науке делается попытка охватить историю взаимоотношений России и Средней Азии на протяжении всего XIX столетия. Подчеркивая политическое содержание русско-среднеазиатских контактов, мы вместе с тем полагали, что их характер в известной мере определялся уровнем общественно-хозяйственной жизни народов Средней Азии, экономическими нуждами России и господствующего класса страны. Мы также стремились выяснить влияние внешнеполитического фактора в среднеазиатских делах, как и в кавказских. Поэтому авторы не оставили без внимания политику Англии в Иране и Афганистане, влиявшую на побудительные мотивы и темпы продвижения России в Среднюю Азию. Нами разработана периодизация русско-среднеазиатских отношений.

До сих пор в литературе основы политики государственной власти на окраинах изображались несколько прямолинейно. В действительности она была далеко не столь однопланова. Привычный тезис о союзе русской администрации с местной феодально-клерикальной знатью в целом справедлив, но такой альянс не следует квалифицировать как универсальный принцип. Отстаивая интересы господствующих классов, правительство России при проведении политики на окраинах руководствовалось трезвым расчетом. Это выражалось в учете местных особенностей регионов, в поэтапности введения российской администрации, в использовании прорусских настроений среди социальных низов. Этой стороне исследования придается немалое значение.

Определяя пропорции материала по двум регионам, авторы руководствовались разновременностью и различной интенсивностью русско-кавказских и русско-среднеазиатских отношений. Для русско-кавказских отношений характерны длительность и постепенность; русско-среднеазиатские отношения отличались большей скоротечностью. Вместе с тем, несмотря на особенности развития этих отношений, их итог — присоединение к России — представляется исторически закономерным и объяснимым.

Первый раздел монографии написан М. М. Блиевым, второй — В. В. Дегоевым, третий — Н. С. Киняпиной.

Авторы глубоко признательны коллективу кафедры истории СССР периода капитализма исторического факультета МГУ: академику АПН СССР И. А. Федосову, профессорам С. С. Дмитриеву, П. А. Зайончковскому, В. А. Федорову, доцентам В. А. Георгиеву и С. Л. Чернову, заслуженному деятелю науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР профессору В. Б. Виноградову и профессору А. П. Новосельцеву, высказавшим полезные суждения при подготовке рукописи.

* * *

В работе использованы принципиальные положения основоположников научного коммунизма об общем и особенном в экономическом строе России, о прогрессивности ее политики на Востоке. Эти высказывания составляют методологическую основу монографии.

Изучение политики России на Кавказе и в Средней Азии в XVIII—XIX вв. начали русские дореволюционные ученые. Они собрали огромный фактический материал, заложив фундамент для дальнейших исследований. Однако методологическая система этих историков в целом отличалась отсталостью даже по сравнению с тогдашним уровнем науки. Кавказоведением занимались преимущественно дворянские историки, утверждавшие идею об исконности и незыблемости самодержавия в России.

Представители дворянской историографии видели в институте

монархии, воплощавшемся в персоне царя, главную силу истории. Свидетельства жизнеспособности этого режима они искали и во внешнеполитических успехах России на Кавказе и в Средней Азии, которые изображались не иначе, как успехи самодержавия. За царем оставалась единоличная заслуга в выполнении порученной едва ли не провидением цивилизаторской миссии в этих регионах. Весьма показательны с этой точки зрения работы П. Г. Буткова, В. А. Потто, Н. Ф. Дубровина, С. Эсадзе, И. Иванина, Ф. Ф. Мартенса, М. А. Терентьева, С. В. Жуковского[4] и др.

Однако однозначно-нигилистическое восприятие этой литературы лишь на том основании, что она вышла из-под пера дворянских историков, неправомерно. В ней встречаются верные наблюдения и зачатки интересных идей, умаление которых равнозначно отрицанию законов преемственности в науке.

Русская дореволюционная историография также обращалась к проблемам, связанным с ролью Кавказа и Средней Азии в международных отношениях[5]. Эти два региона рассматривались как естественные, последовательно расположенные во времени и взаимосвязанные направления во внешней политике России. Историки, указав на Кавказ как на объект русско-английских противоречий 30—60-х гг. XIX в., отметили тенденцию перемещения их во второй половине столетия в Среднюю Азию.

Советская историография исходя из классово-партийных взглядов на различные явления прошлого и современности решительно отказалась от апологии самодержавия. Если раньше связь между историей и идеологией была поставлена на службу идеям монархизма и шовинизма, с одной стороны, или националистическим устремлениям нерусского населения России — с другой, то теперь историческая наука призвана выполнять благородную задачу воспитания людей в духе интернационального братства. Советских ученых интересует в прошлом все то, что может сегодня способствовать сплочению народов нашей страны. Такой подход отнюдь не противоречит требованию соблюдать объективность при анализе исторических фактов. Советская историография располагает

---

[4] См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1—3. Спб., 1869; Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I—V. Спб., Тифлис, 1885—1891; он же. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии к России. Тифлис, 1897; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I—VI. Спб., 1877; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1—2. Тифлис, 1907; он же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914; Иванин И. Кавказская война и ее герои. Очерки покорения Кавказа. М., 1904; Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1880; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1—3. Спб., 1906; он же. Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1876; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

[5] См.: Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 2. Спб., 1890; т. 3. Спб., 1891; Фадеев Р. А. Указ. соч., т. I, ч. 1; Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан.— Кубанский сборник, 1904, т. X; и др.

обобщающими[6] и специальными[7] трудами по вопросам русско-кавказских взаимоотношений.

Одним из основных итогов длительной исследовательской работы можно считать идею о глубокой исторической предопределенности и прогрессивном характере присоединения Кавказа к России. Разработана периодизация русско-кавказских связей[8], согласно которой они распадаются на два этапа: 1) установление и расширение контактов, завершающиеся актом присоединения, 2) учреждение на местах царского административного аппарата. Такая схема позволяет понять диалектику указанных процессов, объяснить разновременность вхождения кавказских территорий в состав России, устранить путаницу в датах присоединения, возникавшую потому, что их ошибочно связывали либо с окончанием Кавказской войны, либо с появлением на местах судебно-управленческих институтов. Между тем ни то, ни другое не способно служить в качестве надежного критерия. В первом случае, по логике, придется признать присоединение насильственной акцией со стороны Петербурга, во втором — отсутствие точных хронологических ориентиров приведет к произвольной датировке этого важного в жизни каждого народа Кавказа события, ибо введение административного устройства — длительный процесс, определить момент завершения которого можно лишь весьма приблизительно. Тогда единственным мерилом становится субъективное мнение исследователя.

Большинство ученых[9] приняли вышеуказанную периодизацию, согласившись рассматривать присоединение как новое состояние во взаимоотношениях между двумя народами, оформленное соот-

---

[6] См. напр.: История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960; История Грузии. Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1962; История Дагестана. Т. II. М., 1968; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967; Парсамян В. А. История армянского народа 1801—1900 гг. Ереван, 1972; Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958; Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1960.

[7] См.: Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959; Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1965; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII в. — 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.

[8] См.: Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России. — ВИ, 1970, № 7.

[9] См.: Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — История СССР, 1980, № 5; Боцвадзе Т. Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1973; он же. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979.

ветствующим юридическим документом, подписанным договаривающимися сторонами. Он приобрел силу закона до того, как на вошедших в состав России территориях была введена российская администрация.

Ряд советских работ посвящен анализу международных противоречий на Кавказе в первой половине XIX в., оказавших существенное влияние на политику русского правительства в этом регионе и внутреннюю социально-политическую и хозяйственную обстановку у кавказских народов [10].

Советские историки, особенно за последние два десятилетия, создали немало исследований по истории социально-экономического развития отдельных народов и государств Средней Азии, коллективные труды по истории Среднеазиатских республик, работы о политике России и Англии в Средней Азии [11]. Но до сих пор нет исследований о политике России на окраинах в целом; нуждается в самостоятельном изучении вопрос об отношении русского общества к среднеазиатской проблеме.

История русско-кавказских отношений в XVIII — первой половине XIX в. привлекла внимание западной буржуазной историографии, особенно современной. Высказанные в ней многообразные по оттенкам суждения сводятся в общем к двум взглядам. Одни ученые, стремящиеся объективно смотреть на вещи и отталкиваться от источника, а не от заведомо предвзятой схемы, признают присоединение Кавказа к России в целом прогрессивным актом [12].

---

[10] См.: Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е гг. XIX в.). М., 1955; Касумов А. Х. К истории агрессивной политики Англии и Турции на Северном Кавказе. Автореф. канд. дисс. М., 1955; Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений (20—50-е гг. XIX в.). М., 1956; Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л., 1963; Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971; Чхеидзе А. Е. Кавказ в ближневосточной политике Англии (30—50-е годы XIX в.). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1974; и др.

[11] См.: Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. — Исторические записки, 1940, № 7; Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949; Зияев Х. З. Средняя Азия и Сибирь XVI—XIX вв. Ташкент, 1962; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957; он же. Политика России в Средней Азии. М., 1960; он же. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974; Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1965; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1969; и др.

[12] Sumner B. H. Survey of Russian History. London, 1945, p. 273, 290—295; Seton-Watson H. The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. 58, 61, 290; Allen W. E. D. A History of Georgian People from the beginning down to the Russian Conquest in the XIX century. New York, 1971; Lang D. M. The Last Years of Georgian Monarchy 1658—1832. New York, 1957.

Другие историки рассматривают присоединение Кавказа как завоевание[13]. Они предпочитают не вникать в результаты проникновения туда России. Их интересует скорее так называемая «русская загадка», или вопрос о том, почему великороссы, «начав так скромно», смогли создать свою империю[14]. Ответ на него они ищут в географических и этнопсихологических факторах, отчасти заимствуя идеи В. О. Ключевского.

Зарубежная буржуазная историография активно изучала историю Кавказской войны. На основе опубликованных источников ученые достаточно полно восстановили ее фактическую сторону, высказали ряд заслуживающих внимания соображений, правда частного порядка. Под влиянием советской исторической науки пробуждается интерес к внутренней социально-экономической обстановке в горных обществах Дагестана и Чечни. Но в целом преобладает идея об антиколониальном (чаще понимаемом как «антирусском») содержании движения Шамиля[15].

Нам видится плодотворное решение проблемы прежде всего в привлечении внимания историков к изучению внутренних социальных процессов, происходивших на Северном Кавказе.

Зарубежная, особенно англо-американская, историография проявила большой интерес и к роли Кавказа в международных отношениях на Ближнем Востоке в 30—60-х гг. XIX в. В ней можно выделить две точки зрения. Представители первой отрицали наличие экспансионистских планов Великобритании на Кавказе, утверждая, что подрывная деятельность английских агентов в этом районе не была санкционирована Лондонским кабинетом, а являлась порождением частной инициативы авантюристов во главе с Д. Уркартом. Круг источников, позволяющих отстаивать данную идею, крайне узок и малоубедителен.

Другие ученые признают наступательный характер британской политики на Кавказе, подтверждая это многочисленными документами, в том числе архивными. Они, правда, несколько расходятся в определении степени активности Англии[16]. Ряд историков оправдывают вмешательство Лондона в кавказские дела необходимостью защищать Индию от «русской угрозы»[17].

---

[13] Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. New York, 1953, v. I, p. 541; Harcave S. A History of Russia. New York, 1956, p. 253; Martovych O. 800 years of Russia's March to World Conquest. Edinburgh, 1953, p. 18; and etc.

[14] Chirovsky N. L. An Introduction to Russian History. New York, 1967, p. IX, 110.

[15] Baddeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus. London—New York, 1908; Blanch L. The Sabres of Paradise. New York, 1960; Quandour M. I. Muridism: A Study of Caucasian Wars of Independence 1819—1859 (Ph. D. Diss). Claremont, 1964; Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. Ed. by Hunczak T. New Brunswick, 1974, p. 252; An Introduction to Russian History. Ed. by Auty R. and Obolenski D. L.—New York, 1976, p. 136.

[16] См. об этом: Дегоев В. В. Буржуазная историография о британской политике на Кавказе во второй трети XIX в.— ВИ, 1979, № 2.

[17] Florinsky M. Op. cit., v. 2, p. 841—842; Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy 1814—1914. New York, 1964, p. 22, 81—82.

Современная зарубежная историография русско-среднеазиатских отношений представлена в основном англо-американской, хотя имеются работы по этой проблематике у французских и немецких историков.

В XIX — начале XX в. о политике европейских держав в Средней Азии особенно много писали английские историки. Для Англии среднеазиатское направление было одним из центральных. Английские историки и публицисты Уркарт, Роулинсон и другие [18] объясняли агрессию Англии пресловутой «угрозой Индии» со стороны России. Свои выводы они «подкрепляли» фальшивым завещанием Петра I, в котором Петру I приписывались планы по захвату Индии, Турции, Ирана. (Эта фальшивка была опубликована во Франции во второй половине XVIII в.) Старые концепции Уркарта — Роулинсона об Англии, как обороняющейся от России державе, бытуют и по сей день, правда в несколько подновленном виде.

Все зарубежные историки признают отсталость Средней Азии, ее изолированность от мира, застойный характер ее экономики, что облегчало ее завоевание соседями [19]. Отдельные ученые отмечают «порядок и стабильность», принесенные Россией в этот регион [20].

В современной англо-американской и французской историографии предпринимаются усилия по многоплановому изучению среднеазиатской проблемы: исследуются внутреннее развитие Средней Азии, политика российской администрации, культурные связи России и Средней Азии, отношения между народами [21]. В центре внимания историков планы России во второй половине XIX в. и причины, вызвавшие ее активизацию в Средней Азии. Одни историки склонны видеть их в защите русской границы от кочевников, в торговых интересах России, связанных с развитием капитализма и поражением царизма в Крымской войне, в потребности в хлопке; другие — в мотивах военно-стратегических. Англию они представляют, как правило, силой оборонительной, думающей о защите Индии и Афганистана от «русской угрозы». Некоторые историки отмечают отдельные прогрессивные стороны в действиях русской администрации, в частности, в налоговой системе, ирригации, железнодорожном строительстве, просвещении. Однако они считают эти успехи незначительными, подчеркивают сохранение

---

[18] Urquhart D. Diplomatic transactions in Central Asia from 1834 to 1839. London, 1841; Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.

[19] См., напр.: Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Harvard University Press, 1968, p. 11.

[20] Pierce R. A. Russian Central Asia 1867—1917. Berkeley and Los Angeles, 1960, p. 91, 174.

[21] Central Asia. A Century of Russian Rule. Ed. by Allworth E. New York—London, 1967; Sarkisyanz M. Russian Conquest in Central Asia.—Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Ed. by Vucinich W. S. Stanford, 1972; Rywkin M. Russia in Central Asia. New York—London, 1963; Carrère d'Encausse H. Réforme et Révolution chez les musulmans de l'Empire Russe. Bukhara 1867—1924. Paris, 1966.

Средней Азией ее самобытного облика. Отдельные авторы не отказываются от попыток показать связь советской и царской политики в Средней Азии, снизить значение и влияние деятельности русских просветителей и революционеров на развитие среднеазиатского общества [22].

Краткий обзор советской и зарубежной литературы свидетельствует о важности создания обобщающих работ по истории народов СССР и политике России с критикой антинаучных построений буржуазных авторов.

* * *

Источниковой базой исследования послужили официально-документальные материалы (архивные и опубликованные), источники личного происхождения: воспоминания, дневники, письма русских и зарубежных авторов. Особую ценность представляют документы, хранящиеся в АВПР и ЦГВИА СССР. Они позволяют выяснить внешнеполитические планы правительства России в отношении Кавказа и Средней Азии, а также методы их проведения. Ежегодные отчеты Министерства иностранных дел по азиатскому департаменту раскрывают внутреннее положение изучаемых регионов, столкновения интересов России с Турцией, Ираном и Англией. В фондах Главного архива АВПР находятся материалы, свидетельствующие о росте симпатий народов Кавказа и Средней Азии к России по мере углубления ирано-турецко-кавказских противоречий и активизации действий Англии.

Мемуары, дневники, записки государственных деятелей России и других держав при всей субъективности оценок и отбора фактов важны для понимания «духа времени», атмосферы, в которой складывались и нередко реализовались внешнеполитические концепции.

---

[22] Central Asia. A Century of Russian Rule; Sarkisyanz M. Op. cit., p. 251, 253.

РАЗДЕЛ I

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ РОССИИ НА КАВКАЗЕ

§ 1. Русско-кавказские отношения с начала XVIII в. до русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

XVIII в. в политике России на Кавказе считается относительно мирным временем. Как и прежде, правительство России в отношениях с народами Кавказа прибегало главным образом к дипломатическим средствам. Ее военные акции, как правило, были связаны с Османской империей, Крымским ханством и Ираном, претендовавшими на политическое господство на Кавказе. Однако предпочтение дипломатии войне не означало вялого развития политики России на Кавказе. Напротив, на XVIII в. приходятся весьма серьезные успехи Петербурга в отношениях с народами Кавказа. Переломной оказалась первая четверть XVIII столетия.

Поставив задачу укрепления позиций России на Каспийском побережье и стремясь к торговле с Востоком, Петр I совершил в 1722 г. персидский поход, в ходе которого овладел Дербентом и заложил на Северном Кавказе крепость Св. Крест. В конце 1722 г. российские войска заняли Решт, а летом 1723 г. вошли в Баку. Одновременно Петр I создал на пограничных рубежах Северного Кавказа новые казачьи станицы.

Петр I стремился к установлению с народами Кавказа тесных политических связей, рассчитывая на их основе упрочить здесь позиции России. В ходе подготовки к персидскому походу его правительство вело оживленные переговоры с дагестанцами, кабардинцами, грузинами и армянами. Оно чаще стало запрашивать сведения о склонности этих народов принять подданство России. На подобные запросы представители кавказских народов, как правило, отвечали готовностью признать над собой верховную власть Петербурга[1]. Грузинский царь Вахтанг VI сообщал А. П. Волынскому о намерении принять российское подданство. Как справед-

[1] См.: Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Спб., 1898, с. 86.

ливо подчеркнул известный английский кавказовед У. Аллен, цари Грузии с нетерпением ждали прихода России, видя в ней избавительницу от постоянной необходимости выбирать господство одной из мусульманских держав[2]. Вахтанг VI просил Россию построить крепость в верховьях Терека, захватить Дербент и Шемаху и ввести российские войска в Грузию. Он дал обещание собрать 50-тысячное войско и выступить на стороне России[3]. В письме Петру I он также высказывал уверенность, что на стороне России выступят и азербайджанцы[4].

Еще до похода в Прикаспий Петр I призывал армян к добровольному переселению из армянских областей Турции и Ирана в прикаспийские районы[5]. С тем же он обращался и к грузинам, когда в сентябре 1722 г. направил к Вахтангу VI подпоручика И. Толстого с поручением разведать и сообщить «возможно ль из них (грузин.— *авт.*) сыскать таких людей, которые бы похотели поселиться близ Дербента и Шемахи, также... можно ль нанять их в собственную нашу службу...»[6] Подобные действия Петра I находили полную поддержку на Кавказе.

В зарубежной историографии признается, что поход Петра I был встречен с энтузиазмом грузинским и армянским населением Кавказа[7]. П. Г. Бутков указывал, что после захвата в 1723 г. Турцией Грузии и Армении многие грузины и армяне, «оставя свое отечество, вышли в Гилян в 1723 году и там по увещиванию Левашова вступили в российскую службу, и простираясь до 700 человек, составили несколько рот или шквадронов нерегулярных»[8]. С. М. Соловьев упоминал также, что в «русском войске были две иностранные роты — армянская и грузинская»[9].

Благодаря умелой дипломатии Петр I получил военную и политическую поддержку у черкесов, кабардинцев, народов Дагестана и Азербайджана[10]. Его персидский поход оказал заметное влияние на социальные и политические интересы разных общественных слоев Кавказа. Влиятельный владетель в дагестанском Прикаспии не только устроил Петру I торжественную встречу,

---

[2] The Baltic and Caucasian States. Ed. by J. Buchan. London, 1923, p. 192 (Раздел о Кавказе в этой монографии написан У. Алленом.)

[3] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770. Спб., 1861, с. 223.

[4] См.: Арутюнян П. Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России. — Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. III. М., 1951, с. 117.

[5] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Составитель Гамрекели В. Н. Тбилиси, 1968, с. 29; Macler Fr. Autour de l'Armenie. Paris, 1917, p. 209; Aslan K. Armenia and the Armenians. New York, 1920, p. 114.

[6] Документы по взаимоотношениям Грузии.., с. 29.

[7] Lang D. M. A Guide to Eastern Literatures. London, 1971, p. 183.

[8] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. Спб., 1869, с. 57.

[9] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963, с. 16.

[10] См.: Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955, с. 9.

но еще и передал России 600 быков, запряженных в телеги, и 150 быков на пополнение провианта, 3 персидские лошади. Точно так же поступил и аксаевский владетель. Петр I без боя вступил в Дербент. «Наиб сего города, — сообщал император в сенат, — встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сие люди нелицемерною любовию приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»[11]. В конце августа 1722 г. «кадий табасаранский Рустем-бек и Мойсум Махмуд-бек подчинились дербентскому коменданту», а уцмий Ахмер-хан и Султан-Махмуд «со всеми старшинами отдались в подданство России»[12].

В районе, с которым непосредственно соприкасалась армия Петра I и где наиболее выпукло выявились различные политические ориентации, общим итогом похода стало добровольное вступление многих владений Дагестана в подданство России. О том, как население Северного Кавказа встретило Петра I, сообщал немецкий ученый Ю. Клапрот[13].

В ходе военных приготовлений, а затем и военно-политических предприятий в Прикаспии Петр I сформировал свою программу в отношении Кавказа, предполагавшую распространение влияния России в направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным «шелковым торгам Ирана и от Пятигорска до Тифлиса — центра Грузии»[14]. Фактически Петербургский договор, заключенный осенью 1723 г. между Россией и Ираном и подводивший итог военным мероприятиям Петра I на юге, отражал эту программу. В зарубежной историографии высказано необоснованное мнение, согласно которому Петр I рассматривал свой каспийский поход якобы как пролог к завоеванию Индии[15]. Однако Россия не могла ставить подобные задачи, так как их осуществление ни при Петре I, ни позже было нереальным.

Реализации плана Петра I значительно препятствовала международная обстановка. Петербургский договор 1723 г., расценивавшийся не только в России, но и среди европейских дипломатов как крупный политический успех русского императора «на востоке», вызвал протест и ответные агрессивные действия Турции.

Конечно, в XVIII в. Турция не могла с той же силой, как раньше, отстаивать свои притязания на Черном и Каспийском морях и на Кавказе. Османская империя, однако, продолжая расширять свою экспансию на Кавказе, не оставляла традиционную тактику угроз, когда Россия оживляла свою политику в этом регионе.

Когда армия Петра I углубилась на территорию Кавказа, султан потребовал прекращения похода. Турецкий визирь передал

---

[11] Бушуев С. К. Указ. соч., с. 23.

[12] Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 113.

[13] Klaproth J. Travels in the Caucasus and Georgia. London, 1814, p. 193—198.

[14] Бушуев С. К. Указ. соч., с. 10.

[15] Chirovsky N. L. An Introduction to Russian History. New York, 1967, p. 67—68.

через резидента России в Константинополе Неплюева Петру I, чтобы во избежание войны он отвел свои войска. Укажем еще на одну причину скоротечности петровского похода — стремление предотвратить столкновение с Турцией.

К возвращению Петра I в Москву здесь уже находился представитель Турции; он снова потребовал, чтобы Россия оставила прикаспийские провинции. Отвергая эти притязания, русская сторона предъявила турецкому посланцу письма народов Прикаспия, обратившихся с просьбой о покровительстве России. Но Османскому правительству, настроенному крайне воинственно, это казалось неубедительным.

Летом 1723 г. Турция напала на Грузию, заняла Тифлис. Тогда же Турция отклонила предложение Петра I о перемирии с прекращением военных действий на территории Ирана. На перемирие во всей Персии «турков никак склонить не можно», — писал Неплюев в конце 1723 г.[16] Обострившиеся из-за Кавказа противоречия между Россией и Турцией были урегулированы лишь летом 1724 г., когда обе стороны подписали договор в Константинополе. Согласно договору, Турция лишилась владений на побережье Каспийского моря и признала прикаспийские провинции, как «добровольно» уступленные шахом, принадлежащими России; за Россией закреплялись прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43 версты у Шемахи[17]. Турция получила в виде компенсации признание ее влияния в районах Закавказья. По мысли некоторых зарубежных авторов, Петр I положил начало политике всемерного ослабления Грузии, умышленно лишая ее помощи в борьбе с Ираном и Турцией, с тем чтобы включение ее в Российскую империю стало неизбежным[18]. В действительности в XVIII в. Россия еще не располагала необходимыми силами для сокрушения ирано-турецкого господства в Закавказье и нуждалась в сильной Грузии в качестве опоры своей политики в том регионе. Вместе с тем обе стороны взяли обязательства не посягать на независимость Ирана и его владения в Закавказье. Россия готова была соблюдать условия выгодного для нее Константинопольского договора, но Турция воспользовалась ослаблением Ирана и пыталась установить безраздельное господство в Закавказье. При помощи карательных экспедиций против горских владельцев и князей Турция при поддержке Англии и Франции вновь приступила к утверждению своей власти на Северном Кавказе[19].

Таким образом, в первой четверти XVIII в. дальнейшее развитие получили военно-политические связи России с народами Кавказа, а в Кабарде, Дагестане, Азербайджане, Армении и Грузии еще более утвердилась российская внешнеполитическая ориен-

---

[16] Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 27, 23.

[17] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 30.

[18] Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London, 1906, p. 30.

[19] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 69.

тация. Новый размах получило и освободительное движение кавказских народов против персидских и турецких захватчиков.

Преемники Петра I оценивали достижения своего предшественника как тягостное бремя, доставившее правительству крупные расходы. По мнению вице-канцлера Остермана, приобретенные Петром I территории на Кавказе невозможно было удержать из-за накладности их и непривычного для русских войск климата [20].

В начале 30-х гг. XVIII в. усиление Ирана в результате его государственного объединения вынудило Россию и Турцию пересмотреть их политику на Кавказе. Петербург предпочел более гибкую, хотя, возможно, и несколько уступчивую дипломатию. Рештский договор, подписанный в начале 1732 г. между Россией и Ираном, предусматривал возвращение Ирану занятых Россией при Петре I прикаспийских провинций. Турция, рассматривая Рештский договор как ослабление интереса России к Кавказу, активизировала здесь агрессию. Она провоцировала также Крымское ханство к вторжению на Северный Кавказ, утверждая, что Кабарда, а вместе с ней и ряд территорий на Северо-Западном Кавказе якобы принадлежат крымскому хану. Стремясь создать простор для агрессии Крыма в этом районе, Турция уже тогда, в начале 30-х гг. XVIII в., настаивала на провозглашении Кабарды нейтральной территорией, с чем Россия, представившая справку «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской империи» [21], явно не могла согласиться. Между тем крымский хан приступил к жестоким набегам на Северный Кавказ. Вице-канцлер Остерман в ноте султану указывал, что турки совершают убийства, разоряют и опустошают кавказские села и деревни [22].

Русско-турецкие противоречия на Кавказе вновь приобретали острый характер. Кульминация их, пожалуй, относится к 1735 г., когда Россия и Иран заключили Ганджинский договор, по которому Россия признавала власть персидского шаха над Дагестаном. Турецкое правительство, раздраженное этим договором, решило направить в Дагестан войска крымского хана. Россия выразила протест Турции и отрядила в Крым военные силы. Эта мера окончательно поставила русско-турецкие противоречия на грань столкновения. Весной 1735 г. русский представитель в Турции заявил, что Дагестан находится в подданстве России. В этих условиях Россия старательно избегала войны с Турцией, всячески пыталась «аргументировать» свои действия на Кавказе. Порта, напротив, искала повода к конфликту.

В 1735 г. верховный визирь Али-паша заявил Неплюеву о намерении Турции разорвать отношения с Петербургом, поскольку Россия отобрала у Турции ее древние владения на Северном Кавказе и, кроме того, призывает Грузию на борьбу против турок [23].

[20] См.: Бушуев С. К. Указ. соч., с. 10.
[21] См.: Смирнов Н. А. Указ. соч., с. 73.
[22] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 374.
[23] См.: Смирнов Н. А. Указ. соч., с. 75, 74.

В конце мая 1735 г. Россия, узнав, что Турция концентрирует свои войска в Закавказье, вынуждена была объявить ей войну. Тяжелая, хотя и успешная для России, война закончилась заключением в сентябре 1739 г. Белградского мира. Однако этот договор не только не урегулировал, но и еще больше обострил русско-турецкое соперничество по поводу Крыма и Кабарды.

Белградский договор, объявивший Кабарду нейтральной, «барьером» между Турцией и Россией, серьезно осложнил внешнеполитическое положение народов Северного Кавказа. Нарушая условия договора, султан приступил к подготовке новой агрессии на Северном Кавказе. В 40—50-х гг. XVIII в. Турция постоянно совершала разорительные набеги на Северо-Западный Кавказ, добиваясь у адыгских народов дани и политического вассалитета. Набеги сопровождались насильственным насаждением среди горцев мусульманства.

Белградским договором, ограничивавшим действия России на Северном Кавказе, воспользовались крымские ханы; взимая дань пленниками и лошадьми, они стремились к полному покорению адыгов, отмечал французский консул в Крыму К. Пейсонель[24].

В 40-х гг. XVIII в. заметно осложнилась обстановка на Северо-Восточном Кавказе. Иранский шах Надир, вступив в союз с Турцией, добился от нее в качестве сфер влияния Грузии, Восточной Армении и Азербайджана. Одновременно он приступил к захвату Дагестана. Здесь полчища огромной армии шаха Надира подвергли уничтожению целые аулы, не щадя детей, женщин, стариков: так шах демонстрировал России свою «мощь»[25]. Протурецки настроенные местные феодалы заигрывали с завоевателями, усиливая гнет над зависимым от них населением. В этих крайне тяжелых условиях среди горцев Северного Кавказа с новой силой укреплялась политическая ориентация на Россию. Отношения с ней, несмотря на ограничения Белградского договора, продолжали развиваться. Так, уцмий Кайтага, хан Аварии, владелец Дженгутая, и другие дагестанские владетели твердо решили стать «верными и вечными подданными» России[26]. В 1743—1744 гг. из Дагестана в Петербург прибыло несколько посольств с просьбой дагестанских владетелей принять их под покровительство России. В 1750—1757 гг. подданства России просили шамхал тарковский, ханы Аварии, Казикумуха и «вольные» общества Дагестана.

Расширяла связи с Россией и Кабарда. В 1742 г. кабардинские князья, придерживавшиеся российской ориентации, направили в Петербург депутацию во главе с Мухаммедом Сидаковым. Поздравив императрицу Елизавету Петровну с «восшествием на престол», депутация просила защиты от набегов крымских ханов. Россия послала в Кабарду отряд солдат во главе с бригадиром

[24] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель Гарданов В. К. Нальчик, 1974, с. 199.

[25] См.: Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 128.

[26] Там же, с. 21.

П. Кольцовым, чтобы примирить враждовавших в Кабарде сторонников России и Турции. В 1753 г. между кабардинскими князьями было достигнуто соглашение о прекращении междоусобиц, консолидировавшее силы в борьбе против крымских и турецких завоевателей.

К 1742 г. относится установление систематических русско-осетинских отношений. Их укреплению и развитию особенно способствовало осетинское посольство, находившееся в Петербурге в 1749—1752 гг. В состав посольства входили выдающиеся общественные и политические деятели Осетии. Так, Елисея Хетагова (Кесаева) «во время военное» все осетины имели «за главного своего полководца»[27]. Особой популярностью в Осетии пользовался руководитель осетинского посольства Зураб Елиханов (Магкаев). Он воспитывался и получил образование при дворе Вахтанга VI. В 1724 г. Зураб Елиханов вместе с Вахтангом VI выехал в Россию, где имел аудиенцию у Петра I. Вернувшись на родину в 1734 г., З. Елиханов развернул активную деятельность, направленную на присоединение Осетии к России[28].

С начала 1750 и до весны 1752 г. осетинское посольство в Петербурге вело переговоры, проходившие в сложной политической и дипломатической ситуации, создаваемой Турцией и Крымским ханством. Посольство просило присоединить Осетию к России, оградить страну от внешних нападений, разрешить населению Осетии переселиться на равнинные земли Северного Кавказа и строить там поселения. Добиваясь положительного разрешения столь обременительных тогда для России вопросов, посольство обещало, что Осетия выставит 30-тысячную армию для участия в войнах против Турции и Ирана[29].

Однако и после этих переговоров правительство России воздержалось от принятия осетин в российское подданство, так как турецкий двор мог усмотреть здесь нарушение Белградского договора.

В начале 50-х гг. XVIII в. в Грузии несколько ослабло господство Ирана. Воспользовавшись этим, цари Теймураз и Ираклий попытались окончательно освободиться от персидской зависимости и присоединиться к России, но встретили серьезное сопротивление ставленников шаха ханов Ширвана, Ганджи и Шеки. Эти ханы поощряли экспансию лезгин и кумыков, опустошавших грузинские провинции. Не имея достаточных сил для сопротивления внешним врагам, царь Теймураз в 1752 г. обратился за помощью к Осетии и Кабарде. Осетия активно включилась в войну Грузии за независимость. По свидетельству П. Г. Буткова, с каждого осетинского двора уходило 3—4 воина. Малая и Большая Кабарда также отправили в Грузию двухтысячное войско[30].

---

[27] Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. Составитель Блиев М. М. Орджоникидзе, 1976, с. 230.

[28] Там же, с. 76.

[29] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II (1743—1752 гг.), д. 3, с. 99.

[30] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 391.

При поддержке Осетии и Кабарды грузинскому царю удалось изгнать из пределов своей страны ханов Ширвана и Шеки. Вслед за этим в 1752 г. он посылает делегатов в Петербург для переговоров об обеспечении с помощью России безопасности Грузии. Однако, избегая обострения отношений с Турцией и Ираном, Россия не нашла возможным взять Грузию, как и некоторые районы Северного Кавказа, под свое покровительство.

Тем не менее события в Грузии, и особенно новые проекты грузинских царей, касавшиеся подданства России, оказали значительное влияние и на народы Центрального Кавказа, среди которых господствующей становилась русская ориентация.

Развитие политических событий на Северном Кавказе в условиях Белградского «нейтралитета» складывалось не в пользу Турции. Воспользовавшись временным ослаблением Ирана на исходе 40-х гг. XVIII в., правительство Турции решило вернуть себе прежнее положение на Кавказе главным образом за счет политических интересов России. Турция вновь овладела Западной Грузией и Картлией. Направляя своих агентов на Северо-Восточный и Северо-Западный Кавказ, она призывала горцев принять подданство Турции и включиться в войну с Россией. Турецкое правительство требовало от крымского хана активизировать набеги на Северный Кавказ. Появление в Кабарде представителей из Петербурга с поручением уладить отношения между враждовавшими партиями (баксанцами и кашкатовцами) Турция использовала в качестве повода обвинить Россию в агрессии на Северном Кавказе [31].

В 50—60 гг. XVIII в. правительство России заботилось не только о нормальном состоянии своих связей собственно с Кабардой, но и считало, что, укрепив здесь позиции, России удастся расширить влияние и в других районах Северного Кавказа [32]. В это время более разносторонний характер принимают и русско-осетинские контакты. Наряду с политическими вопросами и основным из них — «о русском подданстве», — в Осетии решают также задачи экономические. В 1762 г. была разрешена проблема переселения осетин на пограничную линию России. Согласно указу, изданному Екатериной II, о «живущих в кавказских городах за Малую Кабардою осетинцах и киштинцах (ингушах. — *авт.*) и о... защищении их от притеснения...» [33] осетины и ингуши получили право выходить с гор и поселиться в урочище Моздок и Мекень, ибо эти места, как полагало правительство, «принадлежат к здешним границам и к поселению удобны, да и турецкому двору... по 8 пункту заключенного трактата претендовать не можно» [34].

---

[31] См.: Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IX. Тифлис, 1876.

[32] См.: Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957, с. 38.

[33] Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970, с. 176.

[34] Кабардино-русские отношения. Т. 2. М., 1967, с. 219.

В 1763 г. по указу о поселении в урочище Моздок крестившихся осетин, кабардинцев, ингушей здесь началось строительство крепости; она была воздвигнута за два года и сразу же стала укреплением российской пограничной линии, способствовавшим развитию связей Кавказа с Россией. В 1765 г. Моздок получил постоянное войско, комендантское управление. С целью укрепления Моздокско-Кизлярской линии правительство переселило сюда казаков с Дона и Волги. Население Моздокской линии пополнялось также за счет местных народностей. Уже в 1764 г. в Моздоке поселилось 200 душ мужского и женского пола, преимущественно осетин и кабардинцев [35]. Царская администрация всячески поощряла переселение деньгами и земельными участками.

Английский дипломат и публицист Д. Макнейл писал, что с установлением русско-осетинских отношений приобретали регулярный характер связи между Россией и Грузией [36].

Особенно широкое переселение из Осетии и Кабарды на российскую пограничную линию происходило из среды зависимых крестьян. По указу 1762 г. селившимся в этом районе предоставлялись «вольности»; зависимые крестьяне, приняв христианство, переходили в категорию «свободных». Так Моздок стал одновременно притягательной силой для угнетенных крестьян Осетии, Кабарды и Ингушетии и источником недовольства представителей кабардинской феодальной знати [37].

К середине XVIII в. окончательно сложилась прорусская ориентация среди вейнахских народов Северного Кавказа. Систематические русско-вейнахские связи берут начало с возникновения в 1735 г. на Северном Кавказе Кизляра. В начале 1738 г. кизлярский комендант писал о регулярном привозе в «гребенские городки из горских разных мест для продажи бурок, шерсти, бумаги и прочего шерстяного, которое в городах и продают» [38]. В 40-х гг. XVIII в. для чеченцев покровительство России и укрепление с ней торговых и политических контактов стало жизненной реальностью. В расширении этих контактов инициатива принадлежала и России, и чеченцам.

В 1743 г. «начальный чеченский владелец Айдамир верности службы засвидетельствовал России и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него». В 1747—1748 гг. в российское подданство вступили Герменчук, Чебутли, Шали, Алды и другие чеченские общества; их владельцам, а также 50 узденям было назначено постоянное жалованье. В 1756 г. «старшины и прочей народ» этих обществ «учинили присягу, просили,

---

[35] АКАК, т. I, с. 81.

[36] Mc Neill J. Progress and present Position of Russia in the East. London, 1838, p. 25.

[37] Кабардино-русские отношения, т. 2, с. 226; Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739—1779). Владикавказ, 1930, с. 25; Klaproth J. Op. cit., p. 202.

[38] Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — История СССР, 1980, № 5, с. 54.

чтоб под протекцию России приняты были»[39]. С 1756 г. вейнахцы других районов также настойчиво просят о принятии в подданство России, мотивируя это тем, что «киштинцы, карабулатцы и чеченцы один народ», терпящий «крайние обиды и разорения» от кабардинских владельцев[40].

Русско-вейнахские отношения, как и отношения других народов Кавказа, развивались вопреки агрессивной политике Османской империи. Турция часто призывала чеченцев, ингушей, карабулаков к антирусской политической ориентации, но вейнахцы, заинтересованные в экономических и политических связях с Россией, как правило, отвергали настойчивость турецких эмиссаров[41]. Старшины крупных обществ Алды и Гехи заявляли, что со стороны России «никаких себе разорений не видели и жили до сего времени в покое, чего и впредь желают». Равнинные чеченцы через своих старшин подтверждали «всякую верность к российской стороне», выказывая неприязнь к тем, кто «какие-либо предерзости чинит», даже если это их владельцы, не раз нарушавшие свои обязательства.

Хотя среди вейнахцев и других народов Кавказа в условиях этнической и политической разобщенности бывали междоусобицы и несогласованность во внешнеполитических действиях, однако, когда дело заходило о связях с Россией, часто обнаруживалось единство, в котором особенно нуждались малые народы Кавказа. Так, ингушские старшины, ходатайствуя о принятии «под протекцию» России, ссылались на пример некоторых чеченских обществ: «Чеченцы же с нашим народом имеют смежность и единый разговор»[42].

Карабулаки первыми среди вейнахских народов добровольно вошли в состав России. В 1762 г. к карабулакам для официального оформления их присоединения был направлен посланник России. Уже в пути он вручил кумыцким и чеченским старшинам письма кизлярского коменданта, извещавшие о принятии карабулаков в российское подданство. «Единогласное искреннее желание принятыми быть в верное российское подданство и быть во всяком защищении от неприятелей» карабулаки подтвердили на массовом сходе при встрече 22 старшин, представлявших 8 крупных местных фамилий, с посланцем России. Здесь была подписана присяга верности, и присутствовавшие на церемонии карабулаки «весьма довольными себя показали»[43].

В 60-х гг. XVIII в. Россия наряду с укреплением военно-политических позиций приступила к освоению природных богатств

---

[39] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. I, л. 886—887.

[40] Русско-осетинские отношения в XVIII веке, т. 1, с. 393—429.

[41] См.: Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1977, с. 13.

[42] Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 55.

[43] Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979, с. 41—42.

Северного Кавказа. Сначала основным объектом экономических интересов являлись горные залежи. В 1768 г. правительство России снарядило в Осетию экспедицию во главе со Степаном Ванявиным. Из поездки по Осетии экспедиция вынесла твердое убеждение о наличии там богатых свинцовых и серебряных рудных месторождений и даже «признаков» золота. В ноябре 1768 г. С. Ванявин лично доложил императрице Екатерине II о рудных месторождениях Осетии. После этого инициатива в присоединении Осетии к России, до сих пор принадлежавшая осетинам, постепенно стала переходить к России. Это объективно способствовало не только дальнейшему развитию русско-осетинских отношений, но и ускоряло присоединение Осетии к России.

После окончания Семилетней войны (1756—1763) Россия вновь приступила к активным действиям на юге, в частности на Северном Кавказе. Однако, пользуясь благоприятной обстановкой, Россия продолжала считаться с Крымским ханством, Ираном и особенно с Турцией.

Расширение экономических и политических связей между Россией и народами Кавказа, а также другие мероприятия российского правительства не остались незамеченными в Крымском ханстве и Турции. Крым всячески стремился помешать развитию тесных отношений народов Северного Кавказа с Россией, обострял и без того накаленные русско-турецкие противоречия. Хан Крым-Гирей, например, спешил сообщить Турции об основании Моздока, считая эти меры России «опасными и дальновидными»[44].

Турецкое правительство, встревоженное сообщением крымского хана о возведении Моздокской крепости, послало на Северный Кавказ тайных агентов для осмотра строящегося форта. Коллегия иностранных дел России в сентябре 1765 г. вынуждена была предписать своему представителю в Константинополе тайному советнику Обрезкову и поверенному в делах Левашову принять все меры к успокоению Турции[45]. Крымский хан, понимая, что переселенческое движение горцев не только укрепит пограничную линию в районе Моздока, но и позиции России на Северном Кавказе, стал настойчиво просить правительство Турции воспрепятствовать этому. Турция выразила России протест по поводу переселения горцев. В 1765 г. Турция протестовала также против того, что в Малой Кабарде расположилось Осетинское подворье (пребывание Осетинской духовной комиссии в Моздоке Турция рассматривала как учреждение этой комиссии на территории Кабарды)[46].

Некоторая часть феодалов Кабарды шла на союз с турецко-крымским блоком. Эти феодалы опасались, что с проникновением России на Северный Кавказ они могут потерять свои права в Кабарде и влияние в Осетии. С основанием Моздока на Северном

---

[44] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. I, л. 522.

[45] См.: Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960, с. 40.

[46] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 3, с. 106; ч. 1, с. 437.

Кавказе участились побеги крестьян на российскую пограничную линию. Беглые искали защиты от произвола «своих» феодалов у царских властей. В связи с этим часть кабардинской верхушки заняла резко враждебную позицию по отношению к России. Действуя совместно с Турцией и Крымским ханством, кабардинские князья требовали упразднения Моздока, совершали нападения на крепости России[47]. Недовольство князей было настолько велико, что в 1767 г. часть их даже переселилась за р. Куму. Такое решение они объяснили кизлярскому коменданту: «Для того перейдем туда, чтобы бежавшим от нас холопьям нашим за дальностью места о побеге их было им неспособно и невозможно, хотя они учинят побег, то было способно нам за ними учинить погонь»[48].

Не отказывая горцам в защите, поддерживая их переселение на российскую границу, царизм одновременно стремился к союзу с горской знатью, становившейся оппозиционной силой. Крымское ханство обещало кабардинским князьям не только сохранить их права на зависимые сословия, но даже доставить им политическое влияние на Осетию[49].

Некоторые зарубежные историки сильно преувеличивают степень зависимости Осетии от Кабарды[50]. Пожалуй, наиболее убедительно мнение Б. В. Скитского; он не находит оснований для того, чтобы обычные феодальные отношения между частью дигорского крестьянства и кабардинской знатью квалифицировать как свидетельство «национального» гнета Кабарды над Осетией[51].

Разумеется, обещания и расчеты крымского хана были нереальны, так как притязания Турции, Крыма и части горской знати не находили поддержки у населения Северного Кавказа. В этом отношении типично заявление осетин в 1766 г. Тогда некоторые протурецки настроенные феодалы обратились к осетинским обществам, призывая их к совместной борьбе за «независимость» против России; и общества дали категорический ответ: «К такому их преступлению никогда согласными быть не могут, потому что неоднократно о верности к Российской стороне присягали»[52].

Кабардинский народ тоже не желал слышать о подчинении Крымскому ханству или Османской империи. В 1769 г. кизлярский комендант генерал Потапов доносил своему правительству: «Народ прямо говорит, что если Кабарда будет передана крымскому хану, то все перейдут на сторону России»[53].

---

[47] См.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955, с. 46.

[48] Скитский Б. В. Холопий вопрос.., с. 25.

[49] См.: Скитский Б. В. Холопий вопрос.., с. 11, 32, 33.

[50] См., напр.: Sarkisyanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. München, 1961, S. 94.

[51] См.: Скитский Б. В. К вопросу об истории крестьянского движения у горцев Северного Кавказа во второй половине XVIII в. — АСОНИИ, д. 221/62, п. 31.

[52] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 248.

[53] АКАК, т. I, с. 82.

В середине 60-х гг. XVIII в. Россию серьезно встревожили периодические появления на Северном Кавказе «римских католицких патеров». Как сообщал кизлярский комендант, «римские посланники» под видом духовных лиц в 1765 г. явились в Осетинское подворье в Моздоке и просили разрешить им поездку в Осетию и Ингушетию. Глава Коллегии иностранных дел граф Н. И. Панин увидел в «католицких патерах» агентов враждебной стороны, поэтому распорядился[54] немедленно удалить их из Северного Кавказа и впредь не позволять иностранным духовным лицам проводить здесь миссионерскую деятельность. Граф Панин напомнил кизлярскому коменданту, что в 1756 г. в Астрахани также находились капуцины — Франциск и Сотер, проводившие враждебную деятельность против России на Северном Кавказе и в Армении. Когда им предложили покинуть пределы России, они изъявили желание ехать в Турцию через Осетию и Тифлис. Такой маршрут им понадобился, чтобы проездом ознакомиться с местностью, имеющей военно-стратегическое значение.

Попытки «духовных» агентов пробраться в Кавказские горы продолжались и позднее[55].

В середине 60-х гг. XVIII в. правительство России, несмотря на противодействие Турции, Ирана и Крыма, не отказывается от реализации своей внешнеполитической программы на Северном Кавказе. Напротив, оно форсирует ее, чтобы создать прочные позиции в этом районе. Распространение политического подданства России на народы Северного Кавказа представлялось царизму особенно актуальной задачей, поскольку очевидной и неизбежной становилась война России с Турцией. Российское правительство, активизируя связи с народами Кавказа, не только изучало их политическую ориентацию (Россия или Турция), но и пыталось конкретно рассматривать вопросы, касавшиеся присоединения отдельных народов к России. Эта возобладавшая в политике России на Северном Кавказе задача стала с началом русско-турецкой войны (1768—1774) предметом особых усилий Петербурга. Тогда самодержавие поручило своим дипломатам, чтобы они «при благополучном окончании войны... те места осетинские старались выговорить в вечное и бесприкословное владение Российское»[56]. При этом правительство исходило из того, что присоединение Осетии к России в результате русско-турецкой войны не встретит никаких препятствий со стороны осетинского народа. Чтобы обеспечить бесперебойное передвижение войск и военных транспортов через Осетию в Закавказье, царское правительство направляет в Осетию военно-политические и геологические экспедиции Фромгольта, Дегостодия и Батырева.

Уже в начале 1770 г. старшины Восточной Осетии обратились к кизлярскому коменданту И. Немичу с «доношением», в котором

---

[54] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 479—485.

[55] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 270, 438; АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 480.

[56] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II (1762—1783 гг.), д. 1, л. 728.

писали, что общества имеют «усердное желание поступить в вечное ее императорского величества подданство» и «желают крестица»[57]. Старшинам выдали «открытый лист», подтверждавший их российское подданство.

В период русско-турецкой войны благоприятная для России обстановка сохранилась и среди кабардинского народа. Фирман турецкого султана к кабардинцам (1769), где он призывал их выступить против России, не нашел сочувствия среди населения Кабарды[58]. В противовес происками султанской Турции кабардинцы отправили в 1770 г. посольство в Петербург и выразили верность установившимся с Россией отношениям.

Во второй половине XVIII в. и в Осетии, и в Ингушетии утвердилась российская политическая ориентация, чему способствовали их незащищенность от внешней опасности, стремление к развитию торговли с российской пограничной линией.

Представители Ингушетии часто обращались к царской администрации с просьбой принять ингушское население в российское подданство и защитить его от враждебных нападений. Ингушские старшины доносили кизлярскому коменданту И. Л. Фрауендорфу, что «в прошлом 1756-м году по желанию нашему собрались мы, именованные киштинцы, и между собою присягою утвердились, чтоб нам веру греческого исповедания принять и быть нам под протекцею ее императорского величества»[59]. В 1758—1760 гг. представители Ингушетии приезжали в Кизляр и ставили перед комендантом вопрос о принятии ингушей в российское подданство и защите их от набегов соседних феодалов. Однако Петербург, не желая осложнять отношения с Турцией, воздерживался от прямых действий на Центральном Кавказе и ограничивался лишь обещаниями внешней безопасности ингушей.

Как только началась русско-турецкая война 1768—1774 гг., Ингушетия вновь выдвинула перед царскими властями вопрос о подданстве. С этим ингушский народ, «будучи трудолюбив и покоен», обратился в 1769 г. к кизлярскому коменданту[60]. Правительство России поручило кизлярской администрации провести с представителями Ингушетии переговоры о подданстве. В феврале 1770 г. 24 ингушских старшины явились в Кизляр к коменданту И. Немичу с «доношением», в котором писали, что они, «присланные от всего народа их общества», имеют «усердное желание поступить в вечное... подданство» России. Старшины просили прислать в Ингушетию «чиновного человека» с полномочиями принять присягу на верность России от всего ингушского населения[61].

---

[57] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 416—418.

[58] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 295.

[59] Русско-осетинские отношения, т. 1, с. 418.

[60] Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 29.

[61] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 1223, 1226, 1227.

Так, в результате довольно энергичной деятельности российских властей на Северном Кавказе и ингушских представителей Ингушетия в 1770 г. вошла в состав России[62].

Успешное продвижение России на Северном Кавказе, создание здесь русских городов-крепостей и особенно установление почти со всеми местными народами тесных политических и торговых отношений в 60—70-х гг. XVIII в. серьезно меняли обстановку на всем Кавказе. Указанные явления, в частности, становились предпосылками для развития нового этапа русско-грузинских связей.

Еще в 60-х гг. XVIII в., как отмечают грузинские историки[63], Россия не желала из-за Грузии обострять отношения с Турцией и Ираном. Поэтому в кавказской политике России Грузии пока не отводилось то место, которое она займет позднее. В 50-х гг. набеги лезгинских феодалов на Грузию стали столь опасными, что «все мысли царя Теймураза были заняты лезгинами»[64].

Северный Кавказ в силу сложной политической обстановки часто становился барьером в отношениях между Россией и Грузией. В этом отношении перемены, вызванные политикой России на Северном Кавказе в середине XVIII в., благоприятствовали русско-грузинским контактам. Необычно усилился приобретавший колонизационный размах приток на Северный Кавказ в русские города и поселения грузинского населения[65]. Успешно развивалось дипломатическое общение Грузии с Россией. В 1760 г. в качестве посла Картли и Кахетии в Россию отправился сам царь Теймураз II. Он просил военной и денежной помощи России для обороны от набегов из Дагестана и для похода на Иран. Елизавета обещала оказать помощь, но смерть помешала ей сделать это[66].

Новый импульс русско-грузинские отношения получают в середине XVIII в., когда Имеретия вела борьбу против турецкой агрессии, а противоречия между Россией и Турцией приближали обе стороны к затяжной войне. В 1768 г. в Петербург направляется в качестве посла Грузии митрополит Максим. Россия также послала в Грузию поручика Хвабулова со специальными полномочиями: ему поручалось ускорить вовлечение Имеретии и Картли-Кахетии в военные действия против Турции[67].

---

[62] См.: Скитский Б. В. Назрановское возмущение 1858 г. Владикавказ, 1930, с. 1—2; Блиев М. М. Факты свидетельствуют. — Грозненский рабочий, 12 января 1979 г. По представлениям С. Б. Котикова, не подкрепленным аргументами, этот процесс затянулся вплоть до середины XIX в. (Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России. — ИЧИНИИЯЛ, т. IX, ч. II, вып. 1. Грозный, 1972).

[63] См.: Цинцадзе Я. З. Посольство Тбилели и Симона Макашвили в России в 1752—1754 гг. — Исторический вестник, № 6, 10. Тбилиси, 1952; Боцвадзе Т. Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1973.

[64] Lang D. M. The Last Years of Georgian Monarchy 1658—1832. New York, 1957, p. 154—155; Allen W. E. D. A History of Georgian People (2-nd ed.). New York, 1971, p. 199; Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 57.

[65] Документы по взаимоотношениям Грузии.., с. 37—43.

[66] Wardrop O. Kingdom of Georgia. London, 1888, p. 124.

[67] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т I. Под ред. А. А. Цагарели. Спб., 1891, с. 18—19, 26.

Освоение Северного Кавказа и усилившиеся политические связи сопровождались развитием русско-грузинской торговли, которая шла через Северную Осетию по вьючной дороге Дарьяльского ущелья — «осетинский» торговый путь[68]. Ранее закрытая осетинской знатью магистраль стала теперь функционировать[69].

В 1760 г. по Дарьяльской дороге было перевезено товаров на сумму около 160 тыс. руб. В 1768 г. товарооборот возрос до 400 тыс. руб. Подобный рост товарооборота, особенно усилившийся в связи с началом русско-турецкой войны, имел весьма заметные политические результаты: прогрессировавшая русско-грузинская торговля сопровождалась постепенным прекращением экономических связей с Ираном[70].

§ 2. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и ее итоги на Кавказе

Сразу, как только началось военное столкновение между Россией и Турцией, Грузия изъявила готовность вступить в войну на стороне России. В 1769 г. русский отряд (3767 человек) под командованием генерал-майора Тотлебена прибыл в Моздок[71].

Наместник Кавказа впоследствии отмечал: «При первом появлении в стране российских войск... осетины встретили их как своих избавителей»[72], оказывали содействие проводниками, помогали перетаскивать боеприпасы, строить мосты и дороги, предоставляли жилища для ночлега.

«Благополучный исход этого перехода русских войск через Кавказский хребет, — писал историк Д. Лавров, — во многом зависел от содействия осетин, между которыми были уже вполне преданные русским»[73].

Военно-политическая миссия отряда Тотлебена оказалась малоуспешной[74]. Его осады в 1770 г. крепостей Ахалциха и Поти были неудачными, а попытку Тотлебена без согласования с Ираклием II привести население Грузии к присяге Екатерине II можно считать просто авантюристичной.

В 1772 г. русский отряд покинул Грузию. Тем не менее в ходе войны в Грузии возобладала идея о принятии подданства России, а в 1771 г. здесь даже приняли решение — просить императрицу

---

[68] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956, с. 727.

[69] АКАК, т. II, с. 1133—1134.

[70] См.: Канабадзе С. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Восточной Грузии в XVIII в. — В сб.: История классовой борьбы в Закавказье. Кн. 1. Тбилиси, 1930, с. 180; Натадзе Г. А. К вопросу об экономическом положении Грузии в XVIII столетии. — Там же, с. 142—145.

[71] Подробно о миссии Тотлебена см.: Lang D. M. Count Totleben's Expedition. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1955, v. XIII.

[72] Чудинов В. Окончательное покорение Осетии.— КС, т. XIII. Тифлис, 1779, с. 11.

[73] Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. — Сборник для описания местностей и племен Кавказа, вып. 3. Тифлис, 1883, с. 230.

[74] Lang D. M. The Last Years.., p. 166—172.

принять Грузию под свое покровительство. Это решение воплотилось в проект договора, отосланного в Петербург; позже проект послужит основой для Георгиевского трактата 1783 г.[75]

Благодаря прорусской политической ориентации на Кавказе Россия получила значительные преимущества в войне с Турцией. Но самым главным стало непосредственное участие народов Кавказа в военных действиях против Турции на стороне России. Русско-турецкая война вселила надежды в зависимые от Османской империи народы, мечтавшие освободиться от тяжкого ига. Ереванские армяне, например, обратились к Ираклию II, вступившему в военный союз с Россией, с посланием, в котором заверяли его в своей готовности присоединиться к русским и грузинским войскам. Возобновилась подготовка восстания в Западной Армении[76]. При поддержке народов Кавказа войска России имели значительные успехи как на балканском, так и на закавказском театре военных действий. В 1770 г. в Закавказье соединенные российские и грузинские войска захватили важнейшие крепости Имеретии—Кутаиси, Богдады и Шорапани. Турки не были выбиты только из черноморской крепости Поти. В 1771 г. крымский хан и турки потерпели серьезные поражения в Крыму и Закавказье. После успешных выступлений войска России овладели Перекопом, Козловом, Кафой, Керчью, Еникале, Таманью. Керчь и Еникале открывали России выход в Черное море.

Разгромив Крымское ханство, Россия в 1772 г. заключила с ним договор «вечного союза и дружбы». За крымским ханом сохранились его владения, за исключением Керчи, Еникале и Кинбурна. «Большая же и Малая Кабарды» вновь возвращались в «подданство Российской империи»[77]. Однако Турция все же пыталась сохранить вассальную зависимость Крымского ханства. Она активизировала свои происки в Кабарде и Осетии, стараясь отрезать от метрополии российские войска, действовавшие в Закавказье. Турция не признала хана Сагиб-Гирея, с которым Россия заключила мирный договор. Турецкий султан провозгласил ханом своего ставленника — Девлет-Гирея. С помощью турецких войск, остатков разгромленных отрядов татар и ногайцев он совершал постоянные нападения на войска России.

После побед при Ларге и Кагуле к командующему Второй армией генералу Петру Панину явились депутаты, чтобы подписать с российским командованием формальный акт о прекращении военных действий между Россией и ногаями. Наличие дружественной среды на подступах к Крымскому полуострову имело большое значение для России[78]. Накануне окончания русско-турецкой войны Турция и Крымское ханство делают последние попытки

---

[75] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 286; ч. 2, с. 119—120.

[76] См.: Иоаннисян А. Р. Армянское национально-освободительное движение в 60-х годах XVIII столетия. — Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 2, с. 142—143.

[77] Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 327.

[78] См.: Дружинина Е. И. Указ. соч., с. 116.

захватить Кабарду. Овладение ею, по существу, означало бы установление власти над Центральным Кавказом. Стоило Турции и Крыму закрепиться там, как они создали бы барьер, отрезавший предгорную часть Северного Кавказа и Закавказье от России. Именно в целях реализации подобного агрессивного плана, который позволил бы Турции не только сохранить свое господство, но и взять реванш над народами Кавказа, объединились в 1774 г. турецкие и крымские войска. К ним присоединились и отдельные представители кабардинской феодальной знати. Все эти силы были брошены на Северный Кавказ, на моздокский участок российской пограничной линии [79]. 3 июня 1774 г. в сражении под Моздоком войска крымско-турецкого блока потерпели поражение. Остатки их во главе с Девлет-Гиреем были разгромлены на реке Гунделеко (Кабарда). В военных событиях на Северном Кавказе активное участие на стороне России приняла «горская команда», созданная в 1770 г. из 205 осетин и кабардинцев. «Команда» входила в военный гарнизон Моздока [80]. Победа русской армии в войне с Турцией значительно улучшила позиции России на Северном Кавказе. Добившись в 1772 г. признания независимости Крымского ханства, Петербург, по существу, лишил Турцию важного военно-стратегического плацдарма, которым она на протяжении длительного времени пользовалась в агрессии против народов Северного Кавказа и юга России. В результате войны 1768—1774 гг. Россия прочно укрепила свою южную границу. Она получила свободу действий на Северном Кавказе, так как Кучук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший войну, отменял ограничения, ранее введенные для России Белградским мирным договором. 21-я статья Кучук-Кайнарджийского договора с точки зрения международного права решила вопрос о Большой и Малой Кабарде: «Обе Кабарды... по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и с старшинами татарскими» [81].

Передача вопроса о Кабарде на решение хану являлась дипломатической формальностью, ибо еще по условиям Крымского договора 1772 г., заключенного между Россией и Крымом, Кабарда признавалась в подданстве России. Поэтому на основании 21-й статьи Кучук-Кайнарджийского договора, дополняющего эту статью договора 1772 г., Кабарда по международному праву была окончательно закреплена за Россией [82]. Возвращение кабардинских земель в состав России создавало достаточно прочные для

---

[79] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 332.

[80] КС, т. XVIII. Тифлис, 1898, с. 393.

[81] Дружинина Е. И. Указ. соч., с. 356.

[82] Западногерманский историк Э. Саркисянц указывает на две даты присоединения Кабарды к России: 1557 и 1774 гг. В первом случае, по его мнению, оно осуществилось добровольно, а во втором — насильственно (Sarkisyanz E. Op. cit., S. 111).

России позиции на Центральном Кавказе, затрудняло деятельность турецкой агентуры на Северном Кавказе.

Кучук-Кайнарджийский договор предрешил успешное завершение начавшегося до него процесса присоединения Осетии к России. В статьях договора Осетия не была упомянута, однако Коллегия иностранных дел считала: «Во время настоящее, когда кабардинцы по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие в рассуждении их (осетин. — *авт.*) меры свободны уже от зависимости соглашения с Портою и Крымом». Эту же мысль Екатерине II повторил астраханский губернатор: он писал, что присоединение Осетии к России было «оставлено впредь до усмотрения удобного времени по окончании начатой с турками войны» [83]. По желанию осетинского народа правительство России в октябре 1774 г. назначило русско-осетинские переговоры в крепости Моздок. С российской стороны переговоры вел астраханский губернатор П. Н. Кречетников. Осетия была представлена посольством из 20 человек. В состав посольства входили не только влиятельные в Осетии феодалы, но и лица крестьянского происхождения. Разнородный в социальном отношении состав посольства свидетельствовал о горячем сочувствии осетинского населения идее присоединения Осетии к России. В ходе переговоров по всем вопросам (присоединение Осетии к России, разрешение осетинам выселиться на предгорную равнину Центрального Кавказа, защита от нападений кабардинских князей, учреждение на территории, занятой поселенцами-осетинами, военной крепости и форпостов) была достигнута договоренность [84]. Члены осетинского посольства «передали» России свои «горы в вольное употребление». После переговоров глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин сообщал князю Г. А. Потемкину о политической «принадлежности осетинцев с их делами к ведомству Астраханскому», а губернатор П. Н. Кречетников в докладе Екатерине II подчеркивал, что с присоединением Осетии к России «произойдет слава вашего императорского величества по всей той стране и приманит весьма многие народы и распространит пределы» России [85].

В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Грузия интересовала Россию как союзница. Участием Грузии в войне правительство России рассчитывало отвлечь военные силы Турции с балканского фронта на кавказский. Россия не ставила целей присоединения Закавказья, в том числе Грузии. Тотлебену было дано указание: «Будучи они (грузины. — *авт.*) не наши подданные, то по положению своих земель, хотя бы прямо и сами того искали, неудобные к присовокуплению их к нашей империи, виды наши касательно их не могут больше, как в том только и состоять, чтобы Порта, при продолжающейся ныне войне, в некоторой за-

[83] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 1408—800.
[84] Там же, л. 820—821.
[85] Там же, л. 70, 855.

боте и затруднительности была и в тамошнем краю»[86]. Точно такой позиции придерживался Н. И. Панин: «Теперь главнейшая нужда... чтобы грузины нам в войне помогали»[87].

Однако победное окончание войны с Турцией позволило России значительно расширить перспективы развития русско-грузинских политических отношений. При обсуждении статей Кучук-Кайнарджийского договора Россия добилась и включения вопроса о Грузии. В 23-й статье договора 1774 г. указывалось: «В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости: Богдадчик, Кутатись и Шегербан, российским оружием завоеванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали»[88]. Как видно, Западная Грузия лишь юридически оставалась за Турцией, фактически же, согласно 23-й статье, там упразднялась власть турецкого султана. Более того, Турция обязывалась амнистировать всех, кто боролся против нее в Западной Грузии, не притеснять христиан, а также «торжественно и навсегда отказаться требовать дани отроками и отроковицами»[89]. Таким образом, Кучук-Кайнарджийский договор санкционировал право России вмешиваться в отношения между Турцией и Грузией. Не случайно умный политик и дипломат Ираклий II благодарил графа Н. И. Панина за договор[90], видя в нем готовность России выступить за освобождение Грузии и обещание покровительства Российского государства.

Кучук-Кайнарджийский договор не удовлетворил имеретинского царя Соломона I: он считал, что ему не удастся сохранить мир с турками «по бывшим между ними распрям и кровопролитиям», и просил о принятии его в подданство России[91]. Однако с точки зрения Петербурга положение Имеретии, определенное Кучук-Кайнарджийским договором, было менее «раздражительно» для Турции и более выгодно для дальнейших действий в Закавказье. В Петербурге успокаивали Соломона, указывая, что Турция сохранила над Грузией «только звание подданства» и потеряла над ней фактическую власть. Коллегия иностранных дел России просила грузинского царя не давать повода Турции вмешиваться в сложившуюся в Грузии политическую обстановку, не провоцировать ее на военные акции[92]. Подобная «осторожность» являлась своеобразной дипломатической формулой, в рамках которой Россия могла реализовать в будущем свои планы в Грузии. Эта формула была высказана еще в 1770 г. в ходе русско-турецкой войны Екатериной II. Императрица писала Ираклию II, что

---

[86] Цит. по: Маркова О. П. Указ. соч., с. 144.
[87] Грамоты и другие исторические документы.., т. I, с. 155.
[88] Дружинина Е. И. Указ. соч., с. 356 (приложение № 3).
[89] Там же.
[90] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 267—268. Нельзя согласиться с мнением английского историка У. Аллена о том, что в договоре «полностью игнорированы» интересы Ираклия II (Allen W. E. D. A History.., p. 208).
[91] Маркова О. П. Указ. соч., с. 155.
[92] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 6—8.

Россия призывала Грузию к войне с Турцией с целью «только собственный наш сумнительный жребий учинить прочным», и она не имела в виду «ни малейшей до нашей империи касающейся пользы»[93]. Требования о протекторате России, высказанные Ираклием II во время войны и Соломоном после ее окончания, пока не получили разрешения, так как Екатерина II опасалась затруднить протекторатом над Грузией заключение выгодного России мира с Турцией, а в случае с Имеретией также стремилась не входить в конфликты с Портой, дабы удержать выгоды, полученные от Кучук-Кайнарджийского договора, и добиться новых успехов, вытекавших из политических итогов русско-турецкой войны.

Политика России на Северном Кавказе не исчерпывалась отношениями с коренными жителями. Здесь царизм столкнулся также с кавказским казачеством, поселения которого восходят к XVI в. Казаки выработали своеобразную общественную структуру и самоуправление в форме казачьей общины, которая со временем превратилась в организацию, способную не только управлять внутренней жизнью переселенцев, но и обеспечивать их внешнюю безопасность. В XVIII в. по мере того, как казачество становилось реальной военной силой на юге, царизм использовал казаков для защиты южных границ Российского государства. Правительство добивалось превращения казачьей общины в своеобразную военную организацию. По-своему демократическое устройство казачьей общины вначале, допускавшее выборность судей, старшин, атаманов, стало строго регламентироваться при Петре I определенной системой административного управления. В первой четверти XVIII в. существенно изменился — в сторону централизации административной власти — порядок выборности и назначения лиц, призванных управлять казачьим населением Предкавказья. В некоторых казачьих войсках, например Гребенском, формально сохранилась выборность старшин. Однако в Кизлярском войске, созданном в начале русско-турецкой войны 1735—1739 гг., должности не были выборными; прием в войско и исключение из него целиком зависели от начальников, назначаемых центральной властью. Если раньше главным органом внутреннего управления казачеством был станичный сбор, то в условиях войска и централизации его власть упала.

С созданием Кизлярского войска, занимавшего южную окраину Предкавказья, первой правительственной инстанцией для казачьих войск стал кизлярский комендант. Он занимался и пограничными делами, и установлением связей с горцами Северного Кавказа. Второй и третьей инстанциями были астраханский губернатор и Военная коллегия. От них казачьи войска получали служебные наряды и правительственное жалованье[94].

---

[93] Грамоты и другие исторические документы.., т. I, с. 133.

[94] Очерки развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках (без выходных данных), с. 2—3; Блиев М. М. Административное и военное устройство на Ставрополье и Кавказской линии в XVIII — первой половине XIX в. Дон и Степное Предкавказье. Ростов-на-Дону, 1977, с. 89—90.

Таким образом, в первой половине XVIII в. российское самодержавие, по существу, добилось полного военно-административного подчинения казачества Предкавказья. Конечно, здесь известную роль играло этническое родство казачества с русским народом, а также особенности выработанной казачеством общественно-политической структуры, сравнительно легко приспосабливаемой к военно-политическим нуждам российского самодержавия. Однако это не означает, что процесс утверждения в Предкавказье самодержавия носил спокойный характер и не встречал сопротивления казачества. Недовольство казаков прежде всего было связано с постоянными переселениями, вызванными необходимостью формирования казачьих войск и укрепления южных границ России.

Следствием административного подчинения казачества стало также установление налоговой системы, стремление к унификации церковной обрядности и др. Эти процессы, естественно, сопровождались сопротивлением казачества.

Главным итогом утверждения в Предкавказье власти российского самодержавия стало превращение казачества в военно-служилое сословие, с помощью которого царизм не только укреплял южные границы, но и стремился к дальнейшему продвижению на Северный Кавказ. Политико-административное объединение казачества, осуществленное царизмом в первой половине XVIII в., в дальнейшем распространялось на всю Кавказскую линию «от моря и до моря»[95]. Создание Кавказской линии, включившей значительные территории и объединившей большие массы русского казачьего населения в Предкавказье, следует рассматривать как несомненный успех во внешнеполитической деятельности царского правительства.

В 1775 г. образовалась Азовская губерния. Вскоре она вместе с Астраханской, Саратовской и Новороссийской губерниями оказалась в управлении князя П. С. Потемкина. Он представил проект соединения Моздокской линии с Азовом. Екатерина II проект утвердила, и в 1777 г. на пограничную линию от Моздока до Азова перевели Волжское казачье войско, расселив его в укрепленных станицах: Екатериноградской, Павлодольской, Марьинской, Георгиевской и Александровской[96].

Новая линия получила название Кавказской. Сначала она была системой военных укреплений и поселений, где административное управление строилось на основе военно-пограничных положений. Самодержавие принимало энергичные меры по заселению Кавказской линии. По мере роста населения[97], главным образом пришлого (источником его пополнения были не только русские, казаки, но и горцы), самодержавие занялось дальнейшим

---

[95] См.: Гальцев В. С. Кавказская линия и Терское казачество к началу XIX столетия. — ИСОНИИ, т. IX. Орджоникидзе, 1940, с. 97.

[96] См.: Дебу И. О Кавказской линии. Спб., 1829, с. 66.

[97] Очерки развития административных учреждений.., с. 8.

военно-политическим укреплением линии. В 1785 г. численность населения линии достигла 200 тыс. душ. Правительство все же считало, что свободное население на окраине лучше обеспечит охрану границ, чем крепостные. Известно, что Г. А. Потемкин весьма нелестно отзывался о солдатах, набранных из рекрутов, и ставил казачьи войска несравненно выше. Он писал М. И. Платову, что казаки не похожи на новые войска, «кои сидят как клуши и прежде смерти уже окостенели; они уже приобрели осанку, приличную рыцарям»[98]. Уделяя много внимания военно-политическому и административному устройству казачьего населения, содействуя переселению на Северный Кавказ, самодержавие пыталось внушить крестьянам-переселенцам, что они должны быть «счастливыми в новом своем положении, не будучи уже больше подвержены перемене помещиков, где иногда попадаются и дурные, что им открыт путь службой достигать чинов, доставляющих права и преимущества дворянства»[99].

Итак, политика Российского государства на Кавказе в XVIII в., этапом которой была деятельность Петра I, нашла свое продолжение во второй половине века. Важным ее рубежом был Кучук-Кайнарджийский мир. Он имел выдающиеся последствия в реализации внешнеполитической программы, осуществлявшейся Россией на юге, в частности на Кавказе. Он фактически открыл Черное море для русской торговли, расширил возможности хозяйственного освоения южнорусских территорий; с него, по существу, начинается новый этап в развитии русско-кавказских отношений. В этом смысле особо следует отметить значение юридического оформления задолго до того совершившегося присоединения Кабарды к России, а также включения в состав Российской империи Осетии и Ингушетии. Весьма серьезным итогом мира было ограничение прав Турции на Закавказье, — вспомним требование 23-й статьи: не преследовать христианскую веру, не препятствовать сооружению церквей, отказ Турции от фактической власти над Западной Грузией, запрещение работорговли.

Наконец, Кучук-Кайнарджийский мир содействовал слиянию других территорий Северного Кавказа (например, Чечни) с Россией и особенно присоединению Крыма к ней, лишив таким образом Османскую империю важного стратегического плацдарма на подступах к России, и сделал возможным протекторат России над Грузией (1783).

В целом Кучук-Кайнарджийский мир серьезно укрепил позиции России на Черном море и Ближнем Востоке. Он существенно повлиял и на расстановку сил на международной арене. По меткому замечанию советского историка О. П. Марковой, после Кучук-Кайнарджи «друзья» становились явными врагами, враги превращались в «друзей», хотя и не столь явных[100]. Вместе с тем

[98] Цит. по: Маркова О. П. Указ. соч., с. 151.
[99] Маркова О. П. Указ. соч., с. 151.
[100] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 62.

договор стал лишь перемирием в длительной борьбе между Россией и Турцией, завершившейся в основном к концу первой трети XIX в.[101]

Глава II

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

§ 1. Обострение русско-турецких противоречий на Кавказе в конце 70-х—начале 80-х гг. XVIII в. Присоединение Крыма к России

После Кучук-Кайнарджийского договора Россия, получив свободу действий на Северном Кавказе, значительно расширила свою внешнеполитическую программу в этом регионе. Фактически Россия после Кучук-Кайнарджи приступила к завершению присоединения Северного Кавказа. Это становилось особенно актуальным, так как Северный Кавказ приобретал значение удобного плацдарма для успешного проведения в жизнь новой, сформировавшейся в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. внешнеполитической доктрины в отношении Грузии и всего Закавказья.

Конечно, реализация Кучук-Кайнарджийского мира, особенно в том объеме, в котором собиралась это сделать Россия, вновь могла поставить под угрозу русско-турецкие отношения. Не случайно в 70—80-е гг. XVIII в. Россия в общении с Турцией проводила основной принцип — соблюдение Портой условий Кучук-Кайнарджийского договора. Царское правительство понимало неизбежность появления в Османской империи реваншистских настроений при проведении в жизнь договора, открывавшего для России большие перспективы на Кавказе. Тем не менее Россия твердо придерживалась всех статей договора, в частности тех, которые касались Кавказа. В то же время Россия стремилась значительно расширить политическое влияние в Северо-Восточном Кавказе, используя создавшуюся там в середине 70-х гг. XVIII в. внутреннюю обстановку. Острые междоусобные столкновения между местными ханами, уцмиями, беками и другими владетелями быстро меняли здесь не только ситуацию, но и выбрасывали на поверхность то одних, то других политических деятелей, придерживавшихся далеко не одинаковой внешнеполитической ориентации. В ожесточенной межфеодальной борьбе противоборствующие стороны, чтобы возобладать над соперниками, непременно выбирали себе покровителя — Россию, Турцию или Иран. Подобное поведение феодальной знати на Восточном Кавказе становилось традиционным, и им часто пользовались Иран и Турция.

После Кучук-Кайнарджийского договора Россия решила воспользоваться создавшейся в Дагестане и Северном Азербайджане обстановкой.

[101] Allen W. E. D. A History.., p. 208.

В середине 70-х гг. XVIII в. на Восточном Кавказе образовались две враждовавшие между собой феодальные группировки — одна во главе с Фатали-ханом — главой Кубинского ханства, другая — антикубинская коалиция, в которую вошли уцмий Кайтага Амир-Гамза, казикумухский Магомед-хан и другие владетели. В 1774 г. в ходе военного столкновения между этими группировками потерпел поражение Фатали-хан. В поисках реванша он решил прибегнуть к поддержке России. Фатали-хан просил через своего представителя Мирзу-бек-Баяту о подданстве России и военной помощи[1]. Просьбу Фатали-хана поддержал шамхал тарковский. Царское правительство в 1775 г. направило войска в Дагестан во главе с генералом Медемом. Войска России освободили Дербент и восстановили власть Фатали-хана. Благодарный хан снарядил в Петербург депутацию с поручением приподнести Екатерине II ключи от Дербента. Однако императрица предпочитала действовать осторожно. Вернув ключи от Дербента, Екатерина II наказала Г. А. Потемкину полностью восстановить власть Фатали-хана и призвала горских владетелей к миру и взаимному согласию. Она же указала Фатали-хану на отсутствие у России, связанной международными соглашениями, возможности оказывать ему военную поддержку и советовала искать помощи у Ирана, от которого хан зависит.

В ответе Екатерины II ясно просматривалось желание представить Россию сторонницей строгого соблюдения международных конвенций, заключенных с Ираном и Турцией. Между тем было очевидно, что императрица избегает осложнений с Турцией по поводу Северного Кавказа, казавшегося после Кучук-Кайнарджийского договора политически «освоенным» районом. Политика России на Северном Кавказе, таким образом, постепенно стала подчиняться другим ее задачам — окончательному решению крымского и закавказского вопросов. Этим объяснялись и подчеркнутая решимость проводить в жизнь Кучук-Кайнарджийский договор, и осторожность с Турцией, и словесное признание «прав» Ирана на Кавказе, с тем чтобы усилить ирано-турецкие противоречия, до этого несколько смягченные русско-турецкой войной.

Однако, несмотря на крупное военное поражение, Турция вовсе не желала уступать России Крым, терять свое влияние на Северо-Западном Кавказе и тем более в Закавказье. Не успели высохнуть чернила, которыми был подписан Кучук-Кайнарджийский договор, как турецкие войска летом 1774 г. вновь вступили в Крым. Осенью 1777 г. астраханский губернатор Якоби доносил своему правительству о прямой подготовке Турции к войне[2]. Тогда же Турция направила на Северо-Западный Кавказ, в Суд-

---

[1] См.: Левиатов В. Н. Фатали-хан Кубинский. — Известия АН Азербайджанской ССР, 1946, вып. 4, № 9. Баку, с. 72; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 142.

[2] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 110.

жук-кале, фрегат с военными припасами. В ответ на эти агрессивные поползновения российская миссия в Турции во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Репниным потребовала от Константинополя выполнения договорных обязательств[3]. Однако военные приготовления Турции не прекращались. Основным районом, где концентрировала силы Османская империя, был Суджук-кале. Правительство России, со своей стороны, не ограничилось дипломатическими увещеваниями — оно направило кубанский корпус своих войск под командованием А. В. Суворова на правый берег Кубани, где за короткое время была создана система укреплений и крепостей: Александровская, Марьинская, Копыл, Новотроицкая и др.[4]

На Северо-Западном Кавказе вновь расположились военные силы России и Турции, в любое время готовые к вооруженному столкновению. В новом конфликте Турция рассчитывала на поддержку ногайцев и горских народов, но, как доносил А. В. Суворов фельдмаршалу П. А. Румянцеву, горцы «явно напасть на русских не хотят». Чтобы разрядить обстановку, сделать ее максимально выгодной, а также экономически ослабить Крымское ханство, из-за которого нарастал конфликт, П. А. Румянцев решил переселить из Крыма христиан — греков и армян, составлявших основную трудовую часть населения полуострова. Такая мера поставила бы в еще большую зависимость от России Крым, присоединение которого к России фельдмаршал рассматривал как необходимое условие для нормального развития русско-турецких отношений. Оценивая русско-турецкие противоречия конца 70-х гг. XVIII в., Румянцев указывал, что если Крымское ханство будет считаться независимым, то «война будет бесконечная...» Поэтому он просил Екатерину II «ускорить решительным о Крыме определением»[5]. Вывод христианского населения из Крыма поручили А. В. Суворову; в 1778 г. он переселил из Крыма 30 тыс. его жителей.

Подобная мера, во многом неожиданная для Турции, ослабила ее воинственное настроение. Но было бы ошибочно считать это событие причиной, склонившей Турцию к компромиссу и заставившей вступить в переговоры с Россией о подписании конвенции, касавшейся Крыма[6]. «Военная тревога» 1778—1779 гг. не переросла в русско-турецкий конфликт, несмотря на концентрацию армии России на юге и турецких войск в Крыму и на Северо-Западном Кавказе, потому что обе стороны явно не были подготовлены к новой войне[7].

---

[3] РИО. Т. 6. Спб., 1871, с. 329.

[4] См.: Смирнов Н. А. Указ. соч., с. 111; Klaproth J. Travels in the Caucasus and Georgia. London, 1814, p. 208.

[5] Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955, с. 328.

[6] См.: Дружинина Е. И. Указ. соч., с. 328.

[7] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 41.

В марте 1779 г. на конференции, обсудившей разногласия между Россией и Турцией, была заключена Айнали-Кавакская конвенция, повторившая в основном постановления Кучук-Кайнарджийского договора. Что касается Крыма, из-за которого главным образом обострялись русско-турецкие противоречия, то Турция еще раз подтвердила независимость хана от султанской власти.

К концу 70-х гг. XVIII в. политическая карта Северного Кавказа весьма напоминала его этническую карту, отличавшуюся крайней пестротой. России удалось с помощью военно-административных мер создать в Предкавказье более или менее устойчивую в политическом отношении ситуацию. К России был присоединен Центральный Кавказ (Кабарда, Осетия, Ингушетия), но в Кабарде часть феодальной знати по-прежнему выражала недовольство строительством Кавказской линии. От посылки депутации в Петербург, выражения протеста кабардинские князья часто переходили к военным нападениям на российские крепости, требуя их срытия и возвращения занятых Россией земель. Положение здесь стало столь серьезным, что вынудило Екатерину II в 1779 г. издать секретный приказ, которым она поручила астраханскому генерал-губернатору П. С. Потемкину «учинить отряд войск, коим наказав дерзость, оных... привесть их в надлежайшее повиновение и тишину»[8]. Потемкину удалось справиться с фрондирующими феодалами. Они выплатили большую контрибуцию, принесли присягу на верность России, обязались вернуть пленных. Россия «уточнила» границы Большой и Малой Кабарды, за пределы которых кабардинской знати запрещалось выезжать без пропусков.

Самой важной задачей России в конце 70-х гг. XVIII в. на Центральном Кавказе оказалось решение проблемы Чечни. Только полное присоединение ее к России, как и нормализация политической ситуации в Кабарде, могло превратить Большой Кавказ в оплот дальнейшей политики на юге и в необходимое звено, призванное связать Россию с Западным и Северо-Восточным Кавказом — неприсоединенными еще к России районами.

Во второй половине XVIII в. Чечня, занимавшая значительную территорию на Северном Кавказе, достаточно интенсивно развивала отношения с Россией. Этому способствовало прежде всего стремление чеченцев к расширению торговых связей на российской пограничной линии[9]. Историки отмечают также давнее политическое повиновение чеченцев России, их стремление к союзу с ней[10]. Однако русско-чеченские контакты развивались весьма

[8] РИО. Т. 27. Спб., 1880, с. 177—178.

[9] См.: Фадеев А. В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. — ИЧИНИИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960.

[10] См.: Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. — Археолого-этнографический сборник, вып. 2. Грозный, 1968; он же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Автореф. докт. дисс. М., 1972; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979; и др.

неоднозначно, периодически прерывались набегами чеченских старшин. Определенное значение имели и конфликты чеченцев с кабардинскими князьями и ингушскими старшинами, с которыми Россия стремилась тогда поддерживать тесные связи. Так случилось, например, в 1758 г., когда многие чеченские общества изгнали иноплеменных князей, пытавшихся установить здесь феодальный гнет, а российские власти решительно приняли сторону «потерпевших владельцев» и, подстрекаемые ими, предприняли военные экспедиции в глубь Чечни [11]. С этого момента усилились междоусобицы чеченцев с сопредельными народами, увеличилось и число военных конфликтов с царскими властями на Северном Кавказе. Российская администрация временами пыталась урегулировать отношения с чеченцами, прекратить военные столкновения, происходившие по самым различным поводам на пограничной линии [12]. Однако эти попытки, как правило, не приносили успеха. Неверно изображать осложнения, возникавшие между чеченцами и царскими властями на Северном Кавказе, как чисто политические, происходившие от какой-то иной, нежели у других северокавказских народов, внешнеполитической ориентации чеченцев. Историки уже обратили внимание на неровное развитие русско-чеченских отношений и объясняют своеобразие их суровой, полной лишений жизнью в горах, нередко вынуждавшей горцев совершать набеги на соседей, на казачьи поселения и созданные царизмом укрепленные пункты [13]. Однако российская пограничная линия, русские города, Россия как страна привлекали горцев, и в частности чеченцев, возможностью мирного хозяйственного сотрудничества с русским населением; торговля на русской границе и с русскими городами могла служить не меньшим стимулом в экономическом укреплении феодализирующейся чеченской знати, чем опасные и не всегда удачные набеги. Эти контакты, а также уязвимое географическое расположение самой Чечни стали тем главным фактором, благодаря которому русско-чеченские отношения больше развивались в условиях мира и взаимной заинтересованности. Нужно также учитывать, что Россия, связанная на юге с Кавказом в целом, а не с каким-либо отдельным его районом, в интересах своей внешней политики действовала достаточно гибко, добивалась, как правило, мирного решения возникавших конфликтов с горцами.

---

[11] См.: Головчанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. — Записки Терского общества любителей казачьей старины, 1914, № 11. Владикавказ, с. 113—120.

[12] См.: Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений. — В кн.: Вопросы истории Дагестана, т. 2. Махачкала, 1977, с. 297—300.

[13] См.: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 46; а также: Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России.— История СССР, 1980, № 5, с. 59. На экономические причины этого явления указывает также У. Аллен (Allen W. E. D. A History of the Georgian People, 2-d ed. New York, 1971, p. 183).

В конце 70-х — начале 80-х гг. XVIII в. успешное развитие русско-чеченских отношений привело к решению вопроса о присоединении Чечни к России. Уже в 1780 г. многие чеченские общества приняли присягу на верность России и просили ее подданства [14]. 21 января 1781 г. представители Чечни явились к кизлярскому коменданту Куроедову и официально приняли подданство России. Между царскими властями и чеченцами был составлен акт, определявший условия этого подданства. В преамбуле договора отмечалось: «... мы... большие чеченские, хаджиаульские старшины и народ, добровольно, чистосердечно, по самой лучшей нашей совести объявляем... что, чувствуя от ее императорского величества щедрые милости и мудрое управление, прибегаем под покровительство, выспрашиваем всевысочайшее повеление о принятии всех старшин и народ по-прежнему в вечное подданство» [15].

Договор состоял из 11 статей, главные из которых относились к характеру подданства России над Чечней, к русско-чеченским отношениям вообще. Подписание акта о российском подданстве состоялось в ауле Чечен в торжественной обстановке. Значение его в истории вейнахских народов XVIII в. огромно, поскольку оно завершало юридическое оформление длительных и не всегда «ровных» русско-вайнахских отношений. После переговоров в ауле Чечен и подписания договора российская администрация на Северном Кавказе с полным основанием могла считать, что «ныне уже подданых суть престолу ее императорского величества» чеченские, ингушские и карабулакские общества [16].

На Центральном Кавказе, точнее в Осетии, России предстояло еще присоединить Западную ее часть — Дигорию. Здесь осетинские и кабардинские феодалы достигли социального союза и не признавали включения Дигории в состав России. Однако местное крестьянство, недовольное произволом феодальной знати, постоянно выступало за присоединение Дигории к России. В 1781 г. здесь вспыхнуло восстание крестьян (в нем участвовало более 1 тыс. человек). В разгар его, в июле 1781 г., социальные низы Дигории при общем «собрании» решили: «По первому требованию России принять присягу... не допускать никакого насилия баделятов (феодалов. — *авт.*) над отдельными людьми» [17]. Крестьян поддержала российская администрация на Кавказе, и Дигория вошла в состав России [18]. Так завершилось присоединение всей Осетии к России,

[14] См.: Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 29.

[15] Впервые некоторые положения этого договора были приведены в работе П. Г. Буткова (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2, с. 72—73). В наше время полностью документ опубликован В. Б. Виноградовым и С. Ц. Умаровым (указ. соч., с. 45—47).

[16] ЦГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275.

[17] Там же, л. 104.

[18] Э. Саркисянц отмечает, что в Осетии Россия опиралась на социальные низы, поддерживая их в борьбе против феодалов, поэтому присоединение осуществилось безболезненно (Sarkisyanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. München, 1961, S. 96—97).

которое не было единовременным актом [19].

Восточная Осетия (Тагаурия) вошла в состав России в 1770 г. Куртатинские и Алагирские общества присоединились к России в 1774 г., Дигорское приняло ее подданство в 1781 г., однако датой присоединения следует считать 1774 год. Именно с этого времени и само российское правительство стало рассматривать Осетию как район, входивший в состав России.

К началу 80-х гг. XVIII в. в Предкавказье (Степном Кавказе) России удалось вовлечь в военно-административную систему «свободное» казачье население и превратить его в надежную силу не только по охране южных границ. Здесь Россия вызвала новую волну колонизации, способствовавшую хозяйственному и политическому освоению обширного края. Серьезные изменения произошли после Кучук-Кайнарджийского договора и в Центральном Кавказе, где Чечня, Ингушетия, Осетия и Кабарда постепенно стали втягиваться в сферу политической и государственной жизни России. Здесь позиции России представлялись прочными и достаточно надежными, чтобы превратить этот район в территорию, способную связать Россию с Закавказьем. В 80-е гг. XVIII в. Россия фактически устранила барьер на Центральном Кавказе и выходила в Закавказье.

В самом начале 1780 г. А. В. Суворов получил предписание выехать на юг, в Астрахань, чтобы отсюда предпринять поход в Закавказье. Готовясь к поездке, полководец стал собирать сведения о Закавказье. Он испытывал повышенный интерес не только к Грузии, о которой в России знали достаточно полно, но и к Армении и Азербайджану. До похода А. В. Суворов имел несколько встреч с видными общественными деятелями Армении Иваном Лазаревым (Ованесом Лазаряном) и Иосифом Аргутинским (Овсеном Аргутяном), вынашивавшими проекты освобождения своей страны от иноземного ига. Об одной из этих встреч И. Аргутинский писал в дневнике: «Января 2 прибыл к нам на свидание генерал-поручик Александр Васильевич Суворов, и наш благородный ага Ованес... о стране нашей на его расспросы многие до обедни отвечал. Подробно расспрашивал он и о престоле нашем святом Эчмиадзинском и обнадежил нас сильно, что восстановит нам царство наше. После же нас отправился он к сиятельству князю Григорию Александровичу Потемкину и поведал ему все рассказанное нами...» [20] 3 января 1780 г. между представителями Армении и Г. А. Потемкиным, которому Екатерина II поручила сношения с Кавказом, произошла подобная же встреча, во время которой Г. А. Потемкин интересовался положением Армении и католикоса. «И на нашу убедительную просьбу, —

---

[19] В английской публицистике 30-х гг. XIX в. присоединение Осетии к России отмечено как событие, обеспечивавшее России контроль над Военно-Грузинской дорогой (The Foreign Quarterly Review, 1839, v. 23, No. 45, p. 171).

[20] Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959, с. 48, 50.

писал Аргутинский, — о восстановлении у нас Великой Армении в Эривани, отдельного армянского государства, он ответил, что это возможно, но необходимо, чтобы патриарх ваш вместе с несколькими местными владетелями возбудили вопрос о спасении вашем, а затем мы придем вам на помощь»[21].

В Петербурге Арменией занимались самые видные политические и военные деятели правительства Екатерины II. Но, по-видимому, пока еще недоставало четкого представления о политическом статусе, в который лучше всего в интересах России поставить Армению. Ясно одно — в политическом соперничестве с Турцией и Ираном на Кавказе и в Крыму России надлежало действовать в масштабах всего Закавказья, особенно в его христианских районах — Грузии и Армении, внутреннее состояние которых вполне позволяло рассчитывать на поддержку российской ориентации. Записка Лазарева, поданная им в январе 1780 г. А. В. Суворову, наиболее полно отражала интересы армян. В ней наряду с планом освобождения Армении содержалась также идея восстановления с помощью России армянского государства и установления над ним российского политического протектората, способного гарантировать ему внешнюю безопасность[22]. Армяне, проживавшие в России, рассматривали записку И. Лазарева как проект освобождения и политического устройства Армении. Записка Лазарева — не первая, где идея освобождения Армении и воссоздания независимого армянского государства под покровительством России была изложена в виде проекта. С такой же идеей от имени многочисленной группы армян выступил богатый предприниматель и торговец Мовсес Сарафов еще в ходе русско-турецкой войны (в 1769 г.). Сарафов предлагал создать войско из армян, проживавших в России, вовлечь в войну с Турцией армянских меликов, двинуть русские, армянские и грузинские войска на Ереван, а затем на Ахалцих, Карс, Баязет и Ван. На основе освобожденных армянских земель Сарафов предполагал создать независимое армянское государство. Он считал, что Россия должна была бы позаботиться о внешней безопасности Армении, оказывая ей при необходимости военную помощь[23].

Идеи Лазарева поддержал А. В. Суворов[24].

В начале 1780 г. А. В. Суворов прибыл в Астрахань и принял Казанскую дивизию. Однако ему не суждено было совершить намеченный поход, хотя он уже в Астрахани установил тесные связи

---

[21] Иоаннисян А. Р. Россия и армянское освободительное движение 80-х гг. XVIII столетия. Ереван, 1947, с. 41.

[22] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. II. М., 1838, с. 68—70.

[23] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 744—745.

[24] См.: Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976, с. 99; Burtt J. The People of Ararat. London, 1926, p. 41. О других проектах политического устройства Армении см. также: Buxton N., Buxton H. Travel and Politics in Armenia. London, 1914, p. 201—206.

с армянами и другими жителями Дербента, Шемахи, Карабаха, Гиляни.

В конце 1781 г. Г. А. Потемкин отозвал А. В. Суворова в Казань, а вместо него на Моздокскую линию направил своего троюродного брата генерал-поручика П. С. Потемкина, ставшего его ближайшим помощником в делах Кавказа.

П. С. Потемкин в своей штаб-квартире в Георгиевске продолжил переговоры с армянскими общественными и религиозными деятелями. В ходе переговоров выяснилось, что российской ориентации придерживаются не только представители армянского освободительного движения, но и армянский католикос Гукас. Г. А. Потемкин докладывал Екатерине II о собрании армянского духовенства в Эчмиадзине, где «все присягнули быть паче прежнего преданными императорскому российскому престолу и просить милостивого покровительства и благословения к Армении присылкою некоторого числа войск»[25]. П. С. Потемкин поддерживал тесные связи с католикосом Гукасом, знакомившим его с политической обстановкой Армении. Повышенный интерес России к Армении вызывал у армянских светских и духовных деятелей надежды на помощь России в освобождении страны от иноземного ига. Более того, в Армении на решение этой национальной задачи стали смотреть как на дело ближайшего времени. Именно в этих условиях вновь появился более детальный проект освобождения и будущего политического устройства Армении, особенно в части внутреннего устройства армянской государственности, на восстановление которой рассчитывали передовые деятели Армении. Автором проекта «Набросок договора между двумя нациями — русской и армянской» был И. Аргутинский[26]. Согласно проекту, в Армении создавалось суверенное монархическое государство во главе с царем. Однако Россия могла выдвигать кандидата в армянские цари только при условии, что такой кандидат обязан придерживаться армяно-григорианской веры и его коронация должна была проходить в Эчмиадзинском соборе. Предусматривались полная независимость армянской церкви, введение налогов, набор войска в помощь России в случае войны, постоянное присутствие в Армении российских армий, которое вытекало из самого русско-армянского военного союза. Проект И. Аргутинского отражал интересы армянского населения, угнетенного чужеземным игом, но «общенациональным» он был лишь в части, посвященной внешнеполитическому положению Армении. Остальные его разделы выражали интересы феодально-клерикальных кругов, стремившихся к созданию армянской монархии с политическим господством привилегированного дворянства и духовенства.

Освободительное движение в Армении, ускоренное политикой России на Кавказе, обнаружило различные течения. Его прогрес-

---

[25] Цит. по: Галоян Г. А. Указ. соч., с. 99.

[26] Проект Аргутинского опубликован в кн.: Архив армянской истории. Тифлис, 1899, кн. IV, с. 731—734; Григорян З. Т. Указ. соч., с. 51.

сивное крыло надеялось на создание независимой армянской республики, в которой значительно ослабло бы господство феодально-клерикальной знати и свободно развивалась торговая буржуазия. Это крыло объединялось вокруг Шаамиряна. В его проекте освобождения Армении и воссоздания ее государственности Армения была представлена независимой республикой, управляемой парламентом во главе с президентом. Отношения между Россией и Арменией должны были определяться военным союзом и свободной торговлей.

Проект Аргутинского царское правительство не обсуждало. Россия хотя и проявляла активность в Армении, все же больше интересовалась ею в русле своей общей кавказской политики, расширение сферы которой резко обозначилось в начале 80-х гг. XVIII в. В Петербурге продолжали поощрять переселение армян в пределы России, где их колониям предоставлялись различные материальные, религиозные и политические льготы [27].

В политике России в Закавказье объектом № 1 оставалась Грузия. В ней Россия видела «начало» и надежный оплот для продолжения своей закавказской политики. Ориентация России на Грузию вызывалась различными мотивами: и военно-стратегическим значением Грузии в Закавказье, и возможностью установления постоянного сообщения по Военно-Грузинской дороге между Северным Кавказом и Закавказьем (без Грузии это исключалось полностью), и наибольшей ущемленностью Грузии от внешних врагов, заставлявшей ее устойчивее, чем другие районы Закавказья, придерживаться российской политической ориентации, и, наконец, наличием грузинской государственности, пусть без политического единства, и «деградировавшей», но ведущей государственной организацией на Кавказе, позволявшей России осуществлять ее замыслы. Каждый из этих мотивов мог послужить для России основанием избрать Грузию главным объектом своей дипломатии в Закавказье. Но имелся еще один «мотив» — контакты с православным Ираклием II — видным государственным деятелем Грузии, на дальновидную и реалистическую политику которого российские дипломаты делали своеобразную ставку. Можно сказать, что все сколько-нибудь значительные вопросы, относившиеся к Закавказью, так или иначе решались с участием грузинского царя. В этом смысле просьба П. С. Потемкина к Ираклию II: «Желательно мне, чтобы ваше высочество благоволило мне дать... сведения о владельцах, с вашими пределами граничащих», — была обычной. Однако политические устремления Ираклия II и планы России в Закавказье и Грузии не во всем совпадали. Несмотря на тяжелое внутреннее и внешнее положение Грузии Ираклий II не расставался с идеей «возрождения» ее величия. Об этом он писал, в частности, графу Г. А. Потемкину [28]. Речь шла не только о восстановлении единства Грузии, но и о зна-

[27] Buxton N., Buxton H. Op. cit., p. 206—207.

[28] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. I. Спб., 1891, с. 433—438.

чительном расширении ее политического влияния в Закавказье. Ираклий II проявлял большой интерес к Северному Кавказу, например, к коммуникациям и рудным месторождениям Осетии, к Кабарде и районам, прилегающим к Тереку, где в XVIII в. «грузинские поселения легли конструктивными элементами в важнейших, решающих пунктах» [29].

По мнению Т. Д. Боцвадзе, Россию, осваивавшую Северный Кавказ и в особенности Кабарду, никак не устраивали попытки Ираклия II (в 1778 и 1782 гг.) переселить часть кабардинцев в Грузию [30]. По меньшей мере настороженность вызывала у правительства России точно такая же политика грузинского царя в Осетии [31].

Конечно, стремление Ираклия II установить гегемонию в Закавказье, его интерес к Северному Кавказу расходились с планами России на Кавказе. Однако в 80-х гг. XVIII в. Россия, имевшая достаточно серьезных противников в Закавказье — Турцию и Иран, формально поддерживала Ираклия II. В Петербурге понимали, что военный союз с Грузией и его значение для России важнее, чем досужие искушения заподозрить Ираклия II в «опасных» планах, в реальность которых к тому же мало кто верил. Ведь осуществлению намерений Ираклия II препятствовала слишком сложная ситуация; лучше всего ее обрисовал он сам: «Турки, разиня рты свои, как змеи, окружают нас; персияне, как свирепые львы, смотрят на нас» [32]. То же самое отмечал и Давид Багратиони: «При всех стараниях царя Ираклия II о соблюдении мира и согласия с окрестными владельцами не могла быть в том крае долговременная тишина» [33].

В конце 70-х гг. для Ираклия II положение осложнилось и внутри Грузии. Внук Вахтанга VI царевич Александр при поддержке феодалов стал претендовать на картлийский престол. Ему помогали правитель Ирана Керим-хан Зенд и Соломон. В этой крайне напряженной обстановке Ираклий II мог рассчитывать только на помощь России, без поддержки которой его планы теряли всякую перспективу. Попытка Ираклия II использовать турецко-иранские противоречия и получить поддержку Турции, предпринятая ранее, ни к чему не привела: Ираклий II убедился лишь в одном: Турция стремилась к завоеванию Грузии [34]. Что касается России, то здесь, по-видимому, понимали, что ее актив-

---

[29] Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970, с. 205—206; Боцвадзе Т. Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1973, с. 73; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, с. 95.

[30] См.: Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 73; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. II. М., 1957, с. 334—345; Klaproth J. Op. cit., p. 209.

[31] АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, д. 1, л. 668, 719—720.

[32] Грамоты и другие исторические документы.., т. I, с. 408.

[33] Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971, с. 164.

[34] См.: Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 73—75; Гигинешвили О. К вопросу о внутреннем положении Турции после Кучук-Кайнарджийского мира.— Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси, 1963 (на груз. языке).

ное участие в делах Ираклия II непременно поставит Грузию в «ограничительные» рамки, а заодно умерит и политические замыслы царя.

Али-Мурат-хан иранский предлагал Ираклию II «быть под покровительством персидских шахов, по примеру предшествующих ему грузинских царей»[35]. Со своей стороны, Россия направила в Грузию доктора Якоба Эйлиса Рейнегса, роль которого в русско-грузинских отношениях оценивают весьма противоречиво[36]. По-видимому, Я. Рейнегс, ознакомившись с обстановкой в Закавказье, особенно в Грузии, решил, что готовность Грузии принять российское подданство настолько велика, что для достижения этой цели «есть ли б повелено было обрить им бороды, сия вещь священнейшая у всех азиатцев, то не размыслили бы они тот час сего исполнить». Увлекшись интересами России в Грузии, Я. Рейнегс явно не замечал Ираклия II, у которого была своя политическая программа. Это раздражало грузинского царя, не скрывавшего своего удовлетворения после того, как Г. А. Потемкин заменил Рейнегса полковником С. Д. Бурнашевым.

На исходе 1782 г. Ираклий II стал просить Екатерину II принять Грузию под свой протекторат[37]. При этом он сформулировал условия, на которых, по его мнению, строилось бы покровительство России. Они во многом повторяли те, которые еще в октябре 1771 г. царь представил как возможные при решении вопроса о российском вассалитете[38]. С тех пор произошли изменения, с учетом которых Ираклий II добавлял новые просительные пункты. Окончательно проект «дружественного соглашения» был выработан в Петербурге. Императрица считала петербургский проект вполне отражающим желания Ираклия II и предоставила князю П. С. Потемкину полномочия на заключение договора[39]. К такому решению Екатерина пришла не без колебаний и не без влияния Потемкина и Безбородко, а также в связи с полученным в Петербурге известием о намерении Ираклия II обратиться за помощью к австрийскому императору Иосифу II[40].

24 июля 1783 г. в крепости Георгиевске на Северном Кавказе Россия, представленная П. С. Потемкиным, и Грузия, представленная зятем царя И. К. Багратионом Мухранским и князем Гарсеваном Чавчавадзе, подписали Георгиевский трактат[41].

---

[35] Багратиони Давид. Указ. соч., с. 165.

[36] См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 165; Галоян Г. А. Указ. соч., с. 100; Эзов Г. А. Начало отношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Тифлис, 1901, с. 29; Иоаннисян А. Р. Указ. соч., с. 50—52.

[37] Некоторые зарубежные историки пишут, что Ираклий II принял это решение не добровольно, а под нажимом России (Creasy E. S. History of the Ottoman Turks. Beirut, 1961. 2-d ed. (1-st ed. London, 1877), p. 443; Sardari R. Un Chapitre de l'Histoire Diplomatique de l'Iran. Paris, 1941, p. 61—62).

[38] Грамоты и другие исторические документы.., вып. 1, с. 329—332.

[39] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 167.

[40] Nolde B. La formation de l'empire Russe. Paris, 1953, t. 2, p. 374; Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. London, 1981, p. 369.

[41] ПСЗРИ, собр. первое, т. XXI. Спб., 1830, № 15835, с. 1013—1017.

В преамбуле его содержалось заявление Екатерины II о роли России в защите единоверной Грузии от внешних врагов. Условия «дружественного соглашения» между Россией и Грузией составляли 13 основных и 4 сепаратные статьи.

1-я статья договора четко формулировала условия покровительства России над Грузией. В ней говорилось, что царь Грузии «торжественно навсегда отрекается от всякого вассальства или, под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сия объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства ее императорского величества и ее высоких наследников и преемников». За политические преимущества, доставлявшиеся России Грузией, грузинский царь получал гарантии сохранения «целости настоящих владений царя». Такие же гарантии (2-я статья договора) распространялись и на земли, которые Грузия могла бы «по обстоятельствам» приобрести за пределами своей территории. В этом случае Россия обещала грузинскому царю, что такие земли «прочным образом за ним утверждены будут» [42].

Как видно, суть 2-й статьи заключалась не только в сохранении внешней безопасности Грузии, но и в поощрении Россией планов Ираклия II в Закавказье. Формулировка этой статьи позволяет также считать, что правительство России, поддерживая планы Ираклия II, надеялось и в дальнейшем использовать его в своем продвижении в Закавказье. В ином случае вторая часть указанной статьи теряла смысл, поскольку для Ираклия II, лишенного, согласно 4-й статье, самостоятельной внешней политики, она носила формальный характер.

По условиям 3-й статьи договора грузинские цари при вступлении на престол обязывались получить «подтверждения с инвеститурой» от российского императора.

В 6-й статье указывалось, что Россия обещает «почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с Имеретией» и «неприятелей их признавать за своих неприятелей; чего ради мир с Портою Оттоманскою или Персиею, или иною державою и областью заключаемый, должен распространяться и на оные покровительствуемые ее императорского величества народы». Вторая и третья части этой статьи подтверждали наследственные права Ираклия II на грузинский престол и его самостоятельность во внутренних делах.

Последующие статьи договора касались прав и льгот, предоставляемых Россией Грузии и ее привилегированным сословиям: срок действия договора определялся «на вечные времена».

1-я статья, сформулированная в качестве одной из четырех сепаратных, приложенных к Георгиевскому трактату, относилась к вопросу об единстве Грузии и ее народа. В грузинской историографии высказана мысль, что еще до Георгиевского трактата,

---

[42] Там же.

пока у России в Закавказье были серьезные противники в лице Турции и Ирана и она не могла достаточно успешно противостоять им, ей выгодно было иметь здесь Грузию в качестве сильного союзника. Теперь же, когда Россия получила реальные шансы овладеть Закавказьем, тем более в условиях продолжавшегося одряхления Ирана и Турции, то нужда в единой и сильной Грузии якобы отпала; мало того, отныне такая Грузия была просто нежелательна [43]. Подобная точка зрения не согласуется с духом и содержанием Георгиевского трактата, который нельзя рассматривать иначе, как политический итог русско-грузинских отношений. В 1-й статье Приложения к «дружественному соглашению» подчеркивалась целостность грузинского народа как народа «единого происхождения и закона», а на царя Ираклия II возлагались усилия к восстановлению единства Грузии, к примерению с имеретинским царем Соломоном. Фактически Ираклий II, по смыслу этой статьи, брал обязательство по инициативе России «о соблюдении дружбы между народами единого происхождения и закона». По-видимому, когда вырабатывались положения Георгиевского трактата, Россия еще не отказалась от идеи иметь под своим покровительством сильную, «единую и нераздельную область», с помощью которой она могла рассчитывать на реальность и жизненность условий Георгиевского договора, а затем и на успешную борьбу с Турцией и Ираном, в то время не столь еще ослабленных, чтобы сбрасывать их со счетов. Исследуя статью о сохранении грузинского единства, О. П. Маркова, подвергавшая тщательному анализу Георгиевский трактат, пришла к верному, на наш взгляд, выводу, «что статья служит неоспоримым доказательством внимания русского правительства к вопросу о единстве Грузии» и что в России отказались от разделения царства на уделы и успокоились лишь после того, когда было донесено, «что царь Ираклий наследство полагает единому, и сие затруднение само собой опровержено» [44].

Другие статьи (2—4), приложенные к трактату, предусматривали ввод в Грузию на постоянную дислокацию двух батальонов пехоты и содержали обещания России в мирных или военных условиях добиваться возвращения отторгнутых в разное время от Грузии владений.

Полковник С. Д. Бурнашев, наблюдавший реакцию грузинского населения на заключение Георгиевского трактата, писал, что «местные вельможи обрели большую надежду, а народ благословляет руку, спасшую его от лезгин» [45].

---

[43] См.: Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 73; он же. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVIII века. Тбилиси, 1974, с. 71; Бердзенишвили Н. А. История русско-грузинских отношений на рубеже XVI—XVIII в. — Вопросы истории Грузии, т. IV. Тбилиси, 1967, с. 124—125 (на груз. языке).

[44] Маркова О. П. Указ. соч., с. 170.

[45] Цит. по: Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 80.

Советские историки положительно оценивают значение Георгиевского трактата в политических судьбах Грузии. Они рассматривают трактат как прогрессивное явление в жизни не только грузинского, но и других народов Закавказья [46]. Высокую оценку этому событию дают грузинские историки. Л. Алексидзе указывает: «Объективно Георгиевский трактат был призван положить конец физическому уничтожению грузин» [47]. Г. Г. Пайчадзе замечает: «Являясь выражением совпадения политических устремлений договаривающихся сторон, Георгиевский трактат демонстрировал их взаимные симпатии и взаимные интересы и по праву называется дружественным договором» [48]. В современной буржуазной историографии Георгиевский трактат, несмотря на его очевидное оборонительное назначение, расценивается как договор, заключенный в агрессивных целях Екатериной II и Ираклием II [49]. Эта мысль развивает идею одного из ранних теоретиков британского колониализма Д. Макнейла. Он пишет, что владение Грузией, которого Россия методично добивалась различными мерами, в том числе и Георгиевским трактатом, не было для Петербурга самоцелью, ибо оно было убыточно, а средством и этапом в реализации грандиозных замыслов на Востоке [50]. Между тем еще дворянские грузинские историки справедливо подчеркивали, что просьба Ираклия II о протекторате России над Грузией свидетельствует о его разумной и единственно приемлемой политике [51].

Заключение Георгиевского договора произвело большое впечатление на феодальных владетелей Кавказа, ревностно относившихся к политическому успеху грузинского царя. Прямое покровительство России над Грузией заставило владетелей Дагестана и Азербайджана считаться с Ираклием II, в адрес которого они отправляли дружественные послания.

Резко враждебно встретила этот договор Турция. «Союз, утвержденный царем Ираклием с Российскою империею, — писал историк Давид Багратиони, — произвел в мыслях турецкого правительства огорчительные предположения для Грузии». Турецкое правительство в ответ на заключение Георгиевского трактата предписало ахалцихскому паше производить набеги на грузинские владения. Османы, «...собравшись в немалом числе, вторглись в Картлию и опустошили Сакажети». По наущениям Турции аварский Омар-хан подошел к границам Грузии, «разорил в Грузии Ахтальский серебряный завод... Омар-хан, пришедши в

---

[46] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 171; Галоян Г. А. Указ. соч., с. 103; Новосельцев А. П. Георгиевский трактат 1783 г. и его историческое значение. — История СССР, 1983, № 4.

[47] Алексидзе Л. Взаимоотношения Грузии с Россией в XVI—XVIII вв.— Труды Тбилисского государственного университета, т. 94. Тбилиси, 1963, с. 91.

[48] Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983, с. 158.

[49] Atkin M. Russia and Iran 1780—1828. Minneapolis, 1980, p. 37.

[50] Mc Neill J. Progress and present Position of Russia in the East. London, 1938, p. 51—52; Seton-Watson H. The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. 61.

[51] См.: Багратиони Давид. Указ. соч., с. 165.

Ахальцих,... напал на селение Вахань, принадлежавшее князьям Абашадзевым... Разграбил оное, взял в плен князя Абашадзева со всем его семейством» [52]. Однако это были мелкие военные предприятия Турции. Предстояли решающие бои. С установлением протектората России над Грузией речь шла уже не только о турецком «противостоянии» российской политике в Закавказье. Русско-грузинский военный союз заставил Османскую империю больше думать о своей безопасности. П. Г. Бутков, характеризуя эту обстановку в Турции, писал, что слухи о намерении России якобы завоевать Турцию посеяли в Малой Азии немалый страх [53].

После ратификации Георгиевского трактата в 1784 г. Россия и Грузия сразу приступили к его реализации. Военный отряд России, находившийся в Грузии, совместно с военными силами Ираклия II стал участвовать в защите грузинского населения от организованных лезгинскими феодалами набегов, которые провоцировала Порта. В 1783 г. Ираклий II предложил построить дорогу через Главный Кавказский хребет и военную крепость у его северного подножия.

С оформлением военно-политического союза по Георгиевскому трактату необходимость в коммуникации, обеспечивавшей постоянную связь между Россией и Грузией, стала злободневной. Ираклий II просил П. С. Потемкина о строительстве дороги по Дарьяльскому ущелью и постройке города у входа в это ущелье с тем, чтобы он мог служить и перевалочным пунктом, и обеспечивать безопасность передвижения по дороге. Об этом же просили и осетинские старшины [54]. Сначала П. С. Потемкин не решался строить город у самого Дарьяльского ущелья, поскольку считал, что в слишком большом удалении от Кавказской линии город не будет достаточно обезопасен. Но после некоторой реконструкции дороги через Главный Кавказский хребет в 1783 г., когда уже наладилась транспортная связь, оказалось целесообразным поставить город в преддверии Дарьяльского ущелья. В 1784 г. здесь был основан Владикавказ, название которого символизировало не только военно-стратегическое назначение города, но и ту политическую форму, которой теперь руководствовалась Россия на Кавказе. Как и Георгиевский трактат, строительство «русского пути» и основание Владикавказа на Центральном Кавказе произвели сильное впечатление не только на Турцию и Иран, но и на владетелей Кавказа, противников российской политической ориентации. Так, ахалцихский паша писал к владетелю Карабаха Ибрагим-хану, что «эти проклятые русские проложили путь через Кавказ... теперь пойдут артиллерия и войска, попадут в Персию и Турцию и все поглотят» [55]. С этого времени объектом постоянного внимания Турции станет дорога, где она будет стремиться

---

[52] Багратиони Давид. Указ. соч., с. 165—166.

[53] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 132.

[54] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 4, л. 29, 30.

[55] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 3, л. 67. См. также: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 130—131.

нанести наиболее чувствительный удар. Для России дорога стала одновременно важнейшей коммуникацией и ахиллесовой пятой.

Первые годы после заключения Георгиевского трактата деятельность Ираклия II отмечена энергичными акциями, направленными на расширение его политического влияния в Закавказье. В письме к полковнику Томаре грузинский царь фактически изложил свою программу: «Чтобы Грузия была полезна России, нужно избавить ее от лезгинской опасности, утвердить ее власть в Гяндже и Ереване и распространить на Нахичевань»[56]. Правительство России продолжало сочувствовать настроениям Ираклия II. П. С. Потемкин просил С. Д. Бурнашева передать царю, «что покровительство ее императорского величества над Грузией не связывает рук его на распространение благосостояния его, но еще оное подкрепляет»[57]. Хотя по Георгиевскому трактату Ираклий II лишался самостоятельности во внешней политике, однако его программа совпадала с планами России в Закавказье и поскольку он действовал от имени России, то и находил ее поддержку в своих начинаниях. Так, он зондировал почву в ханствах Ирана, в Ираке, Сирии, Египте, предполагая объединить христианское население этих стран для борьбы с мусульманством. Фактически Ираклий II значительно расширял географию международных контактов России[58].

Деятельность Ираклия II объективно могла бы привести к известной политической централизации Грузии и созданию здесь заслона от агрессии Турции и Ирана. Россия поддерживала Ираклия II как своего союзника[59].

Русская дипломатия активно занималась также Западной Грузией, во главе которой в начале 80-х гг. XVIII в. оставался царь Соломон. Россия хотела бы распространить условия Георгиевского трактата и на эту часть Грузии, однако она опасалась военного столкновения с Турцией, поскольку Западная Грузия продолжала считаться зависимой от нее[60]. Тем не менее в Петербурге поощряли политическую ориентацию царя Соломона на Россию (этот царь первым из грузинских владетелей удостоился ордена Андрея Первозванного) и призывали к союзу с Ираклием II. Достигнув союза, хотя и непрочного, между грузинскими правителями, Россия предложила Соломону официально обратиться с просьбой о подданстве. Россия пока еще не намеревалась принять Западную Грузию в свое подданство, но все же желала иметь от имеретинского царя «просительное письмо» на случай, когда его можно будет пустить в ход. Сначала Соломон не ре-

---

[56] Маркова О. П. Указ. соч., с. 174.

[57] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 2/203, д. 24, л. 79.

[58] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 175; Мачарадзе В. Г. Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х гг. XVIII века. Тбилиси, 1967.

[59] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 174.

[60] Lang D. M. The Last Years of Georgian Monarchy 1658—1832. New York, 1957, p. 185.

шался на это, однако участившиеся в 1784 г. набеги турок на Западную Грузию склонили его за 3 дня до смерти подать на имя Екатерины II прошение о российском подданстве.

Новый царь Имеретии Давид Георгиевич фактически подтвердил «просительные письма» своего предшественника, а осенью 1784 г. направил даже посольство в Петербург, поручив ему решение о принятии Имеретии под покровительство России. Однако в Западной Грузии царю противодействовали протурецки настроенные владетели во главе с претендентом на царский престол Кайхосро Абашидзе. Опираясь на них, а также ссылаясь на известную статью (23-ю) Кучук-Кайнарджийского договора, где указывалось, что «помянутые народы состоят в подданстве Высокой Порты», турецкое правительство предпринимало усилия для сохранения своего влияния в Имеретии. Осенью 1784 г. оно объявило даже царем Западной Грузии К. Абашидзе, одновременно пригрозив вводом войск, если новый царь не получит признания.

Желая сохранить мир с Турцией, Екатерина II вынуждена была выполнять условия Кучук-Кайнарджийского договора и отказала посольству Давида Георгиевича. В то же время правительство России просило имеретинского царя «ожидать» решения о подданстве и усилило свою активность в Западной Грузии, стремясь всячески воспрепятствовать здесь турецкому влиянию.

Еще более успешно, чем в Закавказье, Россия действовала в Крыму. В 80-х гг. XVIII в. во главе Крымского ханства был ставленник России Шагин-Гирей. Однако внутри ханства, где население выражало недовольство ханом, положение для России оставалось сложным. Пользуясь этим, Турция превратила Суджук-кале в центр антироссийской военно-политической деятельности. Здесь турецкие эмиссары собирали всех недовольных Шагин-Гиреем. Для восстановления своего влияния в Крыму Константинополь стремился вовлечь в антироссийскую политику не только население полуострова, но и горцев Северо-Западного Кавказа [61]. Так, в 1780 г. в Суджук-кале турецкое командование направило Гасан-пашу, поручив ему доставку абазинам писем от султана. Обращаясь к ним как к своим подданным, турецкое правительство фактически требовало от абазин выступления против Шагин-Гирея. Горцы, однако, не подчинились агитации Гасан-паши и, «взбунтясь», «отважились было напасть и на крепость Суджукскую» [62]. Тем не менее, как и в Крыму, на побережье Северо-Западного Кавказа сильно ощущалось недовольство Шагин-Гиреем. В 1781 г. против хана выступили ногайцы, решившиеся, вопреки воле Шагин-Гирея, избрать себе сераскира — Мурат-Гирей-султана. Крымский хан обратился за помощью к России, и, как сообщал осенью 1781 г. Фабрициан, большинство ногайского населения подчинилось Шагин-Гирею, а часть восставших ушла за Ку-

[61] Klaproth J. Op. cit., p. 316—319.

[62] Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Т. 3. Спб., 1887, с. 702.

бань [63]. В 1782 г. в Прикубанье волнения повторились. Закубанцев поддерживали братья хана — ставленники Турции. Крымский хан вновь обратился к правительству России о содействии; он писал русскому посланнику в Крыму П. П. Веселицкому: «Она (Турция. — *авт.*) беспрестанно старается о возмущении татарских народов... нынешнего же году Порта прислала Заноглу-Мегмет-Гирей-бея с ябедами, который не только абазинцев и черкес, но и наших подданных всего острова Тамана жителей приводит в смятение и бунт, а сверх того, от нея же прислано три судна анадольских к абазинским берегам в Анапу для ногайцев с тем, чтоб отправлять на оных в свои селения» [64]. Крымский хан требовал оружия, чтобы подавить недовольных, и продовольствия, надеясь задобрить население и найти в нем поддержку [65]. Весной 1782 г. в Крыму во главе с Халим-Гиреем началось вооруженное выступление против Шагин-Гирея. Восставшим удалось свергнуть хана и избрать нового — Батыр-Гирея. Османское правительство спешило сообщить в Петербург о событиях в Крыму и, ссылаясь на Кучук-Кайнарджийский договор, требовало не вмешиваться во внутренние дела ханства.

Екатерина II писала Г. А. Потемкину о необходимости помочь Шагин-Гирею деньгами, судами и армией. Одновременно Россия готовилась ввести войска в Крым для восстановления власти своего ставленника. Осенью 1782 г. российские войска под командованием генерал-майора Самойлова вступили в Крым, и Шагин-Гирей вновь смог занять ханский престол. Потерпев неудачу в Крыму, Турция продолжала укреплять свои позиции в Суджук-кале и энергичнее действовать в Прикубанье. Она ввела войска на Таманский полуостров, объявив его жителей своими подданными. В результате этих акций султана русско-турецкие противоречия здесь достигли такой остроты, что неизбежность войны не вызывала сомнений. В Херсоне и Таганроге строились корабли, а из Кронштадта была выслана эскадра. Во главе Кубанского корпуса вновь встал А. В. Суворов. В Прикубанье стягивался и Кавказский корпус П. С. Потемкина. В ходе всех военных приготовлений в Петербурге созрело решение о скорейшем присоединении к России Крымского ханства. Правительство России все больше убеждалось, что политический статус ханства — «независимость Крыма» — таит постоянную взрывоопасность, поскольку он не только не убавил притязания Турции на полуостров, а, напротив, лишь усилил ее нажим, направленный на сохранение выгодного военно-стратегического плацдарма. Кроме того, сохранение Крымского ханства в пределах постановлений Кучук-Кайнарджийского договора, — а это делалось в противоборстве с

---

[63] См.: Ратушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978, с. 25.

[64] Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Т. 4. Спб., 1889, с. 445.

[65] Там же, с. 449—450, 467.

Турцией, — вынуждало Россию нести огромные затраты — 7 млн. руб. [66].

В конце 1782 г. Екатерина II предписала Г. А. Потемкину готовиться к присоединению Крыма. О решительности, с которой императрица приступила к борьбе за Крым, свидетельствует одна фраза: «Ежели Порта сочтет присоединение Крыма за причину к полному разрыву с Россией, то и в сем последнем случае находим мы полезнее однажды навсегда кончить наши дела с помянутою державою» [67].

В начале 1784 г. был опубликован царский манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубанского правобережья к России. Г. А. Потемкин дал распоряжение А. В. Суворову и П. С. Потемкину подготовиться к принятию присяги от новоподданных России. Местом для присяги избрали Ейское укрепление. Еще раньше, летом 1783 г., сюда пригласили представителей ногайских орд, в присутствии которых зачитали манифест Шагин-Гирея о добровольном отречении от престола. Турция не смогла противостоять военным силам России и 13 февраля 1784 г. «торжественным актом признала подданство Крыма и Кубани Всероссийскому престолу» [68].

Присоединение Крымского ханства к России следует рассматривать как одно из главных достижений политики Екатерины II на юге. Россия не только избавляла себя, Украину и Северный Кавказ от набегов крымских ханов, но и, вытеснив отсюда Турцию, получала военно-стратегический плацдарм, необходимый для укрепления позиций на Северо-Западном Кавказе и значительного расширения своего влияния на побережье Черного моря. Ф. Энгельс по этому поводу писал, что теперь Россия владела на Черном море «обширным побережьем и многочисленными гаванями» [69].

После присоединения Крыма к России правительство Екатерины II приступило к новому этапу в военно-политическом устройстве Северного Кавказа. Еще накануне крымских событий Екатерина II обращала внимание своих сановников на необходимость проведения политико-административных мер, продиктованных продвижением России на юг. Императрица настаивала, чтобы «в Крыму, Тамани и на Кубани устраивать как порядочное и образу мыслей и жития новых наших подданных свойственное земское правление, так особливо военную стражу и оборону» [70].

Уже в начале 1784 г. для «единообразного управления» делами на Кавказе П. С. Потемкина назначили кавказским и саратовским генерал-губернатором, в чем, безусловно, просматривалась идея Екатерины II вплести присоединенные к России территории на юге в единую политико-административную ткань страны.

---

[66] См.: Ратушняк В. Н. Указ. соч., с. 27, 32.
[67] РИО, т. 27, с. 221.
[68] Ратушняк В. Н. Указ. соч., с. 40.
[69] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 26.
[70] РИО, т. 27, с. 242.

Но было очевидно, что один губернатор для «Саратова» и «Кавказа» — это лишь формальная мера, с помощью которой нельзя наладить единый механизм управления. Поэтому весной 1785 г. последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества [71]. Одновременно создавалась Кавказская губерния, включавшая Астраханскую и Кавказскую области (последняя состояла из уездов: Екатериноградского, Моздокского, Кизлярского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского) [72]. Местные административные центры были возведены в степень уездных городов с применением к ним общих городских положений. «Во вновь учрежденных городах, — писал статистик И. В. Бентковский, — не было еще жителей, а уже повелено было ввести городовое положение» [73]. Екатериноград, согласно указу императрицы, квалифицировался как губернский город. Однако в указе четко не очерчивались территории и границы Кавказского наместничества: очевидно, из-за «подвижности» его границ [74]. «Постановление о границах Кавказского наместничества, — говорилось в указе, — возлагаем на соглашение наших генерал-губернаторов и правящих ту должность» [75]. Екатериноград, незадолго до этого сооруженный близ впадения Малки в Терек, стал центром Кавказского наместничества. Эксцентричное местоположение главного города нового наместничества ясно выражало стремление царизма к расширению владений России на Кавказе. По мнению А. В. Фадеева, о том же свидетельствовало само название наместничества: включая в основном Степное Предкавказье, оно уже именовалось Кавказским [76]. Наместником его был назначен П. С. Потемкин.

Образованию наместничества, а также его административному совершенствованию Екатерина II придавала большое значение. В письме П. С. Потемкину Екатерина II подчеркнула: «Объявить свое высочайшее удовольствие по случаю открытия Кавказского наместничества всем в том участвующим, дворянам сей губернии, горским князьям и удостоверить каждого в искреннем ее императорского величества желании, чтобы новый образ управления приносил им новые выгоды, послужил к утверждению их спокойствия и благоденствия» [77]. Одновременно Екатерина II отпустила наместнику, новым уездным городам, кроме Моздока и Кизляра, значительные денежные суммы — каждому городу по 10 тыс. руб.

---

[71] См.: Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 2. Владикавказ, 1912, с. 147.

[72] Дон и Степное Предкавказье. Ростов-на-Дону, 1977, с. 98—99.

[73] Бентковский И. В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии. — СГВ, 1886, № 39.

[74] По вопросам, относящимся к военно-административному устройству Северного Кавказа, здесь и далее использованы материалы дипломной работы З. М. Блиевой (Административное устройство Северного Кавказа во второй половине XVIII — начале XIX в. Орджоникидзе, 1979).

[75] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. Спб., 1886, с. 224.

[76] См.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, с. 29.

[77] Бентковский И. В. Указ. соч.

Императрица срочно направила на Северный Кавказ сенаторов — графов А. Р. Воронцова и А. В. Нарышкина, обязав их инспектировать организацию административной и судебной власти в Кавказском наместничестве[78]. Создание наместничества и централизации управления привели к серьезным изменениям в социально-политическом положении населения Предкавказья. Центральная власть, сосредоточенная у наместника, всячески стремилась к установлению в крае общих законов Российской империи. При этом она, как правило, не считалась с привилегиями казачества на земли, угодья, рыбную ловлю, морские промыслы и т. д. С организацией наместничества казачество лишалось также права продажи вина, добычи соли. Население Предкавказья стали облагать повинностями, натуральными и денежными, сборами на содержание полиции. Гражданская администрация, издавая постановления, определявшие правила ухода за скотом, обработки марены, развития шелководства, фактически проникала во все сферы хозяйственной и бытовой жизни населения[79]. В Кавказском наместничестве из-за напряженной военно-политической обстановки, по существу, не было разграничения функций между гражданскими и военными властями; военно-административный гнет тяжелым бременем ложился на трудовое население. На должности, учреждаемые по гражданскому управлению Кавказским наместничеством, как правило, назначались военные. Эти меры необходимо рассматривать как устойчивую тенденцию в административной политике России на окраинах государства, прежде всего на Кавказе и в Средней Азии, где вплоть до преобразования военных крепостей в города гражданское население состояло в ведении военной администрации. При осложнении военной обстановки полномочия военных властей неизмеримо возрастали. В такие периоды военные присваивали решение вопросов, составлявших компетенцию гражданской администрации.

Гибкой политической доктрины придерживалась царская администрация в отношении местного населения. Суть ее сводилась к тому, чтобы горцы видели в деятельности администраторов России на Северном Кавказе «целесообразность» и оценили полезность функционирования этой власти. В одном из предписаний подчиненным П. С. Потемкин так поучал их: «Кабардинцы, татары, на Кубани живущие, кумыки по поморью Каспийскому и под горами живущие, ингушевцы... знатная часть Осетии, Кавказские горы занимающих, кои, хотя еще не состоят по всем отношениям нового управления, но подданные российскому императорскому престолу, суть надлежит наместническому правлению предложить во все нижние суды, дабы сим народам нигде и ни под каким видом ни мало притеснения не было, на противу стараться всякое дело, всякую просьбу их решать в самой скорости, дабы судом безволокитным и познанием пользы, установленных судами,

[78] Бентковский И. В. Указ. соч.

[79] Очерки развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках.., с. 9.

приучать и восчувствовать... всех и каждого в безопасном состоянии пребыванием и всякого законного стяжения от учрежденных законов, о чем и ... рескрипте 9 мая 1785 года статье повелено»[80]. Нельзя согласиться с мнением И. В. Бентковского, будто Екатерина II, открывая Кавказское наместничество, не придерживалась принципа «местных условий».

С образованием Кавказского наместничества царизм приступил к колонизации края. На обширной территории наместничества создавались поселения, заселялись только что основанные города. Царские чиновники не ограничивались обычным заселением и освоением территории, преследующим только задачи укрепления южных рубежей России. В Кавказском наместничестве с его незанятыми еще обширными и плодородными землями колонизацию осуществляли строго по социальной принадлежности переселенцев и при соблюдении правила: «Крестьян одних с другими не мешать»; не создавались также поселения, где бы горцы жили совместно с русским крестьянством и казачеством. Поскольку это положение вводилось лишь с учреждением Кавказского наместничества (раньше русские крестьяне-переселенцы, по своей численности составлявшие еще ничтожное количество, занимали земли стихийно), правительство решило с помощью новой администрации внести социально-этнические коррективы в демографическую карту Предкавказья. С этой целью в 1787 г. П. С. Потемкин дал указания, чтобы «1. Малороссиян поселить в степных местах как людей, привыкших к безлесным местам; 2. Татар Казанской, Вятской губерний поселить на Кавказской дороге..; 3. Присоединить к солдатским слободам однодворцев», чтобы дети их вошли «в тот же род и звание»[81]. П. С. Потемкин стремился к организации населенных пунктов и запрещал создавать станицы, число жителей которых было бы меньше 1 тыс. душ. Освоение Северного Кавказа осуществлялось чрезвычайно интенсивно. Только весной 1787 г. П. С. Потемкин готовился принять 10 тыс. крестьян, для которых уже были выделены деньги и семена для посева[82]. В Царицыне и Черкасске создавали сборные пункты для приема прибывших на Северный Кавказ крестьян. Отсюда переселенцев направляли в уезды Кавказского наместничества, а уездная администрация определяла им конкретное место поселения.

Территория Предкавказья, захваченная колонизацией, ограничивалась сравнительно неширокой полосой между Ставропольем и Моздоком, а обширные земли Прикубанья, отошедшие к России в 1783 г. в связи с присоединением владений Крымского ханства, оставались незаселенными.

Несмотря на правительственные меры, направленные на заселение края, население Кавказской области росло медленно.

---

[80] Бентковский И. В. Указ. соч.
[81] Там же.
[82] Там же.

В 1785 г. здесь проживало 22 158 душ мужского пола, из них 5 742 человека считались жителями городов, а остальные (16 416 человек) составляли сельское население [83]. В 1790 г. сельское население Кавказской области увеличилось до 25 451 душ мужского пола, а число новоселов за это же время значительно возросло. Сравнительно медленный рост населения объясняется высокой смертностью [84] среди переселенцев и еще одной причиной: новоселы-крестьяне, попадавшие в Кавказской области под власть новых помещиков, стремились вернуться в Россию к привычным условиям жизни. Эти демографические явления носили характер устойчивой тенденции. И в последующем в 1791—1801 гг., то есть за 10 лет, в пределы Кавказской области переселилось только 3 696 казенных и помещичьих крестьян [85].

Осуществляя колонизацию Предкавказья, самодержавие стремилось прежде всего удовлетворить запросы русских помещиков. С этой же целью оно запрещало крестьянам самовольно заселять земли, заботилось о насаждении на новых территориях дворянского землевладения и утверждения крепостного права. В Предкавказье раздача русским дворянам земельных владений началась задолго до образования Кавказского наместничества, еще в 1735 г. С созданием российского административного аппарата этот процесс принял широкий размах. Так, с 1785 по 1804 г. в предкавказских степях русским помещикам было роздано 160 тыс. десятин плодородной земли [86]. Подобная политика способствовала формированию местного дворянского сословия. В 1785 г. в Кавказской губернии насчитывалось уже 22 крупных землевладельца-дворянина, они принимали активное участие в политической и военно-административной деятельности, направленной на широкое и разностороннее освоение Предкавказья. «Особую» миссию дворянства на Кавказе подчеркивала специально для него установленная форма [87].

Другие социальные категории населения Предкавказья, 76% которого составляли русские (без учета казачества), по данным И. В. Бентковского, распределялись так: купцов — 52, мещан — 188, крестьян-однодворцев — 12 456, государственных крестьян — 1 931, помещичьих крестьян — 843, дворовых людей — 124, отставных солдат — 469, беглых помещичьих крестьян — 124, работных людей на шелковом заводе — 142 [88].

Пестрой социальной картиной, дополненной этнической неоднородностью, Предкавказье явно походило на другие части Кавказа. Здесь, кроме основного населения — русских, проживали ар-

[83] См.: Стащук Н. И. Заселение Ставрополья в конце XVIII в. — Материалы по изучению Ставропольского края, вып. IV. Ставрополь, 1952, с. 168.
[84] См.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья.., с. 33, 47.
[85] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 255—256.
[86] См.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья.., с. 33.
[87] См.: Бентковский И. В. Указ. соч. — СГВ, 1886, № 39.
[88] См.: Бентковский И. В. Указ. соч. — СГВ, 1886, № 42.

мяне — 2 092, грузины — 1 323, осетины — 461 и др. (к сожалению, мы не располагаем данными о социальном составе нерусского населения).

Все население Предкавказья, в том числе и «вольное» казачество, в 80-х гг. XVIII в. попало в сферу административной системы Кавказского наместничества. Устройство наместничества сопровождалось явным подчеркиванием прочности и незыблемости позиций России в районах, отошедших к ней в последние десятилетия. Об этом свидетельствовали и празднества, устроенные в честь учреждения наместничества 18 января 1786 г. Торжества продолжались целую неделю; в них, помимо войск и гражданских лиц, принимали участие представители от всех уездов, а также кабардинские и другие горские знатные князья и уздени. Самодержавие пышно отмечало утверждение России на Северном Кавказе, успехи своей внешней политики в этом районе [89].

Присоединение Крыма к России, серьезное укрепление позиций на Северо-Западном Кавказе, учреждение администрации в Предкавказье и частично на Центральном Кавказе, российский протекторат в Грузии — события, происшедшие за 2—3 года благодаря энергичной политике России на Кавказе, имели большой политический резонанс. Они существенно влияли на общекавказскую обстановку, меняли поведение местной феодальной знати, просыпавшейся от вековой спячки и обнаруживавшей вкус к политической деятельности. Неизмеримо возросла экспансивность Турции и Ирана, стремившихся «овладеть» событиями на Кавказе, придать им политическую направленность, отвечавшую требованиям их агрессивных планов. Положение на Кавказе, фактически вступившего в новую полосу внутренних и внешних противоречий, остро развивавшихся вокруг политической ориентации его народов, крайне осложнилось.

§ 2. Кавказ в годы русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

К середине 80-х гг. XVIII в. относится новый кризис в русско-турецких отношениях. Его вызвали успехи русской дипломатии на Кавказе, а также «энергичный натиск» турецкой пропаганды на Кавказе и военные приготовления турок [90]. Османское правительство, так и не признавшее Георгиевский трактат, развернуло активную деятельность на Северном Кавказе и в Закавказье по подстрекательству против Грузии политически неустойчивых азербайджанских и дагестанских владетелей, призывало все народы Кавказа к выступлению против России [91]. В призывах к войне против России и Грузии, обвинявшейся в «отступничестве»,

[89] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе.., с. 131; Отечественные записки, 1825, № 65, ч. XXV. Спб., с. 322—346.

[90] Anderson M. S. The Eastern Question, 1774—1923. — A Study of International Relations. London—New York, 1966, p. 12—13.

[91] См.: Маркова О. П. Указ соч., с. 202.

усердствовал ахалцихский Сулейман-паша, полностью усвоивший турецкую манеру в дипломатической игре. Сулейман-паша по-восточному не скупился на заверения в дружеских чувствах Ираклию II. Одновременно он рассылал письма и воззвания ко всем мусульманам на Кавказе, а также копию ноты российского правительства султану, в которой содержалось уведомление России о протекторате над Грузией и готовности императрицы защитить Грузию от внешних врагов. В ходе антирусской деятельности Ахалцих вновь стал опорным пунктом лезгинских феодалов. Вступая в жестокую борьбу с Россией на Кавказе, Турция пыталась «наказать» народы, особенно грузин, вошедшие в состав России или же разделявшие ее политический курс: на жителей бассейна Куры совершали набеги, отгоняли их скот, грабили имущество. В то же время султан рассылал подчиненным ему владельцам фирманы, «запрещавшие» совершать подобные вылазки, делая вид, будто Порта не причастна к военной экспансии в Грузии. Турция пыталась предстать перед грузинским населением и Россией в качестве лояльного наблюдателя событий на Кавказе. Впрочем, так же двулико, как турецкий султан и ахалцихский паша, вели себя мусульманские владетели Восточного Кавказа [92]. Как доносил П. С. Потемкин Г. А. Потемкину, турецкий эмиссар орудовал среди дагестанских феодалов. Он пробрался и к осетинам и уговаривал их портить дороги, преграждать всякое сообщение России с Грузией [93].

В этой крайне неустойчивой политической обстановке, усугублявшейся двуличием мусульманской знати, Россия принимала меры, направленные на дальнейшее развитие своей политики в районах, не вошедших еще в состав России. Российское правительство позаботилось прежде всего об ослаблении антигрузинской феодальной коалиции, которую пыталась создать Турция на Кавказе. С этой целью оно оповестило местных владетелей о присоединении Крыма к России и заключении между Россией и Турцией конвенции о Крыме. С письмами, сообщавшими об этих событиях, П. С. Потемкин направил офицеров в разные районы Кавказа. Посланцы П. С. Потемкина возвратились с ответными письмами от владетелей, выражавших желание быть верными России и служить ей [94]. Среди тех, на кого произвели впечатления крымские события и кто, признав поражение Турции на Кавказе, предпочитал выбрать позицию более сильного, оказались и дагестанские владетели, также приславшие свои корреспонденции русскому генералу с просьбой о подданстве. Мир с дагестанскими феодалами укреплял позиции России на Кавказе. П. С. Потемкин получил также предписание склонить к подданству России и шамхала тарковского. Выполняя поручение своего правительства, он

[92] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе.., с. 130; Маркова О. П. Указ. соч., с. 203—205.

[93] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе.., с. 130.

[94] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 205; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 133.

направил шамхалу Муртузали грамоту с предложением о подданстве и подарки — соболью шубу и саблю. Об обращении П. С. Потемкина к шамхалу, по-видимому, узнали и другие дагестанские владетели, которые также просили о российском подданстве.

В Северо-Восточном Кавказе, этнически пестром районе (где преобладало мусульманское население), раздираемом междоусобицами, Турция особенно надеялась поднять население на борьбу против России и прорусской ориентации Грузии. В 1784 г. османское правительство направило посольство (60 человек) во главе с Ибрагим-эфенди с богатыми подарками султана, предназначенными для владетелей Дагестана и Азербайджана. По поручению турецкого правительства миссия Ибрагим-эфенди имела целью призвать мусульман к «священной войне» против России и для ее начала вызвать здесь волнения. Кроме того, Турция стремилась к заключению военного союза с владетелями Восточного Кавказа, который способен был бы не только противостоять русско-грузинскому союзу, но и служил бы интересам ее агрессивных кругов. Ибрагим-эфенди удалось вызвать в Азербайджане антирусские и антигрузинские выступления. В Ахалцихе он добился заключения военного союза с частью дагестанской и азербайджанской знати — ширванским, карабахским, нухинским и джарским владетелями. Союз этот был скреплен клятвой, однако совместного выступления союзников против России и Грузии османскому правительству достигнуть не удалось. Напротив, деятельность Ибрагим-эфенди по созданию союза, больше опиравшаяся на религиозные чувства, нежели на единство целей, вызвала отрицательную реакцию христианского населения Закавказья; здесь формировался армяно-грузинский союз, основанный на общности интересов в борьбе против Турции и Ирана, на развитии российской внешнеполитической ориентации. Много усилий для укрепления грузино-армянского союза приложил глава армянской церкви в России Иосиф Аргутинский[95]. Он призывал католикоса Гукаса решительнее действовать за союз с Россией и Грузией. Тогда же из среды армянского населения выдвинулись политические деятели, установившие тесные связи с военными и государственными деятелями России для союза и сотрудничества в борьбе против общих врагов. Активные отношения сотрудничества с П. С. Потемкиным поддержал Степан Тер-Саакян — общественный деятель, выступавший за развитие русско-армянских связей[96].

Турция предпринимала энергичные меры для подрыва формировавшегося в Закавказье русско-грузино-армянского союза. Она действовала через карабахского Ибрагим-хана и азербайджанского Ахмет-хана. С помощью последнего османское правительство пыталось влиять и на Армению, в частности на Эривань. Ахмет-хан выдал свою дочь за сына Мухаммед-хана эриванского, а в

[95] См.: Галоян Г. А. Указ. соч.; Эзов Г. А. Указ. соч., с. 30—31.

[96] См.: Григорян З. Т. Указ. соч., с. 53; Иоаннисян А. Р. Россия и армянское освободительное движение.., с. 114—115.

1785 г., взяв Тебриз, стал в Закавказье опасным соперником не только Ираклия II, но и России. Развивая свою политику в Эривани через Ахмет-хана, Турция учитывала военно-стратегическое значение Эриванской крепости, самой крупной в Закавказье. Турецкое правительство переходило от связей с иранскими ханами к враждебной пропаганде против России и Грузии в самом Иране. Турция объявила себя «защитницей» Ирана, подчеркивая единство мусульман; она с «тревогой» сообщала о стараниях Ираклия II склонить азербайджанских ханов к союзу с Россией и тем самым «злодейски погубить» их [97]. В результате этих действий султана для грузинского царя возникла реальная опасность потери Эриванского ханства. Ираклий II вынужден был направить в Ереван войско и таким образом временно стабилизировать положение. Тем не менее в 1785 г. Турции все же удалось поднять часть азербайджанских и дагестанских ханов против Грузии и войск России, находившихся тогда в Закавказье. «Ираклий, — писал Н. Ф. Дубровин, — получал со всех сторон сведения о сборе на его границах многочисленных врагов: в Ахалцихе собирались лезгины и турки, подстрекаемые и набираемые Сулейман-пашой; Омар-хан Аварский, соединяясь с Омаро-белоканцами, также приготовлялся ко вторжению в Грузию» [98]. Весной 1785 г. начались крупные военно-карательные экспедиции турок против Грузии. Одна из них лезгино-турецкая (3 тыс. человек) напала на русско-грузинский отряд, охранявший у Сурамского перевала подступы в Грузию. Экспедиция потерпела поражение, и Турция принялась за подготовку новой, щедро оплачиваемой ею экспансии: султанские деньги развозил Гарай-бек, родственник казикумухского хана, находившийся на содержании турецкого правительства [99]. В Грузию была направлена экспедиция более 20 тыс. лезгин. Этой военной силе противостояли 8 тыс. вооруженных новобранцев Ираклия II и отряд в 1 059 человек полковника С. Д. Бурнашева. Ираклий II и С. Д. Бурнашев просили Екатерину II о помощи войсками и боеприпасами. «Откровенно скажу, — сообщал Ираклий II П. С. Потемкину, — ежели войском и деньгами не поможете... то разорится отечество наше» [100]. В это время Россия была в затруднительном положении, так как Северный Кавказ подвергался набегам шейха Мансура — ставленника Турции. Ввязываться крупными силами в события в Закавказье и одновременно заниматься подавлением движения шейха на Северном Кавказе означало втянуться в войну с Турцией, которую Россия желала избежать. Грузии пришлось ограничиться 8 ротами полковника Бурнашева и силами Ираклия II. К объединенным войскам Грузии и России присоединились 400 осетин [101]. Все эти силы расположились на подступах к Тбилиси. Умма-хан

[97] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 206.
[98] Дубровин Н. Ф. История войны.., т. II, с. 84.
[99] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 210.
[100] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, л. 15.
[101] См.: Дубровин Н. Ф. История войны.., т. II, с. 141.

аварский сначала сделал вид, что идет на Тбилиси, а затем резко повернул на Борчалу — главный объект военного нападения. Здесь он разрушил завод и серебряные рудники, захватил плен-ных и богатую добычу. Провоцируя набеги, Турция преследовала не только политические цели: в первом полугодии 1786 г. в Константинополе было продано не менее 3 200 грузин [102].

Одновременно турецкое правительство, пользуясь некоторым замешательством грузинского царя и нерешительными действиями России в Закавказье, предъявило Ираклию II свои требования: полностью прекратить связи Картли-Кахетии с Россией и признать власть султана, уничтожить дороги через Кавказские горы и разрешить построить в Осетии (в Дарьяльском ущелье) турецкую крепость [103].

Политика России в отношении Турции, ее недостаточная последовательность в соблюдении условий Георгиевского трактата обязывавших Россию к решительным военным действиям против внешних врагов Грузии, разочаровывали Ираклия II в союзе с Россией. В обстановке, когда жестокая экспансия с Восточного Кавказа приняла угрожающие для страны масштабы, в условиях постоянного военно-политического нажима со стороны Турции Ираклий II вновь прибег к рискованному дипломатическому маневру — сближению с Турцией. Ираклий II вел переговоры с султаном не без ведома правительства России. Объясняя свои действия, он указывал, что на это его толкают крайне тяжелые военные обстоятельства и он не имеет права на малейшее промедление в поисках путей спасения страны, которой грозит гибель, если ему не удастся договориться с Турцией. Османское правительство пыталось извлечь выгоды из трудностей, испытываемых Ираклием II: к прежним своим требованиям оно добавило немедленный вывод русского отряда из Грузии. Ираклию пришлось убеждать Турцию, что в таком случае Грузия будет оголена перед возможным натиском ее врагов [104].

Менять политику пришлось не только грузинскому царю, но и России. Не желая столкновения с Турцией, Россия решила договориться с отдельными горскими ханами, щедрыми подарками пытаясь умерить их воинственность. В такой ситуации некоторые владетели, например Умма-хан аварский, получали подачки и с русской, и с турецкой стороны. Впрочем, тот же аварский хан, озабоченный лишь военной добычей, вряд ли вникал в тонкости политики противоборствующих на Кавказе государств, но зато быстро осознал выгодность своего положения и охотно принимал дары от обоих противников.

В Петербурге также начинали понимать, что курс на установление в Закавказье «гегемонии» Ираклия II ошибочен, поскольку он вызывал недовольство горских правителей. Это недовольство

---

[102] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 211.

[103] См.: Блиев М. М. Русско-осетинские отношения, с. 250.

[104] См.: Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией, с. 84, 85.

использовала Турция, натравливая на Ираклия II закавказских владетелей. Поэтому в Петербурге постепенно отходили от поддержки планов Ираклия II и продумывали новый план создания «земского войска», или милиции горских народов, чтобы их силами оказывать военную помощь Грузии. Для формирования такого войска Г. А. Потемкин предлагал ежегодно отпускать 60 тыс. руб. «Финансирование» войска со стороны России предполагало его полную зависимость от российской администрации на Кавказе. Царское правительство, с одной стороны, делало вид, будто оно отступает от прежней энергичной дипломатии в Закавказье, а с другой — разрабатывало проект укрепления обороны Закавказья, и в частности Грузии.

Между тем обстановка осложнилась и на Северном Кавказе, где Турция наряду с агрессией в Закавказье пыталась осуществить свои завоевательные планы. В 1785 г. здесь началось антирусское движение населения во главе с Ушурмой, или, как он известен в исторической литературе, шейхом Мансуром. Движение Мансура было организовано Турцией, помогавшей ему всеми средствами [105]. Планы шейха Мансура, по существу, были планами турецкого правительства. П. Г. Бутков писал: «Смятения, произведенные на Кавказе лжепророком Ушурмой, воспламенили всю ту полосу и сильное имели влияние на дерзость лезгинских владельцев и ахалцихского паши: кажется, все они действовали по одному плану, начертанному от турков» [106]. Шейх Мансур стремился захватить военную линию Астрахань — Кизляр — Моздок, овладеть дорогой через Осетию и Кавказский хребет, отрезать Россию от Закавказья и подчинить себе значительную часть Северного Кавказа. С этой целью в 1785—1786 гг. он пытался взять Очинскую пристань, чтобы прервать сообщение Астрахани с Кизляром. Шейх Мансур установил также связь с Умма-ханом, готовившим тогда выступление против Грузии. Умма-хан сообщал шейху о подарках турецкого султана, якобы привезенных для него Ибрагим-эфенди, агентом Турции. Аварский хан воодушевлял «чеченского пророка» на борьбу против России и даже обещал навестить его [107]. На стороне шейха Мансура выступали и некоторые другие дагестанские владетели (казикумухские), также получавшие письма и подарки от правительства Турции. Летом 1785 г. шейх сосредоточил свои силы на подступах к Кизляру. Потерпев ряд неудач в стычках с войсками России, он принялся за активную пропаганду протурецкой ориентации среди мусульманского населения Северного Кавказа. Шейх Мансур совместно с турецкими агентами старался привлечь к войне против России не только

---

[105] См.: Дубровин Н. Ф. История войны.., т. II, с. 246—247; Смирнов Н. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. — ВИ, 1950, № 10, с. 22—24; Klaproth J. Op. cit., p. 211—212.

[106] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 179.

[107] См.: Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 года по 1202 год Хиджры (1775—1784). — Русский архив, кн. I, 1888, с. 381.

дагестанских владетелей, но и народы Центрального Кавказа. Часть феодальной верхушки Кабарды приняла участие в его движении. Однако выступление шейха Мансура не было массовым народным движением: его призывы к борьбе против России не находили широкого отклика среди народов Северного Кавказа [108]. В движении шейха Мансура не было единства, поэтому оно с самого начала обнаруживало признаки распада и разложения. Не случайно к лету 1786 г. из лагеря «чеченского пророка» стали уходить кабардинские князья и дагестанские владетели (аксайские, эндереевские и др.). Покинул шейха даже Дол — самый преданный его приверженец среди кабардинских феодалов. После этого кабардинцы с полным основанием могли сказать: «К имаму мы не касаемся...» [109] Участников движения становилось все меньше, менялся и его социальный состав. Так, один из информаторов кизлярского коменданта Вешнякова доносил, что у шейха Мансура «войска не более 300 человек и то совсем не из знатных, а из бродяг...» [110]

Г. А. Потемкин также считал, что шейх Мансур — «орудие, присланное от турок», и потому советовал учитывать отрицательное отношение горского населения к шейху. Царизм решил использовать в борьбе с шейхом местные силы. В 1786 г. П. С. Потемкин получил именной указ о создании боевых команд из осетин, кабардинцев и ингушей. Уже в том же 1786 г. эти «военные команды» были укомплектованы и совместно с российскими войсками под началом генерал-майора Горича приняли участие в борьбе против шейха Мансура [111]. В конце 1786 г. «чеченский пророк» потерпел поражение от объединенных войск горцев и, преследуемый войсками России, скрылся.

В исторической литературе движение шейха Мансура получило разноречивое освещение. Достаточно аргументированными представляются работы Н. А. Смирнова и Б. В. Скитского [112]. Оба автора считают это движение сепаратистским, поддержанным Турцией. Правда, позже Н. А. Смирнов изменил свое мнение о мотивах движения шейха Мансура. Он писал: «Игнорирование царской администрацией интересов горцев, захваты их земель для русских поселенцев, насаждение на Кавказе русских помещиков из числа генералов и высших царских чиновников — все это вызывало недовольство кавказского населения». Поводом к выступлению шейха Мансура Н. А. Смирнов считал «землетрясение», происшедшее якобы в начале 1785 г. [113]. Эти взгляды в гипертрофированном виде получили развитие в работе Ш. Б. Ахмадова.

---

[108] См.: Дубровин Н. Ф. История войны., т. II, с. 105.
[109] ЦГАДА, разр. 23, д. 13, ч. 12, л. 194.
[110] ЦГАДА, разр. 23, д. 13, ч. 10, л. 372.
[111] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 3, с. 198; ч. 2, с. 206—207.
[112] См.: Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители, с. 135—162; Скитский Б. В. Очерки истории горских городов. Орджоникидзе, 1972, с. 159—163.
[113] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе.., с. 138.

Ш. Б. Ахмадов недооценивает значение турецкого влияния на причины и характер движения [114]. Между тем даже турецкий историк Джевдет-паша указывал, что «пот религиозного рвения» выступал на лицах тех мансуровцев, кто получал подарки от султана [115]. Внутренние социальные мотивы, из которых исходили рядовые уздени, примкнув к шейху, сами участники движения четко объясняли в одном из писем кизлярскому коменданту: «... согласясь с другими присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы наши по закону, обидчики от обид и наглостей были удержаны, воры были наказаны, включая притом и то, чтобы быть к России в верности» [116].

В значительно осложнившейся русско-турецкими противоречиями и движением шейха Мансура обстановке на Кавказе правительство России вновь пыталось заручиться от горских владетелей присягами верности, которые позволили бы установить над ними политическое покровительство России. Особое внимание царское правительство обращало на районы, казавшиеся России менее всего надежными в условиях движения шейха Мансура и возможной войны с Турцией. Так, весной 1786 г. П. С. Потемкин принял посольство шамхала тарковского, доставившее наместнику текст присяги шамхала с указанием, что он вступает в подданство России. В честь торжественного принятия подданства России тарковским шамхальством был произведен воинский салют [117]. Аналогичные присяги приняли перед Россией эндереевцы, аксаевцы, уцмий кайтагский, а также посланник Фатали-хана Мирза-Садык. В Кизляр для принятия присяги приехали и посланцы казикумухского и кюринского Магомед-хана Али-ага и Кара-ага [118]. Принять подданство России и присягу верности пожелал даже Умма-хан аварский, который уверял Екатерину II: «Повергаясь с полным упованием на покровительство ее императорского величества, буду в верной службе вашей и России». Еще накануне Г. А. Потемкин старался расположить Умма-хана к России. С этой целью он в конце 1786 г. добился назначения хану ежегодного пособия в 6 тыс. руб. и преподнес ему перстень ценой около 2 тыс. руб. Одновременно Умма-хан получил от турецкого султана 8 тыс. червонцев, богато украшенную саблю и соболью шубу [119]. Хан особо не раздумывал, чьи подарки принять и соответственно выбрать сторону. Как и раньше, он действовал на два фронта.

Определенный подъем в настроениях горских владетелей, по-

[114] См.: Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. — ИЧИНИИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Сборник работ аспирантов, т. IX, вып. 1, ч. III. Грозный, 1974, с. 58—74.

[115] Джевдет-паша. Указ. соч., с. 385.

[116] ЦГАДА, разд. 23, д. 13, ч. 12, л. 329.

[117] Отечественные записки, 1825, № 66, ч. XXIV, с. 156.

[118] См.: Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 153.

[119] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 225.

видимому, вызывался еще и ожидавшимся приездом на Северный Кавказ Г. А. Потемкина. Российская военная и гражданская администрация готовилась к инспекторскому смотру, а горские владетели соревновались в политической благонадежности, ожидая получить за это вознаграждение. Разумеется, гостя могла волновать не столько исправность подведомственных П. С. Потемкину учреждений, сколько тот политический эффект, который он ожидал получить от своей поездки на Северный Кавказ. Не случайно вояж Г. А. Потемкина рассматривался как «знаменитый подвиг» [120]. Но его поездка в 1786 г. не состоялась, и не потому, что отпали мотивы, заставлявшие собираться в дорогу видного екатерининского сановника. Напротив, даже ранг князя Потемкина показался недостаточно высоким для достижения цели подобной поездки. Очевидно, накануне разрыва с Турцией, в котором уже мало кто сомневался, важнее было путешествие самой императрицы.

В 1787 г. Екатерина II отправилась в поездку на юг. В этой демонстрации императрицу, знакомившуюся с приобретенным краем и новыми подданными, сопровождали многочисленная свита, иностранные дипломаты, которым предстояло убедиться в прочности позиций России в присоединенных к ней районах. На протяжении всего пути следования Екатерине II устраивали пышные и торжественные встречи. Особенно большое значение придавалось встречам на юге, где представители различных народов, вошедших в состав России, должны были показать себя «надежными подданными». Так, по свидетельству историка А. А. Лефорта, в Крыму императрицу приветствовали легионы черкесов и крымских татар. В Балаклаве навстречу государыне вышли 200 татарских девушек, одетых в амазонские платья, вооруженных копьями, стрелами и ружьями [121].

Встречи, конечно, сопровождались и деловыми переговорами Екатерины II с представителями присоединенных к России народов Северного Кавказа. Одну из подобных встреч с императрицей имели и представители Осетии во главе с Мамиевым Карадзау. Основанием для такого утверждения могут служить и устные и письменные свидетельства. В неопубликованных материалах П. Г. Буткова нами обнаружен очерк «Осетины». Побывав в Осетии, историк отметил, что «поселение Куртат, Олагир, Заха, Нара имели своих депутатов при князе Потемкине Таврическом», и сама Екатерина II была восприемницей «кубатиевского владельца Кирмана Кубатиева, нареченного в святом крещении Александром». Он имел потом чин майора. Г. А. Потемкин стал восприемником «трех старшин куртатинских, а генерал-поручик Потемкин» был восприемником «двух старшин тагаурских» [122]. О приезде осетинских делегатов к Екатерине II и грамоте, выдан-

[120] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 215.

[121] См.: Лефорт А. А. История царствования государыни императрицы Екатерины II, ч. 4. М., 1838, с. 50.

[122] ЦГВИА СССР, ф. 482, д. 192, л. 187—201.

ной императрицей, писал также Коста Хетагуров [123]. Поручик Бларамберг лично видел в Нарской церкви «свидетельство о верности нарцев» и «кафтаны», полученные осетинами в подарок от Екатерины II [124].

Поездка Екатерины II послужила поводом для раздувания слухов о планах России по «уничтожению» Османской империи. На специальных совещаниях английского посла в Константинополе обсуждались цели вояжа русской императрицы. Однако Екатерина II продолжала проводить в отношении Турции весьма осторожную политику [125]. Желая оттянуть войну и выиграть время, она фактически отказывалась от наступательной дипломатии на Кавказе. В августе 1787 г. Екатерина II наставляла своего посланника в Турции Я. И. Булгакова, чтобы он предпринял все для отсрочки войны хотя бы до 1788 г. Россия не настаивала больше на своем политическом протекторате над Грузией и даже разрешала Турции держать консула в Крыму. Осенью 1787 г. Россия согласилась вывести из Грузии свои войска [126], дав возможность Ираклию II успешнее вести дипломатическую игру с турецким султаном, требовавшим вывода российских войск из Грузии. Впрочем, Ираклий II не совсем разделял решения правительства России о немедленном отводе из пределов Грузии отряда С. Д. Бурнашева и просил командование отложить хотя бы на время выполнение этого решения. Но правительство России, уверенное в правильности своих действий, не только возражало грузинскому царю, но и шло дальше в дипломатическом маневре, создававшем впечатление об отступлении в планах кавказской политики. Петербург просил грузинского посла Г. А. Чавчавадзе выехать из России, решил срыть крепость Владикавказ, позволявшую контролировать движение по Военно-Грузинской дороге. Эти меры царизма, как и заключение в июле 1787 г. сепаратного оборонительного договора Ираклия II с Турцией, фактически были направлены не только на то, чтобы оттянуть войну, но и избежать развертывания боевых действий на кавказском театре. Эти меры достигли цели — фронт в Закавказье не был открыт, главные военные события происходили на европейской территории, где обстановка для России не представлялась столь сложной, как на Кавказе. Турция, опираясь на поддержку Англии и Франции, стремилась к скорейшему развязыванию войны, и здесь миротворческие усилия российской дипломатии оказалась тщетными. Последнее ультимативное требование султана, рассчитанное на то, чтобы начать войну, касалось Крыма. Турция ставила перед Я. И. Булгаковым вопрос о немедленной уступке полуострова. Не дожидаясь ответа, турки, нарушив элементарный дипломатический этикет, арестовали посла России. Через несколько дней

[123] См.: Хетагуров К. Собр. соч. в 5 томах, т. 4. М., 1960, с. 313.

[124] ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 414, д. 301, л. 224; Осетинское народное творчество. Т. 1. Орджоникидзе, 1961, с. 514—516, 601—610.

[125] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 245.

[126] См.: Багратиони Давид. Указ. соч., с. 166.

после этого турецкий флот в районе Кинбурна атаковал сторожевые суда России, положив таким образом начало новому русско-турецкому столкновению.

Первая же кампания — сражение под Кинбурном, где российской армией командовал А. В. Суворов, и поход российских войск на Северном Кавказе против крымских татар под командованием генерала П. А. Текелли — была отмечена победой русского оружия. Вскоре Россия стала готовить свой флот для отправки в Средиземное море, рассчитывая поднять всеобщее восстание среди угнетенных Турцией балканских народов, уничтожить турецкий флот в Средиземное море и двинуться на Константинополь [127]. Но для России ведение войны осложнялось ухудшавшейся международной обстановкой. Уже в 1788 г. (на это время назначалась указанная экспедиция в Средиземное море) против России образовался тройственный союз Англии, Пруссии и Голландии. Тогда же России фактически объявила войну Швеция. Направив свой флот в Финский залив, она предъявила России заведомо невыполнимые требования (в частности, потребовала возвратить территории, отошедшие к России после Северной войны, аннулировать условия Кучук-Кайнарджийского договора, вернуть Турции Крым и т. д.). Тем не менее армия России и в 1788 г. успешно провела несколько морских сражений, теснила турецкие силы на суше. В дальнейшем, особенно в 1790 г., Турция терпела поражение за поражением. Постепенно от нее отходили Франция и Англия, спровоцировавшие ее на конфликт.

В начальный период русско-турецкой войны Петербург, в сущности, не менял своей политики на Кавказе, в том числе и в Грузии. Правительство России убеждалось в целесообразности избранной накануне русско-турецкой войны в отношении Грузии дипломатии, поскольку именно она и обеспечила некоторую лояльность дагестанских и азербайджанских владетелей, крайне недовольных покровительством России над Ираклием II, приводившим, по их мнению, к господству грузинского царя в Закавказье. Дагестанских владетелей не столько волновала перспектива установления гегемонии Грузии в Закавказье — в полной мере они могли ее и не заметить, — сколько раздражала готовность России защитить Картли-Кахетию от экспансии, приносившей им немалые материальные выгоды.

В Петербурге надеялись, что дагестанская знать не станет на сторону Турции, так как она удовлетворена выводом войск из Грузии и поощрительными мерами царизма. Турция, хотя и не приступала к военным действиям в Закавказье, продолжала настаивать на выполнении Ираклием II прежних ее требований: прекращения связей Грузии с Россией, признания власти султана, закрытия Военно-Грузинской (Кавказской) дороги, разрешения на строительство у Дарьяльского ущелья турецкой крепости,

---

[127] См.: Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II 1787—1791 гг. Т. I. Спб., 1880, с. 20—26.

уничтожения золотых и серебряных рудников, выдачи в качестве заложников Турции грузинских царевичей — внука Давида и сына Мириана. Прекрасно понимая, что Турция ввязалась в непосильную для нее войну, Ираклий II ответил категорическим отказом. Решительный тон грузинского царя вынудил султана направить своего посланника для переговоров с Ираклием II, чтобы установить с ним «дружбу» и обезопасить себя от военного нападения с его стороны. Ираклий II повел переговоры относительно мира с Турцией и достиг его без политических потерь. В Западной Грузии ему удалось возвести на престол своего внука царевича Давида Арчиловича, ставшего имеретинским царем под именем Соломона II. Действия Ираклия II нашли поддержку и в России. Благодаря активному вмешательству Ираклия II в дела Имеретии здесь формировались силы, выступавшие за объединение Западной и Восточной Грузии. Однако сам Ираклий II не решался возглавить такое объединение. Он понимал, что слияние Восточной и Западной Грузии будет серьезным нарушением той дипломатической формулы, которой придерживались Россия и Грузия в Закавказье, способным спровоцировать султана на военные действия. Открытие закавказского театра войны казалось тем более реальным, что Турция оказывала постоянное давление на Ираклия II, чередуя дипломатический нажим с военными набегами на грузинские провинции [128].

В войне с Россией Константинополь возлагал большие надежды на поддержку Северо-Западного Кавказа. Как и в горных районах Северо-Восточного Кавказа, где союзы сельских общин составляли основу общественной структуры и существовала социальная «предрасположенность» к экспансии, на Северо-Западном Кавказе, в среде «демократических племен» обстановка также была неспокойной. Малейшие военно-политические перемены могли привести в движение население этого сложного социально-этнического района. Турецкое правительство рассчитывало на господство мусульманского духовенства среди народов Северо-Западного Кавказа, с помощью которого оно предполагало открыть «священную войну» против «неверных». Ставка делалась также на присутствие здесь шейха Мансура, еще в начале русско-турецкой войны выступившего во главе 8-тысячного войска против русских укреплений в Прикубанье.

Планы и надежды османского правительства в наиболее обнаженном виде были изложены самим султаном Селимом II в фирмане, адресованном горским мусульманам. Этот документ содержал не только призывы, но и прямые угрозы: «Кто... будет затем держаться стороны неверных, тот сущий богоотступник... и коль скоро попадется в мои руки, в тот же час повешен будет». «Ныне, — писал он, — наступила священная война против неверных московитов ... сей фирман послан с тем, чтобы по получении поражать противника... Разоряйте и расхищайте их области; бе-

[128] См.: Багратиони Давид. Указ. соч., с. 167—168.

рите в плен жен и детей, обогащайтесь их пожитками... А кои окажутся непослушны нашему Мансуру эфендию, таковых пожитки разграбить и самих поработить дозволяется в пользу верного воинства; всякий без греха и зазора именем и животом таковых обогащаться может»[129]. Конечно, подобные устрашения, исходившие от главы крупной мусульманской державы, наводили некоторый трепет и заставляли часть населения оказывать поддержку Турции.

И все же в годы русско-турецкой войны политические позиции России на Северо-Западном Кавказе были гораздо предпочтительнее, чем Турции. Генерал Каховский писал, что турки сами боятся черкесов, которые ловили и продавали турок. То же самое отмечал и генерал Текелли: черкесы «турок не только не уважают, но во многих местах не дают им пристанища и пропитания»[130]. Известно, что Г. А. Потемкин спокойно реагировал на сообщения о фирманах турецкого султана и его денежных подношениях горцам. «Позволяю им, — писал он, — от турков деньги брать, лишь бы пребывали верны к России»[131]. П. Г. Бутков также указывал, что «денежное содержание» турецкого правительства не всегда влияло на политическую ориентацию горцев[132].

Однако было бы ошибочно представлять положение на Северо-Западном Кавказе вне влияния Турции и ее пособника шейха Мансура. Сравнительно небольшие воинские отряды турок увлекли часть местного населения и создали здесь напряженную ситуацию.

С самого начала русско-турецкой войны Петербург внимательно следил за развитием событий на Северо-Западном Кавказе. Здесь Россия решительно противостояла любым предприятиям турецкого военного командования, широко пользуясь помощью горцев, охотно шедших на войну с османами. Так было, например, в октябре 1787 г., когда 5 тыс. кабардинцев (сюда входил и отряд осетин) под командованием генерала Горича подошли к берегу Кубани и обязали абазин и башалбойцев не выступать против России. Тот же отряд в декабре 1787 г. разбил турок и абазин «за рекою Лабою», захватив значительные трофеи у неприятеля[133]. Самой крупной боевой операцией Турции на Северо-Западном Кавказе был поход 8 тыс. пехотинцев, 10 тыс. турецких кавалеристов и 15 тыс. закубанских конников[134] на объединенные силы России и горцев Северного Кавказа в 1790 г. Главный удар турок был направлен на Кабарду и Кизляр, захват которых предоставил бы Турции возможность поколебать позиции России не только на Северном Кавказе, но и отрезать ее от Закавказья. Понимая опас-

---

[129] Цит. по: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе.., с. 156.
[130] ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XV, д. 185, л. 18.
[131] Дубровин Н. Ф. История войны.., т. II, с. 265.
[132] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 216, 230, 241.
[133] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, с. 369—370.
[134] См.: Дубровин Н. Ф. История войны.., т. II, с. 265.

ность этого плана, русское командование попыталось овладеть крепостью Анапа, однако взять ее не удалось. Осенью 1790 г. турецкие войска во главе с Батал-пашой перешли Кубань и двинулись на Кабарду. На подступах Кабарды произошло сражение между войсками Батал-паши и объединенными силами России и горцев под командованием генерала И. И. Германа. Здесь турки понесли жестокое поражение, а их командующий попал в плен. Так провалилась последняя попытка турецких пашей взять реванш на Северном Кавказе и отторгнуть Кабарду от России [135].

Горцы Северного Кавказа совместно с войсками России участвовали также в осаде и взятии Анапы. Г. А. Потемкин называл Анапу «ключом к большим ударам», поскольку крепость занимала выгодное военно-стратегическое положение и была достаточно мощным для того времени фортификационным сооружением. Бастион, вмещая 10 тыс. турок, 15 тыс. татар, ногайцев и закубанцев, имел на вооружении 83 пушки и 29 мортир [136]. Накануне сражения за Анапу турецкий султан еще раз обратился к мусульманам Западного Кавказа с призывом к войне против России. То же самое сделал комендант Анапы Мустафа-паша. «Настало уже время, — писал он, — ослабления беззаконных и торжества мусульманов» [137]. Но эти призывы не принесли пополнения в ряды защитников крепости.

В июне 1791 г. русские войска совместно с горцами под командованием молодого тогда еще генерала И. В. Гудовича, будущего главнокомандующего Кавказской армией, штурмом овладели Анапой. В плен взяли Мустафа-пашу и его соратника шейха Мансура. Захватом Анапы Россия значительно упрочила свои позиции на Западном Кавказе, во многом ускорила общее военное поражение Турции.

В русско-турецкой войне 1787—1791 гг., особенно в событиях на Западном Кавказе, активное участие на стороне России приняли представители почти всех народов Северного Кавказа. Следует отметить воинские подразделения, сформированные из кабардинцев и осетин. Отряд кабардинских конников, например, во главе с Атажуко Хамурзиным отличился при осаде и взятии Анапской крепости. Многие кабардинцы удостоились воинских чинов и наград России [138]. Осетины приняли также участие совместно с русскими войсками в военных действиях против Швеции. Многие из них получили офицерские звания и награды России [139].

Вскоре после крупных поражений, понесенных Турцией в июне 1791 г. у Бабадага, в Мачине и Анапе, а также на Черном море,

---

[135] История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1967, с. 174.

[136] См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе, с. 160.

[137] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества.., т. II, с. 270.

[138] Кабардино-русские отношения.., т. II, с. 375—378 («Список кабардинских князей и узденей, отличившихся в походах в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг.»).

[139] См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 3, с. 206, 207; ч. 2, с. 259.

где российской эскадрой командовал прославленный флотоводец Ф. Ф. Ушаков, султан вынужден был просить Россию о мире. В конце июля 1791 г. русское командование в Галаце подписало предварительные условия мира. Однако в дальнейшем турецкие дипломаты всячески оттягивали выработку статей мирного договора. Турция стремилась выиграть время и добиться вовлечения в русско-турецкие переговоры как можно больше государств, надеясь с их помощью свести на нет результаты успешно окончившейся для России войны. Однако дипломаты во главе с А. А. Безбородко решительно пресекли политические маневры турок и, пригрозив возобновить военные действия, заставили Турцию в конце 1791 г. подписать в Яссах договор с Россией [140].

Ясский трактат не во всем соотносился с военными итогами, добытыми Россией ценой огромных жертв. Османскому правительству удалось вовлечь в процесс «формирования» договора западные страны, происки которых, особенно Англии и Пруссии, делали условия мира с Турцией половинчатыми, не соответствующими блестящим победам России. По документу, подписанному в Яссах, Турция фактически лишь подтвердила условия Кучук-Кайнарджийского мира, признала присоединение Крыма и Кубани к России, право России защищать христианские народы дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, но эти районы вместе с Бессарабией Россия возвращала Турции. Что касается обсуждавшегося российской и грузинской дипломатией еще в ходе войны вопроса о послевоенном устройстве Грузии, то его касалась лишь 5-я статья, в сущности менявшая новыми, выгодными для России положениями, 23-ю статью Кучук-Кайнарджийского договора. Турецкий султан брал обязательство, чтобы «ахалцихский губернатор, пограничные начальники и прочие отныне ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владеемых царем карталинским» [141]. Россия не добилась союза между Восточной и Западной Грузией и установления над всей Грузией своего политического покровительства. Россия признала за Османской империей «верховенство» в Западной Грузии, хотя Ираклий II пытался распространить и на нее условия Георгиевского трактата, предоставив российскому правительству накануне заключения Ясского мира экземпляр союзного договора, составленного между Картли-Кахетией, Имеретией, Мегрелией и Гурией.

Согласно 6-й статье Ясского договора, Турция должна была «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу реки Кубани, обитающих при границах ее, дабы они на пределы Всероссийской империи набегов не чинили» и не позволяли того же в отношении народов, населявших территории по правому берегу Кубани, считавшихся в подданстве

---

[140] См.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. Спб., 1869, с. 41—49.

[141] Юзефович Т. Указ. соч., с. 45.

России [142]. Таким образом, Россия фактически оставляла за Турцией черкесский берег Черного моря, «закубанцев» — территории, которыми она овладела в ходе войны. Османская империя сразу же воспользовалась 6-й статьей договора и восстановила Анапскую крепость. Позже она расширила свои притязания на все кавказское побережье Черного моря.

В свете военно-политических итогов русско-турецкой войны и Ясского договора политику России на Кавказе вряд ли можно расценивать как наступательную. Одержав крупную победу в войне, она могла продиктовать свои условия в отношении Грузии, особенно Северо-Западного Кавказа — «черкесского берега», где после упорных боев были разгромлены военные силы Турции и где уже дислоцировалась армия России, в том числе и военный флот. Если к этому добавить, что местные народы, не раз страдавшие от агрессивных акций турок, еще в середине XVI в. приняли подданство России, то нетрудно представить, насколько серьезны уступки правительства Екатерины II Османской империи.

Еще до заключения договора с Турцией правительство России, в сущности, отказалось от активных действий в этом районе и предоставило полную свободу «черкесам» и «закубанцам». Единственное требование к ним заключалось только в том, чтобы они не совершали набегов на пограничную линию и территории, где проживали подданные России. После сдачи Анапской крепости, в июне 1791 г., турецкое командование бросило не менее важное для него укрепление Суджук-кале, где распорядилось поджечь дома и взорвать пороховые погреба. Генерал И. В. Гудович, по указанию Г. А. Потемкина разрушил крепостные сооружения в Анапе и Суджук-кале, а затем стал возвращаться на исходную позицию — Кавказскую линию. На пути он приводил к присяге народы, жившие между Анапой и Кубанью, брал у них заложников. Инициатива И. В. Гудовича не получила одобрения Г. А. Потемкина, заявившего, что эти народы велено «признавать... вольными, ни от кого не зависимыми» [143].

После русско-турецкой войны 1787—1791 гг. кавказский вопрос во внешней политике России временно утратил прежнюю остроту. Объяснялось это занятостью царизма с 90-х гг. XVIII в. делами Польши, революцией во Франции и изменениями в дипломатической политике Англии по отношению к России. Не добившись ослабления России, Англия стала искать новой, в прошлом проверенной политической комбинации, основанной на союзе с Россией и Австрией против Франции. В России над сторонниками восточной и кавказской политики верх брали англоманы во главе с русским послом в Англии С. Р. Воронцовым, готовым отдать «тридцать Крымов за Гельсингфорс и Свеаборг» и недоумевавшим по поводу «интереса, который можно было бы иметь,

---

[142] Там же, с. 46.
[143] Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе, с. 162.

поддерживая этих грузин»[144]. В отношении же Турции, с которой в последние десятилетия Россия вела острую политическую борьбу, сменявшуюся военными конфликтами, теперь русская дипломатия тяготела к установлению дружественных отношений. Той же цели служила миссия М. И. Кутузова в Константинополе, направленного туда вскоре после заключения Ясского договора[145]. Сама Турция, ослабленная в войне, поддерживала тенденцию к мирному общению с Россией; однако эта тенденция становилась реальной лишь в сфере европейской политики, прежде всего борьбы с Францией, и теряла почву на Кавказе. Здесь Турция продолжала традиционную политику, в сущности не допускавшую компромисса с Россией.

Глава III
ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII в.

§ 1. Роль России в ликвидации «каджарской опасности»

Работы по восстановлению укреплений в Анапе и Суджук-кале турки совмещали с энергичной агентурной деятельностью на Северном Кавказе. Султан призывал народы Северного Кавказа готовиться к войне против России. Он отмечал, что войну с Россией намерены начать также Иран, Франция, возможно, еще и другие государства. В 1794 г. Турция отказалась от обещанной войны, ибо для нового столкновения с Россией она была слишком ослаблена, а поиски точек соприкосновения в европейских делах заставляли обе страны проявлять сдержанность в проблемах, еще совсем недавно приведших к затянувшемуся конфликту.

В первой половине 90-х гг. XVIII в. интересам России на Кавказе и собственно Кавказу угрожала не столько Турция, сколько Иран, где длительная междоусобная борьба ханов вытолкнула на поверхность «темную» и «мерзкую» фигуру Ага Мухаммед-хана, известного в литературе как «каджарская опасность». Историки и биографы единодушны в оценке личности Ага Мухаммед-хана, обладавшего самыми низменными человеческими пороками. Он был сыном своего времени, закономерным явлением политической борьбы Ирана второй половины XVIII в., до предела накалившейся среди военно-феодальной и шиитской знати. Чтобы представить облик Надир-шаха и Ага Мухаммед-хана — самых «выдающихся» вождей феодального Ирана, — достаточно привести одну деталь: Надир-шах оскопил подростка Ага Мухаммед-хана, а Ага Мухаммед, прийдя к власти, извлек на свет останки Надира и ежедневно глумился над ними, заявляя: «Прах, который я по-

[144] Архив князя Воронцова, кн. IX. М., 1879, с. 70.
[145] Восточный вопрос во внешней политике России.., с. 45.

пираю, значительно облегчает раны моего сердца»[1]. Политический и нравственный урод, став во главе Иранского государства в начале 90-х гг. XVIII в. после изгнания из Гиляна двух братьев (один из них Муртаза Кули-хан бежал в Россию), расправился с основным противником Али-ханом ширазским и решил приступить к экспансии на Кавказе.

Опасаясь осложнений с Россией и Турцией, Ага Мухаммед-хан накануне походов на Кавказ пытался притупить бдительность этих стран. Екатерине II Ага Мухаммед представлял себя сторонником «дружбы» с Россией, желающим, чтобы слава «о дружестве» Ирана и России «промчалась во все концы Вселенной»[2]. Тогда еще в Петербурге не осознавали, с каким противником имеют дело; здесь рассчитывали на взаимную заинтересованность в торговле и полагали, что Ага Мухаммед не решится на открытые действия против России. О неосведомленности российского правительства относительно политических изменений в Иране могут свидетельствовать даже рекомендации И. В. Гудовичу. На случай, если бы к генералу обратился Ага Мухаммед-хан, то, наставляли из Петербурга, «принять ласково, показывая вид доброхотства... вселять благонамеренность», отвлечь от агрессивных поползновений на Кавказе[3]. В свете этих фактов вызывает недоумение попытка современного американского исследователя М. Эткин объяснить иранское нашествие на Закавказье политикой России, которая якобы отказалась отвечать на исходившие от Ага Мухаммеда знаки доброй воли (историк склонен считать их искренними), и потому иранский шах сделался врагом, хотя мог стать союзником[4]. Идея об «оборонительном» характере похода иранского шаха высказывалась и раньше[5].

К середине 90-х гг. XVIII в. экспансионистские устремления Ирана все больше обнажались, и русским дипломатам становились ясными планы завоевателя. В ходе переговоров Ага Мухаммед-хана с Турцией относительно Восточной Грузии Иран фактически потребовал от Турции признания «покровительства» над Грузией. Как сообщал своему правительству российский посол в Константинополе М. И. Кутузов, султан обещал Ирану подтвердить права Ага Мухаммед-хана на Грузию, но при условии, если он ее завоюет; в сущности, султан призывал иранского правителя к захвату Грузии. О намерениях персидского хана неоднократно сообщал правительству России Ираклий II, чутко реагировавший на любые политические перемены на Кавказе и Ближнем Восто-

---

[1] Кавказ, 1855, № 101, с. 405; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. III. Спб., 1887, с. 1—3.

[2] Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 284.

[3] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. II, вып. 2. Спб., 1891, с. 85—89.

[4] Atkin M. Russia and Iran 1780—1828. Minneapolis, 1980, p. 34, 45.

[5] Sardari R. Un Chapitre de l'Histoire Diplomatique de l'Iran. Paris. 1941, p. 64.

ке[6]. Еще в начале 1793 г. в одном из писем сыну, царевичу Мирнану, находившемуся в Петербурге, Ираклий II писал: «Носится слух вероятный, что Ага-Магомет-хан, приуготовляя войско, имеет стремление в движении своем против нас... и ежели сие намерение ему удастся, то принудит признать себя шахом над всею Персиею»[7]. Ираклий II понимал, что для Ага Мухаммед-хана Грузия не просто объект экспансии, но еще и путь к власти «шахского достоинства». Чтобы стать шахом, персидский хан думал восстановить Иранское государство в прежних его пределах, а для Грузии установить ту вассальную зависимость, при которой назначение ее царя полностью зависело от произвола шаха и узаконивалось присутствие в Грузии шахских войск. Дело в том, что при коронации персидского шаха должны были присутствовать все 4 вали — арабистанский, курдистанский, лористанский и гуржистанский[8]. Отсутствие хотя бы одного вали делало коронацию незаконной. Ага Мухаммед-хан считал, что если его коронация будет проведена без вали Грузии, то народ может не признать его шахом.

В отличие от правительства России, не представлявшего все нюансы политической жизни Ирана, Ираклий II довольно рано предвидел, какой трагедией в жизни народов Кавказа может стать «каджарская опасность». Уже в самом начале 1795 г. Ираклий II смотрел на возможность агрессии Ага Мухаммед-хана в Грузию как на реальность. Поэтому он поручил своему послу в Петербурге повести переговоры с правительством России о выполнении им договорных обязательств, связанных с покровительством над Грузией, и просить о посылке в Грузию российских войск[9]. Ираклий II обратился также к генералу И. В. Гудовичу, находившемуся на Кавказской линии, с просьбой оказать военную помощь Грузии в преддверии вооруженной агрессии Ирана. Не имея полномочий для решения подобного вопроса, И. В. Гудович посоветовал Ираклию II объединиться с Имеретией для общей обороны; генерал Гудович высказал сомнение в возможности нападения Ага Мухаммед-хана на Грузию в ближайшем будущем.

Утверждение Д. Макнейла о том, что грузины боялись России больше, чем Ирана, противоречит истине, ибо оно надуманно в угоду популярным в Англии первой половины XIX в. русофобским настроениям[10].

Иранский правитель предлагал Грузии восстановить вассальные отношения с Ираном, а взамен обещал передать во владение Грузии Ганджу, Карабах, Шеки, Эривань, Ширван[11]. Правда, предложение Ага Мухаммеда было скорее всего тактическим хо-

[6] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 80—81; Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 8—9.

[7] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 8.

[8] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 7.

[9] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 89—91.

[10] Mc Neill J. Progress and present Position of Russia in the East. London, 1838, p. 53.

[11] Allen W. E. D. A History of Georgian People. New York, 1971, p. 213.

дом, рассчитанным на то, что соблазн заставит Ираклия II отказаться от соблюдения Георгиевского трактата и юридически признать зависимость Грузии от Ирана. Если удастся лишить Россию права вмешательства в грузино-иранские отношения, то легко будет превратить номинальный вассалитет в фактическое господство Тегерана в Закавказье. Однако предложения Ирана открывали и перед Ираклием II перспективу дипломатического маневрирования. Он имел возможность обмануть шаха формальным согласием на его ультиматум, уведомить Петербург о своей уловке и, разумеется, оставить в силе Георгиевский договор. Это охладило бы на время воинственный пыл Ага Мухаммеда и позволило бы России подготовиться для отражения иранской агрессии. Ираклий II слишком поздно (уже после разорения Тифлиса) воспользовался подобным ухищрением, чем, возможно, допустил просчет.

Между тем весной 1795 г. Ага Мухаммед-хан уже приступил к завоеванию Закавказья. Еще накануне похода он потребовал покорности от Ганджи и Еревана и их участия в экспедиции против Грузии. Ереванский хан, надеясь отстоять свою независимость, предпринял оборонительные мероприятия в Ереванской крепости; он ответил персидскому хану отказом: «Царь Грузии сокрушил могущество персов, подчинил нас своей власти, и теперь мы платим дань ему. Воюй ты один с Ираклием»[12]. Однако, когда иранские войска подошли к Еревану и Гандже, эти области подчинились Ирану без сопротивления. Вступив в Закавказье, персидский завоеватель рассылал обращения к кавказским владетелям и народам, требуя от них покорности, угрожая в противном случае мщением. Многие владетели Кавказа в условиях политической разобщенности и междоусобиц не были уверены в способности оказать сопротивление агрессору и проявили крайнюю уступчивость Ага Мухаммед-хану; некоторые феодалы, рассчитывая с помощью персидского завоевателя усилить свое влияние, шли на прямой союз с ним и даже принимали участие в его экспансии. Владетели Азербайджана и Дагестана, не раз использовавшие в своих выгодах русско-турецкие противоречия, затевали весьма опасную политическую игру. Шекинский и шемахинский ханы, например, встретили посланников Ага Мухаммеда «весьма ласково и высказали готовность покориться»[13]. Значительно большее политическое усердие проявил Ших-Али-хан дербентский. Еще недавно в присутствии русского капитана он целовал Коран и считал себя в подданстве России[14], а теперь «совершенно склонился на сторону Ага-Магомед-хана, увлекшись обещанием, что будет сделан наибом всей Ширвани»[15]. Ших-Али-хан обещал персидскому хану не пропускать войска России по Каспийскому побе-

[12] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 18—19.

[13] Там же, с. 19.

[14] См.: Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 161.

[15] См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 2, с. 332.

режью, лишая таким образом народы Закавказья помощи [16]. Такой же позиции придерживался и Хусейн Кули-хан бакинский. Однако большинство дагестанских и азербайджанских владетелей все же мало верили, что даже соучастие в предприятии Ага Мухаммеда гарантирует им спокойствие и они не подвергнутся разорению. Поэтому они домогались заступничества России, хотя среди них имелись и такие, кто ранее резко выступал против царской политики на Кавказе. Пожалуй, одним из первых почувствовал серьезность «каджарской опасности» Умма-хан. Долгое время, находясь в союзе с Турцией, он наносил большой ущерб интересам России в Грузии и в Закавказье, но сознавал, что в случае реальной угрозы со стороны Ага Мухаммед-хана он не сможет получить поддержку Турции. Аварский хан поспешил просить подданство России, угрожая в противном случае войти в покровительство другой державы [17]. Подданства России и ее военной защиты просили шамхал тарковский, уцмий кайтагский, кадий табасаранский и султан дженгутаевский. Однако эти владетели не отличались единодушием в вопросе о необходимости борьбы с Ага Мухаммедом [18].

Гораздо решительнее в отношении иранской агрессии был настроен Ибрагим-хан карабахский. Готовясь к отпору врага, он просил помощи у грузинского царя. Ираклий II направил на помощь Ибрагим-хану войско под командованием своего сына царевича Александра. Силы Ибрагим-хана и царевича Александра оказали не только достойное сопротивление грозному агрессору, но и разбили его 50-тысячный отряд. Ага Мухаммед-хан спешно готовился к новому походу. Уже в конце лета 1795 г. он вошел в Карабах и приступил к осаде Шушинской крепости. Весть о новом вторжении Ага Мухаммед-хана с многочисленным войском быстро распространилась по всему Закавказью. Население Восточного Кавказа уходило в Грузию, надеясь найти здесь защиту от новоявленного «Чингисхана».

«Ага-Магоммед-хан, — писал современник этих событий Давид Багратиони, — вступив в Шушу, предложил царю Ираклию быть под его покровительством. Царь, находясь под покровительством России, оставил без внимания все то, к чему склонял его сей персидский шах. Огорченный таковою непреклонностью грузинского царя, Ага-Магоммед-хан приступил к Тифлису» [19].

Накануне иранского нашествия Грузия переживала трудные времена. Ираклий II, много сделавший для политического единства Грузии, был уже стар и государственными делами постепенно стала заниматься его вторая жена царица Дарья. В борьбе за власть царица лишила царский дом согласованности действий; она добивалась, чтобы преемником Ираклия II стал ее сын Юлон, а

[16] См.: Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX века. Махачкала, 1957, с. 362.
[17] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 268.
[18] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 20.
[19] Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971, с. 168.

не наследник престола Георгий, сын царя от первой жены. Царица Дарья, разменявшая большую политику на мелкую династическую возню, насаждала в Грузии политический хаос. В последние годы царствования Ираклий II принял также ошибочное решение, разделив все царство на мелкие части между своими детьми, вскоре перессорившимися [20]. Тем не менее, как только Ираклий II узнал о вступлении Ага Мухаммеда в Карабах и Ереван (после захвата Еревана Ага Мухаммед-хан потребовал от армянского патриарха выкуп 80 тыс. руб. и 8 фунтов — 3 276 г — золота), он стал готовиться к обороне. Собрав войско, он обратился также за военной помощью к царю Имеретии. Согласно союзному договору 1790 г. между Картли-Кахетией и Имеретией в случае внешней опасности эти царства обязались оказывать друг другу помощь, и царь Соломон предоставил в распоряжение Ираклия II тысячное войско. Были предприняты и другие меры обороны, и все же Грузия была слабо защищена от персидского завоевателя; его силы во много раз превосходили военные возможности Ираклия II.

9 сентября 1795 г. Ага Мухаммед подошел к Тифлису. «Царь Ираклий, несмотря на многочисленные толпы персиян, решился противостоять неприятелю и в первом сражении персияне были прогнаны грузинами... В следующий день царь Ираклий сам вышел против Ага-Магоммед-хана» [21]. Защитников города было не более 2 700 человек против 70 тыс. воинов. 12 сентября Тифлис был захвачен персами. В течение нескольких дней в городе господствовал вандализм. Персидский варвар «сжег все, что только мог объять огонь, из царского двора сделал гору из глыб; мост каменный через Куру, соединяющий предместье Авлабар с Тифлисом, разрушил, окружность Тифлиса устилали трупы мертвых мужчин, женщин и младенцев. Персы для испытания остроты своих мечей, взяв за ноги младенцев, рассекали их пополам с одного разу» [22]. С ожесточением персы разрушали христианские храмы, глумились над христианским населением [23]. Тифлис был разрушен в такой степени, что после ухода персов у Ираклия II появилась мысль не восстанавливать его, а перенести столицу Картли-Кахетии в другое место [24]. О военном вторжении и жестоком разорении Грузии Ираклий II спешил сообщить генералу И. В. Гудовичу, прося его о немедленной помощи. Одновременно он писал в Петербург сыну Мириану и послу Г. А. Чавчавадзе: «Приложите возможное старание, чтобы ускорить исходатайствование войск, пока Ага-Магоммед-хан не усилился, не успел овладеть всем и отогнать находящийся при нас кочующий народ». После разорения Тифлиса Ираклий II находился в Ананурском монастыре: «... В углу монастырской ограды можно было встретить человека,

[20] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 10.
[21] Багратиони Давид. Указ. соч., с. 168.
[22] Цит. по: Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976, с. 111.
[23] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 43.
[24] Кавказ, 1849, № 24.

сидевшего лицом к стене и закрытого простым овчинным тулупом» [25]. Однако и в этом крайне бедственном для Грузии положении он верил в помощь России и освобождении своей страны. Из Ананура, из ветхой кельи, он писал Ага Мухаммеду: «... Я сделаю все, чтобы спасти отечество, потому что сердца всех грузин полны негодованием и мщением. Объявляю тебе также, что единоверная нам императрица России не потерпит того, что делаешь с нами» [26].

В Петербурге о нашествии Ага Мухаммед-хана на Грузию стало известно в конце сентября. Совет при Екатерине II обсудил вопрос о военной помощи грузинскому царю и постановил изгнать завоевателей из Закавказья, а в случае необходимости предпринять даже «дальнейший поход», чтобы покончить с завоевателем» [27]. В некоторых зарубежных, да и в отдельных советских исследованиях встречается необоснованное утверждение, будто Петербург умышленно оставил Ираклия II один на один с Ага Мухаммедом с тем, чтобы лишить истерзанную Грузию иной альтернативы, кроме присоединения к России [28]. На самом деле причина пассивности Екатерины II коренилась в недооценке ею и Гудовичем «каджарской угрозы»; нашествие 1795 г. оказалось для них неожиданностью. С этим соглашаются многие зарубежные историки [29].

Уже в ноябре 1795 г. из Моздока выступили два егерских батальона полковника Сырохнева; они совершили тяжелый переход через Главный Кавказский хребет. Другой отряд русских войск под командованием генерал-майора Савельева отправился из Кизляра в Дагестан. Существенную поддержку Ираклию II оказывало армянское население. Решение правительства России об оказании военной помощи Грузии, а также отправка им военных отрядов на Восточный Кавказ и в Закавказье серьезно подействовали на Ага Мухаммеда. Именно как следствие помощи России следует рассматривать его попытку повести переговоры с Ираклием II. Шах стремился удержать военно-политические успехи, добытые им в Закавказье, и с этой целью он выставил перед грузинским царем унизительные условия: передать шаху беженцев из Карабаха, отдать белый алмаз и драгоценные часы, преподнесенные Ираклию II Г. А. Потемкиным, выдать сына или внука в качестве аманата. Самое главное требование хана предусматривало восстановление прежнего «дружественного союза», означавшее военное и политическое подчинение Грузии Ирану [30].

Ираклий II вступил в переговоры с Ага Мухаммедом, чтобы

---

[25] Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 50, 48.

[26] Кавказ, 1850, № 90.

[27] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 110—114.

[28] Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London, 1906, p. 30; Потарава А. А. Зачатки капитализма в Грузии и политика Ираклия II. Тбилиси, 1974, с. 254.

[29] Malcolm J. The History of Persia, vol. 2. London, 1815, p. 293; Allen W. E. D. Op. cit., p. 213; Atkin M. Op. cit., p. 38, 44—45; Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, 1974, p. 250.

[30] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 92—94.

только выиграть время, дать возможность подойти войскам России на помощь и успеть самому сформировать новые военные силы. Затягивая переговоры, Ираклий II соглашался на некоторые условия Ага Мухаммеда, но полностью отвергал подчинение Грузии Ирану, ссылаясь на то, что грузинское царство находится под покровительством России [31]. Ага Мухаммед повел также переговоры с царевичем Александром, младшим сыном Ираклия. По данным О. П. Марковой, царевич признал шаха своим сюзереном и дал клятву верности не только за себя, но и за отца, а также обязался платить дань [32]. Возможно, это было так, тем более что позже, в начале XIX в., сформируется тесный союз между царевичем и персидским двором. Но во время нашествия персов на Тифлис царевич Александр помогал Ираклию II в его нелегких военных предприятиях. Даже после того, как царевич Александр признал Ага Мухаммед-хана своим сюзереном, — если это принять за достоверный факт, — он продолжал помогать отцу в борьбе с агрессором. Не может не заслуживать внимания свидетельство современника этих событий Давида Багратиони, отметившего, что после изгнания персидского завоевателя из пределов Грузии «Ибрагим-хан просил царя Ираклия о помощи, в чем не было ему отказано. Царь Ираклий послал меня с царевичем Александром против ганджинцев, и город Ганджа находился два месяца в осаде. Жители оного много раз вступали в сражение, но всегда были прогоняемы с уроном. Царь Ираклий для ускорения действий против ганджинского хана прибыл сам с войсками. Но как граф Зубов намеревался сам взять Ганджу, то по причине сей царь Ираклий, взяв контрибуцию и всех пленных, оставшихся там после взятия персиянами Тифлиса, возвратился в Грузию» [33].

Даже в это крайне опасное для судеб Грузии время, когда речь шла о сохранении народа от физического истребления, внутридворцовые политические страсти и сепаратистские устремления грузинских дворян ничуть не утихали. Генерал И. В. Гудович писал по этому поводу Ираклию II: «По свидетельству многих грузин, слышал я известия странные: первое действительно справедливое... большая часть дворян не поехала на ополчение к царю ... царевич Юлон... любимый сын царицы, которому поручен был Тифлис, уехал прежде своего родителя (царевич Юлон был в одном из четырех отрядов, оборонявших Тифлис. Его отряд первым покинул Тифлис, серьезно осложнив этим положение других защитников города. — *авт.*), ... будто царица решила сделать царевича Юлона наследником, равнодушно глядела, что Грузия попадается в руки Ага-Магоммет-хана, чтобы через то отдалить от царевича, признанного наследником большого царевича Георгия, от первого брака» [34].

В Петербурге пытались ускорить отправку на Кавказ военного

[31] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 54.
[32] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 289.
[33] Багратиони Давид. Указ. соч., с. 168—169.
[34] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 54—55.

отряда, который наряду с отрядами Савельева и Сырохнева принял бы участие в освобождении Грузии от персидских захватчиков. Этим были заняты не только официальные представители России и Грузии, но и общественно-политические деятели, представители христианской церкви, озабоченные судьбой Грузии и других народов Закавказья. «Епархиальный епископ всех обитающих в России армян» князь Аргутинский, узнав о нашествии персов, сразу же направил письмо Ираклию II, призывая его сражаться до конца. Обещая поторопить правительство России с отправкой войска в Грузию, Иосиф Аргутинский писал Ираклию II: «Ныне да плачут вместе с вами и рассеянные по лицу земли армяне, ибо они возлагали надежду лишь на страну и царство ваше» [35]. Аргутинский представил российскому правительству свои предложения относительно военной помощи Грузии. Он советовал направить отряд через Каспийское побережье — так, чтобы войска зашли в Грузию с востока, освобождая на своем пути от иранского господства и другие народы Закавказья. Наиболее подходящим командующим отрядом Аргутинский считал А. В. Суворова. «...Если пошлют графа Суворова, — писал он, — все дело разом будет кончено ко благу нашему» [36].

Вскоре Ага Мухаммед-хан оставил Грузию и отошел к Гандже. В Петербурге понимали причины ухода шаха — политические осложнения в собственной стране, трудности снабжения многочисленной армии, болезни — и решили не спешить с отправкой военного отряда в Закавказье. Это предприятие откладывалось на весну 1796 г.

Правительство России допускало изменения направления в экспансии Ирана после ухода Мухаммед-хана из Грузии. Вместо Закавказья она могла обратиться против Турции, с которой у Ирана сохранились традиционные противоречия. Поэтому российское правительство наставляло главнокомандующего на Кавказе И. В. Гудовича, чтобы он учитывал это и не препятствовал Ага Мухаммед-хану, если тот вступит в военные конфликты с Османской империей. Но более реальным Екатерина II считала повторное нашествие Ирана в Закавказье, политические последствия которого, как она предполагала, могли быть еще тяжелее. С учетом этого И. В. Гудовичу давались конкретные указания предпринять с помощью двух военных отрядов, отправленных в Грузию, предварительные оборонительные меры, обещая, со своей стороны, позаботиться о формировании новых, значительных сил и отправке их к намеченному сроку в Закавказье. В ноябре 1795 г. отряд Сырохнева был уже в Грузии. Как только об этом стало известно Ага Мухаммед-хану, иранские войска оставили Ганджу, а Ага Мухаммед расположился в Муганской степи и принялся распускать слухи о своем намерении совершить нашествие на Каспийское побережье. В связи с этим в конце 1795 г.

[35] Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 53.

[36] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, т. III. М., 1938, с. 336.

ускорил свое передвижение на побережье отряд Савельева. Ага Мухаммед, не желая вступить в бой с войсками России, отступил еще дальше, в Хорасан.

Несмотря на то что шахские войска покинули Закавказье, весной 1796 г. Ираклий II напомнил правительству России о его обещании прислать на помощь Грузии военный отряд [37]. Теперь речь шла о несколько других целях. О. П. Маркова считает, что Россия проявляла озабоченность в отношении русско-иранской и русско-индийской торговли и поэтому Петербург не снимал с повестки дня поход на Кавказ, в задачу которого входило изгнание Ага Мухаммед-хана из всех прикаспийских провинций. По ее мнению, предусматривалось «восстановление царя Ираклия во всех его владениях» [38]. Безусловно, эти цели, важные для России, предполагались «программой» будущего похода и формировались в указе Екатерины II /от 19 февраля 1796 г. [39]. Но в связи с нашествием Ага Мухаммед-хана царское правительство вынуждено было активизировать свою политику на Кавказе. Ожидая повторного нашествия персов в Закавказье, Россия опасалась, что геноцид, объявленный Ага Мухаммед-ханом, окончательно разрушит «христианский мир» в Закавказье, на который в своей ближневосточной политике российское правительство серьезно рассчитывало. Россия также опасалась и возможности объединения Ирана и Турции, способного надолго затруднить ее политику на Кавказе. Поражение Ага Мухаммед-хана и возвращение Ирана в прежнее ослабленное состояние значительно облегчало борьбу России против такого союза и сохраняло для нее важные политические шансы на Кавказе. Что же касается плана «восстановления Ираклия II во всех его владениях», более всего волновавшего грузинского царя, то Россия накануне военной экспедиции на Кавказ уже предпочитала отказаться от сочувствия политике гегемонии Грузии в Закавказье, поскольку она встречала упорное сопротивление многих владетелей Восточного Кавказа. Впрочем, на это указала и О. П. Маркова, подчеркивая, что усилия России, направленные на расширение политического влияния Ираклия II в Закавказье, вели к обострению обстановки в Азербайджане и Дагестане [40].

Россия официально объявила войну Ирану. В марте 1796 г. был издан манифест, в котором подчеркивалось, что Россия направляет свои войска по просьбе грузинского царя и других владетелей Кавказа, ищущих «защиту и покровительство Российской империи... ради надлежащего отвращения, распространения и утверждения в оных беззаконно похищенной власти Ага-Магомет-ханом» [41].

---

[37] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 66.
[38] Маркова О. П. Указ. соч., с. 291, 292.
[39] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 70—77.
[40] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 293.
[41] Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 371; Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 82.

Русский отряд, как предполагалось, должен был возглавить А. В. Суворов, некогда принимавший участие в военно-политических мероприятиях России. Однако на этот раз он отказался ехать на Кавказ. Решили поручить командование походом графу В. А. Зубову, брату фаворита Екатерины II Платона Зубова. В подробной инструкции, определявшей не только маршрут, но и порядок движения на Кавказе, В. А. Зубов получил указания: «Не заниматься покорением народов, оружием неукротимых и от сотворения мира не признававших ничьей власти; неважные грабежи их презирать, против коих полезнее умножать собственные предосторожности и оными наказывать дерзающих, чем отмщать целому народу за грабежи нескольких хищников и возбудить против себя взаимно отмщение целого народа, а трудными походами в ущельях терять людей напрасно, тратить время и одерживать победы бесполезные»[42]. Перед Зубовым была четко поставлена цель похода — «освобождение Грузии и подкрепление царя грузинского, меликов армянских в Карабахе и Ибрагим-хана шушинского, твердо и мужественно сопротивляющегося Аге-Магомет-хану, и других утесненных и нам благонамеренных ханов, ищущих освободиться от лютой власти мучителя». Н. Ф. Дубровин считал, что «главнейшей целью действий кавказского корпуса было восстановление» власти ханов и владельцев, «желавших избавиться от тиранического ига Али-Магомет-хана»[43]. Шире и точнее задачи отряда В. А. Зубова определил П. Г. Бутков: «Сие более привяжет к нам царя Ираклия и весь род его... Через посредство распространенной таким образом Грузии более утвердится и обеспечится наша торговля с Персией. Восстановить в единую зависимость нашу меликов армянских и подвластных им карабагских жителей и привлечь к пользам нашим патриарха араратского, имеющего, как известно, весьма сильное влияние над всем рассеянным армянским народом»[44]. Эти высказывания еще раз убеждают в том, что политические цели отряда В. А. Зубова превалировали над экономическими, хотя П. Г. Бутков указывает и на торговлю с Ираном. По плану корпус Зубова открывал военные действия с двух сторон — с Каспийского побережья и со стороны Грузии. Предполагалось, что в реализации этих планов примут также участие и сами народы Кавказа. Однако тут русская императрица требовала соблюсти крайнюю осторожность, дабы не задеть «интересы Османской империи». Восстановление царя Ираклия II «в прочих областях его», например, следовало осуществлять не только с помощью отряда Зубова, но и самого грузинского царя, «способами у него имеющимися»[45]. Российское правительство рассчитывало и на широкую поддержку армянского населения, жестоко пострадавшего от нашествия Ага Мухам-

[42] Попко И. Терские казаки со стародавних времен, вып. I. Спб., 1880, с. 273—274.
[43] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 79—80.
[44] Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 365—366.
[45] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 83.

меда. П. А. Зубов просил Иосифа Аргутинского о содействии в привлечении армян к участию в военных действиях против Ирана. «Прошу покорнейше, — писал он армянскому архиепископу, — показать новый знак усердия вашего к службе, отправиться в Моздок для свидания с братом моим, ради объяснения по делам персидским и сопредельных с сим государством народов, о которых вы имеете столь обширные и подробные познания» [46]. И. Аргутинский выехал на Кавказскую линию для встречи с В. А. Зубовым.

Персидский поход русского корпуса (свыше 11 тысяч пехоты и 9 тысяч конницы) [47], начатый в марте 1796 г., проходил довольно успешно. В короткое время В. А. Зубов занял Дербент, Шемаху, Баку, Сальяны и Ганджу. Как справедливо указывает З. Т. Григорян, успехам русских войск способствовали содействие и помощь кавказских народов [48]. Среди владетелей Восточного Кавказа были и такие, кто продолжал придерживаться антирусской позиции и оказывал сопротивление движению русского военного корпуса. Ших-Али-хан дербентский взывал о помощи Ага Мухаммед-хана. Поскольку иранский шах сослался на то, что «войска мои утомлены... и с русскими драться не могут», Ших-Али-хан с подобной же просьбой обратился и к правительству Турции. Однако Турция также оставила без ответа обращения дербентского хана. В письме турецкому правительству Ших-Али-хан утверждал, что «русские подкупили и успели склонить на свою сторону шамхала тарковского, уцмия каракайдакского и кадия табасаранского; они старались подкупить и меня, чтобы я покорился, но я не хотел продавать свою честь за деньги и отказался им покориться» [49]. Дербентский хан, как видно, вводил в заблуждение турок; известно, что указанные Ших-Али-ханом «продавшиеся» дагестанские владетели неоднократно просили правительство России взять их под свое покровительство и защитить от Ага Мухаммед-хана. Царские власти не собирались также подкупать и самого Ших-Али-хана, поскольку Зубова, хотя он и обратился с предложением о мирной сдаче Дербента, не меньше устраивал вооруженный захват города-крепости. Аргутинский, например, настойчиво советовал Зубову: «Если даже Дербент сдадут добровольно, то не соглашаться, а взять его силою, и это по двум причинам: 1) доказать персам пустоту их самохвальства, что Дербент никем не может быть взят; 2) нагнать страх и на другие города, чтобы знали, что после взятия Дербента они сопротивляться не могут» [50]. После 7 мая, когда уже начался штурм Дербента, Ших-Али-хан попытался повести пере-

---

[46] Собрание актов.., т. III, с. 336.
[47] См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 291.
[48] См.: Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959, с. 65.
[49] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 104.
[50] Там же, с. 86.

говоры с русским командованием о мирной сдаче крепости, но мулла, которому были поручены эти переговоры, по распоряжению графа Зубова был обратно «отпущен в крепость» под предлогом того, что ему «придется долго ждать ответа главнокомандующего». Одновременно была дана команда открыть усиленный огонь по Дербенту, и 10 мая Ших-Али-хан «в сопровождении своих чиновников с повешенною на шею саблею» явился в русский военный лагерь и объявил о сдаче крепости. Любопытно, что ключи от Дербента преподнес графу В. А. Зубову 120-летний старец, который 74 года назад, в 1722 г. торжественно вручал ключи от города Петру I [51]. Прошахской ориентации придерживался Джевад-хан ганджинский, опасавшийся возмездия Ираклия II за военный союз с Ираном. Почти в таком же положении находился Умма-хан аварский, «всегда готовый на грабеж чужой собственности» [52].

В целом поход В. А. Зубова на Кавказ имел огромный политический резонанс среди кавказских народов, поднявшихся на борьбу с агрессором. Престиж и влияние России, ставшей единственной защитницей от «каджарской опасности», неизмеримо возросли на Кавказе, народы которого в своей политической ориентации уже приобретали достаточную устойчивость. Особенно это касалось Армении и Грузии, где экспансия персидского шаха весьма обострила религиозные чувства населения.

Обескровленная агрессором и крайне ослабленная внутренней политической борьбой, Грузия особенно нуждалась в покровительстве России. И если присоединение Грузии не включили в повестку дня русско-грузинских отношений 1796 г., то скорее по причинам, не связанным с логикой самих отношений. Известно, что русская дипломатия, продолжая избегать осложнений с Турцией, не ставила тогда решения грузинского вопроса в широком аспекте. Не случайно поход В. А. Зубова был остановлен после того, как он достиг главной из своих целей: устранил «каджарскую опасность». В этом смысле экспедиция Зубова напоминала персидский поход Петра I, который также ограничивался лишь упрочением позиций России на Восточном Кавказе, необходимом для дальнейшего распространения здесь русской торговли и политического влияния.

Екатерининская дипломатия, занятая прежде всего вопросами европейской политики, не располагала всей необходимой информацией о положении в Закавказье, особенно Грузии, и продолжала исходить из политических посылок, которыми она руководствовалась здесь в конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII в. Направляя В. А. Зубова на Кавказ, в Петербурге не заметили, к каким серьезным политическим изменениям на Кавказе привело нашествие Ага Мухаммеда, пополнившего историю вандализма новыми страницами. Царизм не учитывал, в частности, что поражение

---

[51] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., с. 114—115.
[52] Там же, с. 100.

Грузии от Ага Мухаммеда сильно поколебало «личную власть» Ираклия II, вызвав новый взрыв дворцовой борьбы. Эти распри убеждали Ираклия II в том, что Грузия нуждается не только в военной защите от внешних врагов, но и в «покровительственной» власти России, способной приостановить бессмысленную междоусобицу. Ираклий II через майора Вердеревского заявил В. А. Зубову о своем бессилии восстановить единовластие и уничтожить уделы, о готовности предоставить это воле императрицы [53]. Впрочем, это касалось не только Грузии. Ни военная экспансия Ирана, ни поход В. А. Зубова не внесли умиротворения в борьбу закавказских феодалов за власть.

В такой обстановке Россия, завоевав на Кавказе престиж защитницы от «каджарской угрозы», могла добиться беспрецедентных военно-политических успехов, в том числе и присоединения ряда районов Кавказа, например, Восточной Грузии, Армении, частично Дагестана и Азербайджана. Занятая европейскими событиями, Россия обнаруживала явную прямолинейность на Кавказе, не учитывала изменившейся здесь ситуации. Решение о прекращении похода В. А. Зубова, последовавшее на второй день после смерти Екатерины II, не было исключением в ряду устаревших подходов к кавказским делам.

В числе негативных моментов, повлиявших на кавказскую стратегию России, и в частности на развитие русско-грузинских отношений, очевидно, следует рассматривать перемену на петербургском престоле. 7 ноября 1796 г. руководитель Военной коллегии граф Салтыков отправил на Кавказ курьера к В. А. Зубову с уведомлением о смерти Екатерины II и вступлении на престол Павла I. Курьер вез также приказ, обязывавший Зубова «приостановить военные действия до особого повеления», отряду предписывалось занять оборону и обеспечить себя продовольствием. Вскоре последовало распоряжение о возвращении этого военного корпуса в Россию [54]. Екатерина II, хотя ослабила в последние годы правления интерес к Кавказу, все же не исключала из своей внешнеполитической программы задачи, сформулированные ею в отношении Кавказа в 60—80-е гг. XVIII в. Решимость, с которой она действовала в период «каджарской опасности», еще раз доказала это. И если все же в политике русской императрицы наступил период, когда предпочтение было отдано европейским делам, то это носило временный характер. И дело, конечно, не в том, что восточная дипломатия России потеряла свою злободневность.

Среди факторов, заставивших правительство России свести до минимума военно-политические итоги похода В. А. Зубова (Н. Ф. Дубровин расценивал его как «не приведший ни к каким результатам» [55]), было также противодействие Турции. Ее крайне

---

[53] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 152.
[54] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 195.
[55] Там же, с. 201.

ревнивое отношение к любым шагам России на Кавказе все время учитывали в Петербурге. Об этом свидетельствует инструкция Екатерины II В. А. Зубову: вступлением русских войск на Кавказ «не подать повода Порте Оттоманской к беспокойству и тревоге»[56]. Принцип осторожности в кавказских делах соблюдался и позднее, особенно в первые годы царствования Павла I.

§ 2. Политика России на Кавказе в 90-е годы XVIII в.

Новый глава российского правительства, внешнюю политику которого В. О. Ключевский называл «неудачным приступом к решению задач, ставших на очередь с конца XVIII столетия», пересмотрел проблемы Кавказа. Свою кавказскую политику Павел I, деятельность которого «вся перешла в уничтожение того, что сделано было предшественницей»[57] (он не только отменил поход на Кавказе, но и уволил «от всех должностей» командующего походом графа В. А. Зубова), изложил в рескрипте И. В. Гудовичу от 5 января 1797 г.[58]. Павел I определил 7 основных положений, регламентировавших действия правительства и его администрации на Кавказе. В качестве первостепенной задачи Павел I выдвинул обеспечение безопасности российской границы, линию которой император проводил «от устья р. Кубани, восходя вверх ея и потом ближайшее и удобнейшее выводя оную на р. Терек до Кизляра». В отношении народов Северного Кавказа, как присоединенных к России, так и не успевших войти в ее состав, Павел I повелевал придерживаться политики «повиновения ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отягощению». Особое внимание он обращал на владения, прилегавшие к Каспийскому побережью. Значение их для русской торговли, а также политическая неустойчивость местных владетелей вынуждали Павла I отступить от «лояльности» своей кавказской программы и предписать, чтобы дагестанских и азербайджанских владетелей «удерживать по возможности в зависимости от нас». Несомненно, большей новизной отличались положения, выдвинутые Павлом I в отношении Закавказья. Как отмечал В. О. Ключевский, в конце XVIII в. правительство России уже «совсем не думало переходить» Кавказский хребет, «не имея ни средств к тому, ни охоты»[59]. Понимая это, Павел I задумал план создания в Закавказье федеративного государства, которое бы включало закавказских владетелей с прорусской ориентацией и было бы,

---

[56] Там же, с. 80; Маркова О. П. Указ. соч., с. 892.
[57] Ключевский В. О. Сочинения. Т. V. М., 1958, с. 193.
[58] См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 199—201.
[59] Ключевский В. О. Сочинения. Т. V, с. 194.

как писал император, «зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя». Эта «федерация владетелей» должна была обладать достаточной силой для защиты Закавказья от внешних врагов, чтобы освободить Россию от необходимости вооруженного вмешательства в том районе. Что касается Картли-Кахетии, с которой у России развивались особые отношения, то русский император фактически ограничивал дальнейшую перспективу русско-грузинских связей рамками закавказского федеративного государства и стремлением «удерживать в добром согласии и единодушии с владельцами и областями к России более приверженными».

В рескрипте И. В. Гудовичу Павел I касался также русско-иранских и русско-турецких отношений, связанных с кавказской политикой. Русский император предлагал установить мир с Ираном и с этой целью предписал генералу И. В. Гудовичу (военному губернатору Астрахани) искать возможности для переговоров с Ага Мухаммед-ханом. Одновременно Павел достаточно энергично требовал от своего генерала: «Дайте ему (Ага Мухаммеду. — *авт.*) со всею пристойчивостью чувствовать всю опасность, каковой он подвергает себя, оказываясь нам противным». Не менял, пожалуй, политики своей предшественницы Павел I и в отношении Османской империи, с которой он вовсе не искал «поводов к ссоре». Избранный внешнеполитический курс, как и первые решения Павла I, касавшиеся Кавказа, был воспринят по меньшей мере как вялый. У кавказских владетелей, придерживавшихся российской ориентации, он вызывал тревогу, тем более что над многими из них вновь нависала «каджарская угроза». Иран, Турция и антирусски настроенные владетели, напротив, рассматривали действия Павла I как отступление от прежней политики, спешили воспользоваться этим и приступить к осуществлению своих старых замыслов. Они учитывали, по существу, отказ России от активной военной защиты Восточного Кавказа и Закавказья.

В западной историографии существуют две противоположные точки зрения на кавказскую доктрину Павла I. Одни историки считают ее более разумной, гибкой и эффективной, чем политические формулы Екатерины II [60]. Другие историки характеризуют ее как крайне неустойчивую, колеблющуюся от грандиозных проектов до полной пассивности [61]. Истина, очевидно, находится между этими полярными мнениями. Хотя современники и потомки видели в Павле сумасбродного человека, тем не менее в его политике были свой «почерк» и своя логика, основанная на преемственности общих задач России на Кавказе. Однако в методах решения этих задач он разошелся с Екатериной II, чем едва ли ускорял достижение конечных результатов. Кстати, еще англий-

---

[60] Atkin M. Op. cit., p. 52—57.
[61] Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914. London, 1977, p. 11.

ские историки XIX в. допускали, что позиция, занятая новым русским царем в отношении кавказского вопроса, была не порождением его капризной прихоти, а продуманной системой действий [62].

Перемены в поведении России на Кавказе прежде всего заметил Ираклий II. Уже в начале 1797 г., предусматривая, к каким последствиям может привести новая доктрина русского царя, он просил через своего посла Г. А. Чавчавадзе о военной помощи. С этим же вскоре к Павлу I обратился и сам Ираклий II, сообщавший о готовившемся новом вторжении на Кавказ Ага Мухаммед-хана. Царь писал Павлу I в апреле 1797 г., когда он получил уже от персидского шаха фирман, полный угроз и ультимативных требований, хотя и закрашенных восточной риторикой [63]. Персидский шах, узнав об отмене похода В. А. Зубова, стал рассылать фирманы кавказским владетелям и представлять дело таким образом, будто русское командование отказалось от похода из-за страха перед явным военным превосходством Ирана, а русско-иранский конфликт 1796 г. пытался оценить как свою победу: «Никто ни видал, — хвастал Ага Мухаммед-хан, — чтобы они (русские. — *авт.*) когда-нибудь употребить могли саблю, копье и прочее воинское оружие». Он писал, что, как только ему стало известно о появлении русских на Кавказе, он решил «истребить» их, а они, «узнав о таковом нашем намерении, в свою... землю удалились» [64]. От многочисленных фирманов и угроз Ага Мухаммед-хан вскоре перешел к военным действиям. Он вошел в Карабах, занял его столицу Шушу и приступил к грабежу.

Новая военная экспансия Ирана в Закавказье заставила многих местных владетелей вновь обратиться к России. Грузинский посол Г. А. Чавчавадзе по поручению Ираклия II, оказавшегося перед очередной иранской агрессией, просил Павла I принять Грузию под покровительство России, ввести здесь российское законодательство, утвердить царевича Георгия наследником престола, держать в Грузии постоянное русское войско, принять все крепости и их гарнизоны, расположенные в Картли-Кахетии, в свое ведение и назначить к ним русских комендантов, установить единую денежную систему (с изображением на монетах на одной стороне российского императора, а на другой — грузинского царя) [65]. Иначе говоря, перед угрозой иранской экспансии Грузия в «полном» объеме ставила вопрос о присоединении к России: положительное решение его обещало гарантировать не только внешнюю безопасность Грузии, но и в значительной мере определить ее внутренний статут. Русский император оставил без ответа обращение Ираклия II летом 1797 г.

---

[62] Watson R. G. A History of Persia. London, 1866, p. 141.

[63] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 164—165.

[64] Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 205; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 425.

[65] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 171.

Расположившись на юго-восточном Кавказе, персидский шах чинил насилия и грабежи над местным населением; он готовился к походу на Грузию и другие районы Кавказа. Однако его планам не суждено было осуществиться. Спустя несколько дней после захвата Шуши, накануне похода, по указанию шаха за небольшую провинность у нукера Сафар-Али отрезали уши. Поскольку Сафар-Али от боли «позволил» себе стонать, шах распорядился повесить его, а также и другого нукера Аббас Бека. Ночью оба нукера сумели пробраться в покои Ага Мухаммед-хана и закололи его кинжалами [66].

Вскоре после смерти шаха правительство России решило вывести из Грузии последние воинские части, остававшиеся здесь. Любопытно, что многие русские солдаты не желали уезжать из Грузии; генерал И. В. Гудович обнаружил более 300 беглых солдат, женившихся на грузинках [67].

Отозвав войска из Закавказья, Россия серьезно меняла политическую обстановку в этом районе. И дело не только в том, что Закавказье становилось уязвимее со стороны Ирана и Турции.

Присутствие в Закавказье российских войск стабилизировало военно-политическую обстановку. Теперь обострялись междоусобицы закавказских владетелей, активизировалась экспансия лезгинских феодалов, имевшая тяжелые последствия особенно для грузинских районов. Не случайно посол Ираклия II в Петербурге Г. А. Чавчавадзе, встревоженный действиями российского правительства, в частности выводом войск из Грузии, настаивал перед императором на значительно большей ясности в русско-грузинских отношениях и с беспокойством интересовался, насколько сохраняют силу договорные условия, связанные с протекторатом России над Грузией.

Вывод русских воинских частей из Грузии был не единственной причиной, осложнявшей ситуацию в Закавказье. Заметно повлияла на нее также кончина 11 января 1798 г. Ираклия II. Тонкий политик и дипломат, храбрый воин и полководец, большой друг России, он защищал от ирано-турецкой агрессии не только Грузию, но часто и другие народы Закавказья. Более 50 лет занимая грузинский престол, Ираклий II снискал большую популярность на Кавказе и в Европе. Прусский король Фридрих II говорил: «Я — в Европе, а в Азии — непобедимый царь Грузии Ираклий (Hercule)» [68]. Можно с уверенностью утверждать, что во многом личным качествам Ираклия II обязана Грузия той централизации, которая наметилась здесь во второй половине XVIII в. Складывавшийся накануне ирано-турецкой агрессии военно-политический союз в Закавказье, в первую очередь между Арменией

---

[66] Кавказ, 1855, № 68.

[67] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 174.

[68] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 178; Wardrop O. Kingdom of Georgia. London, 1888, p. 129.

и Грузией, также в известной степени следует рассматривать как одно из прогрессивных действий грузинского царя. Смерть Ираклия II крайне обострила дворцовое соперничество, не затухавшее и при жизни престарелого царя; не успели похоронить Ираклия (его тело везли из Телави в Мцхетский собор — усыпальницу грузинских царей), как царица Дарья со своими сторонниками уже развернула борьбу за трон. Это ставило Грузию в критическое положение. Военно-политические события последних двух десятилетий XVIII в. имели для Грузии еще и тяжелые демографические последствия: до 1783 г. в Грузии насчитывалась 61 тысяча дворов, а в 1801 г. оставалось всего 35 тысяч дворов[69]. Георгий XII, против которого были направлены дворцовые интриги царицы Дарьи, занял престол фактически развалившегося царства. Характеризуя состояние своей страны в 1798 г., Георгий XII отмечал: «Соседи наши, персияне, так нас рассеяли в прошедших годах, что и поныне обедневшие наши подданные и мы друг друга сыскать не можем»[70]. Истощенная Грузия становилась легкой добычей Ирана, Турции и соседних владетелей, часто совершавших набеги на ее территорию.

Первые политические шаги в качестве грузинского царя Георгий XII начал с обращения к императору Павлу I; Георгий XII извещал русского императора о вступлении на престол и просил о покровительстве: «Ныне зрю вас моим государем... моим монархом и уповаю, что простертые руки мои отвергнуты не будут»[71]. Георгий XII настоятельно просил не только политического покровительства, но и военной помощи. Его поведение не было лишь продолжением разумной политики отца, а диктовалось конкретными условиями. Конечно, Георгий XII нуждался в поддержке России, поскольку это придало бы ему уверенности в преодолении междоусобиц, царивших вокруг трона. Оппозиционная Георгию XII группировка, в том числе царевич Александр, призвала вмешаться в дела Грузии Умма-хана аварского, Ибрагим-хана шушинского, Джевад-хана ганджинского и даже брата убитого Ага Мухаммед-хана. Еще Ираклий II, оказавшись в трудном военно-политическом положении, явно не справлялся с лекианоба и, чтобы как-то умерить ее масштабы, вынужден был под видом «подарка» ежегодно платить Умма-хану 5 тыс. руб. Подобной дани аварский хан добился и от Георгия XII[72]. Вмешательство, естественно, привело бы к власти оппозицию ценой политических уступок, наносивших ущерб независимости Грузии. Особенно устрашающим было требование персидского шаха Баба-хана (Фетх-Али-хана), племянника Ага Мухаммед-хана, о признании зависимости Грузии от Ирана. Если бы Георгий II официально

---

[69] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901, с. 3.
[70] Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. III, с. 238.
[71] Там же.
[72] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 3; См.: Маркова О. П. Указ. соч., с. 303.

подтвердил «иранское подданство», шах обещал «передать» ему в управление Шеки, Ширвань, Ганджу и Эриван. Фетх-Али-хан предупреждал, что неприятие Георгием XII власти персидского шаха вынудит его подвергнуть Грузию более жестокому разорению, чем то, которое она испытала при его предшественнике [73]. Сын Георгия XII Давид писал об этом: «Он (Фетх-Али-хан. — *авт.*) через посланника своего преклонял царя Георгия войти под покровительство Персии и просил, чтоб я прислан был к нему заложником. Но послать меня заложником в Персию оказалось невозможно потому, что я был наследником грузинского царства и находился в российской службе. Таким образом, прерваны были сношения с Персией» [74].

От персидского шаха не отставал турецкий султан, решивший не только воспользоваться драматическим положением Грузии, но и в какой-то степени отомстить покойному Ираклию II за его «непослушание», за пророссийскую политику. Царевич Давид свидетельствует: «Турки... намерены были утеснять грузинов, живущих в смежности с ними... Паша Магомед... вышел против меня со многочисленными ополчениями. Сражение между нами произошло кровопролитное» [75].

Удручающую, но объективную картину внутреннего состояния Грузии в конце XVIII в., осложненного внешней опасностью, дает американский историк М. Эткин [76]. Французский исследователь Б. Нольде пишет, что перед Грузией встал вопрос жизненной важности — обеспечение защиты ее от Ирана любой ценой [77].

Сложная ситуация складывалась не только для Грузии, но также и для Армении и Азербайджана. В 1798 г. Ереван вновь подчинился Ирану, дал контрибуцию и заложников.

Развивавшиеся в Закавказье политические события становились угрожающими особенно для Грузии, изнуренной иранской экспансией и дворцовой междоусобицей. Новая опасность, надвигавшаяся со стороны Ирана и Турции, заставляла Георгия XII вести себя с шахом и султаном осмотрительно. Более того, как сообщал в июле 1798 г. царевич Давид правительству России, его отец намеревался пойти на определенные уступки Фетх-Али-хану, к которому Георгий XII решил направить своего представителя с подарками [78]. Подобное развитие политики грузинского двора становилось настолько реальным, что русские дипломаты, увлеченные западноевропейскими делами, стали убеждать Павла I в необходимости активнее заняться делами Кавказа — традиционного объекта внешней политики России.

---

[73] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 181—182; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 4.

[74] Багратиони Давид. Указ. соч., с. 170.

[75] Там же.

[76] Atkin M. Op. cit., p. 10—11, 58.

[77] Nolde B. La formation de l'Empire Russe. Paris, 1953, t. 2, p. 379.

[78] Грамоты и другие исторические документы.., т. II, вып. 2, с. 186—187.

Глава IV

КАВКАЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

§ 1. Присоединение Грузии к России. Обострение отношений с Ираном, Турцией и западноевропейскими державами

В 1799 г. Георгий XII вновь обратился к России с просьбой о военной помощи. В Петербург грузинский царь направил посольство (Г. Чавчавадзе, Г. Авалов и Е. Палавандов) с поручением «утверждать и подписывать» акты, которые оно сочтет необходимым, и «передать царство грузинское в полное подданство России» [1]. Стремясь воспрепятствовать иранской агрессии, Россия решила восстановить свой протекторат над Грузией [2]. Летом 1799 г. генерал К. Ф. Кнорринг направил Георгию XII письмо, в котором просил оказать содействие в продвижении войск России через Главный Кавказский хребет и подготовиться к снабжению войск провиантом.

Для постройки отдельных участков северной части Военно-Грузинской дороги и мостов Кнорринг привлек осетин. Осенью 1799 г. русский егерский полк проследовал через Осетию в Грузию.

В связи с этими мерами российского правительства Иран предъявил России свои претензии на Грузию и другие области Кавказа. Первый министр шаха Хаджи Ибрагим-хан направил П. И. Коваленскому, полномочному министру Павла I при Георгии XII, ноту с обоснованием «прав» Ирана на Грузию [3].

Активное вмешательство России в закавказские дела приостановило агрессию Ирана. По меткой характеристике известного поэта и общественного деятеля А. Г. Чавчавадзе, в конце XVIII — начале XIX в. Грузия «была подобно изнуренному больному, который едва в силах объяснить врачу слабость своего состояния» [4]. Внутренние противоречия сопровождались ухудшением внешнего положения Грузии. Особенно повысилась опасность со стороны Ирана.

Летом 1800 г. Фетх-Али направил своего посла в Грузию с требованиями покорности. Тогда же П. И. Коваленский писал из Грузии: «Персияне точно на нас идут, получив новое небольшое

---

[1] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901, с. 5.

[2] АКАК, т. I, с. 93—96.

[3] См.: Джавахов И. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке. Спб., 1906, с. 10.

[4] Чавчавадзе А. Г. Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 г. — КС, т. XXIII. Тифлис, 1902, с. 8.

подкрепление» [5]. П. И. Коваленский считал необходимым сосредоточить войска России на Северном Кавказе в преддверии Военно-Грузинской дороги, в районе Владикавказа.

Заручившись согласием правительства, П. И. Коваленский ответил решительным протестом на притязания шаха. Одновременно грузинское посольство, находившееся в Петербурге, представило Павлу I хорошо теперь известные 16 просительных пунктов, определявших условия политических взаимоотношений Грузии и России [6].

Согласно этим пунктам, грузинский царь, «добровольно повергая и себя и царство подданству Всероссийской империи», просил о полном присоединении Грузии к России. При этом правительство России должно было взять обязательства: «обеспечить» грузинского царя «полным содержанием», ввести в Грузию свои войска, возвести крепости и обеспечить внешнюю безопасность страны, установить «правильную» военную и гражданскую администрацию [7].

В «ноте» грузинского посольства отдельно оговаривалось положение о царе Грузии и престолонаследии: Георгий XII просил, «чтобы, при вручении царства его, был он оставлен, а по нем и наследники его на престоле с титулом царей». Павел I одобрил «просительные пункты», в том числе и «пункт», предусматривавший сохранение на грузинском престоле Георгия XII, и сразу же последовал рескрипт [8], которым, в сущности, санкционировались кардинальные действия в отношении Грузии. В качестве первоочередной меры Павел I предписывал генералу Кнорринту выяснить количество войск, необходимых для обороны Грузии. Одновременно был подготовлен манифест о присоединении Грузии к России, подлежавший опубликованию на русском, грузинском и татарском языках.

Манифест Павла I довольно полно отражал внутреннее и внешнее положение Грузии, толкавшее ее на присоединение к России. В нем, в частности, указывалось: «С давних уже времен грузинское царство, угнетаемое иноверными соседями, истощало силы свои непрестанным ратованием в собственную оборону. К сим присовокупились несогласия в доме царском, угрожающия довершить падение царства сего, возродя в нем междоусобную войну. Царь Георгий Ираклиевич... знатные чины и сам народ грузинский прибегли ныне к покрову нашему и, не предвидя иного спасения от конечной гибели и покорения врагам их, просили чрез присланных полномочных о принятии областей, грузинскому царству подвластных, в непосредственное подданство... Всероссийскому престолу» [9].

---

[5] АКАК, т. II, с. 126—130.
[6] АКАК, т. I, с. 179—181.
[7] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 7—9.
[8] АКАК, т. I, с. 179—180, 116.
[9] Утверждение русского владычества на Кавказе.., т. I, с. 15—16.

В январе 1801 г. Павел I поручил генералу Кнорррингу ознакомить грузинское население с манифестом о присоединении Грузии к России. Манифест доставили в Грузию в феврале, и тогда же началось его публичное чтение в соборах, церквах (грузинских и армянских), даже на улицах. Как доносил генерал-майор Лазарев, в Грузии «приняли Манифест сей с должным благоговением и благодарностью». По этому случаю Тифлис «был иллюминован и лавки по азиатскому обычаю украшены товарами и все жители... приносили благодарения за излияние на них столь великих милостей и с радостью восклицали, что они теперь уже россияне» [10]. Как можно видеть, источники не подтверждают утверждения отдельных зарубежных авторов, что манифест о присоединении Грузии местное население встретило «с негодованием» [11]. Однако на пути реализации манифеста неожиданно возникли трудности; не стало лиц, «вокруг которых» разрабатывали манифест: в Грузии умер Георгий XII, а в Петербурге был убит Павел I [12].

В апреле 1801 г. манифест дважды обсуждали на заседаниях Непременного совета. «...На изъявленном от всего народа желании быть подданными российскими... и учитывая внутреннее положение Грузии, которая не может себя защитить от притязаний персидских владельцев на верховную власть в Грузии, а также междоусобицы и войны, опасные для России, как пограничного государства» [13], Непременный совет принял решение о включении Грузии в состав России. Для знакомства с внутренним положением страны Александр I предписал генералу Кнорррингу выяснить, действительно ли Грузия не в состоянии самостоятельно защитить себя от нападений извне и ликвидировать внутренние распри.

Из донесений Кнорринга явствовало, что Грузия своими силами «не может ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги горских народов» [14]. Кнорринг отмечал, что дворянство «раздроблено на фракции», часть дворян и царевичей против присоединения к России, так как боятся потерять свои привилегии, но «рассуждающая» часть дворянства выступает за присоединение.

Донесения Кнорринга были еще одним свидетельством в пользу решения Непременного совета о включении Грузии в состав России. 12(24) сентября 1801 г. был обнародован манифест «Об учреждении внутреннего в Грузии управления», в котором указы-

---

[10] Там же, с. 17.

[11] Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London, 1906, p. 32; Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy 1814—1914. New York, 1964, p. 82.

[12] АКАК, т. I, с. 433—438. Развитие событий, предшествовавших присоединению Грузии к России, подробно прослежено зарубежными историками. См. напр.; Nolde B. La formation de l'Empire Russe, t. 2. Paris, 1953, p. 376—387.

[13] Внешняя политика России XIX — начала XX в. Т. 1. М., 1960, док. 7, с. 25.

[14] Внешняя политика России.., т. 1, док. 17, с. 73.

валось, что правительство России согласилось на присоединение Грузии по просьбе грузинского правительства в целях защиты Грузии от нападений извне и сохранения порядка внутри страны [15]. В апреле 1802 г. в Тифлисе было объявлено, что царствовавшая династия Багратидов лишается всех прав на престол в Грузии. Картлия и Кахетия объединились в Грузинскую губернию.

Присоединение Грузии к России способствовало дальнейшему успешному развитию русско-кавказских отношений и создавало благоприятные условия для присоединения к России всего Закавказья — наиболее уязвимого от ирано-турецкой экспансии района.

Присоединение Восточной Грузии к России оказало воздействие не только на судьбы закавказских народов, но и на горцев Северного Кавказа. Оно укрепило среди них политическую ориентацию на Россию и решимость в борьбе против ирано-турецкой агрессии. В свою очередь, Россия, пользуясь создавшейся для нее благоприятной обстановкой, стремилась к дальнейшему укреплению своих позиций на Кавказе.

После присоединения Грузии к России в Петербурге особое внимание стали обращать на Восточный Кавказ, в частности Дагестан, где предполагалось продолжить политику присоединения Кавказа к России. Именно на Северо-Восточном Кавказе влияние России оставалось проблематичным, поскольку здесь часть местных владетелей вела себя по-прежнему неустойчиво. Дербентский правитель Ших Али-хан продолжал двойную игру: внешне придерживаясь российской ориентации, он тайно поддерживал связи с правителями Ирана и Турции. Однако «прошения» о подданстве России владетелей Дагестана уцмия кайтагского Рази-бека, владетеля Табасарана Саграб-бека, правителя дербентского Гасан-Али-хана, Ших Али-хана кубинского и других владетелей, поданные на имя Александра I в 1801 г., создавали у российского правительства больше уверенности в отношении Каспийского побережья. Однако Александр I действовал здесь осторожно. В инструкции генералу Кнорринту император предлагал «установить между помянутыми ханами и горскими владельцами... твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие» [16].

Александр I исходил из идеи создания из владений Дагестана и Северного Азербайджана, политически разрозненных, федеративного союза под покровительством России. Цель такого союза сводилась бы к объединению феодально обособленных владений Северо-Восточного Кавказа и созданию здесь надежного заслона против ирано-турецкой агрессии (английский историк М. Андерсон считает образование федерации этапом в «южной экспансии»

---

[15] ПСЗРИ, собр. первое. Спб., 1830, т. XXVI, № 20 007.

[16] Цит. по: Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 174—175.

России) [17]. Кроме того, федеративный союз под протекторатом России открывал новые торгово-экономические возможности, а главное — подготовил бы Северо-Восточный Кавказ к присоединению к России.

Александр I предписал генералу Кнорррингу провести с горскими ханами и владетелями переговоры о создании «союза» под верховным покровительством России. В сентябре 1802 г., согласно указанию императора, в Георгиевске состоялась встреча между российским командованием и посланниками владетелей Дагестана и Северного Азербайджана.

С самого начала переговоры о «союзе» осложнились разногласиями между отдельными горскими владетелями. Так, представитель Дербента Мамед-бек не соглашался подписывать совместный договор, требуя, чтобы с ним был заключен особый договор, согласно которому «его владетелю будет войско и приличная сумма денег» [18].

Все же 26 декабря 1802 г. в Георгиевске был достигнут «союз», участники которого взяли обязательство быть преданными России, действовать под ее покровительством и, забыв свои разногласия, оказывать друг другу помощь в борьбе против агрессии Ирана. Этот договор предусматривал также условия, относящиеся к прекращению междоусобиц, развитию торговых связей на Кавказе и с Россией.

Однако в условиях феодальной обособленности, сохранявшейся в Северо-Восточном Кавказе, федеративный союз владетелей Дагестана и Азербайджана, достигнутый в 1802 г., во многом носил формальный характер. Тем не менее политическое значение этого альянса вытекало из того внешнеполитического аспекта, на основе которого формировался федеративный союз. Договор в Георгиевске следует рассматривать как важный этап в присоединении Дагестана к России, в консолидации сил в борьбе с иранотурецкой агрессией. Георгиевский союз способствовал дальнейшему развитию русско-кавказских отношений, и особенно русско-дагестанских связей.

Уже в ходе переговоров в Георгиевске в октябре 1802 г. с просьбой о принятии в подданство России обратился к Александру I аварский нуцал. Император дал согласие принять Аварское ханство в подданство России, и Султан-Ахмед-хан аварский принял присягу, состоявшую из нескольких условий. Султан-Ахмед-хан брал обязательство о дружбе и союзе не только с Россией, но и с ее подданными — соседними владетелями. Он вступал вместе с Россией в военный союз против Ирана, обещая «всячески стараться разбить и прогнать персов» [19]. Кроме того, русским

---

[17] Anderson M. S. The Eastern Question, 1774—1923. — A Study of International Relations. London—New York, 1966, p. 31.

[18] Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 176.

[19] АКАК, т. II, с. 766.

купцам в Аварии предоставлялись равные с другими права торговли; им же гарантировалось свободное и безопасное передвижение в Аварии и другие льготы. Как видно, условия подданства аварского хана, по существу, совпадали с характером Георгиевского договора.

Весной 1803 г. войска генерала Гулякова присоединили также Джаро-Белоканские «вольные» общества — важный в военно-стратегическом отношении район. В ноябре 1803 г. главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов оказал давление и на гандзинского хана Джевада, требуя от него покорности на том основании, что в свое время Ганджа находилась в вассальной зависимости от грузинских царей.

Однако дальнейшее движение среди горских владетелей, связанное с принятием российского подданства, было приостановлено из-за осложнившихся тогда русско-иранских отношений, а вскоре и русско-иранской войны.

Укрепление позиций России на Кавказе обострило противоречия не только между Ираном и Турцией, но также и между странами Европы, особенно соперничавшими между собой Англией и Францией. Еще в середине XVIII в. английский посланник в Петербурге Э. Финч отмечал, какие благоприятные для английской торговой буржуазии возможности имеются в районе Каспийского моря. Несколько позже англичанин Д. Эльтон призывал своих соотечественников к овладению Кавказом, Бухарой и Афганистаном: «Кто знает, какими большими и населенными городами усеяны эти земли... не может не прийти к заключению, что торговля в той стороне может расширяться почти бесконечно» [20].

Овладев одним из княжеств Индии Майсором, английское правительство во многом облегчило свое экономическое и политическое продвижение в Переднюю Азию. Уже в 1800 г. в Иран было направлено английское чрезвычайное посольство во главе с капитаном Д. Малькольмом. Как отмечал К. Маркс, это посольство «стоило бешеных денег», поскольку Д. Малькольм не скупился на щедрые подарки, покупая всех — «от шаха до погонщика верблюдов» [21].

Накануне подписания манифеста о присоединении Грузии к России миссии Малькольма удалось заключить договор о военно-политическом союзе между Ираном и Англией. Этот договор был направлен против Франции, также стремившейся к проникновению в районы Среднего Востока. Фактически он активизировал шахское правительство в его видах на Кавказе. Поощряя Иран, английские дипломаты рассчитывали на восстановление влияния шаха в Грузии и Северном Азербайджане, думая о своем будущем торговом и политическом проникновении в эти районы. Миссия Малькольма добивалась согласия шаха на строительство

---

[20] Цит. по: Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, с. 103.

[21] Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947, с. 105.

торговых и военных судов на Каспийском море [22]. Вопреки истине, британские публицисты XIX в. настаивали на том, чтобы Лондон активизировал свою политику в Иране исходя из оборонительных целей. Д. Макнейл, к примеру, заявлял: «Если бы Россия не пересекла Кавказский хребет, то отношения между Англией и Ираном носили бы сугубо торговый характер; это амбиции России заставляют нас сохранять то, что явно необходимо для нашей собственной защиты» [23].

Пользуясь поддержкой Англии, шах приступил к активным военно-политическим акциям против Грузии. Генерал Кнорринг в донесении в Петербург сообщал о намерении Баба-хана отправить 40-тысячное войско на Эривань, а затем в Грузию [24].

В далеко идущих планах на Среднем Востоке от английских колонизаторов не отставала молодая французская буржуазия. Войдя в острое соперничество с английским капиталом, она в конце XVIII в. фактически обосновалась в Индии, Иране и Турции. Активность Франции особенно повышалась, когда на Среднем Востоке и Кавказе разрастались военные конфликты. Так, в период кровавых завоеваний на Кавказе Ага Мухаммеда французское правительство направило к персидскому завоевателю своих агентов, наставляя их против России и ее политики на Кавказе. Одновременно французские агенты действовали и в Турции, от которой требовали энергичных мер против России в районах Херсона, Севастополя и со стороны Каспийского моря [25]. В конце XVIII в. русские послы в Италии, Австрии, Турции доносили об угрожающей обстановке на Ближнем Востоке: они сообщали о готовности Турции совместно с Францией и Швецией к развязыванию войны с Россией. Российское правительство тогда предприняло меры к приведению армии и Черноморского флота в боевую готовность, а посланному в Константинополь чрезвычайному послу М. И. Кутузову дало секретное предписание «отвращать Порту от Франции» [26].

Еще более активной французская дипломатия оказалась в начале XIX в. Дипломаты и военные чины Наполеона (Жобер, Ромье, генерал Гардан, французский консул в Багдаде Руссо) сделали немало для осложнения политической обстановки на Среднем Востоке. Особые усилия они прилагали для создания военно-политической коалиции против России, а при возможности и открытия военных действий против нее. В этом отношении весьма

---

[22] См.: Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, с. 52.

[23] Mc Neill J. Progress and Present Position of Russia in the East. London, 1838, p. 150.

[24] См.: Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963, с. 41.

[25] См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XIX веке. М., 1966, с. 282.

[26] Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1963, с. 41.

характерным было высказывание министра иностранных дел Франции Талейрана; он отмечал, что Наполеон уже давно «наблюдает за распространением России на юг Азии. Со справедливым беспокойством видит он опасности, угрожающие Персии и Турции; а эти две большие империи таковы, что порабощение одной неизбежно влечет за собой погибель ее непосредственной соседки, которая составляет единственный оплот материка против России» [27].

Выполняя предписания своего правительства, посол Франции Жобер добился союза с Ираном, обещав шаху помощь в завоевании Кавказа.

Летом 1804 г. иранский шах, стремившийся к насильственному восстановлению иранского владычества на Кавказе, потребовал, чтобы Россия вывела свои войска и администрацию из Грузии. Правительство России ответило отказом. Иранская армия под началом наследника шаха Аббаса-Мирзы вторглась на территорию азербайджанских ханств, начав таким образом войну с Россией.

§ 2. Политика России на Кавказе в начале русско-иранской (1804—1813 гг.) и русско-турецкой (1806—1812 гг.) войн

Русско-иранская война началась в довольно сложной обстановке на Кавказе; ее обостряли не только агенты Ирана и Турции, но и сепаратистски настроенные горские верхи, а также грузинские царевичи. Вместе с подвластными князьями, дворянами, многие из которых после присоединения Грузии к России превратились в платных агентов Ирана и Турции, царевичи Юлон, Парнаоз, Александр переселились в Имеретию и отсюда установили связи со всеми районами Кавказа. Особой активностью отличался Александр, сын Ираклия II, еще в 1800 г. эмигрировавший в Иран. Став подданным персидского шаха, он заявил: «Доколе я жив, не примирюсь с русскими и не похулю хлеба-соли шах-Заде» [28]. Из Имеретии грузинские царевичи направили своего посланника Фетх-али с просьбой оказать им помощь в борьбе против России и в восстановлении династии Багратидов. В свою очередь, шах стремился направлять деятельность грузинских царевичей в антирусское русло. Так, по повелению шаха царевич Александр обратился к феодалам Дагестана; приглашая их начать нападение на Грузию, он от имени шаха каждому участнику обещал по 50 руб. серебром [29].

Грузинские царевичи стали, по существу, организаторами первых антирусских выступлений осетинского населения на юге и севере Осетии. Уже в 1801 г. генерал Лазарев доносил генералу Кнорringу, что осетины, подстрекаемые царевичами, «делают

[27] Цит. по: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958, с. 173.
[28] Фадеев А. В. Указ. соч., с. 97.
[29] АКАК, т. I, с. 288.

всякие озорничества, как то: увозят людей, грабят и совсем не повинуются господам своим» [30].

Основное свое внимание на Северном Кавказе грузинские царевичи и их иранские вдохновители накануне русско-иранской войны обратили на район Военно-Грузинской дороги, ставшей в начале XIX в. ареной борьбы воевавших за Кавказ государств.

В начале XIX в. Военно-Грузинская дорога почти на всем протяжении была заселена осетинами, а в северной части находилась во владении тагаурских феодалов Восточной Осетии. Южная сторона дороги принадлежала грузинским и осетинским феодалам. Военно-Грузинская дорога была крайне не устроена, трудно проходима для военных и других транспортов, целиком зависела от капризов местных владельцев и стихии гор. Так, летом 1801 г., когда правительство России, занятое присоединением Грузии, особенно нуждалось в дороге, она пришла в негодность из-за наводнения Терека.

В Петербурге справедливо опасались, что враждебные России страны могут использовать трудности сообщения по этой дороге. Учитывая это, правительство России еще в 1802 г. предложило старшинам заключить контракт на постройку мостов и дорог. Тогда 10 осетинских феодалов обязались содержать дорогу «в совершенной исправности, обеспечить беспрепятственное и беспошлинное движение всем курьерам, гражданским и военным чиновникам... словом всем людям, службою обязанным».

Однако не терял времени и иранский шах. Летом 1802 г. в фирмане царевичу Юлону, которого он признал правителем Грузии, шах подчеркивал, что Грузия «есть часть самодержавного иранского владетеля владений», и указывал на необходимость прикрыть с севера подступы в Закавказье [31]. По указке шаха царевич Вахтанг тогда же под видом защиты от лезгин, «на владения его никогда набегов не делающих», стал готовиться к войне против России. Генерал Лазарев сообщал Кнорингу, что этот царевич вел переговоры «с тагаурцами и осетинами, в ущельях по дороге из России в Грузию живущими, а сим внедряет более страх в преданных к России обитателях здешних и привлекает их к стороне своей» [32].

Вскоре Военно-Грузинскую дорогу перекрыл осетинский феодал А. Дударов. Генерал Кнорринг был вынужден открыть военные действия на дороге. Усмирив А. Дударова, Кнорринг приступил также к ликвидации феодальной фронды в Грузии. Против царевичей выступил отряд генерала Симоновича, и руководители движения, в том числе царевичи Александр, Теймураз и 40 грузинских князей, бежали в Иран. Потеряв связь с народом, они превратились в агентов иранского правительства.

Меры Кнорринга, однако, существенно не меняли обстановки на Северном Кавказе. Даже Мусин-Пушкин, по специальности

[30] Там же, с. 581—582.
[31] Там же, с. 527, 693.
[32] Там же, с. 358—361.

физик, предвидел войну с Ираном и, знакомясь с Кавказом, предлагал правительству выселить из Грузии всех представителей династии Багратидов, пополнить воинские части на Кавказе кавалерийскими отрядами, открыть дополнительно сообщение через Дагестан, укрепить Военно-Грузинскую дорогу, построив в Балте, Ларсе и на границе между Осетией и Грузией военные форпосты [33]. Правительство Александра I, вступившее в серьезное соперничество с Ираном и другими странами, укрепление военно-политического положения России на Кавказе начало с отстранения от дел генерала Кнорринга. Главнокомандующим на Кавказе был назначен П. Д. Цицианов. Выходец из старинной дворянской грузинской семьи, Цицианов в известной мере импонировал социальным верхам Грузии. В то же время он долго находился на русской службе и был надежным проводником интересов царизма.

Цицианову предстояло создать в Закавказье прочный стратегический плацдарм против Турции и Ирана, решительно расправиться с грузинскими царевичами и фрондирующим дворянством, выступавшим против России, на Северном Кавказе следовало обеспечить безопасность военно-стратегических коммуникаций, связывавших Россию с Кавказом. Александр I в рескрипте сформулировал основной принцип своей политики на Кавказе: «Что касается до горских народов, — писал он, — то едва ли не лучшею или не коренною политикою нашею существовать должно дабы отвращать между ними всякое единомыслие» [34].

Прибыв на Кавказ, в одном из первых рапортов Александру I в начале 1803 г. Цицианов сообщал о сепаратистских настроениях феодалов Грузии и Северного Кавказа. Он отмечал, что повсеместно распространяются слухи о выводе российских войск, об отходе Грузии и других районов Кавказа от России. Цицианову пришлось вести переговоры в Осетии и убеждать, что Россия не собирается отказываться от своих владений в Закавказье и на Северном Кавказе.

В целом обстановку на Кавказе Цицианов находил весьма неблагоприятной для России. Объяснял он это многими причинами, главными из которых считал: агентурную деятельность иранотурецких эмиссаров, борьбу за власть царевичей династии Багратидов и «злоупотребления некоторых чиновников». «К сим причинам народного негодования присоединяются еще и другие немаловажные внутренние неустройства» и «развлечение властей» в Грузии, писал Цицианов [35].

Оборону Кавказа в надвигавшейся русско-иранской войне Цицианов начал с Военно-Грузинской дороги. Он писал Александру I, что обеспечение этой дороги считает «первейшею необходимостью». Цицианов считал Военно-Грузинскую дорогу не только объектом военной стратегии: он подчеркивал и ее экономическое значение.

[33] Там же, с. 395—401.
[34] ЦГВИА СССР, ф. 414, д. 305, л. 233.
[35] АКАК, т. II, с. 17.

В начале 1803 г. Цицианов направил Александру I проект строительства Военно-Грузинской дороги, названный им в честь императора «проектом Александрова пути». На протяжении всей дороги, от Кавказской линии, то есть Моздока, в Малой Кабарде, на реках Камбилеевка и Терек, и до Грузии Цицианов предлагал построить военные форпосты. Особое место он отводил восстановлению Владикавказа в преддверии Дарьяльского ущелья; эта крепость, по мысли Цицианова, могла стать главным пунктом, позволявшим контролировать не только Военно-Грузинскую дорогу, но и весь Центральный Кавказ. Проект Цицианова предусматривал большие работы по реконструкции дороги: строительство плотины, мостов, новых участков (всего на 200 тыс. руб.).

Александр I рассмотрел и полностью одобрил проект Цицианова [36]. Император утвердил также предложения Цицианова по укреплению Кавказской линии, на которой воздвигли редуты Константиновский и Елизаветинский. Тогда же, в конце 1803 г., кордонная часть Кавказской линии по «сухой границе» от Константиногорска разделилась: одна шла от Ессентукского редута до Кисловодского источника, где было построено укрепление Кисловодск, другая — от Кирклинского редута до Батал-Пашинской переправы на Кубани; здесь возникли редуты: Нижне-Абазинский, Усть-Тахтамышский и Батал-Пашинский [37].

Вместе с мерами по обороне Кавказа Цицианов проводил политические акции в Грузии и на Северном Кавказе. Он насильственно выселил в Россию представителей династии Багратидов, встревожив все грузинское дворянство, а также вел переговоры с некоторыми осетинскими феодалами о переселении из района Военно-Грузинской дороги на Владикавказскую равнину.

Первые мероприятия Цицианова на Кавказе вызвали бурную реакцию прежде всего тех, кто был недоволен подданством России. В этой обстановке энергично действовали царевичи Александр, Юлон, Теймураз и другие грузинские феодалы. Письма Александра шли потоком в самые различные места Кавказа и призывали к антирусской борьбе. «Грузинский царевич Александр, — писал русский офицер Стемковский, — отправил с братом своим... золото к тагаурским феодалам, с тем чтобы они старались не пропустить войска Российские в Грузию и из Грузии, всем Российским старались бы вредить» [38]. Эта деятельность грузинских царевичей получила новый размах в самом начале русско-иранской войны, когда им удалось создать на Военно-Грузинской дороге наемное войско под руководством А. Дударова.

В 1803 г. Центральный и Восточный Кавказ стал в центре военно-стратегических планов завоевательной политики Ирана. По расчетам Фетх-Али, в русско-иранской войне Кабарда, Осетия, Ингушетия и Чечня вместе с другими районами Кавказа должны

[36] ЦГВИА СССР, ф. I, оп. 1, д. 411, л. 7—15.

[37] Исторический очерк распространения и устройства русского владычества над Кавказом и в Закавказье.— Кавказ, 1850, № 13.

[38] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6164, ч. 33, л. 174—175.

были отойти к Ирану. В фирманах шаха Кизляр и Моздок упоминались как пограничные пункты персидских владений. Как только началась война, шах обратился с фирманом «К кабардинским, чеченским и осетинским князьям, бекам, узденям, старшинам и народу». Искажая факты, шах сообщал народам Центрального Кавказа о своих «успехах» в Закавказье и призывал население «позабоиться о том, чтобы со всех точек закрыты были им (русским. — *авт.*) проходы, так что, если бы они вторично вздумали перешагнуть в эту сторону, то были бы истреблены вами» [39].

Обстановка на Северном Кавказе накалялась также и происками турецкого правительства, ревностно следившего за действиями России на Кавказе. Под влиянием Франции Турция возобновила притязания на утраченные районы Черноморского побережья.

Еще весной 1804 г. султанская Турция через анапского пашу направила к Кабарду своих агентов, призывавших «владельцев» Северного Кавказа выступить против России. В одном из писем сообщалось, что паша получил от султана «на пяти кораблях войско, снабженное достаточным провиантом, оружием и всеми нужными принадлежностями, получив при этом повеление, что еще флотилия прибудет... к сему нужно то, чтобы все магометане единодушно на поражение неверного врага нашего себя употребили» [40].

Анапский паша обещал, что все, кто выступит против России, будут награждены турецким золотом. «Многочисленные эмиссары турецкого правительства, — писал В. Потто, — снабженные султанскими фирманами... щедро одаривали деньгами и снабжали оружием влиятельных лиц, подстрекая горцев к поголовному восстанию против нас» [41]. Однако деятельность грузинских царевичей и ирано-турецких агентов не имела успеха среди народных масс Северного Кавказа. Кабардинский народ, например, отвечал на призывы султанских агентов: «Мы испытали уже несколько раз обольщение турецким золотом и довели себя тем до совершенного разорения так, что ежели бы не столько была милосердна Россия, то мы бы уже давно в корне были истреблены и при теперешних наших обстоятельствах, когда бог нас наказал и моровая язва истребила почти половину народа, до того дошли, что если бы Россия не помогла нам хлебом, то бы мы и последние все померли голодной смертью» [42].

Одновременно с происками иностранной агентуры и реакционной деятельностью феодальных группировок на Северном Кавказе нарастало повстанческое движение; его вызвали политика царизма и усилившийся гнет местных феодалов. Российское командование, привлекавшее к работам на строительстве Кисловодского укрепления, Владикавказской крепости, Военно-Грузинской доро-

[39] АКАК, т. II, с. 804—805, 807, 822.
[40] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6164, ч. 59, л. 9—10.
[41] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 1. Тифлис, 1904, с. 80.
[42] АКАК, т. III, с. 651.

ги и других своих объектов местное население, вызывало недовольство крестьянских масс. В 1804 г. осетинские крестьяне, жившие в районе Военно-Грузинской дороги, жаловались князю Волконскому: «В нестерпимый для человека холод заставили нас от Степанцминды до Ананура сгребать страшный снег и расчищать дорогу. Двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетьями». В конце своей жалобы крестьяне с отчаянием заявляли, что «предпочитаем умереть, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен» [43]. Крайне бесчеловечное обращение с населением в Осетии было санкционировано самим Цицановым. Он приказал «пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища» [44]. Недовольство испытывали и крестьяне Кабарды: с укреплением Кавказской линии и строительством на ней форпостов они лишались своих земельных участков и пастбищ. Насильственное переселение горцев с насиженных мест, эксплуатация и карательные меры военных властей вызывали глубокий протест горцев Северного Кавказа. Даже Александр I вынужден был признать: «Если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то, с другой стороны, по сведениям, довольно достоверным, нельзя оправдывать, кажется, и поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволяющих себе нередко отгонять их скот и делать им и другие притеснения, отвлекающие их от нас и истребляющие всякую верность» [45].

Весной 1804 г. в Осетии, где происходило повстанческое движение, создалась тяжелая обстановка: небольшая группа феодалов во главе с алдаром А. Дударовым, финансируемая извне, выступила против России, за отторжение от нее Осетии; другая часть осетинских феодалов, наоборот, тесно была связана с царской администрацией, охотно служила ей и рассчитывала с ее помощью получить еще больше выгод. Осетинское крестьянство, готовое бороться против местных феодалов и царских администраторов, не разобравшись в истинных целях Дударова — главы осетинской фронды, дало увлечь себя сепаратистски настроенным феодалам.

Повстанческое движение охватило Северную и Южную Осетию. Летом 1804 г. Военно-Грузинская дорога от Владикавказа и вплоть до Мцхета была захвачена повстанцами. Князь Волконский с тревогой писал Александру I о тяжелом положении на Военно-Грузинской дороге.

События подобного же характера происходили в Кабарде, где восстание охватило все население. Повстанцы требовали уничтожения Кисловодского укрепления и ликвидации кордонной линии. Против восставших были направлены войска генерала Глазенапа. В середине мая на реках Шалушки, Чегема произошли бои,

---

[43] Там же, с. 311—312.
[44] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 160.
[45] ЦГВИА СССР, ф. 414, д. 305, л. 233.

в результате которых восставшие потерпели поражение. Царские войска уничтожили в Кабарде около 80 селений [46].

Более продолжительными и подчас драматическими оказались события в Осетии. Подавить движение здесь удалось лишь во второй половине октября 1804 г., когда Цицианов, снявшись с русско-иранского фронта, сам прошел с карательным отрядом вверх по ущелью Арагвы, подвергая жителей грузинских и осетинских селений жестоким репрессиям. Тогда же генерал Несветаев с боями прорвался сквозь теснину Дарьяла к замку Казбека. Закончив военные действия в Осетии, Цицианов обратился к населению с устрашающим заявлением: «Не кнорринго теперь время; не стану я с вами договоры делать; у кого есть штыки, тому денег платить не следует» [47]. Д. Лэнг справедливо считает подавление восстания на Военно-Грузинской дороге с личным участием Цицианова одной из причин неудачной осады Эривани [48].

О политических устремлениях представителей различных социальных групп, принимавших участие в восстании в Осетии, можно судить по их отношению к офицерам и солдатам, захваченным в плен в разгар движения. Крестьяне настаивали лишь на том, чтобы отправить пленных во Владикавказ и просить тамошнего коменданта наказать их за обиды, нанесенные осетинам. А. Дударов и его сторонники требовали лишить пленных жизни, «дабы истребить сколько возможно русских» [49].

Накануне и в самом начале русско-иранской войны (1804—1813) в движение пришли народы Дагестана, над которыми вновь нависла угроза персидского завоевания. Как и раньше, здесь отдельные владетели не отличались устойчивостью в политической ориентации. В начале русско-иранской войны Ших-Али-хан дербентский и Сурхай-хан казикумухский открыто стали поддерживать персидского шаха и призывали горцев Дагестана к борьбе против России. Сурхай-хан рассылал своих людей с призывами к антирусской войне, а также создал наемное ополчение, готовое выступить против российских войск в Грузию. При этом он ссылался на поддержку Ших-Али-хана, Мустафа-хана шемахинского, царевича Александра и, понятно, персидского шаха. Однако деятельность антирусски настроенных владетелей Дагестана не находила поддержки. Так, генерал Булгаков доносил, что «табасаранцы отказались помогать Ших-Али-хану» [50]. Крестьянство Дагестана в целом отворачивалось от призывов владетелей, примкнувших к шаху. Крестьянин Кумуха-Къурлику, например, ответствовал Сурхай-хану: «Перестань без надобности беспокоить народ, оставь свои затеи и иди на соглашение и дружбу

[46] История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1967, с. 226.
[47] АКАК, т. II, с. 555.
[48] Lang D. M. The Last Years of Georgian Monarchy 1658—1832. New York, 1957, p. 257—258.
[49] Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964, с. 89.
[50] Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 186.

с русскими» [51]. Войска России, вступившие летом 1804 г. на территорию Дагестана, не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления горцев. 21 июля 1804 г. навстречу российским войскам мирно вышли «толпы» людей в Дербенте. Генерал Глазенап доносил после, что «жители же дербентские, сами выгнавшие непокорного Ших-Али-хана дербентского, на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России» [52]. Позже, в 1806 г., дербентское ханство, считавшееся теперь присоединенным к России, было передано в управление шамхалу тарковскому Мехти-хану, участвовавшему совместно с генералом Глазенапом в походе на Дербент.

Несмотря на русско-иранскую войну в 1805 г. военное командование России значительно укрепило военно-политическое положение Грузии, временно подавив в ней феодальную фронду, и обезопасило страну от набегов проирански настроенных владетелей. Россия добилась также заключения договоров о переходе под ее покровительство Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств.

Успешно действовала российская армия и на русско-иранском фронте. Еще летом 1804 г. 20-тысячный корпус Аббас-Мирзы вынужден был отступить под давлением сильного огня русской артиллерии. Тогда же Цицианов приступил к осаде Еревана. В 1805 г. он предпринял наступление на 40-тысячную армию Баба-хана. Однако Баба-хан не принял сражения и отошел. Неудачу потерпел тогда и Аббас-Мирза, двинувшийся с 10-тысячным войском на Елизаветполь. Оттеснив иранские войска, Цицианов, фактически подготовивший присоединение к России Бакинского ханства, двинулся к Баку. В конце декабря 1805 г. он с отрядом в 2882 человека при 10 орудиях выступил из Ганджи и, двигаясь по долине Куры, подошел к Баку. Здесь Цицианов был убит одним из ханских нукеров.

Смерть Цицианова вызвала некоторое замешательство в кругах царского командования на Кавказе и послужила поводом для активизации враждебных России элементов среди местной феодальной знати.

Новый главнокомандующий 70-летний граф И. В. Гудович приступил к исполнению своих обязанностей в то время, когда Турция под нажимом наполеоновской Франции готовилась начать военные действия против России. Россия оказалась перед реальной перспективой ведения войны и против Ирана и против Турции.

Возникшие осложнения требовали от российской администрации укрепления тыла. По мнению Гудовича, совершенно ненадежным было положение на Северном Кавказе [53].

Однако на горцев Северного Кавказа значительно большее воздействие, чем увещевания Гудовича, оказывали успехи русской армии в Закавказье. Под влиянием военных событий в Закав-

[51] Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 186.
[52] Там же, с. 188.
[53] АКАК, т. III, с. 76.

казье отдельные владетели и старшины на Северном Кавказе стали ставить перед царским командованием вопрос о присоединении к России. Так, летом 1806 г. жители 12 деревень, входивших в союз «вольных» обществ Иланхеви, направили российским властям депутацию во главе с Абакаром Муртазалиевым. Депутация сообщила, что «все жители тех 12 деревень возымели намерение присоединиться к российскому подданству и просят о принятии всех в оное, желая в верности дать присягу» [54]. Позже представители «вольных» обществ Иланхеви явились к наместнику в Тифлис, где они от имени своих обществ приняли «вечное подданство» и присягу верности России. Примеру Иланхеви последовал хан Аварии, также принявший подданство России в 1807 г.

События в Дагестане свидетельствовали о наметившемся здесь движении, направленном на присоединение дагестанских народов к России. Новый наместник Кавказа стремился использовать обстановку в Дагестане, надеясь превратить этот район в надежный плацдарм России в войне с Ираном и Турцией.

В Центральном Кавказе граф Гудович признал необходимым возобновить миссионерскую деятельность, подобную той, которую в свое время вела известная Осетинская духовная комиссия. По убеждению наместника, многие неурядицы среди горцев проистекали от того, что в последние годы на Северном Кавказе было приостановлено распространение христианства. Гудович, однако, считался с изменениями в религиозных течениях на Северном Кавказе. Например, в Осетию, наряду с христианством, стало проникать и магометанство; его насаждала здесь главным образом ирано-турецкая агентура; помощь ей в этом оказывали отдельные кабардинские князья. В первое время магометанство принимали преимущественно социальные верхи, особенно в начале XIX в. в связи со сложной борьбой, происходившей между Россией, Турцией, и Ираном. Насколько остро стоял религиозный вопрос, можно судить по заявлению осетинского старшины Мирзабека Тулатова: «Если кто у них (у горцев. — *авт.*) содержит магометанскую веру, тому дают преимущество и считают наравне с старшинами, а тех, которые содержат христианскую веру, считают их подданными» [55]. Так как проблема религии имела не только социальную окраску, но и была тесно связана с политической ориентацией, Гудович требовал от астраханского епископа, которому поручалось дело восстановления христианства среди горцев, поступать, «сообразив все с местными обстоятельствами и сведениями».

Как и его предшественник, Гудович прилагал особые усилия к установлению политического союза с горской знатью. Эта знать была не прочь пойти на такой союз, но, конечно, с максимальным извлечением политических и других выгод. Так, осенью 1806 г. Гудович, с целью заинтересовать тагаурских алдар, на которых

---

[54] Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 189.
[55] АКАК, т. III, с. 215.

он не очень надеялся, объявил им новые льготы. Наместник признал за тагаурцами право на Военно-Грузинскую дорогу и разрешил им, чтобы «по древнему обычаю владевшие проходом от Балты до Дариала 10 тагаурских фамилий брали пошлины с проезжающих купцов грузин и армян» [56]. Тагаурским старшинам позволялось взимать пошлины даже с российских войск, если они переправлялись через мосты, построенные крестьянами осетинских феодалов.

Помимо подобных льгот, Гудович разрешил горцам «свободно ездить в Моздок и Тифлис»; они могли вести торговлю, завязывать хозяйственные связи на Кавказской линии. Гудович обещал осетинам, ингушам и другим горцам повлиять на тех кабардинских князей, которые предпринимали вооруженные набеги и разоряли горцев. Гудович, в общем-то плохой дипломат, в отношении горской знати действовал довольно умело. Но он, как ни старался, не мог окончательно успокоить горских феодалов. Они хорошо понимали военно-стратегическое значение отдельных районов Северного Кавказа и, пользуясь трудностями России в разрешении восточного вопроса, добивались для себя все новых экономических и политических преимуществ.

Еще весной 1806 г. российскому правительству стало известно об активных приготовлениях к войне султанской Турции. Тем самым союзный 1798 г. и союзно-оборонительный договор 1805 г., заключенные между Россией и Турцией, превращались в пустую бумагу. Антирусская деятельность турецкого правительства особенно развернулась с появлением в Константинополе французского посла Себастиани. Турецкие власти, получив поддержку Франции, перестали считаться с интересами России. Они препятствовали свободному проходу русских торговых кораблей через проливы, задерживали грузы, арестовывали подданных России. Старания российской дипломатии избежать разрыва отношений с Турцией оказались безрезультатными. Видя это, Александр I приказал своим войскам занять Бессарабию, Молдавию и Валахию — области, создававшие России выгодные военно-стратегические позиции.

В конце декабря 1806 г. Турция объявила войну России. Положение России, вынужденной вести войну с Францией, Ираном и Турцией, оказалось весьма тяжелым. Несмотря на это уже в начале 1807 г. войска России одержали ряд побед над турками. Они овладели крепостями Яссы, Бендеры, Аккерман, Галац, Бухарест и вышли к берегам Дуная.

Объявляя войну России, султанское правительство рассчитывало, что мусульманское население Кавказа выступит на стороне Турции. Однако первое же крупное сражение на р. Арпа-чае летом 1807 г. показало глубокий просчет турецкого султана. 6-тысячный русский отряд при поддержке народов Кавказа одержал победу, полностью разгромив 25-тысячную отборную армию Тур-

[56] Там же, с. 213.

ции. После этой победы распался союз между Турцией и Ираном против России.

Вскоре по Тильзитскому миру (1807), серьезно изменившему обстановку не только в Европе, но и на Востоке, Россия вынуждена была принять посредничество Франции в переговорах с Турцией. В ходе переговоров между сторонами не возобновлялись военные действия до весны 1809 г. Однако русско-турецкие переговоры в целом носили безуспешный характер. К тому же за спиной Турции появился новый покровитель — Англия. Она поставляла Турции военное снаряжение и толкала ее на новые военные предприятия. Английские дипломаты, установив прочную связь с персидским и турецкими дворами, стали настойчиво требовать от своих восточных сателлитов возобновления военных действий против России. На Северном Кавказе вновь появились многочисленные агенты Турции, субсидированные щедрой рукой англичан. Они распространяли различные провокационные слухи с целью поднять народы Кавказа на войну против России. В то же время английские дипломаты прилагали усилия к примирению Ирана и Турции. Основу для такого примирения они искали в совместной войне с Россией. В Лондоне стимулировали не только русско-турецкую войну, но и раздували также военный конфликт между Ираном и Россией. В. И. Ленин писал: «1808 — Англия посылает в Персию особого посла; она помогает Персии в ее войне против России» [57]. Под давлением Англии шах вновь открыл военные действия в Закавказье. Одновременно Тегеран усилил свою агентурную деятельность среди горских народов Северного Кавказа. Как доносил генерал Тормасов Барклаю де Толли, местных феодалов Кавказа «правительство персидское с помощью английского золота возбуждает к возмущениям и набегам» [58]. В этой деятельности Ирану по-прежнему помогали отпрыски из династии Багратидов. Грузинские царевичи становятся теперь одновременно агентами Ирана, Турции и Англии. В одной из прокламаций, обращенной к грузинскому народу, царевич Александр заявлял, что он отправляется в Грузию от трех великих держав — Ирана, Турции и Англии.

На Северном Кавказе агенты Ирана особое внимание уделяли Дагестану, а также Центральному Кавказу, где проходили важнейшие коммуникации, соединявшие Россию с Закавказьем. В Дагестан царевич Александр отправил значительные денежные средства и товары для известного своей антирусской деятельностью феодала Ших-Али-хана. К Ших-Али-хану примкнул Сурхай-хан и другие дагестанские владетели. С помощью подкупов и угроз им удалось собрать небольшой отряд, который они двинули на Дербент, оставленный российским гарнизоном из-за начавшихся в Закавказье военных действий. Население Дербента мужественно защищало свой город. Против проирански настроенных

[57] Ленинский сборник, т. XXIX, с. 351.
[58] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6162, л. 59.

владетелей Дагестана выступили также кадий табасаранский, уцмий кайтагский, шамхал тарковский и другие влиятельные владетели Дагестана. Ших-Али-хан жаловался первому министру Ирана Мирзе Шефи, что многие дагестанские владетели «изменили богу и шаху», они «усердны и соединены с русскими» [59].

Одновременно иранские и турецкие агенты действовали и на Центральном Кавказе, особенно в районе Военно-Грузинской дороги. Так, в 1809 г. царевич Александр обратился к осетинским феодалам с прокламацией, сообщавшей, что персидский шах выступил на «помощь» Грузии и «приготовления нынешнего года не похожи на такие же прошлых годов», и шах «не намерен отстать от дел Грузии» [60]. Тогда же из Ирана в Осетию прибыл сын Юлона царевич Леван, который пытался поднять местных жителей против российских властей. Узнав об энергичной деятельности Левана среди осетин, Тормасов решил пленить царевича. Он спешил схватить его еще и потому, что опасался, что тот сможет пробраться в Кабарду или Ахалцих. В Северной Осетии царевич не нашел поддержки; ему удалось поднять крестьянство только в Южной Осетии [61], и он вынужден был направиться в Ахалцих. Как и в Дагестане, деятельность Багратидов все же импонировала определенной части социальных верхов Осетии. Но и они уже не решались на организованное выступление, боясь потерять свои привилегии. Из-за междоусобиц среди феодалов Осетии не было политического единства.

Осенью 1809 г. в Чечню, Кабарду и Балкарию прибыли 3 ирано-турецких агента с фирманами от царевича Александра и ахалцихского Салим-паши. В фирманах содержались призывы к кабардинцам, балкарцам и чеченцам выступить против России и помочь Александру «в завладении Грузией». Сепаратистски настроенные кабардинские князья пригласили на свое собрание представителя командующего турецкими войсками за Кубанью [62]. Чтобы вовлечь кабардинских князей в войну с Россией, турецкий офицер и его агенты распространяли ложные слухи, будто войска России в войне с Турцией терпят неудачи и близок день их полного поражения. Свои провокационные действия агенты Турции и Ирана развивали под лозунгом необходимости всеобщего вооруженного выступления мусульманских народов.

В Дагестане, наряду с антирусскими выступлениями Ших-Алихана и Сурхай-хана, развернулось движение за принятие подданства России и участие в войне против Ирана и Турции. Так, в 1809 г. к российскому командованию от Нуцальского общества Дагестана обратился Гитинав Сагитов, сообщивший о желании этого общества «вступить в повиновение России». Кроме того, он заявил о такой же готовности Коратинского общества, стар-

---

[59] Цит. по: Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 195.

[60] АКАК, т. IV, с. 127.

[61] Allen W. E. D. A History of Georgian People, 2-nd ed. New York, 1971, p. 218.

[62] История Кабардино-Балкарской АССР.., т. 1, с. 226.

шина которого Курбан обещал выставить на сторону России «лезгинское войско». С просьбой о подданстве России обратились старшины Шандальского, Балхорского и других обществ нагорного Дагестана. Российское командование на Кавказе направило в районы Дагестана своих представителей для переговоров о «российском подданстве». В ходе переговоров было оформлено вхождение в состав России Шодротского, Балхорского, Ансалтинского, Кодротского, Тендальского, Рогогинского, Бигнадальского и других обществ нагорного Дагестана, а также вольных магалов [63].

Принятие подданства России значительной частью дагестанской знати и населением серьезно изменило положение на Северо-Восточном Кавказе. Оно практически парализовало деятельность Ших-Али-хана, Сурхай-хана и их сторонников. Ших-Али-хан искал удобный случай бежать в Иран, а Сурхай-хан готов был вести переговоры с царским командованием о примирении. В 1810 г. под влиянием военных успехов России в войнах с Ираном и Турцией в Дагестане продолжало развиваться движение, направленное на вхождение в состав Российской империи. В частности, в 1810 г. в подданство России было принято «вольное» общество Чох. Кроме того, многие дагестанцы обращались к российскому командованию на Кавказе с просьбой зачислить их на военную службу и позволить принять участие в войне против Турции и Ирана. Российское командование положительно относилось к подобным просьбам. Конные отряды дагестанцев и азербайджанцев участвовали в составе российской армии в войне с Турцией. Многие из них получили царские награды. Все эти факты опровергают концепции западных историков об извечном тяготении лезгин и чеченцев к Ирану в надежде получить избавление от России [64].

Как и в Дагестане, политические события, происходившие на Кавказе, вызвали повторные присяги верности России в Осетии. Еще в самом начале войны с Турцией жители Нарского общества прислали к генералу Несветаеву «с письменною доверенностью от семисот домов... знающего говорить по-русски Якова Балаева» [65]. В 1806 г. к российскому правительству обратились жители Дигорского общества. Они писали о своей верности «Российской короне». Такую же присягу приняли дигорцы и в 1811 г. Жители Алагирского общества обратились с присягой к владикавказскому коменданту в 1809 г. Даже английские историки, привыкшие изображать Россию агрессором на Кавказе, подчас вынуждены признать, что русско-осетинские отношения всегда отличались мирным характером [66].

Летом 1810 г. представители ингушского населения явились к владикавказскому коменданту генералу Дельпоццо и заключили

---

[63] См.: Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 195.

[64] Skrine F. H. The Expansion of Russia 1815—1900. Cambridge, 1904, p. 132.

[65] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6164, ч. 52, л. 58.

[66] Wardrop O. Kingdom of Georgia. London, 1888, p. 154.

договор о «верности и подданстве». Договор состоял из 20 статей, первая из которых содержала клятву ингушей на верность Российскому государству на вечные времена [67].

Однако русско-турецкая и русско-иранская войны и агенты враждебных России стран поддерживали крайнюю неустойчивость в политической ориентации феодальной знати, часть которой проявляла известный сепаратизм. Действия царских властей на Северном Кавказе создавали благоприятную почву для антироссийской деятельности. Так было в Кабарде, где осенью 1809 г. сформировался отряд (1 тыс. человек), намеревавшийся напасть на Кавказскую линию. Вооруженное предприятие кабардинских князей было сорвано из-за отказа большинства крестьян воевать за интересы феодальной знати. Кабардинское крестьянство требовало от российского военного командования защиты от князей и переселения на Кавказскую линию. Царские власти не собирались удовлетворить просьбы крестьян. В 1810 г. они направили в Кабарду и Балкарию карательную экспедицию. Возглавивший ее генерал Булгаков жестоко расправился и с сепаратистски настроенной знатью и с крестьянством [68].

Другая часть феодальной знати Северного Кавказа, казавшаяся лояльной к России, пыталась использовать политический момент в своих узкоклассовых интересах [69].

На исходе первого и в начале второго десятилетия XIX в. политическая обстановка на Центральном Кавказе в определенной мере меняется. Крестьянство здесь начинало испытывать двойной гнет: местных феодалов и царской администрации. В затянувшихся русско-иранской и русско-турецкой войнах местное население все время было втянуто в «обслуживание» войск России. Это «обслуживание» превращалось в дорожную, подводную и другие повинности. Царские чиновники часто допускали произвол, беззакония, оскорбляли честь и достоинство свободолюбивых горцев. Особенно обременительной для горцев стала «хлебная повинность», если учесть, что 1811 г. был неурожайным на Северном Кавказе; для его населения зима 1812 г. оказалась весьма тяжелым испытанием. Стихийное бедствие усугублялось периодическими вспышками эпидемии чумы, во время которой царская администрация запрещала горцам появляться на равнине, устанавливала для них карантин. Таким образом, горцы попадали в экономическую блокаду. Все это усиливало неприязнь населения к царской администрации на Кавказе, оно готово было к восстанию.

На положении в Центральном Кавказе сказывались и политические события в Закавказье, в частности в Кахетии. Здесь в самом начале 1812 г. вспыхнуло восстание крестьян, быстро распро-

---

[67] Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России. — ИЧИНИИИЯЛ, т. IX, ч. II, вып. 1. Грозный, 1972, с. 76—77.

[68] История Кабардино-Балкарской АССР.., т. 1, с. 227.

[69] Материалы по истории осетинского народа. Т. II. Орджоникидзе, 1942, с. 111—112.

странившееся не только в Грузии, но и в других районах Кавказа. Вскоре оно охватило всю территорию Военно-Грузинской дороги, южная сторона которой оказалась захваченной повстанцами. Восстание в Кахетии и на Военно-Грузинской дороге осложняло положение России на Кавказе. На этот раз царское правительство решило начать подавление восстания с Военно-Грузинской дороги, без освобождения которой нельзя было думать об успешных военных действиях в Закавказье. Владикавказский комендант направил сюда военный отряд, встретивший упорное сопротивление повстанцев. Понадобились дополнительные силы, чтобы открыть движение по дороге от Дарьяльского ущелья до Тифлиса.

Когда казалось, что восстание на Военно-Грузинской дороге пошло на убыль, в движение включились грузинские царевичи и отдельные феодалы. Они призывали на помощь горцев, послали депутацию к царевичу Александру. Собравшись с силами, повстанцы вновь попытались овладеть Военно-Грузинской дорогой; в ее южной части действовали повстанческие отряды под командой Соломона и Давида Кобиевых. Повстанцы совершали нападения на русские патрули, грабили грузин, оказывавших помощь российской администрации, пытались захватить русские военные транспорты. Тогда же царевич Александр направил в Осетию письмо; он писал: «Вы должны перейти с войском в ущелье, о чем я писал гудомакарцам, хевсурцам и мохевцам, и испортить дорогу врагам нашего дома и вашим — русским, чтобы войска не могли проходить» [70]. На Военно-Грузинскую дорогу и в Осетию царевич направил своих наиболее деятельных агентов — князя Горджаспи Наталиешвили и Бакуа Абенашвили. Они собрали до 3 тыс. крестьян для нападения на Степан-Цминду — главный опорный пункт России на Военно-Грузинской дороге. Укрепив военные посты Ларский, Пасанаурский и Кобинский, владикавказский комендант завязал бои с повстанцами Степан-Цминды. К повстанцам присоединились тагаурцы и ингуши. Вскоре, однако, повстанцы потерпели поражение, но положение России на Центральном Кавказе, в районе Военно-Грузинской дороги, продолжало оставаться сложным. События теперь перенеслись в Казбеги и Пасанаури, подвергшиеся длительной осаде повстанцев. Именно тогда Дельпоццо в отчаянии доносил: «Оставаясь в крайнем положении, не нахожу никакого способа удержать стремительные везде бунты» [71]. Лишь в октябре 1812 г. спало движение на Центральном Кавказе и нормализовалась обстановка на Военно-Грузинской дороге.

Неустойчивостью отличалась и политическая обстановка в Дагестане. Здесь в 1811 г. Иран и Турция вновь пытались поднять горцев против России. С помощью английского золота своих турецких и иранских вдохновителей Ших-Али-хан снова создавал военное ополчение. Он сам ездил по аулам Дагестана с требова-

---

[70] АКАК, т. V, с. 357.
[71] ЦГВИА СССР, ф. 482, д. 2, л. 75—76.

нием, «чтобы из каждых двух домов один человек готов был идти к Ших-Али-хану, а который не послушает, у того дом разорят и имение отнято будет»[72]. Подкупами и угрозами Ших-Али-хану удалось организовать из горцев небольшое ополчение. К нему примкнул и сын Сурхай-хана Нухбек. Вместе с ним он решил овладеть Кубой. Однако вскоре в рядах воинов началось брожение, и число ополченцев поредело. В 1811 г. остатки ополченцев Ших-Али-хана разгромил отряд генерала Хутинцева. В подавлении движения Ших-Али-хана и Нухбека принял участие также Аслан-бек казикумухский. Позже «вольные» общества Южного Дагестана — Ахтыпаринское, Докузпаринское, Алтыпаринское и другие — подтвердили свое российское подданство и приняли присягу верности интересам России. Кроме того, они обязались нести повинности царским властям.

В начале 1812 г. жители Кюринского ханства, жаловавшиеся на Сурхай-хана, притеснявшего их, просили покровительства России. Тогда же Кюринское ханство было присоединено к России, а управление ханством было поручено Аслан-хану, возведенному в ранг кюринского хана. О присоединении к России ходатайствовали и представители Кази-Кумуха, жители которого «имели между собой совещание» и «обещались быть верными русской службе».

В июле 1812 г. к генералу Хутинцеву явилась депутация «акушанского и всего даргинского народа» с просьбой о присоединении к России. Члены депутации «от имени всего народа равномерно учинили присягу на верность его императорского величества, и почтеннейшие из них утвердили оную своими печатями»[73].

Присоединением Кази-Кумуха и Акуша-Дарго в 1812 г., по существу, завершается процесс включения Дагестана в состав России, не получивший, однако, еще юридического оформления.

Таким образом, русско-иранская и русско-турецкая войны серьезно повлияли на политическую ситуацию на Северном Кавказе. Часть феодальной знати, преследовавшая узкоклассовые цели, стремилась к отторжению от России, с тем чтобы нажить в глазах своих турецких и иранских покровителей политический престиж и таким образом сохранить свои феодальные привилегии. Другая часть феодалов спешила принять новые присяги верности России, надеясь усилить феодальный гнет над эксплуатируемыми массами.

Вовлечение Северного Кавказа в сложную систему международных отношений, а также утверждавшийся гнет царизма вызвали повстанческие движения крестьянства, главным образом Центрального Кавказа, где Россия приступила к возведению системы оборонительных сооружений. Сначала крестьянские выступления носили неорганизованный, стихийный характер. Когда же феодалам удавалось возглавить их, движение приобретало организован-

---

[72] Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 200.
[73] Там же, с. 203.

ность, но его направление становилось реакционным. В ходе войны с Ираном и Турцией — исконными агрессорами на Кавказе — происходило дальнейшее утверждение на Северном Кавказе политической ориентации России, которая выразилась в принятии многочисленных присяг на верность России, и особенно в присоединении Дагестана к России.

§ 3. Завершение русско-турецких и русско-иранских войн первой трети XIX в.

В 1809—1811 гг. Россия довольно успешно вела войну с Турцией. На Кавказском театре военных действий ей удалось овладеть крепостями Поти, Сухум-Кале, на Балканском — Силистрией, Туртукаем и Базарджиком. Однако к исходу 1811 — началу 1812 г. для России серьезно изменилась международная обстановка. Наполеоновская Франция в планах новой войны с Россией большое место отводила Турции, которая со своей армией должна была как союзница Франции выступить против России. В этих условиях российское правительство стало прилагать усилия к прекращению войны с Турцией и заключению с ней выгодного мирного договора. Зимой 1810/11 г. заключить мир с Турцией не удалось. Считая, что турецкая сторона пойдет на переговоры лишь под нажимом успешных военных действий, правительство России назначило командующим армией М. И. Кутузова. Под впечатлением его военных успехов Александр I дал М. И. Кутузову полномочия для ведения переговоров о заключении мира. Однако Турция всячески затягивала переговоры, все еще надеясь на скорую войну между Францией и Россией. И все же весной 1812 г., после новых потерь от русской армии, Турция вконец ослабленная, запросила мира. Мирный договор был подписан 17 мая 1812 г. в Бухаресте: к России отходила Бессарабия с рядом крепостей [74].

Во время переговоров в Бухаресте главные разногласия касались границ России на Кавказе. Турецкие дипломаты под нажимом Англии и Франции настаивали на том, чтобы вопрос о Кавказе был снят с обсуждения мирной конференции. Турция отказывалась признать присоединенные до 1806 г. к России территории на Кавказе. Однако благодаря настойчивости и дипломатическому искусству М. И. Кутузова Турция была все же вынуждена признать за Россией Грузию, Имеретию, Мегрелию и Абхазию. Одновременно Россия возвращала Турции Анапу, Поти, Ахалкалаки, завоеванные в ходе русско-турецкой войны.

Бухарестский договор укреплял позиции России на Балканах и Кавказе; он стал ее дипломатической победой, имевшей весьма существенное значение в условиях напряженной внешнеполитической атмосферы.

---

[74] Подробнее см.: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978, с. 67—78.

В 1812 г. подходила к концу и русско-иранская война. Одержанные в этом году талантливым русским генералом Котляревским победы под Асландузом и в Ленкорани подорвали военные силы Ирана, предложившего приступить к переговорам о мире. Однако русско-иранские переговоры, как и русско-турецкие, приняли затяжной характер. Лишь осенью 1813 г. генералу Ртищеву и Мирза-Абдул-Хасану удалось подписать в Гюлистане договор. К России отходили Карабахское, Ширванское, Талышское, Кубинское и Бакинское ханства. Ирану пришлось признать присоединение к России Дагестана, Восточной Грузии и других земель, расположенных между Кавказской линией и новой границей на Восточном Кавказе. Кроме того, 5-я статья Гюлистанского договора предоставляла России исключительное право держать военные суда на Каспийском море.

Заключение договора в Гюлистане, в честь которого, кстати, во Владикавказской крепости была сооружена «Арка победы», означало юридическое оформление присоединения Дагестана к России. Гюлистанским договором, по существу, закончился первый этап в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией. Его характерной особенностью стало развитие мирных связей с Россией, завершавшееся, как правило, политическим присоединением к ней горских народов. Перед лицом внешней опасности, нависавшей над кавказскими народами, присоединение Северного Кавказа к России оказалось весьма прогрессивным явлением. Следует также отметить, что большинство горцев Северного Кавказа рассматривали войны, которые вела Россия в начале XIX в., как освободительные, а участвовать в них считали своим долгом. Горцы были исполнены решимости воевать также и против наполеоновской Франции; в 1812 г. они сформировали ополчение в помощь действующей армии [75]. Однако царизм, питая недоверие к нерусским народам, не допустил кабардинское ополчение к участию в Отечественной войне.

После 1812 г. международное положение России значительно улучшилось. Закончившиеся войны первого десятилетия резко подняли влияние России в большой европейской политике. В известной мере нормализовалась обстановка и на Кавказе: прекратились волнения в Кабарде (1811), были подавлены восстания в Кахетии, в Южной и Северной Осетии в 1812 г. Но события 1812 г. на Кавказе все же оказали влияние на дальнейшую политику царского правительства. Царизм понимал теперь, сколь опасны для его внешнеполитического курса выступления крестьян и сепаратизм феодалов, и больше, чем когда-либо, проявлял осторожность в отношении социальных слоев Кавказа и отдельных его народов.

Главный зачинщик антироссийского движения в Грузии и на Северном Кавказе царевич Александр укрылся в Дагестане. Под-

---

[75] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. 4. Спб., 1898, с. 704.

держиваемый правительствами Ирана и Турции, он вынашивал идею нового выступления против России. Генералу Ртищеву было поручено пленить царевича Александра и устранить источник смуты. «Наивеличайшая же услуга была бы та, — писал Ртищев, — если бы нашлись между осетинцами, тагаурцами или другими горскими народами люди... кои беглаго Александра, — сего нарушителя общественного спокойствия и врага самой Грузии, — могли схватить или вовсе истребить» [76].

Среди мероприятий по укреплению Военно-Грузинской дороги и созданию благоприятного политического положения в центре Кавказа был проект о переселении осетинских крестьян в другие районы.

Однако Северный Кавказ был для России менее освоенным районом, чем Закавказье. Северный Кавказ, по существу уже присоединенный к России, в некоторых горных районах, особенно к югу от Кубани — Терека, оставался независимым от России, а если и был связан с нею, то весьма слабо. Эти районы практически не контролировали царские военные власти; они были своего рода барьером между Северным Кавказом и Закавказьем. Царское правительство не могло далее успешно осуществлять свои внешнеполитические цели в Закавказье, не укрепившись на Северном Кавказе.

В 1816 г. был назначен новый наместник Кавказа генерал А. П. Ермолов — человек чрезвычайно сложный и противоречивый, что отмечали его современники, многие биографы и историки. На Кавказе Ермолов активно проводил политику царизма, его приказы по своей жестокости ничуть не уступали приказам Цицианова [77].

А. П. Ермолов разработал целую систему постепенного освоения районов Чечено-Ингушетии, Горного Дагестана, Центрального и Северо-Западного Кавказа. Реализуя ее, он начал строительство большого комплекса военных сооружений, дорог, укреплений и крепостей. В 1818—1820 гг. Кавказская линия, значительно подвинутая к югу, была перенесена с Терека на Сунжу. На ней появились крепости Грозная, укрепления Преградный стан и Назрань. Грозную соединили системой укреплений с крепостью Внезапной, построенной близ селения Эндери. Таким образом Кавказская линия достигла Дагестана, а Военно-Грузинская дорога, пролегавшая через Владикавказ на Моздок, была перенесена на левый берег Терека и продолжена к Екатериноградy. На этом пути воздвигались укрепления Ардонское и Аргуданское, крепость Нальчинская и другие укрепления вплоть до Кубани.

На Северном Кавказе вводится царское административное устройство. Объектом его стали не только русское казачество Степного Предкавказья, но и пестрое в этническом отношении горское население. Была сделана попытка установить царское админист-

---

[76] АКАК, т. V, с. 516.

[77] Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. Спб., 1912, с. 45—46.

ративное управление в Осетии, Ингушетии и других местах. А. П. Ермолов полагал учредить в Осетии нечто вроде волостного управления. Между осетинами, писал он, — «доселе не было... никакого порядка, и они не разумеют необходимости власти; учреждение же волостного управления нечувствительно к тому их приготовить и обуздать частную волю каждого»[78]. По плану главнокомандующего во главе осетин должен был стоять военный начальник из русской администрации. Не вмешиваясь в дела внутреннего управления избранных отдельными осетинскими обществами «уважаемых старшин», если, конечно, их решения не затрагивали интересы царских властей, военный начальник должен разбирать взаимоотношения между Осетией, Ингушетией, Кабардой и т. д. А. П. Ермолов выдвинул также идею о привлечении осетин на военную службу[79]. Он отрицательно относился к правлению местных ханов в Дагестане, считал первоочередной задачей ликвидацию ханств и введение в них «русской администрации».

Крайне встревоженные за свою судьбу и подогреваемые извне горские феодалы и родовая верхушка спровоцировали антирусские выступления на Северо-Восточном Кавказе. В 1818 г. они пытались уничтожить крепости, расположенные по Тереку, но безуспешно. Вскоре, однако, стало известно, что ханы мехтулинский, аварский, казикумухский, дербентский стараются объединиться для выступления против России. Решив предотвратить выступления феодалов, Ермолов обратился почти ко всем владетелям Дагестана с письмами-предупреждениями. Когда эта мера не возымела ожидаемого результата, главнокомандующий прекратил выплату жалования аварскому хану, а против уцмия направил в Кайтаг отряд генерала Пестеля. Сам Ермолов с крупным отрядом 3 ноября 1818 г. прибыл в Тарки, оттуда через селение Параул направился к резиденции Мехтулинского ханства — селение Дженгутай.

В 20-х гг. XIX в. по инициативе Ермолова были предприняты экспедиции в Чечено-Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду и Закубанье. Чеченские села Гойти, Урус-Мартан, Бол-Чечен в результате разорительных походов генерала Грекова выдали аманатов.

В Кабарде подавление антирусского выступления было доверено полковнику Коцареву с предписанием: «Если кабардинцы, притесняемые своими владельцами», будут искать покровительства России, «то таких переселять на р. Малку и на левый берег р. Терек, всем им объявят полную свободу и независимость от их владельцев». Коцарев должен был воспретить впредь называть кабардинских владетелей князьями, «кроме тех, кои служа в войсках наших, таковыми признаваемы правительством»[80].

---

[78] АКАК, т. VI, ч. 1, с. 685.

[79] Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964, с. 133—134.

[80] АКАК, т. VI, ч. 2, № 834.

В связи со строительством кордонной линии через Кабарду и Балкарию и созданием временного суда уже затухавшие выступления против политики царизма дали новую вспышку. А. П. Ермолов подавил это движение и в наказание феодалам, ставшим во главе борьбы, объявил «свободу» их крестьянам [81]. Не желая примириться с кавказским командованием, многие кабардинские князья ушли за Кубань. Князья Джембулат Айтеков и Измаил Касаев продолжали совершать из-за Кубани нападения на казачьи станицы.

В мае 1825 г. Бей-Булат Тайманов поднял в Чечне антирусское восстание. Однако ему не удалось овладеть русскими укреплениями, в том числе и крепостью Грозная. К весне 1826 г. царские войска подавили это выступление.

Правящие круги Ирана, считая Гюлистанский договор лишь временной уступкой, сразу же после подписания мира с Россией начали подготовку к новой войне. Иран выжидал удобного случая, чтобы подчинить своей власти Закавказье. Агрессивные устремления шаха подогревала Англия. Руководствуясь интересами английского капитала, стремившегося проникнуть к обширным рынкам Азии, британская дипломатия считала своей главной задачей поддерживать напряженную обстановку на Кавказе и подталкивать шаха к борьбе за пересмотр Гюлистанского договора. С этой целью британское правительство обещало предоставить шаху в случае войны с Россией денежную субсидию и уладить ирано-турецкий конфликт 1821—1823 гг. [82]

А. П. Ермолов неоднократно сообщал в Петербург о подготовке Ирана к войне и просил об увеличении вооруженных сил на Кавказе. Однако царь требовал, чтобы он не обострял отношения с Ираном [83]. «Ныне, — писал царь А. П. Ермолову, — когда дела в Европе, а особливо дела с Турцией, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоразумно было бы помышлять о разрыве с персиянами или умножать взаимные неудовольствия» [84].

В начале 1826 г. английская миссия распространила в Иране известия о «междуцарствовании» в России и восстании декабристов и стала провоцировать шаха и его окружение использовать благоприятный момент для реваншистских захватов на Кавказе. Наследник шаха Аббас-Мирза и все сторонники войны решили, что настало время принудить Россию отодвинуть ее границы от Аракса на Терек. Престарелый шах Фетх-Али, более всего интересовавшийся пополнением своих сокровищниц, колебался. Честолюбивый Аббас-Мирза желал укрепить свои права наследника престола. Однако более всего на Фетх-Али оказали воздействие богатые подарки британского посланника Д. Макдональда. Вес-

[81] История Кабардино-Балкарской АССР.., т. 1, с. 228.
[82] АКАК, т. VI, ч. 2, с. 314.
[83] Бескровный Л. Г. Русское военное искусство в XIX веке. М., 1974, с. 165.
[84] АКАК, т. VI, ч. 2, № 593.

ной 1826 г. английское правительство выплатило шаху субсидию в размере 728 тыс. руб., но предупредило, что в дальнейшем субсидии будут выплачены только в случае его войны с Россией. Фетх-Али воспрял духом и издал фирман о подготовке к войне.

К середине 1826 г. шахское правительство, задержав русского посланника А. С. Меньшикова и посланные им в Россию бумаги, дало приказ своим войскам без объявления войны вторгнуться на Кавказ. Первые военные действия начал эриванский хан нападением на русские пограничные посты. В ставке главнокомандующего оценили это событие как необдуманную дерзость Сардар-шаха, но когда стало известно, что Аббас-Мирза во главе 40-тысячной армии перешел Аракс и осадил крепость Шушу, выяснилось: Иран начал войну. Героическая защита Шуши малочисленным гарнизоном (1300 человек и 6 орудий) надолго отвлекла главные силы Ирана. Воспользовавшись этим, Ермолов сосредоточил в Тифлисе 8 тыс. солдат; из них был составлен отряд в 4 300 человек под командованием князя В. Г. Мадатова. Этот отряд выступил навстречу войскам Аббас-Мирзы и близ Шамхора атаковал 18-тысячный авангард противника. Успех сражения решила дружная штыковая атака русских батальонов. Иранские войска бежали в панике. Оставив блокадный отряд у Шуши, Аббас-Мирза двинулся к Елизаветполю. Вскоре на Кавказ в качестве помощника Ермолова, которого Николай I готовился отстранить, прибыл любимец царя генерал И. Ф. Паскевич. С 6 батальонами и 2 казачьими полками (всего 8 тыс. солдат при 24 орудиях) Паскевич двинулся навстречу Аббас-Мирзе, и 13 сентября в 7 км от Елизаветполя войска России атаковали во много раз превосходящие силы Ирана. Шахские войска были разбиты наголову, а Аббас-Мирза с конницей отступил за Аракс.

Весной 1827 г. И. Ф. Паскевич возобновил военные действия против Ирана. Приход войск России азербайджанский и армянский народы «оценивали... как освобожденье от ненавистного шахского ига и всюду встречали радушно, как освободителей» [85]. В апреле 1827 г. авангард войск России освободил Эчмиадзин и блокировал Ереванскую крепость. Отложив штурм Еревана до прибытия осадной артиллерии, Паскевич двинулся по долине Аракса и 26 июня взял Нахичевань, а 5 июля у Джеван-булак разбил силы шахских войск. 19 августа войска России овладели Сардар-Абадом и подошли к Еревану. 1 октября 1827 г. русские войска, в рядах которых сражались и армяне-добровольцы, освободили Ереван от шахского владычества [86].

После нескольких успешно проведенных военных операций войска России вошли в Тавриз, и горожане вышли им навстречу, «показывая величайшую радость» [87].

---

[85] АКАК, т. VII, № 512.

[86] См.: Акопян Т. З. Очерки истории Эривана. Ереван, 1977, с. 144. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л., 1963.

[87] АКАК, т. VII, № 526.

Правительство Ирана вынуждено было запросить мир. Шаху было предложено признать границей между Ираном и Россией Аракс, отказаться от территорий Ереванского и Нахичеванского ханств, а также уплатить России 20 млн. рублей контрибуции. Однако иранский двор затягивал переговоры, и тогда И. Ф. Паскевич возобновил военные действия. Новые поражения вынудили шаха подписать мир на условиях, предложенных Россией. В переговорах участвовал знаменитый русский писатель А. С. Грибоедов. В феврале 1828 г. в местечке Туркманчай состоялось подписание русско-иранского мирного договора. Государственная граница между Россией и Ираном устанавливалась по Араксу. Шах отказался от притязаний на Армению, Грузию, Северный Азербайджан и Дагестан. Россия приобрела исключительное право держать на Каспийском море военный флот. Шах обязывался в установленный срок уплатить России контрибуцию (20 млн. рублей). Россия признала наследником престола Аббас-Мирзу. Шах обязался даровать полное прощение всем тем, кто оказывал услуги войскам России во время войны, и не препятствовать переселению армян в российские пределы. В 1828 г. Туркманчайский договор был ратифицирован обоими государствами. Столь успешное окончание русско-иранской войны объяснялось не только перевесом российской армии в отношении вооружения и военного искусства, но и участием в войне народов Закавказья.

После подписания Бухарестского мирного договора русско-турецкие отношения осложнились нежеланием Турции выполнять условия этого мира. Переговоры в Аккермане (1826) завершились подписанием конвенции, которая подтвердила и дополнила условия Бухарестского мира. Согласно Аккерманской конвенции, за Россией на восточном берегу Черного моря закреплялись города Анаклия, Сухум и Редут-кале. Турции пришлось признать разграничительную линию на Дунае, предоставить России полную свободу судоходства и подтвердить права и привилегии Сербии и Дунайских княжеств.

О дальнейшем кризисе Османской империи свидетельствует национальная революция в Греции [88].

На Кавказе, нарушая Бухарестский договор, Турция вела подрывную деятельность против России. Назначенный в 1826 г. в Анапу пашой Хаджи-Хасан-оглу собрал старшин ближайших к крепости черкесских обществ и потребовал от них присяги на верность султану. Паша сумел расположить некоторых старшин к присяге султану с условием, что «требовать податей с них не будут» [89]. Однако горцы отказались признать эту сделку и прекратили связи с османскими властями.

---

[88] О политике России в греческом вопросе см.: Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958; Шпаро О. Б. Роль России в борьбе Греции за независимость. М., 1965; Восточный вопрос во внешней политике России...

[89] Фадеев А. В. Россия и восточный кризис.., с. 123.

Щедрые подарки вместе с фирманами султана и высшего мусульманского духовенства рассылались почти ко всем феодалам Северного Кавказа. Правительство Турции решило также провести глубокий рейд 25-тысячного отряда конницы в тыл российской армии, чтобы поднять против России гурийцев, имеретинцев и горцев Дагестана [90]. Однако за исключением отдельных феодалов и местного мусульманского духовенства горские народы Северного Кавказа не изменили России.

Весной 1828 г. Россия объявила войну Турции, грубо нарушавшей международные конвенции. После 40 дней блокады Анапы войска России завершили разгром ее гарнизона и взяли крепость. Осенью 1828 г. отряд генерала Г. А. Эммануэля направился из Кисловодской крепости в Карачай. Ополчение карачаевских феодалов оказало сопротивление, но было разбито. 21 октября 1828 г. близ аула Карт-Джурт депутация карачаевцев во главе с Исламом Крым-шамхаловым подала Г. А. Эммануэлю «прошение от карачаевских владельцев нижеподписавшегося и черного народа» на верность России. В знак нерушимости присяги карачаевцы выдали заложников-аманатов. С этих пор в Карачае утвердились мирные условия жизни [91].

Летом 1828 г. в Закавказье крупных успехов достиг Кавказский корпус. При помощи местного населения войска России заняли крепость Карс и Ахалцих, укрепления Ацхур, Ардаган, а также Поти, Батуми, Баязид. Чтобы исправить положение на кавказском фронте, Турция назначила нового командующего, усилила регулярное войско в Эрзеруме, привлекла отряды курдских и лакских феодалов. Все эти меры, а также попытки поднять антирусское восстание на Кавказе не дали результатов.

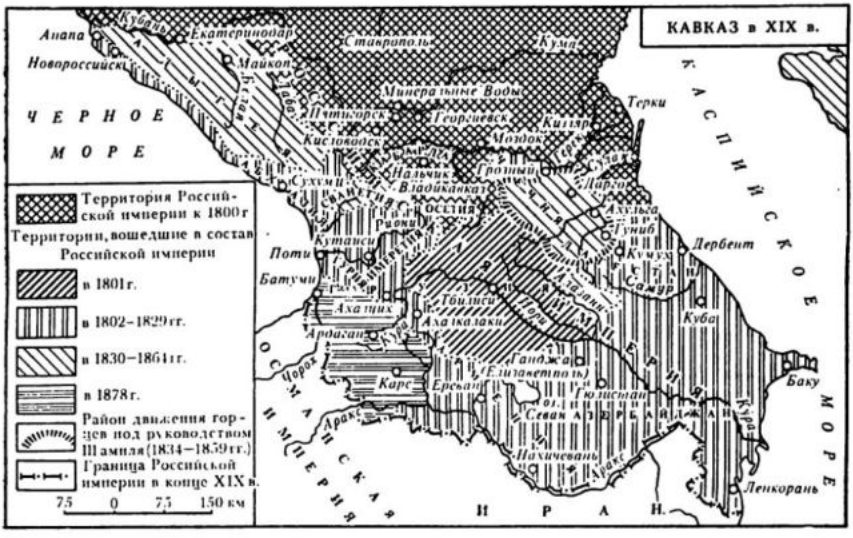
Летом 1829 г. российские войска взяли Эрзерум, а 20 августа на европейском театре военных действий войска генерала Дибича овладели Адрианополем и создали реальную угрозу Константинополю. Значительное участие в победоносном завершении войны принимали и народы Кавказа. Их материальная и моральная поддержка помогла армии России одержать победы во всех сражениях.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе между Россией и Османской империей без вмешательства западноевропейских государств был подписан мирный договор. Правительство России не ставило своей целью взятие Константинополя. Обращаясь к Дибичу с просьбой скорее заключить мир с Турцией, министр иностранных дел России К. В. Нессельроде писал: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать» [92]. Согласно условиям Адрианопольского мира, состоящего из 16 статей и отдельного акта о привилегиях Молдавии и Валахии, Россия возвратила Турции почти все занятые ею

---

[90] АКАК, т. VII, с. 753—754.
[91] Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 26.
[92] Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России.., с. 94.

территории. К России отходили устье Дуная с островами, восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая, в пределах которых находились Анапа и Поти, а также Ахалцих и Ахалкалаки. Османская империя признавала частью России Закавказье. «Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области закавказские, с давних уже лет присо-



единенные на вечные времена к Российской империи; сей державе, — говорилось в статье договора, — уступлены также трактатом, заключенным с Ираном в Туркманчае 10 февраля 1828 г., ханства Эриванское и Нахичеванское»[93]. Договор подтверждал право России на свободную торговлю во всех областях Османской империи, а также право беспрепятственного прохода торговых судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Устанавливались консульские юрисдикции для подданных России в Османской империи. Турция обязывалась также не вмешиваться во внутренние дела Дунайских княжеств, соблюдать условия Аккерманской конвенции в отношении Сербии и узаконить ее фактическую автономию. Султан взял обязательство предоставить Греции автономию, сохранив за собой право взимать с нее дань. Турция облагалась контрибуцией, после погашения которой российские войска должны были оставить дунайские крепости. В восточной Анатолии военные действия прекратились лишь 14 октября 1829 г. подписанием конвенции о мире. В ней подчеркивалось, что эвакуация войск

[93] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Спб., 1869, с. 73.

России из Анатолии начнется через 3 месяца после ратификации Адрианопольского мира и завершится в 8-месячный срок[94].

Русско-турецкая война, завершившаяся подписанием Адрианопольского договора, объективно имела прогрессивное значение. Победы России над Турцией обеспечили свободу от османского ига значительной части Армении и Грузии. Что же касается Греции, то судьбу героического восстания, как писал К. Маркс, решили «не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы»[95].

Адрианопольский мир стал важной вехой и в жизни всех балканских народов, приблизил восстановление национальной независимости Сербии, Валахии и Молдавии.

Уход османов с восточного побережья Черного моря, признание султаном Северо-Западного Кавказа «вечным владением Российской империи» в результате Адрианопольского договора означали превращение Закубанья в часть России, а черкесы, абазины, ногайцы и карачаевцы стали российскими подданными[96]. Иначе говоря, Адрианопольский мир юридически завершил присоединение к России народов Северо-Западного Кавказа.

Адрианопольский мир, укрепивший позиции России на Черном море, как и следовало ожидать, был встречен западноевропейскими государствами, и прежде всего Англией, с откровенной враждебностью. В официальном протесте Англии утверждалось, что присоединение восточного побережья Черного моря и Ахалциха к России «нарушает европейское равновесие». Министерство иностранных дел России ответило: если присоединением указанных территорий «Россия нарушила европейское равновесие, то английское правительство своими завоеваниями в Индии с 1814 года систематически его нарушало»[97]. Современная английская историография признает требования, предъявленные Россией на Адрианопольских переговорах, более умеренными, чем можно было ожидать при таком сокрушительном поражении Турции[98].

---

[94] Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 года. М., 1976, с. 150—151.

[95] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 32.

[96] Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957, с. 35.

[97] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI. Составитель Мартенс Ф. Ф. Спб., 1867, с. 422.

[98] Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914. London, 1977, p. 25.

РАЗДЕЛ II

КАВКАЗСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 30—60-х гг. XIX в.

Глава I

ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XIX в.

Даже после присоединения к России Кавказ остается во второй трети XIX в. объектом политики иностранных держав. Более того, его роль в экспансионистских планах Англии резко возрастает по сравнению с первой третью XIX в. Лондон серьезно обеспокоило сознание, что Россия на Кавказе опередила Англию. С 30-х гг. XIX в. Лондонский кабинет, «позволивший» России утвердиться в непосредственном соседстве с владениями султана и шаха, намеревается «исправить ошибку» и пополнить свой колониальный фонд, отняв у России приобретенные ею земли. Если до заключения Туркманчайского и Адрианопольского договоров Англия ограничивалась поддержкой притязаний Ирана и Турции на Кавказе, то затем она сама стала претендовать на этот район. Кавказ, находившийся за тысячи километров от Англии, был объявлен сферой ее жизненно важных интересов. Русско-иранские и русско-турецкие противоречия на Кавказе уступают место русско-английским.

Британские государственные деятели внушали общественному мнению Англии мысль о перспективе продвижения России в Турцию, Иран и Индию. Говоря о русской «угрозе» всему Востоку, они стремились оправдать собственные захватнические цели.

Теперь в Лондоне решили, что настало время перейти от исподволь с помощью Турции и Ирана проводимой в первой трети XIX в. политики вовлечения Кавказа в сферу английского влияния к активным действиям. Экономические и политические интересы британской буржуазии, определявшие правительственный курс страны и осуществлявшиеся методом колониальной экспансии, были главной причиной резкой активизации политики Англии на Ближнем Востоке в 30-е гг. XIX в. Владение Кавказом, выгодным военно-стратегическим плацдармом, давало возможность продвижения в Турцию, Иран, Среднюю Азию и в конечном итоге в Индию.

В своей политике на Кавказе Россия исходила из стремления обезопасить южные окраины государства от агрессии султана и его союзников. Широкий доступ к черноморскому бассейну обес-

печивал успешное экономическое развитие России, которое не мыслилось без торговли. Об укреплении своих позиций на Кавказе Россию заставляли думать и возраставшее влияние англичан на Ближнем Востоке и их враждебность к русским, с начала XIX в. постоянно усиливавшаяся.

Новой помехой к осуществлению ближневосточных устремлений Лондона стало Ункяр-Искелессийское соглашение 1833 г.[1] Получив, по смыслу его, возможность контролировать проливы, Россия безраздельно утвердилась в Черном море, весомо упрочила позиции в Турции. После 1833 г. происки Англии, направленные на вытеснение России с Ближнего Востока, приобретают настойчивый и систематический характер. Особое внимание Лондон обратил на Кавказ, спорную, с его точки зрения, территорию, где к тому же вспыхнула борьба горцев. Тема Кавказской войны требует специального изучения. Ее причины, как представляется, кроются прежде всего в особенностях социально-экономического строя горских обществ Северного Кавказа, находившихся в XIX в. на разных уровнях развития. Политика царизма, также влиявшая на движение горцев, была внешним фактором, осложнившим события [2].

Британские правители воспользовались Кавказской войной как предлогом для активизации своих захватнических устремлений под видом освобождения угнетенных Россией народов. Эта неблагоприятная для России обстановка возбудила у британских руководителей надежды, связанные с превращением региона не столько в средство запугивания и противодействия России, сколько в самостоятельное звено колониальных планов Англии.

Официальные представители Форин-оффис энергично взялись за изучение Кавказа. Накопление знаний о кавказских народах шло вместе с подрывной деятельностью английских агентов на Кавказе и торговым проникновением. В начале 30-х гг. XIX в. начинается разведывательная и политическая деятельность на Кавказе Д. Уркарта, широко известного в Англии публициста, неудачно подвизавшегося также на дипломатическом поприще.

В 1833 г. Уркарт совершил поездку по Ближнему Востоку, изучая его торговые и экономические особенности. Богатые, но неиспользованные возможности коммерческой и колониальной эксплуатации этого региона Уркарт подытожил в книге «Турция и ее ресурсы». Сгущая краски, он с сожалением констатировал, что «в настоящее время наша торговля, можно сказать, исключена из всех стран, омываемых Черным морем. Побережье Абхазии и Грузии полностью закрыто для нас» [3].

---

[1] Подробнее о нем см.: Киняпина Н. С. Ункяр-Искелессийский договор 1833 г. — Научные доклады высшей школы, серия «Исторические науки», 1958, № 2.

[2] Об этом см.: Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — История СССР, 1983, № 2.

[3] Urquhart D. Turkey and its Resources. London, 1833, p. 160.

Задачу интенсивного освоения Кавказа английскими купцами Уркарт считал давно назревшей [4]. Сразу после опубликования в Англии Ункяр-Искелессийского договора (август 1833 г.) Уркарт представил на рассмотрение Пальмерстона план экономического и политического обследования Балкан, Турции, Кавказа, Средней Азии и просил санкции на его осуществление. Пальмерстон, нуждавшийся в обширной и первоклассной информации о Ближнем Востоке, охотно согласился [5]. Внимание Уркарта давно привлекала политическая ситуация на Западном Кавказе. Еще до 1833 г., по свидетельству русского посла в Константинополе А. П. Бутенева, он пытался «завести с горцами вредные сношения» [6].

Летом 1834 г. Уркарт прибыл на английском военном корабле «Туркуаз» под командованием капитана Лайонса в район Сухумкале, где имел встречу с горцами. Уркарт призвал их к усилению борьбы против России, заявив, что прислан королем Англии, который желает знать все о Черкесии и главным образом — какую помощь он может ей оказать [7].

В Геленджике и Анапе Уркарт и Лайонс интересовались численностью гарнизонов, способами их снабжения, характером фортификационных сооружений, отношениями черкесов к русским, местными навигационными условиями и т. д. Наводили они справки о Кавказском корпусе. В ауле Астагай англичане встретились со 150 знатными натухайцами [8].

Действия Уркарта, нарушавшие таможенно-карантинные постановления и суверенитет России, получили одобрение Пальмерстона [9], а Николаю I пришлось запретить иностранцам осмотр кавказских берегов и общение с черкесами.

Этот кратковременный визит Уркарта открыл целую эпоху систематических подстрекательств, нацеленных на сохранение постоянного очага сопротивления на Кавказе и подготовку условий для отторжения его от России. Получив в 1835 г. пост секретаря британского посольства в Константинополе, Уркарт быстро превратил посольство в некую «школу» русофобии или идейный

---

[4] Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815—1840. — The Cambridge Historical Journal, 1929, v. 3, No. 1, p. 64.

[5] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East. A Study of British Commercial Policy in the Levant 1834—1853. London, 1935, p. 24; ejusd. England, Russia, and the Straits Question 1844—1856. Berkeley, 1931, p. 107—108; Bolsover G. H. David Urquhart and the Eastern Question, 1833—37: A Study in Publicity and Diplomacy. — The Journal of Modern History, 1936, v. 8, No. 4, p. 446—447.

[6] АКАК, т. VIII, с. 894.

[7] Там же, с. 896; АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 4607, л. 168—171; ф. Канцелярия, д. 35, 1834 г., л. 520—521; д. 36, 1834 г., л. 414—415; д. 37, 1834 г., л. 217—221.

[8] Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953, с. 46—50.

[9] Hansard's Parliamentary Debates, 3-d series, v. XLIII. London, 1837-38, p. 937.

штаб для своих единомышленников [10]. Назначению Уркарта на эту должность способствовали король Вильям IV, его личный секретарь Г. Тейлор и секретарь королевы Д. Хадсон [11]. Выбор пал именно на Уркарта, поскольку в середине 30-х гг., как писал Веллингтон Эбердину, «король, правительство, пресса и радикалы выступали за войну с Россией», с помощью которой следовало утвердить английское господство на Ближнем Востоке [12]. Неутомимый по натуре, одержимый одной идеей оттеснить Россию на положение второстепенной державы, Уркарт начал плести широкую сеть антирусских интриг, которые стали делом всей его карьеры и смыслом жизни. К. Маркс с большой иронией высказывался по поводу маниакального предубеждения Уркарта против России, остроумно характеризуя его так: «По рождению шотландский горец, натурализовавшийся черкес и турок по свободному выбору...» [13].

Уркарт обладал редким даром заражать своими идеями и надолго располагать к себе людей, занимавших различное положение в обществе и исповедовавших различные политические взгляды [14]. С 1829 г. его помощником стал 30-летний карачаевец Андрей Хай, долго живший в Европе, принявший протестантскую веру; он свободно владел, помимо родного языка, русским, немецким, английским, греческим, турецким языками. А. Хай хорошо знал Кавказ и поддерживал связь Уркарта с горцами [15]. Позднее он предложил свои услуги Бутеневу и регулярно снабжал его информацией о британских подданных в Черкесии [16].

По рекомендации Хадсона Уркарт взял к себе на службу в 1835 г. майора В. Сэрла, которому предстояло заниматься созданием черкесской кавалерии и обучением ее европейским методам войны. Очевидно, аналогичную миссию Лондон возложил на полковника Консидайна и нескольких офицеров, прибывших в Константинополь осенью 1835 г. [17] По указанию Вильяма IV в турецкую столицу приехал и Д. Хадсон [18]; здесь он устраивал пиры в честь находившихся тут кавказских князьков, щедро раздаривал им подарки, подготавливал совместно с Сэрлом матери-

---

[10] The Early Correspondence of Richard Wood 1831—1841. Ed. by A. B. Cunningham. London, 1966, p. 2.

[11] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 217; АВПР, ф. Канцелярия, д. 128, 1836 г., л. 86.

[12] Цит. по: Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East, p. 27.

[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 282; т. 9, с. 340.

[14] Brock P. The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy. — The English Historical Review, 1956, v. 71, No. 280, p. 403.

[15] АКАК, т. VIII, с. 361, 894—895; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 218; Шамиль — ставленник.., с. 102—103.

[16] О деятельности А. Хая в качестве агента России см.: Шамиль — ставленник.., с. 174—179; АВПР, ф. Главный архив (Спб.), оп. 181, д. 506, л. 18; ф. Канцелярия, д. 40, 1837 г., л. 61.

[17] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 216—217.

[18] Хатуко К. Великобритания и Кавказская война. — Кавказ (Мюнхен), 1952, № 6, с. 10.

ал для составления топографической карты Черкесии. Хадсон широко пользовался помощью Хая, которого позднее взял с собой в Англию [19].

Летом 1836 г. английский консул в Одессе Д. Йимс путешествовал вдоль восточного берега Черного моря. Посетив со шпионскими целями Анапу, Редут-кале, Поти и другие русские укрепления, он пришел к выводу, что «вся политика России в Азии связана с Кавказом». Результаты наблюдений Хадсон и Йимс изложили в обстоятельных докладах своему правительству, выдержанных в уркартистском духе. Британское консульство в Одессе во главе с Йимсом стало одним из наиболее полных и регулярных источников сведений правительства Англии о Кавказе [20]. Подобной деятельностью занимался и английский вице-консул в Трапезунде Д. Брант, который обязан был доставлять донесения о Кавказе в Лондон.

Сбором военной и политической информации о Черкесии занимались даже высокопоставленные дипломаты. Так, посол Великобритании в Петербурге лорд Дурхэм, добираясь в 1835 г. к месту назначения, выбрал, по указанию свыше, путь через Константинополь и Одессу. Следуя в Россию на пароходе «Плутон», он внимательно изучал северо-восточное побережье Черного моря [21].

17 мая 1835 г. вблизи Геленджика русский бриг задержал английскую шхуну «Лорд Чарлз Спенсер». После осмотра ее освободили, поскольку на ней не оказалось ни оружия, ни боевых припасов. На обратном пути в Турцию шхуна «намеренно держалась ближе к (кавказским. — *авт.*) берегам» и «высматривала тамошние укрепления» [22].

В британском посольстве в Константинополе с готовностью принимали всех, кто свою неприязнь к России решил воплотить в конкретные дела [23]. Здесь весьма свободно чувствовал себя Сефер-бей, выходец из шапсугского племени, авторитетный в Турции «специалист» по Черкесии. Тесные отношения завязались у него с послом Понсонби [24], поручения которого Сефер-бей охотно выполнял, получая за это денежные вознаграждения. Письма, «отредактированные» Уркартом, вереницей шли от Сефер-бея к его соотечественникам на Кавказ. Уркарт призывал горцев поднять оружие против России, убеждая их в скорой помощи Англии [25]. Гостеприимство, покровительство и денежные щедроты

---

[19] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 219.

[20] См.: Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX века). М., 1955, с. 31.

[21] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East, p. 28—34, 91; АВПР, ф. Канцелярия, д. 50, 1835 г., л. 150—153; д. 128 (т. 1), 1835 г., л. 432—433.

[22] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 192.

[23] Там же, с. 203; Бушуев С. К. Указ. соч., с. 29.

[24] АКАК, т. VIII, с. 891—895.

[25] Kottenkamp F. Geschichte Russlands seit 1830, mit besonderer Rücksicht auf den Krieg im Kaukasus. Stuttgart, 1843, S. 186.

британских дипломатов распространялись не только на Сефер-бея, но и на черкесских депутатов, прибывших в Турцию с просьбами о помощи [26].

Понсонби и Уркарт не ограничивались рассылкой через Сефер-бея воззваний к черкесам. Летом 1836 г. главнокомандующий армией России на Кавказе барон Розен сообщал вице-канцлеру К. В. Нессельроде, что Сефер-бей, получив от британского посла «80 бочонков пороху, отправил оный в Батум, где отыскивались суда для доставления пороха к непокорным нам горцам» [27]. Розен руководствовался совпадавшими сведениями из донесений российского консула в Трапезунде Герси и посла Бутенева. Раздачи горцам оружия и боеприпасов повторялись неоднократно [28].

Оказывая черкесам военную помощь, Лондон рассчитывал затянуть Кавказскую войну и обессилить Россию экономически [29].

Кавказским вопросом, помимо британских дипломатов, аккредитованных в Турции, занимались другие лица, близкие правящей элите Англии. В письмах к черкесам секретаря королевы Д. Хадсона выражена уверенность в скором завоевании горцами независимости и надежда на добрые отношения с ними, ибо горы — это и ключ к Индии, и гарантия ее безопасности [30].

Британские эмиссары не только внимательно изучали политическое состояние Западного Кавказа, но и настойчиво вмешивались во внутреннюю жизнь его народов. Подчас им удавалось влиять на настроения горцев. Так, в июне 1836 г. командующий правым флангом Кавказской армии генерал-лейтенант Вельяминов докладывал наместнику Розену о прибытии к натухайцам англичанина Стюарта (племянника Уркарта), который якобы доставил к ним грамоту короля Англии и письмо от Сефер-бея, заставившие их отказаться от переговоров с российскими властями о прекращении военных действий. Иностранец, по словам Вельяминова, утверждал, будто прислан своим правительством, египетским пашой и с ведома турецкого султана, чтобы определить размеры требуемой помощи и численность вспомогательного войска. Стюарт призывал натухайцев, шапсугов, абадзехов обратиться с просьбой к английскому королю и отправить депутацию в Константинополь. Предложение это было принято [31].

Николай I поначалу не разделял озабоченности своих генералов. Принимая за чистую монету лицемерные заверения посла лорда Дурхэма о том, «что кабинет его решительно чужд происков сих эмиссаров и не имеет о них никакого сведения», царь склонен был приписывать действия англичан, «по всей вероятности, не правительству, а пропаганде». По его суждению, весьма недальновидному, враждебное России влияние должно было искоре-

---

[26] АКАК, т. VIII, с. 891—892, 895; Хатуко К. Указ. соч., с. 11.
[27] АКАК, т. VIII, с. 893.
[28] Там же, с. 360.
[29] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 192.
[30] АКАК, т. VIII, с. 896—897.
[31] Там же, с. 646, 855—856; Шамиль — ставленник.., с. 77, 80, 87.

ниться само собой, ибо если злоумышленники распространяемыми внушениями и обещаниями успели «поддержать в горцах дух неповиновения и строптивости, то неисполнением всех этих обещаний горцы в скором времени убедятся на самом деле в их неосновательности и лживости» [32].

В Лондоне предпочитали скрывать связь с исполнителями своих кавказских замыслов. К примеру, ближневосточный круиз Уркарта в 1834 г., санкционированный Форин-оффис, носил секретный характер и выдавался за путешествие частного коммерсанта [33]. Прибегая к излюбленному методу двойной бухгалтерии, британское правительство шлет агентов на восточное побережье Черного моря для организации подрывной деятельности против России, а в Петербург отправляет заверения в непричастности к ним и в добрых чувствах к русским. Стремясь избежать подозрений, Англия часто прибегала к услугам подставных лиц [34], чтобы отвлечь внимание от подлинных вдохновителей антирусских авантюр на Кавказе [35]. Эти силы, превратившись в «слепое орудие в руках Пальмерстона», развернули в Черкесии антироссийскую деятельность, особенно усилившуюся в 40-х гг. XIX в. [36]

В начале осени 1836 г. секретное поручение от британского МИД отправиться на границу Турции и Ирана с Закавказьем получил Хржановский. Этот бывший дивизионный генерал во время польского восстания должен был склонять к побегу солдат российской армии, особенно поляков. При Хржановском находились 2 польских офицера. Созданные из дезертиров ополчения предполагали использовать на стороне горцев [37].

На первых порах такая практика, притупляя бдительность правительства России, мешала ему в широком масштабе противодействовать английским происка м. Однако флот России получил распоряжение усилить крейсерскую службу вдоль восточного побережья Черного моря, чтобы не допустить подвоза оружия и боеприпасов. Военные меры были дополнены дипломатическим демаршем: Бутенев потребовал от султана высылки Сефер-бея из Константинополя в одно из отдаленных мест европейской Турции. Российская миссия уже не раз обращалась с подобными требованиями к турецкому двору, но заступничество британского посольства в течение ряда лет выручало Сефер-бея [38].

В октябре 1836 г., с удовлетворением извещая Розена о точном выполнении Турцией его условий, российский посол выразил надежду, что «покушения к волнованию горцев будут прекращены

[32] АКАК, т. VIII, с. 758—759.

[33] Puryear V. J. England, Russia.., p. 107—108; Bolsover G. H. Op. cit., p. 447; Urquhart D. Progress of Russia in the West, North and South. London, 1853, p. 328.

[34] КС, 1887, т. XI, с. 621.

[35] Brock P. Op. cit., p. 404—405.

[36] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 514.

[37] АКАК, т. VIII, с. 968; т. IX, с. 454; Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East, p. 34.

[38] АКАК, т. VIII, с. 359—360.

на долгое время, а может быть, и вовсе пресечены»[39] (со временем наивность оптимизма Бутенева обнаружилась со всей очевидностью).

Добившись выдворения Сефер-бея из турецкой столицы, России в известной степени удалось дискредитировать в глазах горцев их английских покровителей. Вера во всемогущество Лондона поубавилась. В адрес Понсонби и Уркарта раздавались даже упреки в «коварной измене». Горцы стали поговаривать о намерении «лучше предаться благостыне Российского правительства, нежели верить лукавым иностранцам и навлекать на себя верную гибель»[40].

Стремясь спасти пошатнувшийся престиж, Уркарт уверял черкесских представителей в Константинополе, что Сефер-бей выслан с особого ведома англичан для обмана русских, из соображений предосторожности. Сам Сефер-бей, по наущению Уркарта и прочих, поддерживал эту версию, умоляя своих соотечественников не покоряться России и обещая прибыть к ним весной 1837 г.[41] Беззастенчиво солгав про Сефер-бея, Уркарт сказал правду о замыслах Британии.

Глава II

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XIX в.

По мере накопления сведений о политическом и экономическом положении Западного Кавказа Лондон утверждался в стремлении оторгнуть его от России и подчинить своему влиянию. Британским руководителям было ясно, что с помощью одних лишь антирусских проповедей и подстрекательств осуществить этот план невозможно. Британское посольство в Константинополе, с санкции своего правительства и не без ведома турецкого, осенью 1836 г. организовало экспедицию к горцам торговой шхуны «Виксен» с большим грузом оружия, снарядов и соли. Вдохновителем этого предприятия был Д. Уркарт. Он знал, что на восточном побережье Черного моря действуют официально объявленные Россией в конце 1831 г. и специально доведенные до сведения Форин-офис таможенные и карантинные правила, за соблюдением которых следят военные корабли. Согласно правилам, доставка в Черкесию некоторых видов товаров, в основном оружия, воспрещалась, остальные предметы торговли допускались лишь в Анапу и Редут-кале, где имелись таможенные учреждения[1]. В письме к черкесам, отправленном незадолго до вояжа «Виксена», Уркарт пред-

[39] Там же, с. 894; Шамиль — ставленник.., с. 88.
[40] АКАК, т. VIII, с. 895.
[41] АКАК, т. IX, с. 454.
[1] Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I.— Вестник Европы, 1898, февраль, кн. 2, с. 487; Souvenirs du Baron de Barante 1782—1866, v. 5. Paris, 1895, p. 528—529.

упреждал их о прибытии корабля и делился с ними своим замыслом: «Если русские попытаются оскорбить английский флаг», то есть задержать судно, «России будет объявлена война» [2].

Лондонский кабинет решил оспорить права России на Черкесию, полученные согласно 4-й статье Адрианопольского мира. Тщательно продумав эту акцию, Уркарт и Понсонби предусмотрели ее возможные исходы. Либо шхуне удастся пробраться к берегу незамеченной крейсерами России (так фактически можно было бы доказать неспособность русского флота обеспечить морскую блокаду Западного Кавказа и создать прецедент торговли иностранного судна с горцами), либо «Виксен» арестуют, что вызовет международный конфликт и, вероятно, появление британского военного флота в Черном море для защиты коммерческих прав англичан, а это даст возможность остро поставить вопрос о «независимости» Черкесии [3].

В первом случае Лондон мог потребовать установления регулярного сообщения между Великобританией и Кавказом. Это резко усилило бы ее экономическое и политическое влияние среди черкесов и увеличило бы предпосылки к превращению населенной ими территории в английскую колонию. Подобный способ утверждения господства предполагал постепенность действий и требовал времени. Во втором случае та же цель достигалась с применением или угрозой применения силы, но быстрее. Эта заранее обдуманная операция с «Виксеном» с самого начала обещала принять опасный оборот, устраивавший Уркарта и Понсонби более, чем любой другой. Они заведомо выбрали для разгрузки судна бухту Суджук-кале, то есть такое место побережья, где встреча со сторожевыми кораблями России была почти неминуема [4]. Понсонби просил хозяина шхуны, английского купца Д. Белла регулярно сообщать о ходе операции, гарантируя ему в случае ареста «Виксена» заступничество правительства Великобритании. Посол уверил, что «будет рад оказать любую помощь, которая в его силах» [5].

Как и предполагалось, военный бриг «Аякс» обнаружил и задержал «Виксен». Однако прежде команда шхуны успела выгрузить на берег большое количество соли, пороха и несколько пушек (для разгрузки потребовалось 36 часов). Следственная комиссия по согласованию с императором постановила за грубые нарушения таможенных (провоз контрабанды) и санитарных предписаний, в полном соответствии с международным правом и неоднократно применявшейся дотоле по отношению к турецким судам

---

[2] АКАК, т. VIII, с. 897.

[3] Bell H. Lord Palmerston, v. I, p. 282; Bolsover G. H. David Urquhart and the Eastern Question 1833—1837: A Study in Publicity and Diplomacy. — The Journal of Modern History, 1936, v. 8, No. 4, p. 464; Gleason J. H. The Genesis on Russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950, p. 192; Seton-Watson H. The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. 305.

[4] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 195—198.

[5] Hansard's Parliamentary Debates, 3-d series, v. 43. London, 1837—38, p. 952.

практикой [6] конфисковать «Виксен» и передать его в состав Черноморского флота. Николай I распорядился проявить снисхождение к капитану шхуны Т. Чайлдсу, купцу Д. Беллу, зафрахтовавшему ее, и экипажу. Разбирательство по их делу прекратили и за казенный счет всех отправили сначала в Одессу, а затем в Константинополь.

Сначала все шло по сценарию Уркарта, Понсонби и их наставников из Лондона, спровоцировавших опасное обострение русско-английских отношений. Этот инцидент вызвал тревожный интерес в европейских странах и невероятную шумиху в британской прессе и парламенте. Дипломаты и государственные деятели западных государств быстро оценили серьезность ситуации. Французский консул в Одессе Шалле 11 декабря 1836 г. спешил сообщить в Париж о захвате «Виксена» как о событии первостепенной важности [7]. Крайнюю озабоченность случившимся проявил и его коллега, посол Франции в Вене Сент-Олер [8]. Указывая на таившуюся в инциденте угрозу, он писал: «Если я замечаю легкое облачко на горизонте, то это там, на берегу Черкесии» [9]. «Виксен» произвел сенсацию и в австрийской столице, не говоря уже о Лондоне и Петербурге. Английский посол лорд Дурхэм вручил императору протест, где утверждалось, что правительство России не владеет восточным побережьем Черного моря ни фактически, ни юридически и поэтому не может устанавливать пункты карантина и определять места для выгрузки товаров. На основании этих аргументов арест и конфискация «Виксена» квалифицировались незаконными [10].

Русский посол в Лондоне Поццо-ди-Борго справедливо расценивал английский демарш как вызов: «Теперь перчатка брошена, — писал он вице-канцлеру К. В. Нессельроде, — отступать мы не можем, раз мы поставлены в такую необходимость» [11].

Мнение большинства европейских дипломатов об этом споре склонялось в пользу России [12]. Все без исключения иностранные консулы в Одессе осудили экспедицию шхуны как противоречащую международным правилам. Сочувственно отнеслось к действиям Петербурга австрийское общественное мнение [13].

Суть затеи с «Виксеном» верно уловили и представители европейских государств в Константинополе, а также сами турки: Англия, полагали здесь, хотела убедиться, посмеют ли русские задержать судно, направляющееся к черкесским берегам, и если

---

[6] Документы о задержании турецких кораблей с контрабандой см.: АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 4607, л. 91—143.

[7] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 195.

[8] Там же, с. 196.

[9] Там же, с. 205; Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5, p. 533.

[10] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 206.

[11] Там же, с. 207.

[12] См., напр.: Souvenirs du Baron de Barante, v. 6. Paris, 1897, p. 19; АВПР, ф. Канцелярия, д. 40, 1837 г., л. 29—30; д. 39, 1837 г., л. 110—111.

[13] АВПР, ф. Канцелярия, д. 230, 1837 г., л. 79.

бы Россия обнаружила слабость, то в скором времени на Кавказ прибыли бы другие корабли с оружием и боевыми припасами.

Даже британская газета «Курьер» признала законность ареста «Виксена». По мнению «Курьера», инцидент не должен был служить темой пререканий между правительствами, так же как не мог бы их вызвать, к примеру, захват у побережья Англии французского судна, тайно выгрузившего груз водки на остров Уайт [14]. На обоснованность действий России указывали даже некоторые участники дебатов по делу «Виксена» в британском парламенте [15]. До получения соответствующих инструкций лорд Дурхэм воспринял действия Николая I как естественные в данных обстоятельствах, проявив «в высшей степени дух примирения и искреннего уважения к принципам права» [16].

Двойственную позицию занял австрийский канцлер князь Меттерних. Пытаясь стать третейским судьей между Англией и Россией, он не спешил содействовать урегулированию конфликта, ибо напряженность в русско-английских отношениях была на руку Австрии. Облачившись в тогу миротворца, канцлер фактически продлевал ссору. Сначала он, не колеблясь, заявил, что Россия поступила в соответствии с нормами международного права, а Англии, так часто ссылающейся на них, следовало бы их признавать [17]. Затем канцлер заговорил о необходимости рассмотреть это дело с юридической стороны, хотя на словах по-прежнему обвинял британских арматоров [18]. Наконец, он усмотрел противоречивость аргументов, выдвинутых Россией, обосновывавшей захват шхуны в одном случае нарушением таможенных предписаний, а в другом — блокады кавказского побережья [19]. По существовавшим тогда законам одно государство могло устанавливать блокаду по отношению к другому лишь в том случае, если они находились в состоянии войны. Россия считала события в Черкесии своим домашним делом.

Прибегая к подобной придирке, до некоторой степени правомерной, Меттерних не только создавал себе репутацию поборника справедливости, но и делал вид, будто не замечает политической стороны проблемы. Это позволяло лавировать между Лондоном и Петербургом, быть нужным и англичанам и русским.

Английский посол в Вене Лэм, ведя переговоры о «Виксене», настойчиво преувеличивал важность этого дела перед венским

---

[14] Красный архив, т. 5 (102), с. 196—197, 204—205, 209.

[15] Hansard's.., v. 43, p. 922, 925—928.

[16] АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, 1837 г., л. 10 об.; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 200; Reid S. J. Life and Letters of the first Earl of Durham 1792—1840, v. 2. London, 1906, p. 67; Ingle H. N. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836—1844. Berkeley—Los Angeles—London, 1976, p. 67.

[17] АВПР, ф. Канцелярия, д. 123, 1837 г., л. 80—83, 95—96.

[18] Красный архив, т. 5 (102), с. 197, 206; Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5, p. 534.

[19] АВПР, ф. Канцелярия, д. 230, 1837 г., л. 208 об. — 209; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 210.

двором [20]. Посол, разумеется, следовал инструкциям Пальмерстона, который убеждал Меттерниха принять сторону Англии [21]. В разговоре с Сент-Олером Лэм поведал, что дело идет не больше не меньше как о спасении Азии. В подтверждение своих доводов он обрушил на собеседника уркартистские постулаты о необходимости для Англии сохранить доверие горцев, к подрыву которого может привести неблагоприятный исход в споре за «Виксен». Лэм говорил и об обреченности Персии, если Черкесия будет покорена, и т. д. [22]

Одна из аудиенций у Меттерниха в феврале 1837 г. вызвала у Лэма прилив воодушевления. Обманутый щедрыми заверениями канцлера о поддержке английских притязаний [23], Лэм уверенно обещал, даже гарантировал Лондону содействие венского кабинета. Даже сам Пальмерстон поверил Меттерниху, хотя премьер Мельбурн говорил, что более всего боится австрийского канцлера, когда тот проявляет дружелюбие. Разумеется, канцлер не собирался оправдывать надежды посла. Меттерних держал англичанина в неопределенности, а потом неожиданно отрекся от данных ему обещаний.

Не более успешными оказались и переговоры в Вене русских дипломатов — поверенного в делах А. М. Горчакова и посла Д. П. Татищева. Горчаков составил справку для обоснования суверенных прав России на восточное побережье Черного моря и снабдил ее историческими ссылками на давние времена [24]. Она не произвела впечатления на Меттерниха. С легкостью воспринял он также таивший угрозу намек на то, что «император Николай будет очень удивлен и обижен его сдержанностью» [25]. Документы не позволяют согласиться с мнением английского ученого Ч. Уэбстера, объяснявшего отказ Австрии поддержать английскую точку зрения «устрашающим жестом» Николая I в адрес Меттерниха [26]. Канцлер продолжал затягивать спор о «Виксене», ведя двойную игру, обнадеживая и следом обманывая. За туманные обещания, которые он и не думал исполнять, ему выражали признательность и Лондон и Петербург [27], пока в обеих столицах, наконец, не поняли целей австрийского арбитража. Поведение Меттерниха не является неожиданным, если учесть глубокое недоверие, испыты-

---

[20] АВПР, ф. Канцелярия, д. 230, 1837 г., л. 82 об. — 83, 112; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 209.

[21] Bell H. Op. cit., v. 1, p. 283.

[22] АВПР, ф. Канцелярия, д. 230, 1837 г., л. 112 об.; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 210.

[23] Webster Ch. Urquhart, Ponsonby and Palmerston. — The English Historical Review, 1947, v. 62, No. 244, p. 342; ejusd. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2. London, 1951, p. 572—573.

[24] Текст ее см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 230, 1837 г., л. 279—286.

[25] Красный архив, 1940, т. 5(102), с. 222.

[26] Webster Ch. Op. cit., p. 342; ejusd. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2, p. 574—575.

[27] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 222.

ваемое им и Николаем I друг к другу [28], хотя внешне оба декларировали свою приверженность принципам Священного союза. К счастью, судьба русско-английского конфликта решалась не в Вене.

Между тем атмосфера вокруг «Виксена» накалялась, он сделался предметом всеобщей озабоченности [29]. Из Петербурга дали понять о тщетности надежд на отмену решения следственной комиссии адмиралтейства. Становилось ясно: Николай I занял твердую позицию и не отступит ни перед какими последствиями [30]. Понсонби убеждал госсекретаря послать британский флот в Черное море. Дело осложнялось поднятой в Англии русофобской истерией.

Чтобы представить действия России как поругание британского флага и задеть национальные чувства англичан, искажались обстоятельства ареста судна [31]. Обывателю не мешали верить в предсказания о скором вторжении русских в Константинополь, а затем и в Индию [32]. Углублявшиеся разногласия реально обозначили возможность военного столкновения, которое, очевидно, все-таки произошло бы, если бы события продолжали развиваться в том же русле [33].

В одной из бесед с Поццо-ди-Борго по поводу «Виксена» Пальмерстон с жаром оспаривал права России на побережье Кавказа, ибо, с его точки зрения, Турция не могла по Адрианопольскому договору уступить то, чем сама не владела. Этот несостоятельный довод стал «с легкой руки» Пальмерстона традиционным для зарубежных публицистов и историков [34]. Поццо-ди-Борго довел до сведения своего собеседника непреклонное мнение Николая I, считавшего эти земли российскими, а дела Черкесии — касавшимися лишь России и Турции, но никак не третьей стороны.

Посол посоветовал Пальмерстону отказаться от бесперспективной роли «верховного трибунала над трактатом между двумя независимыми державами». Тогда госсекретарь, придя в состояние крайнего раздражения, выпалил: «Европа слишком долго спала. Она, наконец, проснулась, чтобы положить предел захватам, ко-

---

[28] Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England 1830—1902. Oxford, 1970, p. 39.

[29] Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5. p. 540.

[30] АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, 1837 г., л. 12 об. — 14; Мартенс Ф. Ф. Указ. соч., с. 487.

[31] New Ch. W. Lord Durham. London, 1968, p. 295.

[32] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East. A Study of British commercial Policy in the Levant 1834—1853. London, 1935, p. 53; Bolsover G. H. David Urquhart and the Eastern Question., p. 464; ejusd. Lord Ponsonby and the Eastern Question (1833—1839). — The Slavonic and East European Review, 1934, v. 13, No. 37, p. 111; Gleason J. H. Op. cit., p. 204.

[33] Seton-Watson R. W. Britain in Europe 1789—1914. Cambridge, 1938, p. 187—188.

[34] Quandour M. I. Muridism: A Study of the Caucasian Wars of Independence 1819—1859 (Ph. D. Diss). Claremont, 1964, p. 199—206.

торые император намерен привести в исполнение на всех границах своей обширной империи». Завершая откровенный диалог, Пальмерстон заявил о намерении Англии оставить за собой свободу действий в кавказском вопросе, а русский посол в ответ указал на право России реагировать на политику Лондона в отношении Кавказа сообразно обстоятельствам и во имя собственных интересов. Этот «изумительный и почти невероятный разговор» убедил Поццо-ди-Борго в том, что «английский министр желает войны, и если он еще долго останется у дел, то достигнет своей цели» [35].

В одном из писем к лорду Дурхэму Пальмерстон признал дело «Виксена» «крайне неприятным и опасным» и не исключил вероятности вооруженного конфликта [36]. Аналогичное заявление он сделал и в парламенте в начале марта 1837 г. [37].

Взяв под защиту организаторов провокации, придав инциденту широкую международную огласку и приняв воинственную позу, Пальмерстон поставил себя в весьма щекотливое положение. Выйти из него без ущерба для чести страны и своего престижа было нелегко. Настойчивый в стремлении прибрать к рукам Западный Кавказ, Лондон в то же время предпочитал не платить за новую колонию слишком дорогой ценой военного столкновения с Россией. Угрозой войны, которую Пальмерстон всегда считал более эффективной, чем самую войну, он лишь надеялся сделать Россию уступчивой [38]. Документы свидетельствуют, что Пальмерстон стремился оказать нажим на Петербург путем максимального обострения ситуации. В марте 1837 г. Понсонби по поручению своего правительства просил султана пропустить через проливы британские военные корабли в Черное море и разрешить англичанам построить вблизи кавказских границ военно-морскую базу. Согласие Турции позволило бы Лондону резко повысить тон в диалоге с Петербургом по делу «Виксена» [39]. Как выясняется, Пальмерстон вел опасную игру, при которой события легко могли выйти из-под его контроля. Еще в 1834 г. Пальмерстон не исключал возможности русско-английской войны как средства освобождения Черкесии [40]. К счастью, Турция не приняла предложения Понсонби, и обстановка значительно разрядилась.

Войне помешали и другие обстоятельства. Следуя старой английской внешнеполитической доктрине, предписывавшей отстаи-

---

[35] АВПР, ф. Канцелярия, д. 123, 1837 г., л. 283—286, 288; Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. XII. Спб., 1895, с. 62—65.

[36] Webster Ch. Urquhart, Ponsonby, and Palmerston.., p. 351; ejusd. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2. London, 1951, p. 572.

[37] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 221; Bulwer H. L. The Life of John Temple Palmerston: with Selection from his Diaries and Correspondence, v. 2. London, 1870, p. 248.

[38] Clayton G. D. Britain and the Eastern Question. London, 1971, p. 75.

[39] АВПР, ф. Канцелярия, д. 39, 1837 г., л. 283—284, 299—302.

[40] Ingram E. The Beginning of the Great Game in Asia 1828—1834. Oxford, 1979, p. 275.

вать интересы страны чужими руками, Пальмерстон стремился обзавестись союзниками против Николая I[41]. В письме к Д. Л. Гренвиллю от 3 февраля 1837 г. он выдвинул идею о привлечении Франции и Австрии к решению черкесского вопроса в пользу Англии. Этот проект остался без последствий[42]. Охотников кровью добывать для Англии Черкесию в единоборстве с Россией не нашлось[43]. Попав в дипломатическую изоляцию и столкнувшись с принципиальной позицией России, британский министр был вынужден отказаться от политики устрашения. Он заявил Поццо-ди-Борго, что передал документы по делу «Виксена» на рассмотрение королевских адвокатов[44].

В Петербурге прекрасно понимали, что Пальмерстон собирался использовать казуистику международных норм в своих целях, ибо шаткость и спорность этих установлений всегда оставляла возможность для произвольного их толкования, в зависимости от мотивов, выдвигаемых государствами при спорах друг с другом. По мнению К. В. Нессельроде, высказанному британскому правительству, англичане, без сомнения, поступили бы с русским кораблем, приблизившимся к берегам Ирландии или Индии с теми же намерениями, какие вынашивали арматоры «Виксена», так же, как власти России поступили с английской шхуной[45].

Осознав ошибочность своих расчетов, госсекретарь стал искать пути к «достойному» отступлению. Их с готовностью подсказал Петербург, также склонный к примирению, хотя и не за счет отказа от своих ранее принятых решений. Нессельроде посоветовал Поццо-ди-Борго изобразить дело так, будто Пальмерстон и даже Понсонби, представлявшие официальные круги государства, не имеют никакого отношения к зачинщикам вояжа «Виксена», на которых возлагалась вся ответственность за преступление. Канцлер советовал свести инцидент «к простой попытке нескольких безвестных арматоров приступить к незаконной торговле, попытке, пресеченной на законном основании строгим применением наших правил»[46]. Нессельроде выражал при этом надежду, что английское правительство оценит жест России и сумеет искусно воспользоваться предоставленными возможностями для прекращения шума в парламенте и успокоения общественного мнения[47]. Ответных шагов Англии не пришлось долго ждать. В марте 1837 г. Пальмерстон в палате общин категорически отверг свое участие в деле «Виксена»[48]. Уркарт лишился поста секретаря посольства в Константинополе. Та же участь, вероятно, постигла

[41] Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия.., с. 490—491.
[42] Bulwer H. L. Op. cit., v. 2, p. 249; Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2, p. 572.
[43] АВПР, ф. Канцелярия, д. 123, 1837 г., л. 86.
[44] Bulwer H. L. Op. cit., v. 2, p. 248; Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2, p. 572.
[45] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 206—207, 201, 225.
[46] АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, 1837 г., л. 7—8 об.
[47] Там же, л. 11 об.
[48] Hansard's.., v. 43, p. 946.

бы и Понсонби, если бы не покровительство влиятельнейших персон [49]. Ходатайства Белла о предъявлении России требований возместить нанесенный Англии ущерб были отклонены. Защищаясь от обвинений британских радикалов в потворстве Петербургу, госсекретарь ссылался на решение королевских адвокатов, признавших действия России законными [50]. Предвидя наскоки оппозиции, поскольку правительство России не удалось запугать войной, Пальмерстон поручил королевским юристам подготовить квалифицированное заключение, способное оправдать в глазах общественного мнения его уступчивость. Разумеется, служители закона, «профессиональное» мнение которых зависело от инструкций правительства, аккуратно выполнили заказ Пальмерстона. Но если бы британское правительство все же рискнуло воевать, то приговор экспертов, как этого опасался Поццо-ди-Борго, был бы, несомненно, иным [51].

Пальмерстон спешно отступал по мосту, построенному российской дипломатией и им самим. Благоприятные предпосылки к урегулированию создавали в определенной степени изменения в пользу английской торговли в Черном море, внесенные в Российский таможенный тариф незадолго до отправки «Виксена». Это обстоятельство, как убеждал Бутенева Нессельроде, «сильно способствовало умеренности британского министерства и препятствовало проявлению им враждебности по отношению к нам из опасения встать в противоречия с индустриальными и торговыми интересами своей страны» [52].

Во второй половине апреля 1837 г. Нессельроде получил от посла Дурхэма ноту, содержавшую формальный запрос о мотивах задержания и конфискации «Виксена» [53]. Английское правительство не имело оснований не удовлетворить законное желание владельцев шхуны знать о причинах ее ареста. В ответной ноте канцлер терпеливо и обстоятельно повторил давно известные англичанам доводы [54]. Депешей Пальмерстона Дурхэму от 11 мая 1837 г. завершается этот длительный спор. Пальмерстон уведомлял, что «правительство его величества короля великобританского не имеет достаточного мотива для того, чтобы подвергать сомнению право России на захват и конфискацию «Виксена» в порту Суджук-кале на основании причин», изложенных в ноте Нессельроде, «и потому не намерено в дальнейшем предъявлять никаких претензий по поводу задержания этого судна» [55].

Однако англичане по-прежнему отказывались считать Черкесию территорией России и потому оставляли повод для новых

---

[49] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 228.
[50] Bell H. Op. cit., v. 1, p. 283.
[51] АВПР, ф. Канцелярия, д. 123, 1837 г., л. 84 об.
[52] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 208.
[53] АВПР, ф. Канцелярия, д. 86, 1837 г., л. 82.
[54] Там же, л. 198—199.
[55] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 227; АКАК, т. VIII, с. 867—870; Reid S. J. Op. cit., v. 2, p. 67.

провокаций [56]. Анализируя конфликт с «Виксеном», французский посол в Петербурге Барант с похвалой отозвался о «благоразумии и доброй воле», проявленных в отношении Англии правительством России, стремившимся, насколько возможно, избежать обострения отношений и вместе с тем спокойно и твердо отстаивавшим свои права [57]. Инцидент окончился дипломатическим поражением Лондона, предоставив России случай упрочить свои позиции на Ближнем Востоке [58].

«Виксен» «открыл» Кавказ для европейского, особенно для английского, общества [59]. Резко увеличивается спрос на информацию о Кавказе, которая становится более регулярной.

В событиях по делу «Виксена» обозначился бледный, но зловещий призрак Крымской войны. Пока еще не созрели предпосылки для ее возникновения: сохраняло остроту англо-французское соперничество в Северной Африке и Испании, не до конца перестала считаться с буквой и духом Священного союза Австрия, не обрела конкретные формы идея Николая I о разделе османского «наследства», престолом Франции владел достаточно осторожный Луи-Филипп, а не склонный к авантюрам Наполеон III и т. д. Если вовлеченные в спор о «Виксене» страны (Россия, Англия, Австрия, Турция) желали по разным причинам избежать вооруженного конфликта, хотя далеко не любой ценой, то объективно их поведение, особенно Лондона, едва не привело к возникновению «неуправляемой» международной ситуации, при которой резко возросла бы вероятность «случайной» войны.

Военная тревога 1837 г. со всей очевидностью подтвердила наличие непримиримых русско-английских антагонизмов, приведших к восточному кризису 50-х гг.

В западной историографии бытует мнение о непричастности официальных кругов Лондона к подрывным акциям английских подданных на Кавказе [60]. Злоумышленником изображают либо одного Уркарта — «паршивую овцу» в благородном семействе британской дипломатии — и ему противопоставляют добрую волю Понсонби и Пальмерстона, либо иногда допускают возможность сговора между Понсонби и Уркартом. Во всех случаях Пальмерстон остается непогрешимым. Документы рисуют иную картину. Весьма примечательно, что по получении первых сведений о происшествии с «Виксеном» и русское общество, и Меттерних единодушно сочли виновником инцидента английского посла в Турции,

---

[56] Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5, p. 562—564; Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East.., p. 53; Anderson M. S. The Eastern Question, 1774—1923. A Study of International Relations. London—New York, 1966, p. 92.

[57] Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5, p. 544—545.

[58] Beaumont-Vassy. Geschichte des Kaisers Nikolas I. Übersetz. aus dem Französisch. Leipzig, 1855, S. 121.

[59] Kottenkamp F. Geschichte Russlands seit 1830, mit besonderer Rücksicht auf den Krieg im Kaukasus. Stuttgart, 1843, S. 209.

[60] См.: Дегоев В. В. Буржуазная историография о британской политике на Кавказе во второй трети XIX в. — ВИ, 1979, № 2, с. 53—66.

известного своими «радикальными» взглядами на кавказский вопрос. Нессельроде, недооценивавший участия Лондонского кабинета в конфликте, был менее категоричен: он счел уместным упрекать Понсонби не за организацию экспедиции, а лишь за отсутствие стремления ее предотвратить, что бросает тень и на Пальмерстона [61]. Бутенев, имевший возможность непосредственно следить за действиями Понсонби, убежденно считал его, наряду с Уркартом, застрельщиком предприятия [62].

Посол России Поццо-ди-Борго считал главным в деле «Виксена» Пальмерстона. Министр, по его мнению, воздержавшись дать прямую санкцию на эту затею из боязни быть скомпрометированным, в то же время уверил Белла, что препятствий к путешествию нет, то есть тем самым поощрил его. В депеше к Нессельроде от 8 июня 1837 г. посол не исключал в будущем английских происков в Черкесии и не сомневался в содействии им со стороны правительства в лице Пальмерстона [63].

В письмах к Пальмерстону Понсонби, не скрывая «живейший интерес к делам черкесов», высказывал опасения, что Россия «осуществит свои намерения овладеть Кавказом, который является по меньшей мере ключом к Турции». «Никто из людей, — откровенничал посол, — не оценивает так высоко значимость Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я, никто больше меня не сочувствует храбрым защитникам своих национальных прав» [64].

По получении первых сведений о движении горцев Кавказа английский посол сразу же высказался за оказание им помощи посредством посылки британских военных кораблей в Черное море [65].

Обращаясь к Уркарту с просьбой написать воспоминания о пребывании у горцев, Понсонби пояснял: «Я считаю важным, чтобы правительство могло без какого-либо промедления располагать исчерпывающими сведениями о политическом положении черкесских национальностей... Если мы не позаботимся о них, Россия овладеет Кавказом и это даст ей власть над Турцией и Персией» [66]. Посол протежировал своему подчиненному, полностью разделяя его идеи [67]. Взгляды Уркарта, бесспорно, влияли и на Пальмерстона [68], но лишь постольку, поскольку совпада-

---

[61] Красный архив, 1949, т. 5 (102), с. 195, 197, 200; Souvenirs du Baron de Barante.., v. 5, p. 528.

[62] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 202; АВПР, ф. Канцелярия, д. 39, 1837 г., л. 44.

[63] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 227—228.

[64] Там же, с. 226, 232—233; Ср.: Ingram E. Op. cit., p. 274.

[65] Temperley H. England and the Near East. The Crimea. London—New York, 1936, p. 75—76; Anderson M. S. Op. cit., p. 91; Clayton G. D. Op. cit., p. 74—75.

[66] Цит. по: Robinson G. David Urquhart. Oxford, 1920, p. 55.

[67] АВПР, ф. Канцелярия, д. 49, 1835 г., л. 363.

[68] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East.., p. 28.

ли с его собственными представлениями о месте Кавказа в британской ближневосточной стратегии. Они сложились задолго до того, как этот район стал объектом уркартовских прожектов.

Еще в 1829 г., после заключения Адрианопольского договора, внимание Пальмерстона привлекла Черкесия: за счет нее он предполагал расширить возможности английской торговли[69], т. е. осуществить колониально-экспансионистские намерения. Хорошо знакомый с «образом мышления» Уркарта, Пальмерстон не случайно доверил ему важный дипломатический пост в ведомстве, где в конкретных делах «творилась» политика Великобритании на Ближнем Востоке[70]. Уркарт держал Пальмерстона в курсе событий на Кавказе[71]. Планы торгового и политического освоения Черкесии одобрял также английский король[72].

Парламентские дискуссии по делу «Виксена» разоблачили связь высших чиновников государства с исполнителями провокации. Многие члены парламента, возмущенные уступчивостью своего правительства, стерпевшего оскорбление национального флага, выступали за расследование инцидента. Они требовали привлечь к ответственности всех участвовавших в этой акции, однако не за организацию, а за неудачу ее. Лорд Стенли заявил, что мистер Белл отправился на Кавказ с согласия Форин-оффис и Понсонби. Это мнение уверенно разделял будущий британский посол в Константинополе С. Каннинг, не сомневавшийся в стремлении министерства иностранных дел поощрить экспедицию, которая, вероятно, открыла бы новую область для английской торговли и остро поставила бы кавказский вопрос перед Россией. Прямо признавая колониальную направленность политики Англии на Кавказе, он вопрошал с трибуны: «Кто будет отрицать нашу заинтересованность в независимости Черкесии»? Провал затеи с «Виксеном» привел еще, с точки зрения Каннинга, к печальному последствию, вынудив армию России уделять больше внимания этому району. Смысл его рассуждений в палате общин сводился к тому, что проявивший слабость кабинет лишил англичан возможности завладеть богатыми природными ресурсами Кавказа и поставил их перед ненавистной необходимостью безропотно ждать, пока дело закончится полным покорением края Россией[73].

Бывший премьер-министр Р. Пиль в речи в парламенте, по существу, назвал Пальмерстона вдохновителем операции «Виксен». Аргумент Пальмерстона в доказательство своей непричастности к делу «Виксена» и попытка представить Белла виновником, желавшим спровоцировать столкновение между Англией и

[69] Bell H. Op. cit., v. 1, p. 282.

[70] АВПР, ф. Канцелярия, д. 129, 1838 г., л. 103 об. — 104; Gleason J. H. Op. cit., p. 194.

[71] Webster Ch. Urquhart, Ponsonby and Palmerston.., p. 330.

[72] Bolsover G. H. David Urquhart and the Eastern Question.., p. 464; ejusd. Lord Ponsonby and the Eastern Question.., p. 117; Ingram E. Op. cit., p. 274.

[73] Hansard's.., v. 43, p. 939, 909, 911, 915.

Россией, были отвергнуты Пилем как несостоятельные. Верно уловив здесь явное пренебрежение к логике, Пиль с наигранным недоумением заметил: «Если он (Белл.— *авт.*) действовал не по указанию собственного правительства, то какие мотивы могли заставить британского купца способствовать войне между двумя державами», тем более, что Белл, по утверждению Пальмерстона, владел солидным имуществом в России?[74] В таком же духе выступили парламентарии Робак, О'Коннелл и Дадли Стюарт, отстаивавшие тезис о необходимости применения «жестких мер» к русским[75].

Не лишне напомнить также о неоднократных заявлениях Уркарта, доказывавшего участие Пальмерстона в операции «Виксен» и отмечавшего его однозначное отношение к черкесскому вопросу (хотя суждения человека, лично заинтересованного в разоблачении госсекретаря, в данном случае, может быть, не столь ценны). Впрочем, в парламенте раздавались голоса и в защиту Пальмерстона. Некоторые ораторы, считая поступок России законным, утверждали, что люди, организовавшие экспедицию на свой страх и риск и знавшие о всех последствиях, лишены права на заступничество правительства[76]. Обосновывая версию об отсутствии у Лондонского кабинета завоевательных замыслов в отношении Кавказа, некоторые буржуазные историки пытаются представить Уркарта нехарактерной фигурой британской дипломатии. Его часто упрекают в непонимании задач и принципов политики своего государства на Ближнем Востоке, в профессиональной некомпетентности, в превышении власти, в склонности к интриге и т. д. Уркарта, как правило, изображают эксцентричной, самолюбивой, неуравновешенной натурой, лишенной чувства реализма и способной лишь на фантастические прожекты и бредовые идеи. Иногда предполагают даже патологические отклонения в его психике[77].

Исторические свидетельства не подтверждают «диагноза» западных ученых, убедительно доказывая, что Уркарт — «здоровое» и типичное явление английской внешнеполитической практики. Известная экстравагантность в быту (он предпочитал турецкое платье и антураж) и чрезмерная инициативность на службе, подчас нарушавшая субординацию и, возможно, вызывавшая раздражение Понсонби, вовсе не мешали ему трезво оценивать обстановку на Ближнем Востоке и усердно проводить в жизнь кавказские планы Форин-оффис. По утверждению американского исследователя В. Пьюриера, мало кто в Англии, помимо Уркарта, умел так верно распознавать суть международных проблем и так чутко улавливать их значение для британских интересов. Взгляды Уркарта прояснили государственным деятелям Англии вопросы, связанные с русско-английским соперничеством на Ближнем

[74] Ibid., p. 948.
[75] Gleason J. H. Op. cit., p. 195—196.
[76] Hansard's.., v. 43, p. 915, 937, 917, 925—928.
[77] Webster Ch. Urquhart, Ponsonby and Palmerston.., p. 328.

Востоке, поэтому так ощутимо его влияние на официальные круги и общественное мнение своей страны [78].

Между Уркартом, Понсонби и Пальмерстоном имелись определенные расхождения во взглядах на кавказскую проблему, но они не носили принципиального характера, касаясь лишь способов достижения цели, а не самого ее существа. Их объединяло стремление отторгнуть Кавказ от России и превратить его в коммерческо-сырьевой придаток Англии. Но если Пальмерстон, вынужденный считаться с реальным соотношением сил на Ближнем Востоке, и прежде всего с волей России, предпочитал тонкие и ухищренные приемы, то Уркарт и Понсонби, облеченные меньшей ответственностью, склонялись к более грубым и прямолинейным ходам, не слишком заботясь о возможных осложнениях [79]. Оба они пытались убедить Лондонский кабинет в преимуществах их кавказской доктрины [80].

Когда русофобские выходки Уркарта становились очень вызывающими, Пальмерстон и Понсонби делали вид, будто не одобряют действий своего подчиненного. Бутенев, считая их порицания притворными, а расхождения с Уркартом скорее видимыми, чем существующими на самом деле, утверждал, что секретарь посольства следовал побуждениям сверху и всеми происками среди черкесов руководят из Лондона.

В письмах Поццо-ди-Борго Уркарт фигурирует либо как «протеже Пальмерстона», либо как «любимый агент» его и короля [81].

Пальмерстон, хотя и отвергал некоторые сумасбродные планы своих подчиненных, тем не менее иногда соперничал с ними в «экстравагантности» [82]. В 1836 г. Пальмерстоном, по образному выражению современника, овладело назойливое желание «прощупать пульс России в Черном море» [83]. Понимая рискованность предприятия и не исключая возможности скандала, который поставит на карту престиж Англии и неизбежно повлечет выступление парламентской оппозиции, министр иностранных дел желал с самого начала застраховать свою репутацию. Он поощрял затею усердно, но осторожно, стараясь держать в тайне свою причастность к ней и не оставлять прямых свидетельств. Выступая в парламенте, Р. Пиль довольно прозрачно намекнул на характерные черты Пальмерстона как политического деятеля: осторожность и предусмотрительность в ситуациях, когда необходимо, на случай отступления, иметь несожженные мосты [84].

---

[78] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East.., p. 23—24, 27; ejusd. England, Russia, and the Straits Question 1844—1856. Berkeley, 1931, p. 114—116.

[79] Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX века). М., 1955, с. 29.

[80] Puryear V. J. International Economics and Diplomacy in the Near East.., p. 25.

[81] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 204, 212, 214, 205, 209.

[82] Temperley H. Op. cit., p. 76.

[83] The Times, 1838, june 23.

[84] Hansard's.., v. 43, p. 951; Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2, p. 572.

После того как провокация окончилась неудачей, Пальмерстон, надеясь выгородить себя, взвалил всю вину на подчиненных. «Тройственный союз» развалился; каждый спасался в одиночку, за счет другого. В доказательство осуждения действий Уркарта Пальмерстон устранил его с должности. Понсонби критиковал мотивировку, на основании которой Пальмерстон уволил Уркарта. Понимая ее несостоятельность, посол предпочитал, чтобы, по официальной версии, его подчиненный был лишен своего поста не за организацию провокации с «Виксеном» (поскольку в этом деле все трое участвовали), а за нарушение служебной субординации [85]. Чтобы внушительнее убедить в своей непогрешимости общественное мнение, министр был не прочь то же самое проделать и с Понсонби, но вмешательство могущественных персон лишило его этой возможности. Сам посол, следуя удобному примеру шефа, также представлял Уркарта единолично ответственным за инцидент. По его лживому заверению, о планах «мистера Уркарта» ничего не знали ни правительство, ни король [86].

«Пророк Востока», не расположенный превращаться в жертву спасительных уловок Пальмерстона и Понсонби, через послушную ему британскую прессу предал полной гласности факты, связанные с организацией операции, и вскрыл подлинное участие в ней своих бывших патронов. Скандал из дипломатической сферы переместился во внутриполитическую.

Радикалов привели в крайнее раздражение согласие Форин-оффис на конфискацию «Виксена» и умеренный тон в отношении претензий России на Черкесию. Пальмерстону ставили в вину возмутительное обращение с «патриотом» Уркартом и требовали от него исчерпывающих объяснений. Сам Уркарт обрушил на госсекретаря поток разоблачительных памфлетов, инкриминируя ему даже государственную измену [87]. Пальмерстон предвидел такую реакцию. Он не раз признавался Дурхэму, что опасается быть растерзанным в палате общин, когда там узнают, как урегулирован конфликт с «Виксеном» [88].

По инициативе Уркарта в Бирмингеме был создан общественный комитет иностранных дел, призванный контролировать внешнюю политику Англии. Антиправительственная кампания заставила уркартистов, позабыв разногласия с оппозиционной группой Кобдена и Брайта, объединиться с ней против Пальмерстона [89].

Такой ценой пришлось госсекретарю выпутываться из неловкой ситуации, им же самим и созданной [90].

Международный скандал и кризисная ситуация в русско-английских отношениях, возникшие в связи с делом «Виксена», не

---

[85] Webster Ch. Urquhart, Ponsonby and Palmerston.., p. 347.
[86] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 218.
[87] Gleason J. H. Op. cit., p. 197; Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815—1840. — The Cambridge Historical Journal, 1929, v. 3, No. 1, p. 64.
[88] Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston.., v. 2, p. 574.
[89] Bell H. Op. cit., v. 1, p. 282—283, 284.
[90] Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston.., v. 2, p. 575.

приостановили активности британских агентов в Черкесии. В марте 1837 г. Бутенев извещал Розена о предполагаемых враждебных затеях, аналогичных виксеновской[91]. По сообщениям из осведомленных источников, на сей раз предполагалось использование принадлежащей Уркарту хорошо вооруженной (18 пушек на борту) шхуны «Визард». Указывалось также, что в порту Смирны находилось несколько британских коммерческих судов, груженных контрабандой и готовых к отплытию в Черкесию[92].

Константинополь неоднократно полнился слухами о планах англичан повторить вояж «Виксена». Многие из подобных предположений оказались просто домыслами, однако некоторым британским торговым судам действительно удавалось добираться до кавказских берегов[93].

Вскоре от экспедиции «Визарда» пришлось отказаться[94]. Достоверные причины такой перемены неизвестны, но, вероятно, они связаны с неблагоприятным для Уркарта исходом скандала с «Виксеном». Весной 1837 г. бывший владелец шхуны Белл с согласия Понсонби, снабдившего его паспортом в Черное море[95], и корреспондент газеты «Times» Д. Лонгуорт отправляются из Константинополя через Трапезунд к шапсугам и натухайцам[96]. Невзирая на осведомленность царских властей об этом предприятии, иностранцы на турецком судне, груженном свинцом и сталью, благополучно прибыли к месту назначения как раз тогда, когда горцы снаряжали депутацию в турецкую столицу узнать, следует ли им ждать от англичан помощи или нет. Белл отговорил их от поездки, предъявив правительственную бумагу, которая содержала прежние обещания значительной вооруженной помощи. Он подарил черкесам знамя независимости, присланное якобы также английским королем. Англичане на долгое время поселились у горцев, поддерживая в них мятежный дух, создавая постоянное войско, разрабатывая планы боевых операций, оказывая материальное содействие. По заказу Белла из Трапезунда доставили порох на сумму около 5 тыс. пиастров. Лонгуорт, купив турецкую кочерму в Синопе, привез на ней железо, серу, английские промышленные изделия на 30 тыс. пиастров и раздал их безвозмездно[97].

Подобная «щедрость» объяснима только одним: подрывные

---

[91] АКАК, т. VIII, с. 895; Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953, с. 103.

[92] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 211—212, 215—216, 220; Вульф П. Английская шхуна «Виксен» — военный приз, взятый бригом «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 г. — Морской сборник, 1886, № 4, с. 99—100.

[93] Вульф П. Указ. соч., с. 100—101.

[94] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 231.

[95] АКАК, т. VIII, с. 896; т. IX, с. 454.

[96] Подробно о их пребывании в Черкесии см.: Longworth J. A. A Year among the Circassians. In 2 vols. London, 1840; Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839. In 2 vols. London, 1840.

[97] АКАК, т. VIII, с. 360—361, 768; т. IX, с. 279, 454; Вульф П. Указ. соч., с. 102.

предприятия британских разведчиков на Кавказе субсидировались из государственной казны. Не исключено, что из этого же источника взяты средства на покупку пороховой мельницы, выгруженной осенью 1837 г. на черкесском берегу[98]. Стремясь искусственно поддерживать состояние войны в Черкесии и не допустить падения своего престижа, англичане наводняли край слухами о скором прибытии к горцам соединенного флота некоторых европейских держав, турецкого султана и египетского паши — всего до 300 судов с десантом и снарядами,— если Россия не откажется от притязаний на их землю[99].

Белл и Лонгуорт, по их же словам, оставались на Кавказе в залог исполнения обещанного.

Отчасти англичане достигли своей цели: народ, уже начинавший тяготиться понесенными от войны бедствиями, снова приходил в волнение и вооружался[100].

Приехав еще летом 1836 г. на Западный Кавказ вместе с английским офицером и переводчиком и доставив сюда запас пороха, племянник Уркарта Стюарт в течение 8 месяцев объезжал всю страну от Абхазии до Кубани, внушая народу мысль о необходимости объединения в союз и координации усилий, направленных против России. В путешествиях его сопровождала толпа из местных князьков и их вассалов. По всей видимости, английский эмиссар имел некоторый успех. Согласно твердому убеждению нидерландского консула в Одессе Тетбу де Мариньи, Стюарт действовал по указанию Лондонского кабинета[101]. Шалле, французский коллега Мариньи, склонялся к тому же мнению. Стюарт поддерживал тесную связь со своим соотечественником Спенсером, ловко проникшим в окружение М. С. Воронцова во время его морской поездки вдоль берега Черкесии[102]. Свои впечатления о путешествии, а также пространные, в духе Уркарта, рассуждения о роли Кавказа в политике России и Англии Спенсер изложил в двух книгах[103].

Несмотря на все старания англичан, искоренить недоверие горцев к Великобритании не удалось. Шло время, а «соединенный флот европейских держав с десантом и оружием», как обещали англичане, не появлялся.

В народе рождались неблагоприятные для Англии настроения, не принявшие, правда, широких масштабов. Вельяминов, характеризуя эти настроения военному министру графу Чернышеву, писал в августе 1837 г.: «Между горцами есть люди, хорошо понимающие, что английские эмиссары обманывают их, но, к сожа-

---

[98] АКАК, т. VIII, с. 897; Вульф П. Указ. соч., с. 101.

[99] Шамиль — ставленник.., с. 111.

[100] АКАК, т. VIII, с. 766—767; т. IX, с. 454.

[101] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 218, 220, 222; Gleason J. Op. cit., p. 191.

[102] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 210—211.

[103] Spencer E. Travels in Circassia etc. In 2 vols. London, 1837; cjusd. Travels in the Western Caucasus etc. In 2 vols. London, 1838.

лению, число их слишком еще невелико и голос их тем менее уважается, что до сих пор горцы уклоняются от всяких с нами сношений и бдительно надзирают, чтобы никто из людей, служащих нам, или хотя мало наклонных к миролюбию и покорности, не мог проехать в наш лагерь» [104].

Натухайцы, асламбеки, докшукайцы и другие племена Северо-Западного Кавказа под влиянием писем от своих соотечественников из Константинополя, призывавших не верить иностранцам, отказались выполнить указание Белла и Лонгуорта о внесении денег для организации и оснащения постоянной армии [105]. У части черкесских феодалов также поубавилось пробританских симпатий и надежд. Один из влиятельных местных князей Хаджи-Оглу Мансур сообщил Сефер-бею о своих разочарованиях и сомнениях в могуществе Англии, оказавшейся неспособной ни предотвратить арест «Виксена», ни ответить силой на эту акцию [106]. С горечью он риторически вопрошал: чего стоят обещания Уркарта и Хадсона, если одного слова русского посла в Турции достаточно, чтобы султан немедленно отправил своего единоверца Сефер-бея в ссылку?! [107] Подобные укоры пришлось выслушать и Беллу и его спутникам, весьма недружелюбно принятым на черкесской земле [108].

Английское правительство не собиралось складывать оружия, но после провала виксеновской операции оно вынуждено было перейти к более осторожному образу действий.

9 июня 1837 г. российский консул в Трапезунде исходя из проверенных данных уведомлял Бутенева об ожидаемом в самом скором времени вторичном визите английского полковника Консидайна в Турцию, откуда он собирался проникнуть в Черкесию [109]. Через 2 месяца Герси рапортовал в Петербург о появлении в порту Фацци, расположенного в 35 милях к западу от Трапезунда, английского торгового корабля, следовавшего к местечку Дживка, недалеко от Геленджика. На судне было много черкесов; согласно признаниям пассажиров, на судно были погружены в Англии боеприпасы «по приказу британского правительства» [110].

Осенью 1837 г. в районе Геленджика с разведывательной миссией высадились английские офицеры: капитан Маррин и лейтенант Иддо. Очевидно, их доставил тот самый корабль. Позже, вернувшись в Константинополь, Маррин намеревался весной вновь отправиться к горцам и присоединиться там к Беллу и

---

[104] АКАК, т. VIII, с. 767—768.
[105] Там же, с. 361, 768.
[106] Шамиль — ставленник.., с. 108—109; АВПР, ф. Канцелярия, д. 39, 1837 г., л. 456—458.
[107] АКАК, т. VIII, с. 896—897; Kottenkamp F. Op. cit., S. 209.
[108] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 212, 219—220, 232.
[109] Там же, с. 210, 230—231.
[110] Шамиль — ставленник.., с. 131.

Лонгуорту. Иддо увез на родину образцы найденных на Кавказе серы, свинцовых и других руд [111].

Местные ресурсы интересовали англичан не только для военных целей: к Черкесии «приглядывались» как к вероятной колонии в будущем.

Несколько месяцев провел у горцев британский агент Найт. За это время он не раз совершал путешествия в глубь страны, регулярно снабжал черкесов порохом и оружием. Имея значительные суммы денег, Найт не только сам делал подарки местной знати, но также давал Беллу и Лонгуорту деньги на подобные цели.

В конце 1837 г. офицер британского флота Глазгов совершил разведывательную поездку вдоль южной части кавказского берега. Изучая бухты, наиболее пригодные для стоянок морского транспорта, особенно он отметил батумский рейд — лучшую гавань этого региона [112].

Весной 1838 г. Уркарт совершил поездку по крупным промышленным городам Англии, пропагандируя свой экстремизм. Под влиянием его публичных выступлений предприниматели Глазго обратились к королеве с петицией, осуждающей внешнюю политику Пальмерстона. В мае газета «Таймс» опубликовала документы, относящиеся к делу «Виксена», а в июне она поместила наиболее впечатляющие выдержки из «эпистолярной войны» между Уркартом и госсекретарем, снабдив их комментариями, сочувственными к Уркарту.

Проведя в Черкесии несколько лет, британские агенты стали склоняться к уркартовскому экстремизму. Сильные, во многом неожиданные впечатления от военных событий на Кавказе привели эмиссаров к выводу, что они затрагивают «жизненные интересы» Англии. По их мнению, поражение горцев повлечет падение Ирана и Турции, поставит под угрозу британское владычество в Индии, вызовет опасное разрастание мощи России.

Теперь в свете увиденного, а главное испытанного на личном опыте, Беллу и Лонгуорту казалась пассивной позиция их лондонских покровителей в отношении Черкесии.

Турецко-египетский конфликт конца 30-х гг. XIX в. почти полностью поглотил внимание России и Англии [113]. Лондон явно стремился взять реванш за дипломатическое поражение 1833 г.— Ункяр-Искелессийский договор. Для Пальмерстона главной стала задача — не допустить, как в восточном кризисе начала 30-х гг. XIX в., единоличного выступления России, грозившего принести ей односторонние выгоды и ущемить британское влияние на Ближнем Востоке.

---

[111] АКАК, т. VIII, с. 897; т. IX, с. 454; Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 233.

[112] Шамиль — ставленник.., с. 140, 137—138; АВПР, ф. Канцелярия, д. 48, 1838 г., л. 97, 499.

[113] Подробнее см.: Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

Даже в такой напряженной атмосфере, возникшей далеко от Кавказа, интерес к нему со стороны Форин-оффис не ослабевал. Вероятно, в Лондоне полагали, что, связывая руки России в Черкесии и отвлекая туда ее значительные силы и внимание, легче решать предстоявшие дипломатические проблемы.

В начале марта 1839 г. Бутеневу стало известно о приезде в Константинополь трех английских инженеров. Здесь они запасались рекомендательными письмами к горцам от Сефер-бея и ежедневно общались с Лонгуортом. Вернувшись к этому времени из Черкесии, Лонгуорт составлял ее описание. Очевидно, получив обстоятельные консультации от своего соотечественника, они поехали в город Самсун, где предполагали закупить партию боеприпасов, чтобы следовать оттуда на Кавказ. Лонгуорт также собирался вскоре отправиться вслед за ними. Одновременно посольство России в Турции получило сведения, согласно которым в Константинополь прибыло английское купеческое судно «Роберт» с грузом военного снаряжения на борту, предназначенного для черкесов [114].

Турецкий двор тайно потворствовал проискам Англии. Он формально признавал условия Адрианопольского договора и внешне охотно соглашался выполнять неоднократные представления Бутенева об усилении надзора над контрабандной торговлей с восточным побережьем Черного моря, о необходимости строгих мер по отношению к нарушителям таможенных постановлений России и т. д. Но на деле султан часто закрывал глаза на махинации англичан и их турецких пособников.

В 30-е гг. XIX в., как и в последующее время, события на Западном Кавказе, в отличие от Дагестана и Чечни, активизировались в значительной мере в результате подрывной деятельности британской агентуры [115]. Российские власти на Кавказе противостояли ей как могли. Нехватка кораблей для несения сторожевой службы, несовершенство навигационной техники оставляли многочисленные лазейки для небольших судов, способных перевозить товары, держась недалеко от берега, и быстро прятаться в его извилинах при возникновении опасности.

Еще меньше успеха приносили составленные неизменно красноречиво послания, в которых администрация Николая I призывала горцев не верить корыстным иноземцам и упрекала в простодушии, обещала благоденствие под скипетром царя. Между тем горцы проявляли не свойственную их замкнутому образу жизни поразительную осведомленность в тонкостях политики великих держав на Ближнем Востоке, а также в географии Рос-

---

[114] АКАК, т. IX, с. 447—448, 458—459; АВПР, ф. Канцелярия, д. 45, 1839 г., л. 263, 508—509.

[115] Baddeley J. F. The Russian conquest of the Caucasus. London—New York, 1908, p. 348.

сийской империи, что дает основание усматривать здесь квалифицированные подсказки Белла и Лонгуорта [116].

Инцидент с «Виксеном», а затем Лондонские конвенции 1840—1841 гг., вскрывшие глубину и устойчивый характер противоречий между Англией и Россией на Ближнем Востоке, таили в себе далекие, но грозные истоки Крымской войны.

Не возражая против английского варианта «урегулирования» турецко-египетского конфликта конца 30-х гг. XIX в., Николай I рассчитывал в перспективе добиться в обмен на свою уступчивость согласия Лондона на раздел Османской империи. В действительности его ожидания были обмануты: конвенция 1841 г. резко укрепила влияние британской дипломатии в Константинополе и связала руки русской. России оставалось довольствоваться иллюзорной безопасностью ее причерноморских территорий, не гарантированной в условиях войны. Союз, на который надеялся царь, оказался призрачным. Он мог лишь ненадолго приглушить остроту соперничества держав на Ближнем Востоке, но не устранить его. Николай I недооценил русско-английские антагонизмы в восточном вопросе и преувеличил англо-французские. Под прикрытием мнимого альянса с Россией Пальмерстон вынашивал планы коалиционной войны против нее. С середины 40-х гг. XIX в. наметилось сближение Англии и Франции [117].

Вместе с тем соглашение о черноморских проливах принесло на короткое время известную стабилизацию отношений между Англией и Россией. Англия дорожила преимуществами, полученными над Россией, и старалась удержать их. Для этого требовалось хотя бы внешне проявлять уважение к фиктивному англо-русскому союзу, воздерживаться от открыто враждебных акций или тщательно маскировать их. Поэтому в 40-х гг. наступает «затишье» в споре о Кавказе между Англией и Россией. В «демократических» обществах горцев усиливалось недоверие к иностранным агентам [118]. Форин-оффис временно «заморозил» «черкесский вопрос», ожидая подходящего случая для нового возбуждения его.

Глава III

КАВКАЗСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Восточный кризис 50-х гг., давно вызревавший в столкновениях экономических и политических интересов великих держав на Ближнем Востоке, в истории международных отношений XIX в. занимает особое место. Он, по сути, стал «генеральной ре-

[116] АКАК, т. VIII, с. 766—767; т. IX, с. 455—456; Шамиль — ставленник.., с. 112.

[117] Георгиев В. А. Указ. соч., с. 179—192; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XIX в. М., 1978, с. 117—125.

[118] АВПР, ф. Канцелярия, д. 46, 1839 г., л. 255 об. — 256, 265.

петицией» империалистического раздела мира. Крымская война — в определенном смысле «мировая» война, только эпохи классического капитализма. Ей предшествовал довольно длительный период накопления и обострения межгосударственных противоречий, среди которых доминировали русско-английские. Постепенное нарастание антагонизмов отчетливо прослеживается по общеизвестным вехам: Адрианопольский иУнкяр-Искелессийский договоры, инцидент по поводу «Виксена», Лондонские конвенции 1840—1841 гг., безрезультатный визит царя в Англию в 1844 г., европейские революции 1848 г. и, наконец, пролог Крымской войны — религиозный спор о святых местах[1]. Борьба за влияние на Кавказе как один из важных аспектов русско-английского соперничества на Ближнем Востоке способствовала развязыванию Крымской войны[2]. По-прежнему сохранялись и русско-турецкие противоречия. В 40-х — начале 50-х гг. XIX в. не прекращался ввоз оружия из Турции на Кавказ. Турция, как известно, еще не отказалась от своих претензий на Крым и Кавказ[3].

Помимо неблагоприятных для России объективных факторов, неблагоразумная политика Николая I также ускорила создание направленной против него европейской коалиции. Провоцируя, а затем ловко используя ошибки царя, Лондон настойчиво вел дело к вооруженному столкновению. Ответственность за крымскую драму в полной мере делили с русским монархом Порта и западные правительства, стремившиеся ослабить международные позиции России, лишить ее того перевеса сил, который она получила в результате Венских соглашений 1815 г.

В обстановке усугублявшейся дипломатической изоляции России и растущих воинственно-русофобских настроений в Англии[4] вновь возрождаются старые планы Форин-оффис относительно Кавказа. По мнению Лондона, восточный кризис открывал благоприятные перспективы для их осуществления. Прибавляли оптимизма также навязанные уркартистами представления о Кавказе как об ахиллесовой пяте Российской империи. «России,— писал Пальмерстон в сентябре 1853 г.,— не следует забывать о

---

[1] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XIX в. М., 1978, с. 121—134. В нашу задачу не входит исследование всех аспектов Крымской войны. Цель раздела — выявить место Кавказа в планах Англии, Франции и Турции. Классическим трудом по основным проблемам Крымской войны по-прежнему остается двухтомная монография Е. В. Тарле «Крымская война» (М.—Л., 1950).

[2] Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. A modern History. Ann Arbor, 1958, p. 216; Чхеидзе А. Е. Кавказ в ближневосточной политике Англии (30—50-е годы XIX века). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1974, с. 28.

[3] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, д. 4502, д. 4503.

[4] Немецкий историк И. Поповски считает, что захлестнувшая Великобританию русофобия послужила одним из главных побудительных мотивов Крымской войны. См.: Popowski J. The Rival Powers in Central Asia or the Struggle between England and Russia in the East. Transl. from the German. London, 1893, p. 88.

своих уязвимых местах — Польше, Черкесии, Грузии»[5]. Поэтому в вытеснении русских с Кавказа и превращении его в британскую сферу влияния усматривали правящие круги Англии одну из целей войны[6].

После поражения под Башкадыкляром осенью 1853 г. и разгрома турецкого флота под Синопом Анатолийская армия, пришедшая в довольно плачевное состояние, становится предметом все возрастающей озабоченности союзников. По настоянию британского посла в Константинополе, давно уже прибравшего к рукам всю местную политику[7], турецкие войска к весне 1854 г. были реорганизованы и приведены в боеготовность. Анатолийским корпусом руководили иностранные офицеры, в основном англичане и французы, хотя формально главнокомандующим был турок.

Оперативный план новой кампании предусматривал наступление на Тифлис из трех пунктов. Главный удар должны были нанести силы, базировавшиеся в Карсе, вспомогательные удары возлагались на Батумский и Баязетский корпусы.

Накануне и после вступления в войну Англии и Франции среди союзных стратегов и политиков отсутствовало единство мнений, где предпочтительнее развернуть основные боевые операции — в Крыму или на Кавказе[8]. Одни выбирали Крым с его главной морской базой Севастополем, олицетворявшим для многих символ «русской агрессии», другие ратовали за Кавказ, ибо здесь союзники надеялись сокрушить могущество России без особых жертв со своей стороны, после чего не представляло большого труда в следующем, 1855 г. победоносно завершить кампанию в Крыму[9].

В марте 1854 г. на Западный Кавказ для изучения местной обстановки прибыла британская военная миссия[10].

Для понимания того, как созревало решение Лондонского кабинета о превращении Крыма в первостепенный объект боевых действий, определенный интерес представляет переписка в начале 1854 г. между военным министром Англии герцогом Ньюкаслом,

[5] Ashley E. The Life of Henry John Temple, Viscount Palmerston: 1846—1865. With Selections from his Speeches and Correspondence. V. 2. London, 1876, p. 39; Martin K. The triumph of Lord Palmerston. London, 1963, p. 165—166. См. также: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 2, ч. I. Спб., 1908, с. 191.

[6] Schroeder P. W. Austria, Great Britain and the Crimean War. The Destruction of the European Concert. Ithaca—London, 1972, p. 47. Несколько переоценивая значение Кавказа, И. Поповски даже считал борьбу за Кавказ основной целью Крымской войны (Popowski J. Op. cit., p. 91).

[7] Тарле Е. В. Крымская война. Соч., т. 8. М., 1959, с. 364; Maxwell H. The Life and Letters of George William Frederick fourth Earl of Clarendon, v. 2. London, 1913, p. 65, 68.

[8] Schroeder P. W. Op. cit., p. 135, 150—151, 171.

[9] Hozier H. M. The Russo-Turkish War. London, s. d., p. 150; Rousset C. Histoire de la Guerre de Crimée, v. 1 (2-ème ed.). Paris, 1878, p. 131—133.

[10] Хатуко К. Великобритания и Кавказская война. — Кавказ (Мюнхен), 1952, № 6, с. 11.

помощником министра финансов Ч. Тревельяном и посланником в Тегеране Д. Макнейлом. Тревельян в письме к Макнейлу выдвигает идею самостоятельной, независимой от Франции, экспедиции английской армии в Закавказье. Такое предприятие он полагал оправданным по нескольким причинам. Во-первых, англичане будут избавлены и от необходимости подчиняться французскому главнокомандующему, и от чувства соперничества к французскому солдату. Во-вторых, приход английских войск вызовет воодушевление у жителей Закавказья. В-третьих, сравнительно малочисленные английские контингенты менее полезны в Европе, чем в Азии, где можно рассчитывать на помощь враждебных России племен. И наконец, успешный поход приведет к захвату Тифлиса, Эривани и «появлению британского флага на Каспии», после чего содействие Ирана обеспечено. Подобное развитие событий, по мнению Тревельяна, восстановит английское влияние в сопредельных с Индией странах «на более прочной, чем когда-либо, основе» [11]. В ответном послании Макнейл, чье мнение высоко котировалось в официальных кругах Лондона, заметил, что соображения Тревельяна не новы, и выразил иную точку зрения. Согласно ей, поражение России в Европе позволит диктовать царю условия и в азиатских делах. Если же в Европе Россия останется невредимой, то даже сокрушение ее мощи в Азии не принесет тех результатов, ради достижения которых союзники намереваются вступить в войну. Обособленный поход британских войск в Закавказье, рассуждал Макнейл, вызовет обвинение французов в заботе англичан лишь о собственных интересах в Индии и вместе с тем даст Франции удобный повод предпочесть такую же эгоистичную политику. Он полагал неразумным рисковать десятками тысяч английских солдат там, где их судьба будет доверена безответственному турецкому интендантству.

Лондонский кабинет после продолжительных дискуссий и переговоров с Парижем пришел к выводу, что главный удар должен быть нанесен в Крыму [12].

Намерения союзников, особенно англичан, не были откровением для царских властей на Кавказе. В начале 1854 г. М. С. Воронцов высказывал серьезную озабоченность судьбой черноморских укреплений в случае вполне вероятного нападения на них британского флота и десантов. Он предполагал упразднить Черноморскую береговую линию, считая оборону ее безнадежным занятием. Опасения наместника разделял и император [13].

К началу лета 1854 г. почти все береговые укрепления были срыты, а их гарнизоны эвакуированы морем незадолго до появления английского флота. Российское командование сочло возможным оставить действующими несколько важнейших форпостов: Суджук-кале, Геленджик, Анапу. Отсюда войска могли быть выведены сухим путем в любое время.

[11] Mc Neill J. Memoir. London, 1910, p. 314—315.
[12] Mc Neill J. Op. cit., p. 315—316.
[13] АКАК, т. X, с. 94—95, 341—342, 793, 698, 792.

Николай I немного успокоился после того, как союзники в конце лета 1854 г. избрали Крым главным театром действий, но вовсе не исключал в дальнейшем высадки вражеских войск в Анапе и Редут-кале. Царь советовал генералу Реаду, временно исполнявшему обязанности командующего Кавказским корпусом, воспользоваться предоставленной отсрочкой и разбить турок до прибытия англичан и французов. Положение на Кавказе не утешало Николая. Не скрывая тревоги, он наказывал Реаду в апреле 1854 г.: «Пиши чаще: мне важно знать, что у вас происходит» [14].

В конце марта 1854 г. командующему британским флотом в Черном море адмиралу Дандасу было поручено наряду с блокадой Севастополя разрушить все укрепления на западном побережье Кавказа вплоть до Батума. Кроме того, ему велели установить связь с Шамилем. Аналогичные инструкции Париж дал командующему французскими морскими силами адмиралу Гамелену [15]. 1 мая 1854 г. Дандас сделал подробные распоряжения, касавшиеся экспедиции на Кавказ. Ее цели он видел в том, чтобы разработать план уничтожения крепостей России, заполучить удобный порт на побережье и, разместив там войска, оснащенные тяжелой артиллерией, превратить его в опорный пункт наступления на Кавказ. Дандас предлагал оставить у черкесов сотню моряков и двух офицеров для организации совместных боевых операций [16].

Будущий командующий английскими войсками в Крыму лорд Рэглан тоже считал Кавказ стратегически важным, хотя и вспомогательным районом боевых операций. Он советовал послать для захвата Анапы 9 тыс. европейских солдат и 23 орудия [17].

Военные приготовления Лондона сопровождались усилиями, направленными к возбуждению британского общественного мнения. В парламенте вновь зазвучали старые мотивы о незаконности притязаний России на Кавказ, где власть русских за пределами их крепостей якобы простиралась лишь на расстояние пушечного выстрела [18].

Выполняя приказ Дандаса, английская эскадра из 8 кораблей под командованием адмирала Лайонса 5 мая отправилась в плавание вдоль восточного берега Черного моря. Англичане собирались атаковать Геленджик, но не обнаружили там войск: русский гарнизон покинул эту малопригодную для обороны крепость, предварительно уничтожив все, что мог бы использовать враг. Английский флот двинулся в Батум. В урочище Вардан (близ Сочи) капитан Т. Брок с группой солдат в сопровождении отряда черкесов во главе с Исмаил-беем отправились в глубь

---

[14] АКАК, т. X, с. 795.

[15] Russian War, 1854. Baltic and Black Sea. Official Correspondence. London, 1943, p. 247—248, 261—262.

[16] Russian War, 1854.., p. 258—259.

[17] Rousset C. Op. cit., v. 1, p. 135.

[18] Hansard's.., v. 132. London, 1854, p. 1033—1034.

территории с целью установить связь с Шамилем [19]. Эта миссия Броку не удалась; известно только, что Брок встретился с наибом Шамиля Мухамедом Эмином и пригласил его на совещание в Сухум-кале, куда вскоре прибыли представители союзного командования [20].

После Вардана британские корабли, посетив форты Навагинский, Гагры и Сухум-кале, достигли Батума. Погрузив здесь 800 турецких солдат (по другим данным, 1 тыс.), флот 19 мая доставил их в Редут-кале. Важнейшей задачей британского флота госсекретарь Д. У. Кларендон считал доставку войск, боевого снаряжения и продовольствия на кавказский фронт [21]. После обстрела обезлюдевшего города из корабельных орудий, очевидно, произведенного на всякий случай, турецкий контингент высадился на берег. За ним последовали английские моряки под командованием двух офицеров. За несколько дней Редут-кале был хорошо укреплен [22]. Затем эскадра отплыла в Синоп. Для поддержки действий турецкой пехоты и защиты ее от нападения с моря Лайонс оставил на редут-калинском рейде пароход «Сэмсон» [23].

В июле 1854 г. в Варне в штаб-квартире маршала Сент-Арно состоялся военный совет союзников, где присутствовали 50 черкесских князей во главе с Мухамедом Эмином. Они просили только оружие и порох, но не хотели спускаться с гор, чтобы сражаться на равнине, и еще меньше — соединиться с турками [24].

В июле 1854 г. группа английских и французских военных экспертов отправилась на корабле «Карадок» обследовать устье Дуная, Одессу, Крым, Анапу и все побережье Абхазии. Комиссии предстояло выбрать главный театр войны. В итоге поездки мнения в пользу Севастополя возобладали над остальными [25]. За этот выбор Англию не раз критиковали зарубежные буржуазные историки, считавшие Кавказ гораздо более подходящим объектом войны и стратегически и политически [26]. На решение о высадке в Крыму сильно повлияла позиция Наполеона III, которого, в отличие от англичан, не интересовал Кавказ. Император стремился разрушить систему Священного союза и превратить Францию в дипломатический центр Европы [27].

Хотя союзники сосредоточили свои силы в Крыму, Черкессия и Западная Грузия в военных и политических планах Лондона с самого начала занимали видное место. Западногерманский историк В. Баумгарт в работе о Парижском конгрессе 1856 г. дока-

---

[19] Tyrell H. The History of the War with Russia, v. I. London—New York. S. d., p. 213.
[20] Хатуко К. Указ. соч., с. 11.
[21] Handsard's.., v. 132, p. 1294.
[22] Tyrell H. Op. cit., v. 1, p. 211—212.
[23] Russian War, 1854, p. 215—216.
[24] Rousset C. Op. cit., v. I, p. 137.
[25] Ibid., p. 139.
[26] Popowski J. Op. cit., p. 95; Robinson G. David Urquhart. Oxford, 1920, p. 12.
[27] Curtiss J. S. Russia's Crimean War. Durham, 1979, p. 308—309.

зывает это многократно и аргументированно. Однако, следуя давней традиции британской историографии, он ошибочно видит причины активизации Англии на Кавказе в годы Крымской войны в стремлении защитить Индию от России [28].

Еще до вступления союзников в войну английский генерал А. Макинтош по заданию своего правительства «путешествовал» по Кавказу, собирая подробные данные о военных объектах, тщательно изучал политическую обстановку. Описывая цели этого вояжа, Макинтош довольно откровенно намекает, что они были связаны с «настоящим кризисом». Он не сомневается в том, что Черкесии и Грузии предстоит стать районами важных военных операций, дает правительству множество советов, как успешнее проводить боевые действия на Кавказе, чтобы отторгнуть его от России. Макинтош писал о целесообразности заключения союза с Ираном и северокавказскими горцами, о необходимости захвата Военно-Грузинской дороги, Анапы и других черноморских крепостей [29].

Фактическое участие англичан в военных приготовлениях на Кавказе еще не дает основания говорить о наличии у них четкого плана действий, который пока находился в стадии разработки [30]. Разумеется, цель была известна — вытеснение России с Кавказа, но оставалось выбрать средства ее достижения.

Обосновывая задачи войны вскоре после вступления в нее союзников, Пальмерстон писал Д. Расселлу: «Лучшей и самой эффективной гарантией европейского мира в будущем явилось бы отделение от России некоторых приобретенных ею окраинных территорий: Грузии, Черкесии, Крыма, Бессарабии, Польши и Финляндии...» [31] По мнению Пальмерстона, высказанному в июне 1854 г., удары следовало нанести по Грузии, Черкесии, Крыму. В решении кавказского вопроса главное участие он отводил туркам и горцам под руководством английских офицеров. Склонный придавать большее значение Крыму, Пальмерстон, однако, считал необходимым, наряду с захватом Севастополя, отвоевать Грузию, занять Анапу и Поти [32]. В английской работе обобщающего характера данный проект Пальмерстона назван «фантастичным» [33]. Далеко не все коллеги госсекретаря верили в возможность осуществления его грандиозной программы в полном объеме [34].

---

[28] Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. München—Wien, 1972, S. 20, 21.

[29] Macintosh A. F. A Military Tour in European Turkey, the Crimea, and the Eastern Shores of the Black Sea. London, 1854, v. 2, p. 164, 168—169, 259—260.

[30] Schroeder P. W. Op. cit., p. 203—205.

[31] Bell H. Op. cit., v. 2, p. 105; Seton-Watson R. W. Britain in Europe 1789—1914. Cambridge, 1938, p. 326; Guedalla P. Palmerston. London, 1926, p. 360—361.

[32] Ashley E. Op. cit., v. 2. p. 62, 64; Bell H. Op. cit., v. 2, p. 105.

[33] The Baltic and Caucasian States. Ed. by J. Buchan. London, 1923, p. 204.

[34] Baumgart W. Op. cit., S. 31.

Сроки, определенные им для этих планов, поражают своей нереальностью и свидетельствуют о недооценке Лондоном многих военных, политических, моральных и других факторов. Пальмерстон полагал вполне достаточными для Крыма 6 недель, а несколько летних и осенних месяцев 1854 г. он отводил для завоевания Кавказа. В письме к Ньюкаслу от 16 июня он выражал надежду, что уже новый 1855 г. англичане встретят победителями[35]. «Рекомендации» в отношении Кавказа, высказанные английскими публицистами в 1854—1855 гг., почти полностью совпадали с планами Лондонского кабинета[36].

Как видно, британское правительство чересчур оптимистично оценивало перспективы войны. Время и неучтенные в Лондоне обстоятельства заставят Пальмерстона конкретнее очертить свои планы и внести в них существенные коррективы.

Явно не входил в расчеты английского правительства исход летней 1854 г. кампании в Закавказье. Турецкие войска попытались прорваться к Тифлису, но им удалось занять лишь Озургети. Вслед за турками в Гурии появились английские купцы с множеством товаров: военная экспансия шла рука об руку с торговой[37]. Вскоре захватчики были выбиты из Озургети, а в июле войска России заняли крепость Баязет, расположенную близ караванного пути Трапезунд — Эрзерум — Тавриз. Над английской торговлей со странами Востока нависла реальная угроза. Нескольких казачьих сотен вполне хватило бы (и хватало) на то, чтобы конфисковать грузы, шедшие в Иран. Уже после окончания войны в апреле 1856 г. член парламента Уайтсайд с горечью подчеркнул, что летом 1854 г. Россия нанесла сильный удар по английской торговле с Ираном[38]. Но главным событием года на Закавказском фронте стало сокрушительное поражение 24 июля (5 августа) 1854 г. при Кюрюк-даре 60-тысячной турецкой армии. В этой битве, как заметил один из первых ее историков, «Турция потеряла много, но Англия — еще больше»[39].

Обеспокоенное опасным поворотом дел, английское правительство в августе назначает специальным комиссаром при анатолийских войсках полковника Вильямса (вскоре он получил звание генерала), снабдив его почти неограниченными полномочиями и правом личных докладов Кларендону. Западные историки с похвалой отзываются об этом выборе британского правительства, считая Вильямса одним из «наиболее заслуженных героев войны», «выдающимся офицером», «способным инженером и дипло

---

[35] Ashley E. Op. cit., v. 2, p. 67; Guedalla P. Op. cit., p. 362; Judd D. Palmerston. London, 1975, p. 114—115.

[36] The Crimean War. Pro and Con. [Собрание памфлетов времен Крымской войны]. New York—London, 1973; Seymour H. D. Russia on the Black Sea and Sea of Azof. London, 1855, p. VII—X, XV—XVII.

[37] Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, с. 217.

[38] Hansard's.., v. 141. London, 1856, p. 1602.

[39] Duncan Ch. A Campaign with the Turks in Asia, v. 2. London, 1855, p. 216.

матом»[40]. Достоинства генерала отмечают также и советские исследователи[41]. Задолго до прибытия Вильямса Лондон неоднократно делал срочные представления султану о необходимости усилить внимание к закавказскому фронту, но особого результата они не принесли[42]. Опытный и энергичный, Вильямс сразу взялся за наведение порядка. По его настоянию был смещен с поста главнокомандующего и предан суду бездарный и продажный Мустафа-паша. Так же решительно пресекались злоупотребления интендантской службы, воровство и мародерство турецких солдат и старших чинов. При Вильямсе управление Анатолийской армией еще больше сосредоточилось в руках английских офицеров, которые, однако, и до него распоряжались здесь по-хозяйски, ведая всем — от снабжения и раздачи жалованья до наказаний и арестов.

Главные турецкие силы Вильямс стал собирать в крепости Карс, самом удобном стратегическом пункте, пригодном для обороны Малой Азии и наступления на Закавказье[43].

В августе 1854 г. адмирал Лайонс, обстоятельно сообщая Дандасу о положении дел на побережье Кавказа, указывал на наличие российских гарнизонов лишь в Анапе и Суджук-кале[44]. Когда в июне 1854 г. в английском парламенте подводились итоги первых месяцев войны (со времени вступления в нее союзников), то в числе важнейших из них отмечалось упразднение русскими Черноморской береговой линии. Это еще одно подтверждение того, что Кавказу отводилось видное место в планах Великобритании[45]. Намереваясь атаковать укрепления России, Дандас обращался в Лондон с просьбой помочь солдатами, поскольку, согласно данным разведки, Анапа и Суджук-кале насчитывали по 10 тыс. человек. До прибытия вспомогательных сил англичане установили жесткую блокаду черкесского берега. Курсировавшие вдоль берега их корабли уничтожали небольшие суда, принадлежащие России, и различные наземные объекты[46].

Английские корабли разрушили в предместье Анапы небольшой форт, предназначенный для защиты коммуникаций с Керчью[47]. С помощью блокады восточного берега Черного моря англичане стремились не допустить переброски российских войск

---

[40] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 3—4; Almazan S. P. La Turquie. Son gouvernment et ses armées pendant la Guerre d'Orient. — Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 15 mai, p. 405.

[41] Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 487; Ибрагимбейли Х. М. Указ. соч., с. 269—271.

[42] Hansard's.., v. 141, p. 1618.

[43] Allen W. E. D. The Operations of the Allies in the Caucasus, 1853—1855.— The Army Quarterly, 1923, v. 6, No. 1, p. 118; Погосян А. М. Карская область в составе России. Ереван, 1983, с. 32—33.

[44] Russian War, 1854, p. 301—302.

[45] Hansard's.., v. 134. London, 1854, p. 311.

[46] Russian War, 1854, p. 351, 363; Russian War, 1855; Black Sea. Official Correspondence. London, 1945, p. 81, 102—103, 149.

[47] Russian War, 1854, p. 379; Russian War, 1855, p. 102—103.

с Кавказа в Крым. В феврале 1855 г. британский крейсер «Леопард» и французский крейсер «Фултон» недалеко от устья Кубани потопили 7 легких судов, пытавшихся пробраться в Керчь. Они сожгли также большое количество боевых и продовольственных запасов, два ряда барачных строений, уничтожили 10 орудий. Получив в марте сведения о сокращении российского гарнизона и артиллерии в Суджук-кале за счет концентрации войск в Анапе, капитан «Леопарда» Джиффард разработал план нападения на эту крепость, предусматривавший одновременные действия англичан с моря, а горцев — с суши. Из-за несогласованности усилий обеих сторон задуманный план не вполне удался. Тем не менее Джиффард сумел нанести значительный урон арсеналу и городским зданиям Суджук-кале. Около 2 тыс. обитателей крепости оказались в весьма тяжелом положении [48].

По мере развития успехов союзников в Крыму Англия стала больше внимания уделять Кавказу. В январе 1855 г. госсекретарь Кларендон, упрекая Стратфорда Каннинга в недостаточном радении об Анатолийской армии, признавался, что положение в Малой Азии вызывает у него «возрастающее беспокойство», а доклады Вильямса произвели крайне «удручающее впечатление» на королеву и ее министров, проявивших «величайший интерес» к этому вопросу. Несколько позже Кларендон заговорил с Каннингом более резко. Прямо обвинив в пренебрежении инструкциями из Лондона, он внушительно подчеркнул: «Войска в Карсе интересуют меня более, чем какие-либо другие» [49]. Однако ни выговоры шефа, вызывающе парированные послом, ни тревожные донесения Вильямса, казалось, не трогали его. Некоторые документы даже наводят на мысль, что Кларендон побаивался своего строптивого подчиненного, но не решался его уволить из-за безраздельного влияния Каннинга на турецкий двор.

«Что за чума этот человек!» — писал министр, в общении с которым посол позволял себе наставительный тон. Современники шутливо намекали на свою неспособность понять, кто из них стоял выше в служебной иерархии [50]. Все же Каннингу пришлось удостоить главу Форин-оффис объяснений по поводу долгого молчания в ответ на многочисленные депеши Вильямса с просьбами о помощи. Он заявил, что не хотел обнадеживать генерала обещаниями, которые могли остаться по независящим от него, Каннинга, обстоятельствам невыполненными, а, кроме того, регулярной переписке мешала плохо поставленная почтовая связь между Константинополем и Трапезундом [51]. Будущих критиков Каннинга эти аргументы не удовлетворят, вероятно, потому, что они знали о его необычном положении при султанском дворе.

---

[48] Russian War, 1855, p. 87—89, 100, 102; Nolan E. H. The Illustrated History of the War against Russia. London, 1857, v. 2, p. 201, 202.
[49] Maxwell H. Op. cit., v. 2, p. 66—67; Hansard's.., v. 141, p. 1613.
[50] Maxwell H. Op. cit., v. 2, p. 68; Hansard's.., v. 141, p. 1685.
[51] Hansard's.., v. 141, p. 1617.

Воля посла была почти законом для турецкого дивана, покорно внимавшего его выговорам и приказам. По требованию посла отдавали под суд высших офицеров и должностных лиц[52].

В западной историографии Каннинг иногда подвергается нападкам на отсутствие соответствующего давления на султана, чтобы помочь Анатолийской армии продовольствием, контингентами и обмундированием[53]. Подчас Каннинга называют прямым виновником падения Карса. Этот приговор несправедлив. Странное на первый взгляд поведение посла можно объяснить двумя причинами, дополняющими его собственную версию. Расшевелить инертное турецкое правительство, насквозь пропитанное интригами, коррупцией и не способное управлять своими войсками, было крайне трудно даже для Каннинга, в чем он сам признавался[54]. Этого не отрицали даже беспощадные критики Каннинга[55]. Разумеется, имеет значение и личная неприязнь посла к Вильямсу, выражавшаяся в непристойных эпитетах[56]. Самолюбивый Каннинг, привыкший беспрепятственно хозяйничать в Турции и не допускавший мысли о соучастии в этой привилегии кого-либо из своих соотечественников, усмотрел в широких полномочиях Вильямса покушение на свою «неограниченную власть». Он, конечно, предпочел бы иметь генерала у себя в подчинении так же, как и всю турецкую администрацию. Вдобавок Каннинга раздражали независимое поведение Вильямса, его растущий авторитет. Выход своим чувствам посол дал в одном из писем к Кларендону, где плохо скрыты обида и ущемленное тщеславие[57].

Тем не менее британское правительство и Каннинг принимают меры: в течение зимы и весны 1855 г. на подмогу Вильямсу отправляются полковник Лейк и капитан Томпсон, в Баязетский пашалык был послан майор Олфертс. Под нажимом Каннинга султан послал в Карс около 1 тыс. артиллеристов, изрядное количество пороха и боеприпасов. Немалая часть боеприпасов, правда, не достигла места назначения и осела в Эрзеруме[58]. Английский посол торопил и свое правительство оказать помощь Анатолийской армии, стремясь сообщать об угрожающем положении в Малой Азии[59]. К началу новой кампании Карс превратился почти в неприступную крепость[60]. Хотя Вильямсу не удалось поднять организационный уровень Анатолийской армии до европей-

---

[52] Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 15 mai, p. 405, 407, 414, 426, 429; Lane-Poole S. The Life of the Right Honourable Stratford Canning, v. 2. London, 1888, p. 424.

[53] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 4, 8; Nolan E. H. Op. cit., v. 2, p. 449—450.

[54] Hansard's.., v. 141, p. 1616—1617, 1806.

[55] Ibid., p. 1774.

[56] Maxwell H. Op. cit., v. 2, p. 66.

[57] Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 15 mai, p. 406.

[58] Hansard's.., v. 141, p. 1672; Lane-Poole S. Op. cit., v. 2, p. 425—426.

[59] Hansard's.., v. 141, p. 1748, 1752; Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 15 mai, p. 404.

[60] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 9, 59.

ских стандартов, он все же сделал ее пригодной для боевых действий. Неутомимый в делах, касавшихся служебного долга и интересов Великобритании, посол вникал во все детали, беспокоившие Вильямса[61].

С весны 1855 г. кавказские замыслы Лондона начинают приобретать конкретные очертания. В какой-то степени это было связано с уходом в феврале 1855 г. с поста премьера Эбердина; его критиковали наряду с прочим и за неспособность вести войну в Малой Азии «энергично и результативно»[62]. Плохую услугу оказала премьеру давняя легенда о его «русофильстве», ускорившая отставку. В феврале 1855 г. портфель главы правительства достался Пальмерстону — государственному деятелю более радикального склада, нежели Эбердин. Новое назначение, с восторгом встреченное официальными кругами Лондона, было симптоматично, ибо оно знаменовало торжество бескомпромиссных настроений по отношению к России. Теперь кабинет бесповоротно взял курс на продолжение войны до полной реализации планов Пальмерстона, в том числе и кавказских[63]. В марте Кларендон изложил соображения британского правительства о боевых операциях в Грузии и Черкесии. Предполагался удар по российской армии в Закавказье одновременно: с юга турецкими войсками, базировавшимися в Карсе (английские стратеги рассматривали его как плацдарм для наступления), и с северо-запада — соединенными силами десанта союзников и горской кавалерии. Такое взаимодействие, по мнению Кларендона, позволяло окружить войска России и отрезать их связь с 200-тысячным контингентом, оставленным на Северном Кавказе. В подобной ситуации для англичан было чуть ли не желательным наступление российской армии на Эрзерум, поскольку оно облегчало возможность атаковать ее с тыла, оголявшегося с каждым шагом в глубь турецкой территории. «Чем дальше уйдут русские от Тифлиса,— писал Кларендон,— тем вернее они потерпят поражение». При этом министр даже допускал уступку Карса, полагая ее, конечно, временной. Он считал целью будущей кампании отторжение Закавказья и Черкесии от России[64].

Пальмерстон предлагал довести численность турецких войск в Карсе и Эрзеруме до 3 тыс. человек и поручить общее командование английскому генералу Вивиану. Проявляя в данном случае мало реализма, Пальмерстон уповал на добровольное согласие армян вступить в турецкую армию как на один из источников ее пополнения. 30-тысячному контингенту предстояло, по замыслу Пальмерстона, выбить русских из Грузии и соединиться с черкесами. В своих планах он предрешил также судьбу Западно-

[61] Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 15 mai, p. 405; Lane-Poole S. Op. cit., v. 2, p. 431.

[62] Hansard's.., v. 141, p. 1627—1628, 1861—1862, 1870; Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 158.

[63] Driault E. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, 1909, p. 180; Schroeder P. W. Op. cit., p. 268, 303.

[64] Russian War, 1855, p. 110.

го Кавказа: в лучшем случае этот район становился владением Англии, в худшем — либо переходил к туркам, либо оставался у горцев, но при любом исходе, разумеется, оказывался в сфере прямого влияния англичан.

Пальмерстон хорошо понимал, что перед Англией встают в Закавказье не только военные, но и политические проблемы, решать которые с помощью армии, целиком состоящей из мусульман, трудно. Появление в Грузии турок «с их религиозным фанатизмом и плохой дисциплиной может привести к эксцессам», высказывал лорд справедливые опасения[65]. Однако рецепты, предлагаемые им для устранения подобных осложнений, не отличались ни продуманностью, ни эффективностью: по его мнению, достаточно поставить британских офицеров во главе мусульманских подразделений, и грузины, якобы ненавидящие русских, будут тысячами присоединяться к турецкой армии.

Пророча «успешную и блистательную кампанию» на Кавказе, Пальмерстон обращал внимание на выгодность проекта, не требовавшего особых материальных затрат и людских резервов[66]. Ведь Англия, отвоевывая Кавказ у России чужой кровью, сохраняла деньги и своих солдат. Тем не менее возможность высадки англо-французского десанта на побережье Черкесии или Мингрелии вовсе не исключалась, но нужно было найти для нее подходящее место и договориться с горскими князьями о совместном выступлении[67]. Эту миссию возложили на специального агента британского правительства Д. Лонгуорта, побывавшего на Кавказе в 30-е гг. В апреле 1855 г. ему была дана инструкция, в которой говорилось, что кабинет ее величества нуждается в достоверной информации о настоящем положении дел в Черкесии. Ему предстояло выяснить, насколько возможно использовать сотрудничество местных народов в случае, если потребуется их активное участие в войне. Лонгуорту рекомендовали обосноваться в таком месте побережья, откуда легко связаться с влиятельными черкесами.

Лонгуорту было предписано определить количество горской кавалерии, способной выполнять приказы британского командования; доставить на Кавказ пушки, ружья, свинец и порох; установить связь с Шамилем, собрать сведения о его планах и оценить масштабы его влияния среди горских народов; изучить социальную обстановку с точки зрения перспектив преодоления внутренних междоусобиц и разобщенности, указав на наиболее приемлемую для этой цели форму государственного устройства. Лондонские шефы Лонгуорта советовали ему проявлять умеренность в посулах, воздерживаться от обещаний «чего-либо кроме военной помощи», как будто речь шла не о средстве закабаления

---

[65] The Panmure Papers, v. 1. Ed. by G. Douglas and G. Ramsay. London, 1908, p. 212.

[66] Ibid., p. 211—212.

[67] Russian War, 1855, p. 110.

чужой страны, а о совсем незначительной безобидной услуге [68].

Визит Лонгуорта был обставлен с большой помпой и внушительным церемониалом: он прибыл на военном корабле в сопровождении свиты советников. Англичане хотели произвести впечатление на горцев, а также подчеркнуть значимость лонгуортовской миссии [69].

Пробыв в Черкесии все лето 1855 г., британский эмиссар убедился, что с 30-х гг. многое здесь изменилось. Бывший союзник англичан Сефер-бей, с точки зрения Лонгуорта, потерял влияние среди горцев. Власть знати ослабла; турки, недовольные вмешательством Англии в кавказские дела, на которые они смотрели почти как на домашние, проявляли недоверие к иностранцам [70].

Лонгуорт безрадостно констатировал «значительные успехи» России в успокоении закубанских провинций, достигнутые посредством «примирительной политики» и развития торговли. Эти наблюдения подтверждаются русскими источниками, свидетельствующими о том, что часто английских, французских и турецких представителей нерадушно встречали не только лояльные к России, но и непокорные ей племена, уклонявшиеся под разными предлогами от приглашений выступить против России [71]. Не вызывали у Лонгуорта энтузиазма также планы местных вождей, предусматривавшие создание на Северном Кавказе «фанатичной мусульманской империи» под эгидой Турции. Политическая обстановка в Черкесии, понимаемая Лонгуортом, возможно, не всегда глубоко и верно, сказалась на характере его донесений в Лондон. Британский эмиссар весьма пессимистично оценивал шансы на привлечение горцев к военным операциям. Он полагал единственно целесообразным их участие на левом берегу Кубани и в предгорьях Центрального Кавказа, где они могли оказаться полезными лишь в качестве вспомогательных сил, угрожавших коммуникациям России с Закавказьем [72].

Современный американский историк Н. Люксенбург преувеличивает последствия визита Лонгуорта в Черкесию, утверждая, будто его доклады определили политику Великобритании в этом регионе на завершающей стадии Крымской войны. «К концу 1855 г.,— пишет Люксенбург,— Кавказ уже представлялся англичанам не очень привлекательным для боевых действий» [73].

Дальнейшее развитие событий подтвердит, что суждения Лонгуорта не повлияли на намерения Англии вытеснить Россию с Кавказа. Наблюдениям британского уполномоченного не следует придавать решающего значения, прежде всего из-за их

[68] Luxenburg N. England and the Caucasus during the Crimean War. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1968, Bd. 16, Hf. 4, S. 501—502.
[69] Hansard's.., v. 141, p. 2054.
[70] Hansard's.., v. 142. London, 1856, p. 41; Luxenburg N. Op. cit., p. 503.
[71] Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953, с. 411, 452.
[72] Luxenburg N. Op. cit., p. 503.
[73] Ibid., p. 504.

субъективности. Ведь ему пришлось жить в условиях почти враждебного окружения, интриг, подозрительности, постоянного лицемерия. Разумеется, такая атмосфера вносила заметное пристрастие в его оценки, накладывая на них печать личных обид. Кроме того, Лонгуорт был не единственным осведомителем британского правительства, которое едва ли сочло бы благоразумным ставить свои кавказские планы в зависимость от мнения одного человека. Аналогичные миссии выполняли и другие агенты, составлявшие, в отличие от Лонгуорта, бодрые прогнозы. Среди них был Ш. Осборн, капитан английского корабля «Везувий».

19 мая 1855 г. Осборн прибыл в Геленджик, где вел переговоры с Мустафа-пашой и Сефер-беем. Те, как явствует из доклада Осборна адмиралу Лайонсу, обещали при первой необходимости собрать в течение 20 дней до 30 тыс. вооруженных черкесов, блокировать и изматывать гарнизоны Анапы и Суджук-кале. Лайонс полагал, что экспедиция британского флота в Керчь станет для горцев своевременной поддержкой и сигналом к активным действиям[74]. Для предстоявших операций англичане запасали черкесов оружием, амуницией, деньгами[75]. Характерно, что англичане истолковали уход в июне 1855 г. российских войск из Анапы как результат керченской экспедиции союзников[76]. В мае союзники высадили десант в районе Суджук-кале, чтобы прорваться через Лабинскую кордонную линию и идти прямо на Ставрополь. Мухамед Эмин собрал у абадзехов народный суд, на котором два англичанина уговаривали горцев присоединиться к прибывшим европейским войскам, испытывавшим недостаток лишь в кавалерии, и обещали щедрую оплату золотом. Абадзехи отказались, заявив, что не имеют на то приказаний ни от турецкого султана, ни от Сефер-бея. Англичане предложили Мухамеду Эмину отправиться во главе черкесской депутации в Константинополь и удостовериться в правомочности иностранцев говорить от имени Турции. Наиб не согласился. Погруженный в атмосферу всеобщего недоверия, повлиявшую и на его мировосприятие, он подозревал (возможно, напрасно) англичан в стремлении учинить над ним расправу руками его политического противника Сефер-бея. Такой поворот дела, обусловленный сложной социальной обстановкой, совершенно озадачил иностранцев. В отчаянии они осыпали Мухамеда Эмина и черкесов обидными упреками. Перебранка едва не закончилась плачевно для англичан. Абадзехи, с начала весны 1855 г. постоянно созываемые на сходы, на которых им объявляли о скором прибытии турецких войск, на самом деле так и не показавшихся до сих пор, имели основание сомневаться в полномочиях европейских эмиссаров[77].

---

[74] Russian War, 1855, p. 152, 155—156.

[75] Hansard's.., v. 141, p. 2054, 2103; Driault E. Op. cit., p. 180.

[76] Despatches and Papers Relative to the Campaign in Turkey, Asia Minor and the Crimea, during the War with Russia in 1854, 1855, 1856. Ed. by Fr. Sayer. London, 1857, p. 194—195.

[77] Шамиль — ставленник.., с. 447, 452—454.

Помнили они и то, что в 30-е гг. британские агенты не выполняли свои обещания.

В июне 1855 г. из британского адмиралтейства последовал приказ атаковать Анапу и Суджук-кале[78], овладению которыми придавали большое значение в Лондоне. Герцог Кембриджский, например, советовал военному министру Пэнмюру отрядить специальные войска в район Анапы. В Англии надеялись, что захват этой крепости окажет моральное воздействие на армию союзников в Крыму и в определенной мере предрешит успех под Севастополем[79]. Союзное командование постановило уничтожить Анапу и Суджук-кале комбинированным ударом — с моря англо-французской эскадрой, а с суши — силами горской кавалерии[80]. Этот план был принят по инициативе и под нажимом англичан. Французский генерал Пелисье весьма неохотно согласился участвовать в его осуществлении. Положение англичан на Кавказе осложнялось растущим недоверием к ним турок[81].

Султанские чиновники, доносили англичане в Лондон, не желали делить с кем-либо свою власть на Кавказе. Сефер-бей тоже пытался помешать Лонгуорту выполнить его миссию[82].

Общественное мнение Англии не могло оставаться безучастным к событиям на Кавказе. Зараженное русофобскими настроениями и проникнутое воинственным духом, оно оказывало давление на правительство, побуждая его к большей решительности. В мае—июне 1855 г. усилились провозглашаемые с парламентской трибуны призывы к обузданию «агрессивной» политики России на Востоке. В парламенте было заявлено, что русских необходимо вытеснить за Терек и Кубань, а в качестве гарантии невосстановления их власти на Кавказе предлагалось навсегда уничтожить преобладание России на Черном море. Как выясняется, прообраз статьи о «нейтрализации» будущего мирного договора созревал в известной мере под влиянием кавказских вожделений Лондона. Парламентарии вновь говорили о необоснованности прав России на Черкесию, о целесообразности поднять там всеобщее восстание, о безопасности Индии, Ирана, о давнем стремлении русского царя основать вторую империю на развалинах Турции, о недопустимости мира, пока не будет достигнута полная победа над Россией, и т. д. Некоторые даже считали отделение Западного Кавказа от России вопросом почти решенным. Как обычно, не обошлось и без нападок на правительство Великобритании. Его по-прежнему обвиняли в недостаточном внимании к Черкесии и Мингрелии. Пальмерстону при-

---

[78] Russian War, 1855, p. 207; Tyrell H. Op. cit., v. 2, p. 155.

[79] The Panmure Papers, v. 1, p. 214, 217, 222, 226, 244.

[80] Подробно о военных действиях на Северо-Восточном побережье Черного моря во время Крымской войны см.: Касумов А. Х. Оборона Северного Кавказа в Крымской войне 1853—1856 гг. — Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии, вып. VI. Ставрополь, 1957, с. 115—136.

[81] Чхеидзе А. Е. Указ. соч., с. 51.

[82] Russian War, 1855, p. 214—215.

шлось отчитываться о действиях своего кабинета в этом районе[83]. Тем временем обстановка на закавказском фронте для турок осложнилась: войска России угрожали Карсу. Блокада крепости продолжалась все лето. К середине осени уже почти не оставалось надежд на прорыв кольца окружения. Правда, в сентябре осажденным удалось успешно отразить штурм благодаря не только руководству Вильямса, но и усилиям полковника Лейка, майора Тисдейла и капитана Томпсона[84]. Однако это никак не улучшило положение карсского гарнизона.

Предчувствуя опасную развязку, английские государственные деятели на протяжении лета продумывали способы спасения Карса и вытеснения России с Кавказа. Пока речь шла лишь о проектах, реализация которых, прежде чем падет Севастополь, сковывавший почти всю союзную армию, была невозможна. Мнения разделились. Пэнмюр и Кларендон считали целесообразным высадить 40 тыс. солдат в Трапезунде, затем сосредоточить их в Эрзеруме и отсюда нанести массированный удар по Тифлису. По мнению Кларендона, такая стратегия позволила бы максимально сконцентрировать силы в одном месте, действовать среди доброжелательного мусульманского, а не враждебного христианского населения. Кроме того, через Трапезундский порт можно было бы обеспечить постоянные подкрепления. Кларендон в принципе предпочитал генеральное сражение на турецкой территории, и чем глубже это произойдет, тем полнее, как уверял он, станет победа над Россией[85].

Иной точки зрения держались Каннинг и генералы Мэнсфилд (военный советник британского посольства в Турции), Битсон и Вильямс. Они полагали более эффективным высадить войска либо в Сухум-кале, либо в Редут-кале, а потом двинуть их на столицу Грузии через Кутаис, то есть ударом в тыл российской армии не только спасти положение в Малой Азии, но и низвергнуть владычество России в Закавказье. Битсон настаивал на безотлагательных мерах, ибо, благодаря успехам главнокомандующего войсками России на Кавказе Н. Н. Муравьева, война здесь грозила приобрести крайне дорогостоящие масштабы для союзников, вчетверо увеличив их материальные и людские затраты[86].

В конце концов Кларендон начал впадать в состояние, походившее на панику: он опасался, что вся восточная Турция в ближайшем будущем окажется у России, и с нетерпением ждал падения Севастополя, связывая с ним перспективы перелома хода войны на Кавказе. Героическое сопротивление защитников горо-

---

[83] Hansard's.., v. 138. London, 1855, p. 1227—1229, 1368, 1244, 1261—1262, 1668, 1359—1360; v. 139. London, 1855, p. 162.

[84] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 15.

[85] Hansard's.., v. 141, p. 1637, 1639—1640, 1750; Nolan E. H. Op. cit., p. 453—454; Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 1 juin, p. 631.

[86] Hansard's.., v. 141, p. 1633, 1636, 1640, 1755; Nolan E. H. Op. cit., v. 2, p. 454—455.

да спутало карты англичан. По заявлению госсекретаря, кабинет ее величества считал карсский вопрос «жизненно важным»[87]. Добавим — с точки зрения британских колониальных интересов на Востоке и не в последнюю очередь на Кавказе.

Командовавший турецкими соединениями в Крыму генерал Омер-паша, обращая внимание союзников на стратегическое значение Карса в судьбах войны, также предупреждал, что, уступив его, придется то же самое сделать с Эрзерумом и внушительной частью Малой Азии. Зная, чем пугать англичан, он указывал на реальную возможность полного захвата российскими войсками коммуникации Трапезунд — Эрзерум — Тавриз, столь необходимой для британской торговли.

Поскольку единственное средство для спасения Карса Омер-паша видел в высадке на восточном побережье Черного моря большого десанта и последующем наступлении его на Грузию, он просил союзное командование выделить для этой цели 30-тысячную турецкую армию, более эффективную на Кавказе.

Предложение турецкого генерала, предвосхищавшее план британского правительства перенести после взятия Севастополя военные действия на Кавказ, нашло сочувствие в Лондоне. В инструкции Лайонсу по поводу организации переброски морем турецких войск подчеркивалось, что кабинет ее величества придает «огромное значение» происходящему в Малой Азии[88]. Стратфорд Каннинг делал все от него зависящее для ускорения организации экспедиции[89].

Конечно, британские государственные деятели мотивировали свой интерес к Кавказу не колониальными устремлениями, а, как обычно, заботой об обороне Турции. Согласно демагогическим утверждениям лорда Пэнмюра, Англия не ставила иной цели, кроме как сдержать продвижение русских в Малой Азии, ибо захват турецких территорий давал бы им лишний козырь на будущих переговорах о мире[90]. С гораздо меньшим энтузиазмом встретили проект Омер-паши в Париже, где не жаждали отстаивать ценой французской крови колониальные интересы Англии. Не желая ради них отвлекать свои силы из Крыма, Наполеон III под разными предлогами строил препятствия экспедиции Омер-паши, что вызывало раздражение Лондона. Английский посол в Париже лорд Каули с сожалением говорил: «Мы никогда не сможем вовлечь его (императора Франции.— *авт.*) в кампанию в Малой Азии»[91]. Только к концу сентября 1855 г. французское командование согласилось отпустить турецкие войска в Малую Азию[92].

[87] Hansard's.., v. 141, p. 1644—1645.
[88] Russian War, 1855, p. 218—219, 255.
[89] Revue des Deux Mondes (Paris), 1860, t. 27, 1 juin, p. 631—632.
[90] The Panmure Papers, v. 1, p. 326.
[91] Conversations with Napoleon III. A Collection of Documents, mostly unpublished and almost entirely Diplomatic. Selected and arranged by V. Wellesley and R. Sencourt. London, 1934, p. 74—75.
[92] Blake R. The Crimean War. Hamden (Connecticut). 1972, p. 136.

Англичане активно участвовали в подготовке условий для высадки турецкого корпуса. В сентябре 1855 г. британское судно «Циклоп» бросило якорь в устье Ингури, вверх по которой затем отправились на шлюпках специальные уполномоченные британского правительства при армии Омер-паши [93].

В начале октября 1855 г. Омер-паша был переброшен в Сухум-кале, куда немедленно прибыл и его корпус. Обо всем, что происходило на этом участке военных действий, сразу же сообщалось в Лондон [94].

Даже высшие чиновники Англии искали возможности непосредственно вмешаться в кавказские дела. В октябре 1855 г. сам герцог Ньюкасл на корабле «Хайфлайер» совершил своеобразный инспекционный вояж вдоль восточного берега Черного моря, цель которого предусматривала выяснение военно-политической обстановки [95].

Герцогу в его миссии энергично помогал капитан «Хайфлайера» Мур. Вблизи Анапы они совещались с Сефер-беем. Весьма неприятное впечатление произвел на Ньюкасла турецкий флаг, развевавшийся на берегу, несмотря на специальный фирман, в котором султан торжественно отказывался от притязаний на Черкесию. Признавая турок лишь как исполнителей английских колониальных замыслов, герцог откровенно заявил о нежелании британского правительства делиться будущей добычей: «Во имя интересов, заставивших нас вступить в войну, Черкесию не следует отдавать Турции» [96].

Покинув Сефер-бея, Ньюкасл и Мур продолжили путешествие на юго-восток. По пути они внимательно изучали все береговые пункты, представлявшие стратегический интерес. Около форта Лазаревского они взяли на борт «Хайфлайера» наиба Шамиля Мухамеда Эмина, направлявшегося в Сухум-кале, куда его пригласил Омер-паша.

Мухамед Эмин произвел впечатление на англичан. С острым умом, способным не только завоевывать приверженцев, но и воспитывать в них фанатическое подчинение, он, как полагали англичане, был единственным из черкесских вождей, который смог бы объединить разобщенные народы для успешной борьбы против России. Основываясь на сведениях, почерпнутых из разговоров с наибом, а также на собственных наблюдениях, капитан Мур в обстоятельном докладе в Лондон рисовал весьма неоднозначную политическую картину в горских обществах: некогда значительное влияние Мухамеда Эмина в черкесских делах с начала Крымской войны ослабло. Оппозиционные настроения питала местная аристократия, равнодушная к аскетическим нормам

---

[93] Buzzard T. With the Turkish Army in the Crimea and Asia Minor. London, 1915, p. 215.

[94] Russian War, 1855, p. 367.

[95] Nolan E. H. Op. cit., v. 2, p. 545.

[96] Martineau J. The Life of Henry Pelham fifth Duke of Newcastle 1811—1864. London, 1908, p. 277.

корана и усматривавшая в религиозной идее равенства (не понимая ее демагогического характера) угрозу своему благополучию. Кроме того, наибу противостояла бóльшая часть натухайцев, натерпевшаяся от его жестокости. Для многих из них торговля и общение с русскими уже успели превратиться в привычку [97].

В конце октября 1855 г. Ньюкасл, Мур и Мухамед Эмин достигли Сухум-кале. Здесь Омер-паша сообщил им, что через некоторое время начнет наступление на Кутаис. Он прекрасно понимал всю нецелесообразность использования в Грузии турецкой армии: одно ее присутствие оживляло мрачные воспоминания об ужасах мусульманского владычества, накаляло политическую атмосферу и толкало население к вооруженному сопротивлению. Поэтому Омер-паша полагал разумным перебросить турок к единоверцам в Черкесию для совместных действий против России, а на их место поставить англо-французскую армию [98].

Тем временем положение осажденных в Карсе становилось критическим. Казачьи разъезды, патрулировавшие все дороги к крепости, сделали блокаду почти непроницаемой. Голод истощал моральный дух и боеспособность турецкого гарнизона, унося более сотни жизней ежедневно. Оставалась единственная надежда на быстроту наступления Омер-паши.

В командном составе турецкого корпуса было много иностранцев. Среди них большой известностью пользовались прусский офицер Штейн (Ферхад-паша), начальник штаба поляк Ильинский (Искендер-паша) и английский полковник Симмонс. Цель экспедиции турок состояла не только в том, чтобы заставить Н. Н. Муравьева, командовавшего Кавказской армией, снять осаду Карса. На армию Омер-паши возлагалось освобождение Грузии и Черкесии от войск России, а также создание предпосылок для завоевания всего Кавказа [99]. Захватнические планы союзников на Кавказе были очевидны для участника событий в Мингрелии в 1855 г. русского офицера К. Бороздина [100]. Известно также, что Ферхад-паша писал графу Розмардюку, французскому предпринимателю, проживавшему в Мингрелии: «Царь должен быть отброшен за Терек и Кубань, так окончательно решено в совете союзных держав» [101].

25 октября (6 ноября) 1855 г. Омер-паша двинулся в наступление на Кутаис. На Ингури 36-тысячному турецкому войску путь преградил 9-тысячный отряд русских солдат и местных

---

[97] Russian War, 1855, p. 389—390; Martineau J. Op. cit., p. 278; Luxenburg N. Op. cit., p. 503.

[98] Russian War, 1855, p. 391.

[99] См.: Ибрагимбейли Х. М. Указ. соч., с. 325—326; Чхеидзе А. Е. Указ. соч., с. 49—50.

[100] См.: Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии. Из воспоминаний о Восточной войне 1853—1856 годов. Спб., 1873, с. 56.

[101] Цит. по: Бороздин К. Указ. соч., с. 55. См. также АКАК, т. XI, с. 133, 241.

ополченцев, который после упорного сопротивления под натиском численно превосходящего противника вынужден был отступить.

Полковник Симмонс, активно участвовавший в ингурском бою, сообщал о его подробностях лично Кларендону [102].

26 октября (7 ноября) 1855 г. Омер-паша занял столицу Мингрелии Зугдиди. Однако от дальнейшего продвижения в глубь Мингрелии пришлось отказаться: начался сезон дождей, сделавший дороги непроезжими. Враждебность к туркам жителей Грузии усиливалась, несмотря на все попытки Омер-паши пресекать мародерство и насилия. Не принесло успеха и политическое маневрирование, направленное на привлечение симпатий населения и княжеских фамилий.

Народ встретил турок с оружием в руках. Такое отношение вынужден был признать сам главнокомандующий [103]. Туркам пришлось отказаться и от надежд на сотрудничество с Шамилем, который не пожелал помогать союзникам. Он питал недоверие к туркам и поклялся не иметь с Турцией ничего общего [104].

В таких условиях не могло быть и речи о дальнейшем наступлении Омер-паши. Впрочем, срочная необходимость в нем вскоре отпала: 25 ноября (7 декабря) 1855 г. пришла весть о капитуляции Карса. Это событие, произведя гораздо большее впечатление на кавказское население, чем сдача далекого Севастополя, значительно возвысило на Востоке престиж России в ущерб Англии и в определенной мере обесценило моральный эффект европейских побед в Крыму, купленных величайшим напряжением сил и огромными расходами [105]. Владение ключевой стратегической позицией в Малой Азии облегчало задачи российской дипломатии на будущих переговорах [106].

Падение Карса вызвало в английской исторической литературе длинную, тянущуюся до наших дней вереницу упреков в адрес союзного, и особенно британского, командования [107]. Некоторые английские военные мемуаристы считали вполне реальной возможность не только спасти Карс, но и полностью вытеснить Россию из Закавказья. Для этого, по их мнению, следовало наступать не из Сухум-кале, а из Трапезунда через Эрзерум, организуя диверсии в тылу российской армии, и действовать (в целях привлечения грузинского населения) европейскими контингентами, пусть даже незначительными [108].

Цель похода Омер-паши осталась недостигнутой. Теперь предстояла другая миссия: «освободить» народы Кавказа от России.

---

[102] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 25—27; Nolan E. H. Op. cit., v. 2, p. 547.
[103] Бороздин К. Указ. соч., с. 35.
[104] Baddeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus. London—New York, 1908, p. 449.
[105] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 36; Sandwith H. A Narrative of the Siege of Kars. London, 1856, p. 342—343.
[106] Histoire diplomatique de la crise orientale, de 1853 à 1856, d'après des documents inédits. Bruxelles et Leipzig, 1858, p. 73.
[107] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 36; Nolan E. H. Op. cit., v. 2, p. 435—436.
[108] Sandwith H. Op. cit., p. 124, 343—345.

Но до начала весны непролазная грязь, разливы рек, отсутствие продовольствия, фуража и обмундирования обрекли экспедиционный корпус на бездействие. Резко участились болезни и дезертирство. Союзное командование прислало директиву, составленную явно по инициативе англичан: перезимовать в Мингрелии, восполнить потери, подготовиться к новым операциям [109].

Омер-паша сознавал необходимость успокоения края, достичь которого с помощью оккупационного режима было невозможно. Следовало найти надежного политического союзника внутри страны. С этой целью главнокомандующий обращается с несколькими письмами к правительнице Мингрелии княгине Екатерине Дадиани, покинувшей свои владения накануне турецкого нашествия. Он приглашал ее вернуться, признавая, что не может удержать порядок в Мингрелии. Омер-паша не скрывал желания продемонстрировать дружбу с княгиней и тем самым оказать умиротворяющее воздействие на народ. Он обещал неприкосновенность ее власти, подчеркнув намерение великих держав лишь обеспечить независимость Мингрелии от России. Совершенно очевидные захватнические планы Омер-паша мотивировал заботой о благе мингрельцев. Не поскупился он и на демагогические рассуждения о бескорыстии союзников [110]. Разумеется, Омер-паша, домогаясь возвращения Дадиани, руководствовался вовсе не стремлением соблюсти законные формы политического устройства при фактическом захвате власти в оккупированном районе. К этому шагу его вынудила неблагоприятная для османов обстановка, чреватая всеобщим восстанием.

Не получив ответа от Дадиани, отказавшейся вести переговоры с захватчиками, Омер-паша пригрозил лишить ее всех прав на Мингрелию. Когда и это не дало результатов, он прибег к посредничеству британского агента Д. Лонгуорта при экспедиционном корпусе и французского полковника Мефре при генеральном штабе корпуса.

Лонгуорт просил княгиню о встрече, предупреждая, что в случае ее отказа взять управление Мингрелией, союзники найдут ей замену. В письме Лонгуорта примечательна одна деталь: открыто и даже кичливо представившись уполномоченным британского правительства, выполняющим инструкции сверху, он, по сути, указал на заинтересованность Англии в кавказских делах.

Если Лонгуорт рассчитывал на личное свидание с Дадиани, надеясь уговорить ее, то Мефре делал ставку на изящное фразерство, когда адресовал княгине высокопарные призывы подумать о счастье своих подданных. Пошли в ход и «откровения», согласно которым «сердобольная» Европа решила освободить Кавказ от России, поскольку не могла более мириться с тем, что кавказские племена коснели в невежестве и оставались неприоб-

---

[109] См.: Ибрагимбейли Х. М. Указ. соч., с. 335—336.

[110] АКАК, т. XI, с. 112; Бороздин К. Указ. соч., с. 34—36; Mourier J. La Mingrélie. Odessa, 1883, p. 57—60.

щенными к великой семье цивилизованных народов[111]. Красноречивые увещевания иностранцев оказались напрасными.

Не принесли и не могли принести результата успокоительные прокламации, распространенные среди гурийцев по указанию главнокомандующего. От имени султана он обещал защищать их «от всяких обид, притеснений, разорений», охранять собственность, освободить от податей, предоставить народу право самому избирать владетеля страны[112]. Этими поразительными по своей наивности воззваниями, составленными без учета политической ориентации жителей Гурии и поэтому заведомо обреченными на неуспех, нельзя было заставить кого-либо поверить в возможность «получить счастие» из рук тех, кто веками порабощал, разорял, сеял смерть.

Считая далеко не все задачи войны выполненными, Лондонский кабинет занялся разработкой плана кампании на весну 1856 г. В начале декабря Пэнмюр определил сферы действий союзников: для французской армии — Николаев и Херсон, для английской — Грузия и Черкесия. Неудача похода Омер-паши заставляла отказаться от прежнего «экономичного» способа решения кавказского вопроса только с помощью турецких войск. Пэнмюр отдал распоряжение — достать лучшие карты Кавказа, собрать всю возможную информацию о его климате, дорогах, транспорте, удобных местах для складов продовольствия и боеприпасов и т. д. Кларендон также считал, что правительству пора определить свою политику относительно черкесской и балтийской проблем[113].

Англичане осаждали Наполеона III просьбами о продолжении войны. Император сделал свое согласие предметом англо-французского торга. Напомнив об огромных расходах и людских жертвах, которых потребует новая кампания, он поинтересовался, какое возмещение предлагает ему Англия[114]. Оказавшись перед неприятной необходимостью давать обязательства ловкому и могущественному партнеру, английское правительство заколебалось, но не оставило надежды руками Франции осуществить собственные внешнеполитические замыслы.

В начале января 1856 г. Пэнмюр уже уверенно говорил о Кавказе как о главном театре военных действий. По его мнению, настало время продумать ход намечавшейся операции[115]. Свои соображения на этот счет он изложил в письмах У. Кодрингтону, которому было поручено воплощение в жизнь замыслов Лондона. В новом проекте Пэнмюра, по сути, воспроизводились, но с некоторыми модификациями, идеи Кларендона, высказанные почти год назад. 60-тысячное войско либо высаживалось в Редут-

---

[111] См.: Бороздин К. Указ. соч., с. 48—50; Mourier J. Op. cit., p. 65—66, 64—65.

[112] АКАК, т. XI, с. 355.

[113] The Panmure Papers, v. 2, p. 10, 20; Rousset C. Op. cit., v. 2, p. 426.

[114] Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 509—510.

[115] The Panmure Papers, v. 2, p. 48.

кале, либо его доставляли вверх по Риони до Кутаиса. Отсюда после блокирования Военно-Грузинской дороги войска должны были нанести удар по Тифлису. Риони надлежало использовать как транспортную артерию для подвоза оружия и продовольствия. Корпусу Омер-паши следовало соединиться с базировавшимися в Трапезунде силами и двинуться на Эрзерум. Таким образом русская армия должна была попасть в ловушку [116]. Преимущества этой стратегии Пэнмюр считал очевидными. Во-первых, Кодрингтону придется воевать среди христианского населения, которое к единоверцам отнесется иначе, чем к мусульманам. Появление в качестве противников англичан, а не турок, лишало Муравьева морального перевеса, обесценивая лозунг: «Крест против полумесяца». Во-вторых, и у Омер-паши не возникло бы религиозно-политических проблем в стране, где турецкий солдат мог повсюду найти «очаг и алтарь». Пэнмюр заблуждался. Жители Анатолии, истощенные рекрутскими наборами и чрезмерными податями, не жаждали превратить свои дома в постоялые дворы для войска. Они были особенно недовольны англичанами, приписывая им «все бедствия войны, которую называли делом их обмана и выгод». За корыстолюбие и малодушие ненавидели турки и своих пашей [117]. Однако, по убеждению Пэнмюра, вытеснение русских с Кавказа, когда на этом решительно настаивало британское общественное мнение, становилось той необходимостью, пренебрежение которой вызвало бы разочарование и недовольство народа [118]. В свете взглядов Пэнмюра остается лишь недоумевать по поводу прозвучавших в его адрес в парламенте 28 апреля 1856 г. укоров в том, что «заведомой целью его являлся отказ от какого-либо содействия ведению войны в Малой Азии» [119].

В основе мотивов, определявших стремления Лондона начать весной 1856 г. кавказскую кампанию, лежали наряду с главными (колониальными) также и престижные соображения [120]. Ведь в Крымской войне победные лавры достались французам, поэтому на предстоявших мирных переговорах англичане лишались возможности диктовать России свои условия: за Парижем, а не за Лондоном оставалось право решать, чем и в какой мере наказать поверженную державу. В будущих кавказских баталиях Англия жаждала заодно отстоять поблекшую под Севастополем честь своего оружия. Успешный исход войны на Кавказе позволил бы англичанам меньше считаться с примирительной позицией Наполеона III и предъявить на мирной конференции ужесточенные требования к России [121].

---

[116] Ibid., p. 52.
[117] АКАК, т. XI, с. 467.
[118] The Panmure Papers, v. 2, p. 93, 115.
[119] Hansard's.., v. 141, p. 1634; Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 150.
[120] The Panmure Papers, v. 2, p. 88; Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England 1830—1902. Oxford, 1970, p. 79.
[121] Бороздин К. Указ. соч., с. 57.

В Зимнем дворце разумно оценили сложившуюся ситуацию. 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.) Александр II собрал совещание, чтобы решить вопрос об окончании или продолжении войны. Все его участники (К. В. Нессельроде, П. Д. Киселев, М. С. Воронцов, А. Ф. Орлов), кроме Д. Н. Блудова, категорически высказались против новой кампании 1856 г., которая, по мнению графа Киселева, могла привести к потере Финляндии, Кавказа и Польши [122]. Несмотря на горячие призывы к реваншу, исходившие от части славянофильских кругов и некоторых представителей придворной камарильи, правительство России отказалось от сверхрискованной игры и предпочло здравый смысл.

Британский кабинет, пытаясь подорвать перспективу мира, спешил начать новую кампанию [123]. В начале февраля Пэнмюр уже готов был действовать, не ожидая французов и без согласования с ними.

«Невзирая на намерения наших союзников,— писал он Кодрингтону,— Вы должны продолжать подготовку наступательных операций». Планы министра полностью одобряла королева, полагавшая необходимым покончить с Крымом в течение месяца, а затем всю британскую армию переправить на Кавказ [124].

Пальмерстон, реально оценивая возможности Англии, допускал, что планы ее могут быть внезапно сорваны мирными переговорами. Даже учитывая постоянную возможность такого исхода, он полагал необходимым «продолжать активную подготовку к войне до тех пор, пока не будет подписан окончательный текст договора о мире» [125].

Если все же придется подписывать мирный трактат, то лишь такой, который, по мнению Пальмерстона, непременно обеспечивал бы гарантии безопасности Турции, понимаемые премьером своеобразно. Он видел их в нейтрализации Черного моря и отделении от России Крыма, Грузии и Черкесии — районов, откуда она якобы угрожала владениям султана [126].

Такой же «радикальной» была «программа» послевоенного устройства Европы и Азии, выдвинутая С. Каннингом. Помимо демилитаризации Черного моря и открытия его для торговли всех наций, он предлагал создание между Россией и Турцией «пояса из небольших антирусских государств в Черкесии, Мингрелии» и других районах Кавказа. В Азии Кубань, в Европе Днестр — вот, по Каннингу, идеальные границы России [127].

Рождению этого нереального проекта в голове британского посла отчасти помогли представленные ему в январе 1856 г. ре-

---

[122] Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 503—505.

[123] Schroeder P. W. Op. cit., p. 321—323, 343.

[124] The Panmure Papers, v. 2, p. 94, 102, 113—114.

[125] The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861, v. 3. London, 1907, p. 211.

[126] Lorne K. T. Viscount Palmerston. London, 1892, p. 176—177.

[127] Temperley H. The Last Phase of Stratford de Dedcliffe, 1855—58. — The English Historical Review, 1932, v. XLVII, No. 186, p. 217.

комендации Лонгуорта, отказавшегося от прежних пессимистических оценок. «Пора уже черкесам, фактически независимым на протяжении стольких лет, сформировать у себя правительство. Основа для него, я думаю, существует...», — писал он Каннингу, подкрепляя свою мысль старым тезисом о полной юридической несостоятельности 4-й статьи Адрианопольского договора, по которой Турция уступала Черкесию России [128].

Вплоть до Парижского конгресса кавказская тема не сходила со страниц переписки британских государственных деятелей [129]. Навязчивее звучит мысль о незамедлительности практических мер. Англия отказывалась начать мирные переговоры, пока Россия не примет одно из английских предварительных условий, предусматривавшее согласие Петербурга на обсуждение кавказского вопроса. Зная настроение Наполеона III, Лондон торопился продлить состояние войны и тем самым поставить французского императора перед необходимостью выполнять свои союзнические обязательства [130].

Впрочем, Наполеон III, хотя и придерживался примирительной позиции, считая цели войны достигнутыми, все же открыто не возражал против планов англичан [131] до тех пор, пока окончательно не убедился в желании Александра II заключить мир и пока из Петербурга не намекнули на возможность русско-французского сближения. В письме к лорду Каули от 4 февраля 1856 г. он еще поддерживал идею весенней кампании против России, но делал это «на всякий случай», скорее формально отдавая дань союзнической верности, чем действительно стремясь к продолжению войны. По его мнению, надлежало объединенными англо-французскими силами покончить с Крымом. Что касается кавказского вопроса, то от решения его Наполеон III отстранился, целиком предоставляя это английским войскам [132]. К концу 1856 г. у англичан, армия которых уже достигла размеров и мощи, достаточных для самостоятельных масштабных операций, все было готово к экспедиции на Кавказ [133]. Ее реализации помешали начавшиеся в Париже переговоры о мире.

В первой декаде февраля 1856 г. во французскую столицу прибыли делегаты России граф А. Ф. Орлов и барон Ф. И. Бруннов. Предварительные консультации начались до открытия конференции. Русские дипломаты занялись выяснением позиций сторон, возможностей приобретения и использования союзников.

---

[128] Цит. по: Hoffmann J. Die Politik der Mächte in der Endphase der Kaukasuskriege. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, juni, S. 225, 251

[129] The Panmure Papers, v. 2, p. 115, 134.

[130] Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs, Bd. 3. München—Wien, 1979, S. 213, 216—217, 268—269, 412.

[131] Seton-Watson R. W. Op. cit., p. 342.

[132] Conversations with Napoleon III, p. 107—108; Fitzmaurice E. The Life of Second Earl Granville 1815—1891, v. 1. London—New York, 1906, p. 120—123.

[133] Baumgarten G. Sechzig Jahre des Kaukasischen Krieges. Leipzig. 1861, S. 132.

Как и ожидалось, по поводу Кавказа между английскими и французскими представителями обнаружились разные мнения. Докладывая К. В. Нессельроде о своих первых наблюдениях, касавшихся атмосферы переговоров и намерений их участников, Бруннов предупреждал, что англичане поднимут дебаты о политическом устройстве Кавказа, будут требовать невосстановления российских крепостей вдоль азиатского побережья Черного моря. Министр иностранных дел Франции и председатель конгресса граф Валевский обещали Бруннову поддержку в этом споре. Обнадеженный ею, русский уполномоченный слишком оптимистично смотрел на будущее обсуждение кавказского вопроса, недооценивая подлинных замыслов Англии и ее решимости отстаивать их. По его мнению, в Лондоне заботились лишь о сохранении морального престижа в глазах горцев. Поэтому дискуссия, как он думал, «ограничится скорее всего простыми дипломатическими пререканиями вроде тех, к которым лорд Пальмерстон любит обычно прибегать», а придирка по поводу Кавказа «будет фигурировать в английской программе только как парламентский прием для того, чтобы снять ответственность с английских министров» [134].

Подобные взгляды на перспективы переговоров разделял и Нессельроде, дополнявший суждения Бруннова предположением о том, что англичане могут также настаивать на предоставлении им торговых льгот на Западном Кавказе. По сравнению с прежней активностью Лондона, направленной на отторжение Кавказа от России, эти намерения выглядели почти безобидными. Нессельроде помнил и наивно принимал за чистую монету некогда высказанный британским премьером Мельбурном в частном порядке совет Петербургу приступить поскорее к занятию главных пунктов кавказского побережья, чтобы пресечь происки «английских искателей приключений» [135]. Мельбурн не случайно именно так назвал исполнителей планов Форин-оффис на Кавказе. Его «дружеские» рекомендации преследовали определенную цель: сбить царское правительство с толку, заставить его думать, будто в Черкесии действуют частные авантюристы, а не агенты Лондона.

Английской делегации, знавшей о равнодушии французов к азиатским делам, ничего не оставалось, как избрать в качестве союзника на переговорах Австрию. Делая вид, будто поддерживают требования австрийцев в Европе, англичане рассчитывали на их помощь в Азии [136]. Австрия платила англичанам тем же. Полагаясь на содействие Англии в дунайском вопросе, австрийцы предпочитали целиком предоставить англичанам решать вос-

---

[134] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 20.

[135] Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I. — Вестник Европы, 1898, февраль, кн. 2, с. 493; АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, 1837 г., л. 267.

[136] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 21; Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 516.

точные дела и не утруждали себя даже позой помощников. Ради достижения собственной цели каждый из партнеров стремился использовать другого [137].

Вскоре по приезде в Париж британский представитель лорд Кларендон нанес визит уполномоченным России и, пытаясь оказать на них давление, предупредил, что мирные настроения непопулярны в Англии, а две предыдущие кампании признаются нерешительными. Парижский конгресс, убеждал он, «приостанавливая развитие военных сил Великобритании, разочарует народные массы, даст пищу оппозиции и готовит гибель нынешнему министерству». Кларендон выставил пока требования, касавшиеся Кавказа: облегчение торговли «в видах развития диких племен его», демилитаризация восточного берега Черного моря и возвращение Карса туркам [138].

Прения вокруг кавказской проблемы оказались острее, чем предполагали русские дипломаты. Накануне и во время конференции британские дипломаты выдвигали заведомо неприемлемые для России условия, касавшиеся Кавказа [139]. По всей видимости, в Лондоне допускали возможность срыва переговоров и возобновления войны, хотя шансов на это было мало. Во всяком случае корпус Омер-паши лишь после заключения мира получил приказ покинуть Мингрелию [140]. Орлов и Бруннов, желая лишить противника повода думать, что они опасаются обсуждения кавказского вопроса и потому откладывают его, сами спровоцировали дискуссию. Она позволила делегатам России своевременно проникнуть в планы англичан [141].

Как выяснилось, Англия ставила под сомнение вообще право России на закубанские территории, требуя либо признать их независимость и нейтралитет, либо передать их под номинальную власть Турции [142].

Наполеон III не согласился на такой вариант, чем оказал российской стороне большую услугу, позволив ей взять инициативу в свои руки. Граф Валевский, заранее обговоривший с делегатами России совместную тактику при обсуждении кавказского вопроса, лишь внешне отдавал дань союзнической верности. Он заявил на одном из заседаний о желании великих держав специально изучить проблему, касавшуюся статуса «территорий, расположенных к востоку от Черного моря» [143]. Этой вроде бы категоричной фразой Валевский, очевидно, с его точки зрения, вполн-

---

[137] Temperley H. The Treaty of Paris of 1856 and its Execution, p. 392, 397.

[138] Петров А. Н. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г. — Исторический вестник, 1891, т. XLIII, с. 112, 113; Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 517.

[139] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 31; Петров А. Н. Указ. соч., с. 400; Schroeder P. W. Op. cit., p. 347—348.

[140] Tyrell H. Op. cit., v. 3, p. 243.

[141] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 32.

[142] Baumgart W. Op. cit., S. 143—144.

[143] Hansard's.., v. 141, p. 2061.

не исчерпал свой долг перед англичанами. Оценивая позицию французов «по всей справедливости», Орлов и Бруннов сообщали в Петербург о подробностях своего дипломатического наступления против англичан. Они решительно заявили, что владения России на Кавказе санкционированы в полном соответствии с международно-правовыми нормами: 4-й статьей Адрианопольского договора 1829 г. и 1-й статьей Петербургской конвенции 1834 г., которые не дают оснований к сомнениям и спорам. Лорд Кларендон пустился в туманные разглагольствования то о Мингрелии, то об Абхазии, то о Черкесии, но дипломаты России, опираясь на документы, опровергли его доводы по всем пунктам. Турецкий делегат великий визирь Али-паша согласился с аргументами Орлова и Бруннова, предложив лишь уточнить пограничную линию между Российской и Османской империями, поскольку с 1834 г. могли произойти отклонения от нее.

Российская сторона не возражала против этого, но при условии, если исправление границы не будет сопряжено с безвозмездной уступкой земель [144].

Ознакомившись с предварительным текстом Парижского договора, Пальмерстон поручил Кларендону добиваться «исправления» русско-турецкой границы на Кавказе. Ее новая линия, по замыслу премьера, должна была пролегать севернее прежней, а это означало, что часть грузинских земель отходила к Турции [145].

Оценивая ход дебатов по кавказскому вопросу, Орлов доносил в Петербург: «Борьба идет сильная, но без успеха для наших противников» [146]. Кларендону, оказавшемуся в изоляции при обсуждении вопроса о законности прав России на Кавказе, пришлось отступить. Однако, как писал Е. В. Тарле, «Пальмерстон вовсе не склонен был так легко расстаться со своей старой мечтой о «независимости» Кавказа». Получив новые инструкции от главы Лондонского кабинета, Кларендон вновь, но с большей настойчивостью поставил вопрос о кавказских владениях России, стараясь вырвать у русских еще одно обязательство — не восстанавливать старых и не возводить новых укреплений на азиатском побережье Черного моря [147]. Англичане и турки пытались принудить Россию срыть также крепости Ахалцих и Александрополь. Если бы им удалось этого добиться, то существенно возросло бы стратегическое значение Карса, а Закавказье стало бы фактически беззащитным [148].

Орлов категорически отверг эти требования, подчеркнув, что они затрагивают суверенитет России и являются прямым вмеша-

---

[144] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 32; Петров А. Н. Указ. соч., с. 395, 401—402.

[145] Geffcken H. Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856. Berlin, 1881, S. 262—263.

[146] Петров А. Н. Указ. соч., с. 401.

[147] Тарле Е. В. Указ. соч., т. 9, с. 528; Österreichische Akten.., Bd. 3, S. 462—463.

[148] Histoire diplomatique de la crise orientale.., p. 72—73.

тельством во внутренние дела чужого государства. Кроме того, как пояснил он, кавказские береговые форты не могут быть квалифицированны как военно-морские арсеналы, подлежащие уничтожению по статье о «нейтрализации» [149]. Настоятельно предлагая считать тему исчерпанной, Орлов резко парировал английские претензии словами: «Император сохраняет за собой полную свободу вновь строить или не строить этих укреплений, сообразно тому, как он это найдет нужным сделать» [150].

Кларендон хорошо понимал шаткость своих доводов, так как в 1853—1855 гг. горцы, которых он пытался представить участниками войны, заслужившими право на заступничество держав-победительниц, отказались присоединиться к союзникам и приостановили даже обычные боевые вылазки против России, отдав предпочтение состоянию «почти враждебного нейтралитета» по отношению к Англии и Франции [151].

Кларендон еще несколько раз пытался возобновить дискуссию и придать ей максимальную остроту, но вновь без поддержки французов вынужден был оставить свою обреченную позицию. Предчувствуя приближение неудачи, Кларендон, как показывают его донесения Пальмерстону, стал сомневаться в целесообразности продолжения переговоров [152]. Через месяц после закрытия Парижского конгресса член английского парламента Д. Мэннерс публично признал, что русские защищали свои взгляды на кавказскую проблему «с большим искусством» и за это были вознаграждены «замечательным успехом» [153].

Совершенно иной оборот дело приняло, когда речь зашла о Карсе. Тут представители Англии и Франции действовали заодно, отстаивая тезис о безусловном сохранении целостности и неприкосновенности Османской империи. Орлов и Бруннов, следуя инструкциям из Петербурга, не стали возражать против возвращения Турции областей, занятых российскими войсками, но взамен просили учесть их сговорчивость при выработке некоторых пунктов мирного трактата. Российские дипломаты дали понять, что рассчитывают на определенную компенсацию. Англичане, по словам Орлова, отвечали «протестом живым и упрямым», ссылаясь на свои обязательства по отношению к Турции. Кларендон настаивал на безвозмездной уступке Карса, представлявшего «жизненную важность» для турок [154]. «Скорее Англия,— заявил он,— решится вести бесконечную борьбу во что бы то ни стало, чем согласится на подобное ослабление Оттоманской империи в самой уязвимой ее части, со стороны владений в Азии» [155].

---

[149] Hansard's.., v. 141, p. 2062.
[150] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 33.
[151] Hoffman J. Die Politik der Mächte.., S. 224—225.
[152] Schroeder P. W. Op. cit., p. 359.
[153] Красный архив, 1936, т. 2 (75), с. 33.
[154] Temperley H. The Treaty of Paris of 1856 and its Execution, p. 403.
[155] Петров А. Н. Указ. соч., с. 394, 403.

Спор обострился настолько, что Орлов и Бруннов уже были уверены в срыве переговоров. На помощь вовремя пришел граф Валевский. Встревоженный опасным оборотом событий, он предложил отложить дискуссию. Орлов воспользовался отсрочкой для встречи с Наполеоном III, «личное влияние которого только и могло умерить чрезмерные требования Англии» [156]. Французский император с пониманием отнесся к доводам русского дипломата, стремившегося в обмен на Карс добиться возвращения части бессарабских земель. Признавая такую компенсацию справедливой, Наполеон III вместе с тем подчеркнул ее безнадежность из-за непреодолимого сопротивления Англии и Австрии, а также невозможности для него «разорвать с ними окончательно все связи, не подвергаясь обвинению в изменчивости» [157].

Некоторые английские источники свидетельствуют о том, что Наполеон III, Валевский и даже австрийский канцлер Буоль склонялись к принятию предложений представителей России, но Кларендон твердо стоял на своем [158]. Орлову ничего не оставалось, как согласиться с мнением союзников.

Дипломаты России, сумевшие ловко воспользоваться разногласиями между державами-победительницами, спасли Россию от тех значительных потерь, которых можно было ожидать при подобных обстоятельствах. Условия мира в кавказском вопросе были выгодными для России, хотя нейтрализация Черного моря сильно задевала ее престиж как великой державы.

По свидетельству Буоля, Кларендон приехал на конгресс с твердым намерением защищать «исключительные интересы» Англии на Кавказе и уступить России, если это станет неизбежным, лишь во второстепенных для британского правительства вопросах (в частности, в бессарабском) [159].

Парижский договор вызвал глубокое разочарование в Англии. Пальмерстон в письме к королеве Виктории сокрушался по поводу преждевременного окончания войны, продолжение которой, по его убеждению, сулило «блестящие успехи» на море и суше, отделение от России Финляндии, Польши и Грузии. Он сетовал на недостаток терпения у союзников [160].

Как заметил Поццо-ди-Борго, «общественное мнение Европы отдало Кавказ России» [161]. Лондон, поставив подпись под Парижским договором, обязывался по крайней мере молчаливо примириться с этой печальной для него реальностью. Как мрачный комментарий итогов войны звучат слова Каннинга: «Будущее Черкесии — безнадежно» [162]. Общие чувства по поводу расстроен-

---

[156] Петров А. Н. Указ. соч., с. 395.
[157] Там же, с. 396.
[158] Temperley H. The Treaty of Paris of 1856 and its Execution, p. 403.
[159] Schroeder P. W. Op. cit., p. 488.
[160] The Letters of Queen Victoria, v. 3, p. 233; Bell H. Op. cit., v. 2, p. 149; Lorne K. T. Op. cit., p. 180—181.
[161] The Quarterly Review, 1864, v. 116, No. 231, p. 109.
[162] Цит. по: Hoffmann J. Die Politik der Mächte.., S. 228.

ных планов англичан на Кавказе нашли выражение и в патетической фразе Кларендона: «Я предпочел бы скорее лишить себя правой руки, чем подписывать этот договор»[163]. Тщательный анализ Парижского трактата, возможный лишь при учете тяжелейших для России обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших его подписанию, а также того наиболее вероятного исхода, к которому они могли привести, но не привели, позволил К. Марксу назвать этот документ «победой» русской дипломатии[164].

Глава IV

ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ НА КАВКАЗЕ в 1856—1864 гг.

Поражение в Крымской войне заставило правительство России временно отказаться от активной внешней политики в Европе и на Ближнем Востоке, но сосредоточиться на проблемах внутренней жизни страны. Перед царизмом встала необходимость завершить как можно скорее длительную, дорогостоящую и изнурительную борьбу с горцами Северного Кавказа.

В Форин-оффис понимали, что столь удачный, как в Крымскую кампанию, шанс отнять Кавказ у России уже не представится, и поэтому после 1856 г. такой задачи не ставили. Теперь Лондон вынашивал более «скромные» планы: создать для России максимум затруднений на Кавказе, сковать ее огромную армию и тем самым надолго отстранить Петербург от ближневосточных и среднеазиатских дел. Правда, в некоторых полуофициальных кругах Англии по-прежнему сохранялась надежда приобрести еще одну колонию. Парижский договор, «нейтрализовавший» Черное море, резко ограничил для России возможности препятствовать британским происка м в Черкесии, однако, формально и Лондон обязан был не вмешиваться в кавказские дела. После 1856 г. англичанам гораздо чаще, чем раньше, приходилось действовать через подставных лиц, прежде всего турок. Указанные особенности политики Англии на Кавказе проявились на ее заключительном этапе (с 1856 по 1864 г.).

Сразу по окончании Крымской войны черкесской проблемой неожиданно заинтересовалась Австрия, которая, как заметил А. М. Горчаков, уже на другой день после подписания мира выразила сомнения в намерении России выполнять его условия и внушала это недоверие Англии, Франции и Пруссии. Разумеется, Вену заботила не судьба народов Западного Кавказа. Руководствуясь интересами внешней политики Австрии, канцлер Буоль стремился вызвать осложнения между Россией и западными государствами, которые потребовали бы объединения на антирус-

[163] Lane-Poole S. Op. cit., v. 2, p. 436.
[164] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 88.

ской основе усилий «европейского концерта» и спасли бы от развала хрупкий альянс Австрии с Англией и Францией. Вена очень дорожила своим местом в комбинации сил, получившей название «Крымской системы», ибо надеялась, опираясь на нее, приобрести балканские земли. Чтобы свести к минимуму опасность или по крайней мере масштабы вмешательства Петербурга, необходимо было полностью и надолго отвлечь его внимание от Европы. Способ достигнуть всех этих целей, по мнению Буоля, заключался во вмешательстве Европы в дела Кавказа. Он посылает в конце апреля — начале мая 1856 г. запросы английскому и французскому правительствам относительно создания международной комиссии по уточнению русско-турецкой границы в Азии. Валевский не ответил на незамысловатые намеки канцлера. Внешне сдержанно отреагировал и Кларендон, заявив австрийскому послу в Лондоне графу Аппоньи, что Парижский договор не дает возможности превратно толковать суверенитет России на Кавказе[1]. Во-первых, англичане не собирались в благодарность за усердие Буоля в кавказских делах расплачиваться поддержкой его балканских притязаний, которым Великобритания вовсе не сочувствовала. Именно на такой обмен услугами рассчитывали в Австрии. Во-вторых, Форин-оффис не желал посвящать Буоля в методы своей кавказской политики, предпочитая после Крымской войны действовать осторожнее и не компрометировать себя участием в незаконных авантюрах. Ведь демонстративное несоблюдение принятых Англией международных обязательств создавало прецедент и могло ускорить пересмотр Россией унизительных для нее статей Парижского трактата. Между тем Буоль поступал вполне логично, когда обращался в Лондон: намерения канцлера совпадали с английскими, хотя Кларендон в этом не признался. Однако, как известно, его единомышленник Каннинг вынашивал мысль об отторжении от России части закавказских земель под предлогом исправления русско-турецкой границы, предусмотренного Парижским договором.

В середине июля 1856 г., по свидетельству русского генерала Филипсона, на анапском рейде появился британский военный пароход «Страмболо» «для взятия или высадки горцев, или с каким-нибудь поручением к Сефер-бею»[2].

В начале октября 1856 г. судно «Ронгвер» из эскадры адмирала Лайонса проследовало с юга на север вдоль восточного берега Черного моря. Оно доставило к устью Шапсуго полсотни убыхов и абадзехов, возвращавшихся из Константинополя, где они справлялись о будущем политическом устройстве края. Кроме того, экипаж «Ронгвера» занимался картографическими исследованиями и составлял описание берега. Едва ли это делалось в чисто познавательных целях. Несколько позже англий-

---

[1] Hoffmann J. Die Politik der Mächte in der Endphase der Kaukasuskriege. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, S. 241.

[2] АКАК, т. XI, с. 76.

ский коммерческий корабль «Кенгуру» доставил из Турции в Вардан Мухамеда Эмина, произведенного султаном в звание паши, во главе 80 горцев. Наиба сопровождали два европейца, и среди них английский офицер неотступно повсюду следовал за ним. В бумаге, привезенной Мухамедом Эмином из Турции, якобы говорилось, что султан советует горцам признать власть Англии, а прибывшие европейцы именовались «генералами», уполномоченными для переговоров о действиях против России. В Сухум-кале капитан «Кенгуру» пообещал в скором времени вновь вернуться в Вардан за грузом [3].

Пользуясь отсутствием российского флота, в Черкесию зачастили турецкие кочермы, привозившие сюда различные товары, преимущественно военную контрабанду [4]. Беспрепятственные рейсы иностранных судов способствовали вооружению горцев и порождали ложные, невыгодные для России толкования Парижского договора. Многие черкесы рассуждали так: если русские не мешают иностранцам торговать на Кавказе, значит, они бессильны это сделать, либо верны слухи, будто отныне Черкесия находится под покровительством Англии и Турции [5].

В конце 1856 г. российскому послу в Константинополе стало известно о готовившейся на Кавказ экспедиции. Она снаряжалась под опекой С. Каннинга, Решид-паши, начальника турецких почт Исмаил-паши и австрийского посла Прокеш-Остена. Англичане обеспечили отряд вооружением, обмундированием на 500 человек и деньгами. Турки отпустили из столичного арсенала 6 пушек и много боеприпасов. Руководил экспедицией Т. Лапинский.

В распоряжение легионеров были предоставлены английский корабль «Кенгуру» и турецкий «Аслан». В начале февраля 1857 г. «Аслан» стоял в константинопольском порту, готовый к отправке. На нем находились 1600 центнеров пушечного пороха, 1 тыс. центнеров пуль, 40 ящиков с ружьями и 5—6 орудий малого калибра. Поверх всего этого для маскировки погрузили 2 тыс. (по другим данным, 3 тыс.) килограммов соли.

Обеспокоенный этими приготовлениями, Бутенев решил незамедлительно объясниться с великим визирем Решид-пашой. Посол указал на несовместимость военных приготовлений с заверениями султана о желании укреплять «мирные отношения и доброе дружеское соседство» с Россией. Решид-паша осудил «столь дерзкие деяния», пообещав безотлагательно провести самое строгое расследование и не замедлить сообщить Бутеневу о результатах [6].

Однако предотвратить отправку «Аслана» и «Кенгуру» не удалось: ей тайно потворствовали турецкие министры, да и сам Решид-паша. Неудовлетворенный сбивчивыми оправданиями ве-

---

[3] АКАК, т. XII, с. 705, 706, 714.

[4] Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953, с. 470—471.

[5] АКАК, т. XII, с. 707, 749—750.

[6] КС, 1887, т. XI, с. 574—578; Шамиль — ставленник.., с. 464—466.

ликого визиря, Бутенев заявил протест султану, который в ответ выразил неудовольствие случившимся, отдав строгие приказания отыскать и наказать виновных и впредь не допускать подобных инцидентов. Абдул-Меджид согласился выполнить просьбу посла об обнародовании специального фирмана, осуждающего враждебные вылазки против России и предписывающего Сефер-бею и Мухамеду Эмину вернуться в Константинополь под угрозой разжалования [7].

Учрежденная султаном следственная комиссия по делу «Кенгуру» арестовала в феврале 1857 г. нескольких причастных к нему лиц, в том числе Исмаил-пашу и Ферхад-пашу, а затем выслала их в глубь Анатолии. Был обнародован и фирман, в котором воспрещались как официально наказуемые сношения османов с кавказскими горцами.

Впрочем, эти запоздалые меры не могли помешать «Кенгуру» и «Аслану» достичь Туапсе. Здесь в конце февраля 1857 г. высадилось около 400 человек.

Согласно одному, возможно непроверенному сообщению из русского источника, «на берег сошли два турецких и несколько английских генералов», чтобы встретиться с Сефер-беем и Мухамедом Эмином [8]. Легионерам предстояло разжечь борьбу горцев против России, организуя боевые операции в широком масштабе. Отряд имел несколько сот экземпляров воззваний, предназначенных для распространения в российской армии, подстрекавших ее солдат к массовому переходу на сторону горцев. Из Европы были доставлены также машины для чеканки монеты. В первые месяцы пребывания отряда на Кавказе морем непрерывно подвозились большие грузы — орудия, порох, свинец, снаряды, а также новые пополнения солдат и офицеров [9].

В Петербурге было известно, кто направляет деятельность этого отряда. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков довел до сведения правительства Англии факты, свидетельствующие об участии англичан в антироссийских происках. Царские власти на Кавказе, согласно предостережениям министра, будут пресекать злонамеренные акции против России всеми доступными средствами.

Британский посол в России пытался в беседе с Горчаковым обелить свое правительство, представить дело так, будто оно не обязано отвечать за путешествия английских купцов. Формально вынужденная соблюдать условия Парижского договора, Англия не возражала против решения Петербурга и демонстративно отмежевалась от всех предприятий, осуществляемых во вред державе, находящейся в мире с ней. Англия официально предупредила своих подданных, что всякий, кто примет участие в предприятиях, враждебных России, будет нести личную ответствен-

---

[7] КС, 1887, т. XI, с. 587.
[8] Там же, с. 587—589, 590—591.
[9] Там же, с. 592—594.

ность[10]. К таким же успокоительно-показным жестам следует отнести отказы Кларендона удовлетворить просьбы о помощи, излагавшиеся в петициях, направленных в Лондон в мае 1856 г., июне 1857 г., январе 1858 г. черкесской знатью. Все это не мешало британским властям тайно поощрять турецких и других авантюристов — организаторов и участников диверсий против России.

Сведения о намечавшейся высадке английского легиона обеспокоили царские власти в Черкесии. По мнению атамана Черноморского казачьего войска генерала Филипсона, успешный десант создавал значительные военные и политические затруднения для России. Появление европейских авантюристов грозило примирить враждовавшие партии — Сефер-бея и Мухамеда Эмина и приостановить начавшийся процесс нормализации отношений России с шапсугами и натухайцами.

В случае, если бы противник располагал артиллерией, Филипсон даже опасался за судьбу Анапы и Екатеринодара и предлагал систему мероприятий по укреплению обороноспособности российских войск. Он не исключал открытой английской интервенции на Кавказе[11]. На подобные подозрения наводило не только участие Англии в организации подрывных акций против России, но и присутствие (после заключения мира!) британского флота в Черном море. «Снабжение горцев оружием и всеми военными средствами, доступными только современной европейской образованности, приняло вид системы, в которой главными двигателями являются *не частные лица* (курсив наш.— *авт.*), не могущие найти в этом торговых выгод»,— писал Филипсон. Его озабоченность полностью разделял наместник Кавказа князь А. И. Барятинский[12]. Они ратовали за восстановление блокады побережья Кавказа и учреждение крейсерства вдоль него, чтобы воспрепятствовать постоянному притоку сюда оружия и авантюристов. Однако устанавливать блокаду имело право государство, способное фактически обеспечить ее с помощью военного флота. Между тем Парижский договор разрешал России держать на Черном море 6 малых корветов, из которых только половину можно было отрядить для сторожевой службы.

Несмотря на трудности, крейсерство, хотя и недостаточно эффективное, возобновилось. Из опыта прошлого было известно: одной блокадой, тем более плохо организованной, можно добиться немногого, разве что ограничения торговли горцев с Турцией и стеснения некоторых обычаев, вроде паломничества в Мекку на поклонение.

Блокада, задуманная как средство умиротворения края, вызывала только раздражение черкесов, усиливала их недоверие к России, давала повод к антирусским инсинуациям англичан и

[10] АВПР, ф. Канцелярия, д. 41, 1857 г., л. 20—21; КС, 1887, т. XI, с. 587—588; Hoffmann J. Op. cit., S. 229.
[11] АКАК, т. XII, с. 712—715.
[12] Там же, с. 717—718, 732.

турок. Затраты на нее не оправдывались, ибо ее не подкрепляли политические акции, которые в августе 1857 г. обсуждали Филипсон с начальником штаба Кавказского корпуса Д. Милютиным. Филипсон полагал целесообразным поставить горцев перед необходимостью покупать нужные им товары у русских купцов. Привыкнув связывать проблему удовлетворения жизненных потребностей исключительно с Россией и убедившись в ее готовности торговать с ними, горцы станут постепенно отходить от военных занятий. Фактически Филипсон выступал за возобновление практики 30-х гг., продолжавшейся недолго. Он также считал излишними и бесполезными ущемления таких традиций, как выезд мусульман в Мекку и работорговля [13].

Примерно те же соображения высказывал русский консул в Трапезунде Машнин. Для пресечения военной контрабанды он предлагал «монополизировать» с помощью судов «Русского общества пароходства и торговли» транспортировку товаров из Турции в Черкесию и обратно. Это новшество, согласно рассуждениям Машнина, принесет экономические выгоды, прекращение незаконного провоза оружия, пробудит доверие горцев к России, ибо «торговля всегда была и будет лучшей дорогой к сближению, а на Востоке она, кроме того, имеет чисто политическое значение» [14].

Неясность и противоречивость формулировок Парижского трактата, касавшихся Кавказа, ставили российскую администрацию в этом районе в двусмысленное положение. Одновременно с официальным признанием суверенитета России обеспечивались широкие возможности нарушения его [15].

После 1856 г. резко возросло значение Кавказа как рынка для английских, турецких и австрийских товаров [16]. В июле 1856 г. британский посол в России Воудхаус попросил Горчакова дать разъяснения относительно условий торговли на восточном побережье Черного моря, подчеркнув значение этого района с точки зрения экономических интересов Англии [17]. В 1857 г. уркартовский орган «The Free Press» писал, что отказ от права торговли с Черкесией обходится Англии в 100 тыс. фунтов стерлингов в год [18]. Горчаков доказывал невозможность мирной торговли иностранцев с черкесами, потому что предметом ввоза было преимущественно оружие. Позже, в связи с делом «Кенгуру», канцлер России откровенно заявил Англии о причастности британских подданных к контрабандным рейсам на Кавказ [19].

---

[13] Там же, с. 729, 741, 748—750.
[14] Шамиль — ставленник.., с. 478—479.
[15] Hoffmann J. Op. cit., S. 231.
[16] Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w politice Europejskiej w latach 1831—1864. Warszawa, 1934, s. 171.
[17] АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, 1857 г., л. 370.
[18] Красный архив, 1940, т. 5 (102), с. 190.
[19] АВПР, ф. Канцелярия, д. 104, 1857 г., л. 279—280; Hoffmann J. Op. cit., S. 232.

7 октября 1857 г. Петербург поставил в известность другие страны о введении на кавказском побережье новых таможенных правил, которые разрешали иностранным судам посещение лишь Анапы, Сухум-кале и Редут-кале, имевших соответствующие таможенно-административные учреждения. Сообщалось также, что впоследствии, если позволят обстоятельства, правительство России откроет для свободной торговли другие места побережья, но не раньше, чем там будет надлежащим образом организована таможенная служба[20]. Подобные меры, дозволенные любому государству, не нарушали Парижский трактат. Они были приняты по настойчивым ходатайствам А. И. Барятинского, выступавшего за учреждение блокады или за ужесточение нововведенных постановлений (расширения зоны действий сторожевых крейсеров, предоставление их капитанам почти неограниченных полномочий и т. д.). Горчаков, опасаясь поссорить Россию с Европой, категорически возражал против этих акций, вообще избегая слова «блокада». Он указывал на неправомерность его употребления, когда речь шла не о состоянии войны между двумя странами, а о внутренних проблемах России. Именно так представлял он себе и своим зарубежным коллегам события в Черкесии. По инициативе канцлера максимально ограничивалась сфера пограничного надзора для русских кораблей, предписывалось задерживать и обыскивать подозрительные суда только в исключительных случаях.

Помимо прямого доказательства законности решения России — его соответствия букве международных юридических норм, имеется и косвенное — отсутствие протестов Франции и Пруссии, воспринявших новые таможенные меры как вполне естественные. Сравнительно спокойно вела себя и Англия. Только Австрия посчитала действия России нарушением Парижского договора и пыталась навязать свое мнение Европе. Придирки Буоля преследовали прежнюю цель: он продолжал искать способ восстановить против России западные державы, добиться сближения Вены с Лондоном и Парижем, закрепить сложившуюся после Крымской войны европейскую расстановку сил. 8 ноября 1857 г. Буоль разослал правительствам Англии, Франции и Пруссии циркуляр, в котором обращал внимание на несовместимость действий России с принятыми ею обязательствами[21].

Берлин, пока еще равнодушный к восточным проблемам, ответил лишь вежливым сочувствием. Более того, министр-президент фон Мантейфель «наивно» заметил австрийскому послу барону Коллеру, что, по его мнению, трех оставленных открытыми портов на Кавказе вполне достаточно для торговых нужд. Не была неожиданной и реакция Валевского, расценившего действия России как юридически неоспоримые. Он не только не видел оснований для протеста, но даже называл дозволение иностранным

---

[20] АКАК, т. XII, с. 500.
[21] АВПР, ф. Канцелярия, д. 180, 1857 г., л. 248—250.

судам заходить в Анапу, Сухум-кале и Редут-кале уступкой, свидетельствовавшей о доброй воле российского правительства.

Кларендона также не удалось склонить к сотрудничеству с Австрией против России. С одной стороны, он считал запретительные меры противоречащими духу Парижского договора и обещаниям русских дипломатов, но, с другой стороны, подчеркивал, что трудно оспаривать суверенитет России на черкесском побережье, как и вытекающие из него «права учреждать там нечто похожее на блокаду»[22]. На Кларендона умиротворяюще подействовали пояснения российского посланника в Лондоне Хрептовича, указывавшего на временный характер ограничений, введенных в связи с нехваткой средств таможенного контроля. Поэтому британская нота от 17 ноября 1857 г., переданная через Воудхауса в Петербург, оказалась более умеренной по тону, чем можно было ожидать.

Одну из главных причин относительной терпимости англичан следует искать в дипломатическом искусстве Горчакова. Методично создавая атмосферу, неблагоприятную для коллективного выступления западных стран против России, он терпеливо ждал удобного момента, чтобы безболезненно ввести и объявить новые правила торговли в Черкесии и при этом успешно защититься от возможных протестов. События ускорил один опрометчивый демарш Кларендона. В сентябре 1857 г. в Лондон поступили сведения о строительстве на верфях России пароходов, количество и тоннаж которых превышали дозволенные нормы[23]. Госсекретарь сам потребовал объяснений у Горчакова и рекомендовал великому визирю Турции сделать то же самое. Как выяснилось, эти корабли предназначались для Балтийского моря, в то время как черноморский флот строго соответствовал предписаниям 1856 г. Русский министр, глубоко задетый английским запросом, выразил Воудхаусу чувство досады по поводу незаслуженных обвинений в адрес России, не дававшей повода сомневаться в ее честности. Кларендон удовлетворился ответом. Видя непрочность крымской коалиции, он опасался разрыва с Россией. Горчаков также проявлял осторожность с Англией. Такой тактики требовала его главная задача — расстроить «европейский концерт», не допустить его согласованных действий против России. Политика Горчакова в отношении к каждой из западных держав была избирательной. Если перед британской дипломатией он принимал оскорбленную позу и подчеркивал готовность России к сближению, то с Австрией и Турцией он говорил жестким языком. Чтобы урезонить Вену, он пугал ее русско-английским примирением, а с султаном почти не считался.

Отсутствие единства между предполагаемыми противниками новых правил торговли в Черкесии позволило России придать этим правилам законную силу. Расчет Горчакова оказался точ-

---

[22] Цит. по: Hoffmann J. Op. cit., S. 234—235.
[23] АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, 1857 г., л. 370—372.

ным. Кларендон, однажды поспешно поднявший ложную тревогу, но успокоенный тем, что принципы нейтрализации не нарушены, не испытывал теперь желания очередным протестом вызвать раздражение русского канцлера. Не рискуя провоцировать ссору с ним, английский госсекретарь решил отложить обсуждение щекотливой темы. Горчаков добился своей цели: Буолю не удалось заключить союза с Англией. Грозившая Австрии изоляция, которую она готовила для России, заставила ее резко переменить позицию в черкесском вопросе и на этой основе искать нормализации отношений с Петербургом. В декабре 1857 г., Буоль, принимая в Вене российского посла Будберга, высказал ему глубокое сожаление по поводу ошибочного истолкования Россией австрийского циркуляра от 8 ноября 1857 г. Согласно разъяснениям Буоля, этот документ, послуживший причиной досадного недоразумения, носил лишь информационный характер и вовсе не был попыткой ущемить права суверенного государства [24].

Фактически Буоль приносил извинения за провалившийся демарш и обещал впредь не вмешиваться в кавказские дела. Своего представителя в Петербурге графа Эстергази он наставлял объясниться в таком же миротворческом духе с Горчаковым. После красноречивых уговоров дипломата министр согласился считать инцидент исчерпанным [25]. Ловко парализовав враждебные потуги Буоля, вынудив его домогаться примирения с правительством России, Горчаков получил определенную гарантию, что Австрия если не полностью потеряет охоту муссировать черкесский вопрос, то хотя бы не станет делать это открыто.

Иностранный легион провел в Черкесии 3 года, создав здесь для России, стремившейся к примирению с горцами, немало препятствий. Легиону Лапинского удалось продержаться тут так долго с помощью регулярного снабжения со стороны моря [26].

Весной 1857 г. при содействии Ливерпульского и Бирмингемского тайных обществ «помощи горцам» в Англии было закуплено оружие и для перевозки груза английский корабль «Африканец», который отбыл в Турцию в конце мая.

Об этой акции османским властям сообщил русский посланник в Константинополе, настоятельно предложив усилить бдительность и не допустить повторения «оплошности» с «Кенгуру» и «Асланом». Дабы лишить турецких чиновников повода перекладывать вину на других, он дал понять, что вся ответственность ложится на министров султана. Визирь обязался обезвредить «Аф-

---

[24] АВПР, ф. Канцелярия, д. 180, 1857 г., л. 304, 307.

[25] Hoffmann J. Op. cit., S. 236—242.

[26] АКАК, т. XII, с. 730—731. Подробно о деятельности Лапинского см.: Покровский М. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. — Кубань, 1953, № 13, с. 223—241; Касумов А. Х. Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны (1853—1856 гг.). — Ученые записки Кабардино-Балкарского университета, 1959, вып. 5, с. 261—289. Имеются довольно тенденциозные воспоминания самого Лапинского (Lapinski T. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, Bd. 1—2. Hamburg, 1863).

риканца», лишь только он появится в константинопольском порту. Правительство России снабдило соответствующими инструкциями своих представителей на Анатолийском побережье. По прибытии судна в Галату оно было арестовано турецкими таможенниками, а его содержимое конфисковали в присутствии российского консула [27]. Однако далеко не всегда удавалось не допустить провоза контрабанды. В течение только 1858 г. Черкесии достигли 800 турецких баркасов с разными товарами, включая порох и оружие. Сюда прибыло много иностранцев. 4 тыс. горцев побывали в Турции и вернулись на родину [28]. Правда, в следующем году сбылся прогноз Машнина: число судов с незаконным грузом, отправленных из Трапезунда на западнокавказское побережье, сократилось до 198 [29]. Все это — следствие не только возросшей конкурентоспособности «Русского общества пароходства и торговли», но и упавшего спроса на военную продукцию в связи с усилением прорусской ориентации среди черкесов.

В декабре 1857 г. черкесские феодалы во главе с Сефер-беем обратились к западным правительствам с предложением учредить на Кавказе их торговые консульства, с помощью которых знать надеялась связать свои интересы с европейскими державами и постепенно добиться если не полной независимости от России, то хотя бы самоуправления. Еще надеясь сохранить «крымское согласие» и укрепить на основе союза с Лондоном и Парижем влияние Австрии на международные дела, Буоль, вопреки данным Горчакову обещаниям, вновь вызвался ходатайствовать перед Англией и Францией об установлении совместной опеки над кавказскими народами. И на сей раз его демарши не имели успеха [30].

Однако Кларендон, отклонив австрийские заискивания, все же решил не упускать случая поднять вопрос о торговле в Черкесии. Приезд горцев в Константинополь совпал с инцидентом с австрийским купцом Браггиотти, тесно связанным с британской торговой фирмой «Натан Морис». После объявления Россией новых таможенных постановлений российские консульства в Турции отказались дать Браггиотти разрешение на плавание зафрахтованных им судов на побережье Кавказа, где он заключил крупные сделки. Попытки Буоля оказать содействие купцу натолкнулись на твердую позицию Горчакова. «Проблема Браггиотти», затрагивавшая суверенные права России, имела принципиальный характер. Если бы речь шла о предоставлении иностранному предпринимателю возможности довести до конца его коммерческие операции, Петербург с легкостью мог бы сделать такое исключение. Однако Австрия хотела проверить, насколько велика решимость России защищать новые торговые правила и как далеко простирается ее уступчивость. С этой же целью, а также с наме-

[27] КС, 1887, т. XI, с. 595; АКАК, т. XII, с. 732; Hoffmann J. Op. cit., S. 229—230.
[28] Шамиль — ставленник.., с. 475—476, 477.
[29] АКАК, т. XII, с. 576.
[30] Hoffmann J. Op. cit., S. 225—226.

рением опротестовать законность ограничительных мер вмешался в спор и Кларендон, воспользовавшись обращением Браггиотти к правительству Англии с просьбой заступиться за него. Госсекретарь дождался удобного повода для возобновления дискуссии о фритредерстве.

Кларендон категорически потребовал удовлетворения ходатайства Браггиотти. Догадываясь о замыслах англичан, Горчаков отказал. Теперь уже, когда обстоятельства осложнились, он не мог поступить иначе. Всякое послабление, кроме прочего, наносило серьезный ущерб престижу России. Британское правительство квалифицировало закрытие побережья Кавказа как самоуправство, грубо противоречащее 12-й статье Парижского договора — о свободе торговли. По его мнению, причина, которой Россия оправдывала подобную меру — отсутствие на побережье, за исключением Анапы, Сухум-кале и Редут-кале, таможенно-карантинных постов, — была несостоятельной. Воудхауса уполномочили передать Горчакову, что Россия не имеет права откладывать выполнение международных обязательств и заставлять западные страны ждать, пока она создаст на Кавказе таможенные учреждения.

В самом начале 1858 г. британский госсекретарь достиг договоренности с Валевским о включении вопроса о нарушении Россией на Кавказе принципов фритредерства в повестку дня предстоявшей в Париже конференции по дунайской проблеме[31]. Вмешательство Кларендона обеспокоило министра России, избегавшего конфликта с Англией, крайне нежелательного в условиях, когда он, как предполагал Горчаков, мог способствовать возрождению «крымской коалиции» или хотя бы образованию союза Лондона и Вены. В январе 1858 г., по указанию свыше, Барятинский строго предупредил власти в прибрежной Черкесии не давать англичанам и австрийцам ни малейшего повода для жалоб[32].

Кларендон, убедившись в бесполезности тактики дипломатического давления и не видевший смысла в том, чтобы всерьез обострять из-за Черкесии русско-английские отношения, предложил компромисс. 14 января 1858 г. госсекретарь распорядился оповестить всех британских торговцев и судовладельцев о новых таможенных порядках на побережье Кавказа, тем самым фактически признавая их. Теперь Кларендон ставил вопрос не о законности ограничительных мер вообще, а лишь об их масштабах. С его точки зрения, европейские коммерческие интересы требовали открытия для иностранных товаров еще нескольких портов на Кавказе, например Геленджика, Туапсе и Сочи.

Поскольку англичане не касались пока своей традиционной темы о политическом статусе Черкесии, министр России согласился на некоторые уступки. В середине 1857 г. он справлялся у Ба-

[31] АВПР, ф. Канцелярия, д. 41, 1857 г., л. 284—285; Hoffmann J. Op. cit., S. 243—244, 247.

[32] См.: Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 2. Спб., 1890, с. 200.

рятинского о возможности допускать заграничные изделия еще и в Поти. Кавказский наместник, сторонник жестких таможенных мер вплоть до блокады, выступал за упразднение порта Анапы и ограничение плавания иностранных судов пространством от Сухумкале до поста св. Николая. Тем не менее он дал распоряжение подготовить Поти для приема импортных грузов. О таком послаблении ходатайствовал, наряду с Горчаковым, Кавказский комитет[33].

В письме к Барятинскому канцлер мотивировал эту уступку дипломатическими соображениями[34]. Уже в январе 1858 г. Горчаков объявил западным державам о предстоящем открытии нового порта в знак доброй воли правительства России. Незадолго до этого в разговоре с Воудхаусом он выразил готовность устранить расхождение между Россией и Англией. Горчаков призвал Лондонское правительство подняться выше мелочных ссор, недостойных великих государств[35].

Хотя эти инициативы в какой-то степени успокоили Кларендона и ослабили его активность, он не отказался от стремления вовлечь европейские страны в обсуждение проблемы фритредерства в восточной части Черного моря. Шансы приобрести сочувствие у Франции были почти мизерными[36]. Не поддержала Лондон и Австрия[37].

В феврале 1858 г. к власти в Англии пришел консервативный кабинет Дерби. Кларендона сменил Мальмсбери, еще в период Парижского конгресса резко критиковавший Пальмерстона за его «недальновидную» политику на Кавказе и упущенные возможности отторгнуть этот район от России[38]. Мальмсбери взял курс на углубление англо-русских разногласий по проблемам, связанным не только с фритредерством, но и с положением Черкесии вообще. Продолжая инициативу Кларендона, он добился у Франции и Австрии формального согласия выяснить на конференции в Париже по дунайскому вопросу, насколько запретительные меры, применявшиеся Россией на Кавказском побережье, совместимы с 11-й и 12-й статьями Парижского договора 1856 г. Британская пресса с похвалой отозвалась о «новом курсе» Мальмсбери[39].

Буоль втайне сочувствовал намерениям Мальмсбери и даже счел уместным поблагодарить его за решительные настроения. Планы Мальмсбери шли дальше простого обмена мнениями. Он вернулся к старой британской точке зрения, согласно которой

[33] АКАК, т. XII, с. 500—501, 506; Зиссерман А. Л. Указ. соч., т. 2, с. 155, 197, 203.

[34] АВПР, ф. Канцелярия, д. 32, 1858 г., л. 62; Зиссерман А. Л. Указ. соч., т. 2, с. 203.

[35] Hoffmann J. Op. cit., p. 246.

[36] АВПР, ф. Канцелярия, д. 95, 1858 г., л. 275.

[37] Hoffmann J. Op. cit., S. 247—249.

[38] Hansard's.., v. 141. London, 1856, p. 32; Hansard's.., v. 142. London, 1856, p. 312; Tyrell H. The History of the War with Russia, v. 3. London—New York, s. d., p. 222.

[39] The Quarterly Review, 1864, v. 116, No. 231, p. 109.

Россия владела Черкесией незаконно. В июле 1858 г. у госсекретаря появилась возможность спровоцировать дискуссию на эту тему. Предлог к ней, впрочем, был весьма безосновательный. Английский коммерсант из Константинополя запросил свое правительство, разрешено ли провозить неконтрабандные товары к черкесам. Хотя Мальмсбери мог не утруждаться ответом, а с полным правом сослаться на четко изложенный указ России от 7 октября 1857 г. или на не менее ясное английское оповещение от 14 января 1858 г., он предпочел переадресовать просьбу российскому послу в Лондоне Бруннову и потребовать аргументированных объяснений [40].

Полемика между Бруннovым и британским министром затянулась до конца 1858 г. Мальмсбери доказывал, что, поскольку Англия не участвовала в подписании Адрианопольского договора, она не считает себя обязанной соблюдать его условия. Он обращал внимание на содержание 4-й статьи этого документа, где речь шла о передаче России не всей Черкесии, а лишь побережья от устья Кубани до поста св. Николая. Он доказывал также юридическую необоснованность такой уступки, ибо Турция не имела права отдавать России то, чем она никогда не владела. По его мнению, Турции в 1829 г. принадлежало несколько крепостей на Кавказе, которые Англия согласна теперь признать за Россией. Остальное побережье (включая абхазское), как и внутреннюю Черкесию, Англия считает независимой территорией, населенной независимыми народами. В духе именно таких рассуждений толковал он 30-ю статью Парижского трактата, провозгласившую довоенный status quo в Азии [41]. Заявления Мальмсбери заметно расходились, если не с позицией Кларендона, то по крайней мере с его реальным образом действий в отношении к горцам после Крымской войны. Сам отказ Англии в этот период от открытой помощи черкесам свидетельствовал о косвенном признании ею Западного Кавказа неотъемлемой частью России, а жителей края — российскими подданными.

Бруннов нащупал уязвимость аргументов Мальмсбери и искусно их опроверг. Он указал на явную противоречивость и непоследовательность в поведении английской стороны, по сути протестовавшей против Парижского трактата, в разработке и подписании которого она принимала участие. Учитывая повышенную заинтересованность Англии в целостности Турции, Бруннов нашел, пожалуй, самый внушительный в глазах англичан довод. В результате русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Россия получила восточное черноморское побережье в обмен на занятые российской армией Ахалцыхский пашалык, Карс, Эрзерум и Баязет. Напомнив о победах России, посол поставил вопрос так: настаивая по существу на пересмотре Адрианопольского мира, не находит ли Мальмсбери логичным со стороны России потребовать при

[40] Widerszal L. Op. cit., p. 172.
[41] АВПР, ф. Канцелярия, д. 97, 1858 г., л. 153—161, 197—198.

возвращении кавказских земель султану соответствующей компенсации за счет турецкой территории? Бруннов подчеркнул также, что ни одно государство, кроме Англии, не оспаривает права России на Черкесию и как следствие ее — ограничительные таможенные правила. Посол России счел нужным обратить особое внимание Мальмсбери на нежелание Петербурга причинять ущерб утвержденным в Париже принципам свободной торговли, и в доказательство этого к трем портам (Анапе, Сухум-кале и Редут-кале), открытым для иностранных судов до Крымской войны, были добавлены летом 1858 г. еще и Поти, и пост св. Николая. Этого, бесспорно, хватало вполне для удовлетворения коммерческих нужд Европы. И наконец, в ответ на странные попытки госсекретаря мотивировать свое непризнание Адрианопольского трактата, в том числе и отсутствием при его подписании британских представителей, Бруннов с иронией заметил, что Англия, захватывая чужие народы, всегда предпочитала не обременять себя мнением третьей державы и легко обходилась без чьего-либо согласия [42].

Бескомпромиссный тон посла России заставил Мальмсбери смириться с мыслью о бесплодности дипломатических споров, а конфликтовать с Россией из-за Черкесии он не решался. Хотя госсекретарь не отказался от своих взглядов, все же спор с Бруннovым он закончил обещанием не вмешиваться в борьбу России с горцами [43].

В знак готовности улаживать разногласия мирным путем Россия заключила с Англией в начале 1858 г. торговый договор; почти одновременно она разрешила Англии учредить консульства в Сухум-кале и Редут-кале. Таким образом, коммерческая деятельность англичан на Кавказе, конечно в рамках, допустимых российскими таможенно-карантинными порядками, получила законные основания.

Англия, как и раньше, использовала Турцию в качестве ширмы. Весной 1859 г. турецкий офицер Омер-бей, адъютант сераскира (военного министра) Риза-паши, побывал у убыхов и абадзехов. Он привез к ним послание своего шефа, обещавшего поддерживать их против России, и распространял слух, будто Парижским договором признаны независимость Черкесии и право свободной торговли ее с другими странами [44]. Омер-бей провел переговоры с членами Великого совета (или Черкесского меджлиса), а также с Мухамедом Эмином. В подписанной ими петиции на имя Риза-паши, которую Омер-бей увез в Турцию, они выражали благодарность за помощь и подтверждали решимость не прекращать борьбу с Россией.

Российский посол в Константинополе Лобанов-Ростовский, преемник Бутенева, обратил на данные факты внимание правитель-

---

[42] АВПР, ф. Канцелярия, д. 97, 1858 г., л. 184—185, 210—211, 242; Hoffmann J. Op. cit., S. 248—253.

[43] АВПР, ф. Канцелярия, д. 47, 1858 г., л. 193—194, 198—199, 239—240, 243.

[44] Шамиль — ставленник.., с. 477.

ства Турции. В ответ оно, как обычно, изображая удивление, уверяло, что чуждо подобных интриг[45].

25 августа 1859 г. Шамиль сдался российской армии. Историк Р. А. Фадеев сравнил значение этого события с присоединением в XVI в. к России Казанского и Астраханского ханств[46]. Новость о прекращении войны на Восточном Кавказе в Европе восприняли с тревогой. Граф Аппоньи, австрийский посол в Лондоне, отозвался на нее кратким резюме: «Отныне широкая дорога в Азию для русских открыта»[47]. Также прокомментировала прекращение войны горцев и британская пресса.

С начала 60-х гг. XIX в. британское правительство проводит свою кавказскую политику почти полностью с помощью эмигрантов. Под эгидой Уркарта по всей Англии учреждаются «Комитеты иностранных дел» (первый появился в начале 1854 г.), призванные научить общественное мнение страны критически оценивать внешнюю политику сквозь призму экстремистских взглядов[48].

В 1861 г. при посредничестве В. Иордана (во время Крымской войны он оказывал содействие миссии Лонгуорта)[49] горцы обратились к королеве Виктории и Наполеону III с петициями о помощи. Инструктируемый из Лондона, Иордан в Константинополе занялся подготовкой новой экспедиции на Кавказ.

Два члена черкесского меджлиса, прибывшие в Константинополь в составе горской делегации просить султана о материальной поддержке их борьбы, были переправлены в Лондон, где они сразу же попали под опеку Уркарта. Гостей возили по крупным промышленным центрам страны, устраивали выступления на многолюдных митингах и встречи с влиятельными политическими деятелями. Появление в Англии горских представителей вызвало нечто похожее на сенсацию. Газеты охотно помещали пространные материалы о них. Был учрежден Черкесский комитет под председательством адвоката-радикала Э. Билса, известного своими антирусскими взглядами[50]. В атмосфере, насыщенной русофобскими идеями, рождается план повторить рейс «Виксена». Уркарт и К° намеревались отправить черкесских депутатов из Константинополя домой на британском корабле, надеясь либо доказать право свободного плавания иностранных судов в Черном море, либо поставить русско-английские отношения на грань столкновения. Отказ от войны с Россией, равнозначный национальному унижению, позволил бы радикалам дискредитировать и свергнуть кабинет Пальмерстона. Уркартисты считали междуна-

---

[45] АКАК, т. XII, с. 806—809.

[46] Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Собрание сочинений. Т. I, ч. 1. Спб., 1889, с. 241.

[47] Hoffmann J. Op. cit., S. 258.

[48] Brock P. The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy. — The English Historical Review, 1956, v. 71. No. 280, p. 407—408.

[49] КС, 1887, т. XI, с. 606—607.

[50] Brock P. Op. cit., p. 410.

родную обстановку в начале 60-х гг. более подходящей для нового «Виксена», чем в 30-е гг.

Поначалу британское правительство отнеслось к этому прожекту уклончиво. Оспаривая российскую интерпретацию 12-й статьи Парижского трактата, касавшейся условий торговли в Черном море, Лондон вместе с тем вынужден был подчиняться другим обязательствам, принятым по тому же документу. Англия не могла и не собиралась решать с Россией спорные проблемы войной. Даже возросшие после 1856 г. экономические интересы Англии на Ближнем Востоке не толкнули ее на крайние меры. 3/4 товаров, привезенных в течение 1859 г. в Трапезунд — торговые ворота Ближнего Востока, — носили английские ярлыки. Подавляющая часть их предназначалась для Ирана и Грузии. Однако коммерческие перевозки между Трапезундом и Кавказом постепенно переходили под контроль молодого, но быстро утверждающегося «Русского общества пароходства и торговли»[51].

Радикалы пытались заставить правительство громогласно заявить о незаконности блокады черкесского побережья и тем самым косвенно дать согласие на опасную затею. На кабинет оказывали давление пресса и прямая переписка с ним. Более полугода между Черкесским комитетом, представлявшим многочисленную «партию» уркартистов, и Форин-оффис велась переписка. Хаджи Хасан и Кустар-оглы Исмаил также просили английскую королеву вмешаться в кавказский вопрос. В ответ министр иностранных дел Д. Расселл изложил точку зрения своего ведомства, весьма противоречивую, ибо, с одной стороны, госсекретарь отвергал права России на Черкесию, а с другой — признавал, что Англия не желает осложнять отношения с Россией и тому, кто попытается это сделать, придется самому расплачиваться за свои поступки[52]. Это мнение идет вразрез с его точкой зрения, высказанной в парламенте 21 июня 1838 г. Тогда Расселл считал 4-ю статью Адрианопольского договора юридически обоснованной[53].

Неопределенность ответа Расселла отражала его вполне определенную позицию. Он возражал не против соблазнительного проекта с новым «Виксеном», а против открытого участия в нем британского правительства, которому в случае ареста судна предстояло либо уйти в отставку, либо объявить России войну. Расселл не возбранял затеи, а лишь предупреждал Черкесский комитет, чтобы на заступничество официального Лондона он не рассчитывал. Туманные объяснения Расселла больше поощряли, чем предотвращали, авантюру. Уркартисты истолковывали их как намек на отсутствие препятствий к осуществлению экспедиции[54].

И все же в вопросах, касавшихся Кавказа, Лондон стал смелее. В феврале 1863 г. вернувшийся из Англии в Турцию Хаджи

---

[51] АКАК, т. XII, с. 572—575.

[52] АВПР, ф. Канцелярия, д. 73, 1862 г., л. 65.

[53] Quandour M. I. Muridism: A Study of the Caucasian Wars of Independence 1810—1859 (Ph. D. Diss.).Claremont, 1964, p. 197—199.

[54] Brock P. Op. cit., p. 411—412; Quandour M. I. Op. cit., p. 170—173.

Хасан беседовал с британским послом Булвером (близким другом Пальмерстона) и его секретарем, которые, как обнаружилось, одобряли замышляемое уркартистами предприятие. Обнадеживающие суждения высказали великий визирь, министр иностранных дел и министр обороны Турции. В Константинополе и Лондоне развернулись кампании по сбору денег для авантюры. Координацию осуществлял последователь Уркарта майор Ролланд[55]. Предполагалось отправить на британском корабле на Кавказ не только черкесских депутатов, но и груз оружия с тем, чтобы вызвать Россию на конфликт. Не исключался еще один, самый «надежный», способ спровоцировать столкновение: послать к горцам военный пароход под черкесским флагом в знак демонстрации черкесской независимости[56]. В Ньюкасле для провокационного вояжа была куплена шхуна «Чезапик». Общие расходы на операцию составили 125 тыс. франков. Но снаряжение экспедиции затруднялось противоречиями среди русофобов. Пытаясь уладить разногласия, Уркарт командировал в Турцию майора Пура. Однако этот агент не смог распутать клубок возникших вокруг «Чезапика» больших и малых заговоров, без которых на Востоке не обходилась ни одна политическая акция. Все же в июле 1863 г. на совещании в Константинополе удалось выработать решение: послать на Кавказ, кроме черкесских делегатов и оружия, также наблюдателей для формирования у горцев правительства и преодоления среди них внутренних усобиц.

К концу лета 1863 г. «Чезапик», груженный оружием, достиг Константинополя. Вдобавок к имеющемуся на судне военному снаряжению (по русским данным, оно состояло из 5 пушек и 60 ящиков пороха)[57] и обмундированию для 150 человек на борт был принят небольшой отряд — 18 человек разных национальностей. Подготовительную суету вокруг «Чезапика» никто не скрывал, но правительство Турции предпочитало не замечать ее.

Российские власти на Кавказе, предупрежденные о визите судна, усилили морской патруль вдоль восточного берега Черного моря. 5 сентября «Чезапик» сделал остановку в Трапезунде, где находился склад пороха. Российский консул в Трапезунде Машнин обратился к своему британскому коллеге Стивенсу с просьбой помешать контрабандному рейсу, «одинаково вредному для интересов как Англии, так и России».

Стивенс раздраженно заявил, что ему неизвестно, является ли судно английским, а в его консульские функции не входит осуществление таможенного контроля в пользу России[58]. Однако, узнав о появлении вблизи Батума двух корветов России для перехвата «Чезапика», Стивенс встретился с капитаном корабля Кемпбеллом и убедил его не рисковать. Очевидно, по совету дипломата, в заливе Ковата, в 5 милях восточнее Трапезунда, воен-

[55] Brock P. Op. cit., p. 413—414.
[56] Widerszal L. Op. cit., p. 197—198.
[57] Шамиль — ставленник.., с. 493.
[58] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 4505, л. 7.

ная контрабанда с «Чезапика» была перегружена на турецкий баркас, препровожденный затем на буксире в направлении кавказской границы. Недалеко от нее суда расстались: баркас взял курс на Черкесию, британская шхуна — на Константинополь[59]. Поведение Стивенса одобрил Булвер, высказавший в письме к Расселлу твердое убеждение в том, что большая война на Кавказе заставит вмешаться и турок и приведет к независимости Черкесии. Госсекретарь признал верной тактику своих подчиненных в столь щекотливом деле, но вместе с тем советовал им действовать «крайне осторожно и благоразумно»[60].

Машнина, пытавшегося убедить турок конфисковать оружие, находившееся на «Чезапике», постигла вторая неудача. Одним словом, многое предрасполагало к тому, чтобы экспедиция состоялась. Даже Франция, традиционно равнодушная к кавказским делам, обратила в некоторой мере внимание на них[61]. Наполеон III выдвинул идею образования независимой Польши, включая Галицию, уступка которой будет для Австрии компенсирована частью турецких владений в Европе, а Турция в обмен на свои потери получит Черкесию[62]. Этот план оказался нереальным из-за противодействия Англии, Пруссии и Австрии.

Французский консул в Трапезунде, разумеется, с санкции своего посольства в Константинополе, не говоря уже о британских дипломатических представителях в Турции и султанской администрации, благословил операцию «Чезапик»[63]. В одном из донесений А. М. Горчакову посол Новиков высказывает подозрение, что французский посол в Турции принимал «непосредственное участие» в вербовке людей для экспедиции в Черкесию[64].

В середине сентября 1863 г., беспрепятственно миновав пограничные воды России, турецкий баркас с грузом, взятым с английского судна, причалил к черкесскому берегу в местечке Вардан. Деморализованных убыхов, ожидавших увидеть целую армию, горько разочаровал малочисленный отряд. Наполеон III, видя безнадежность идеи создания самостоятельного государства близ границ России, постепенно остывал к кавказским делам. Его примеру последовали другие западные державы.

В таких условиях и Турция стала воздерживаться от недружелюбных шагов в отношении Петербурга[65]. На Западе пришли к выводу: продолжение провокаций на Кавказе не только не оправдано, но и невозможно; значительно сократились английские субсидии. Положение усугублялось болезнями, голодом, ску-

---

[59] Там же, л. 9.
[60] Brock P. Op. cit., p. 418—422.
[61] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, д. 4505, л. 20—22; Покровский М. Указ. соч., с. 238.
[62] Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878), т. 2. М., 1947, с. 241.
[63] Шамиль — ставленник.., с. 494.
[64] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 4505, л. 23.
[65] АВПР, ф. Канцелярия, д. 35, 1863 г., л. 343.

достью материальных и людских подкреплений из Турции[66]. Обострившиеся классовые противоречия обращали энергию горских племен не против России, а против местных феодалов. Народ устал от 30-летней войны. Убедившись в возможности жить рядом с русскими поселенцами на началах добрососедства, в преимуществах взаимовыгодной торговли и общения в других областях, в отсутствии у России намерения карать, простые черкесы стали тяготеть к миру. Да и часть знати, понесшая в ходе войны экономический урон, искала примирения с властями России, конечно, на условиях сохранения своих прежних привилегий[67].

Процесс размежевания социальных сил ускорялся продуманными мерами наместника Барятинского, осознавшего неэффективность и даже пагубность повсеместного, без учета конкретной обстановки, применения краеугольного принципа колониальной стратегии царизма — опоры на местную знать. Наместник нередко нарушал его, руководствуясь необходимостью найти пути примирения с горцами. Таким образом, он в определенной степени «обогатил» арсенал средств политики самодержавия на окраинах России.

В августе 1863 г. сложили оружие абадзехи, а 21 мая 1864 г. сдались шапсуги и убыхи. Так закончилась одна из драматических эпох в истории Кавказа. С этого времени он перестает быть фактором международной политики.

Полный крах британской экспансии на Кавказе наглядно свидетельствовал о прочности русско-кавказских связей, об исторической обреченности попыток расторгнуть их.

* * *

К 1864 г. Лондон вынужден был признать поражение своей многолетней политики в Черкесии и отказаться от ее продолжения. Теперь Англия лишилась всякого повода к вмешательству во внутренние дела России. Потерпев неудачу на Кавказе, Лондон стремится вовлечь в сферу своей колониальной экспансии новые регионы России. Британия активизируется в Средней Азии. Есть определенная закономерность в том, что после Кавказа объектом захватнических планов Англии становится Средняя Азия.

В этой смене проявились «логика» и стадийность британского натиска на Восток. В 30-х гг. XIX в. территория между Черным и Каспийским морями привлекала англичан еще и потому, что она служила плацдармом для продвижения в Среднюю Азию. Когда этот плацдарм оказался у России, Англия пыталась про-

---

[66] Brock P. Op cit., p. 423—425; Quandour M. I. Op. cit., p. 174—175; Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863—1864 гг. Из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927, с. 10, 35—36.

[67] Widerszal L. Op. cit., p. 215, 218.

никнуть в Среднюю Азию через Индию и Афганистан. Агрессивные устремления Великобритании вынуждают Петербург обратить внимание на земли, владение которыми позволило бы Англии обосноваться вблизи плохо укрепленных восточных рубежей России.

Кавказ и Средняя Азия стали последовательными звеньями во внешней политике России в немалой степени потому, что в аналогичном порядке они располагались в экспансионистской программе британского правительства.

Современные зарубежные историки обратили внимание на «соседство» Кавказа и Средней Азии во внешней политике России и Англии. Однако это явление получило различные толкования. В. Баумгарт, например, склонен расценивать проникновение Британии в указанные регионы как вынужденную меру, продиктованную интересами обороны Индии[68]. Английский ученый К. Бурн, напротив, считает действия царского правительства на Кавказе и в Средней Азии «непосредственным ответом» на активизацию политики Лондонского кабинета на юго-восточных подступах к России[69].

Для России присоединение Кавказа и Средней Азии во многом вызвано реакцией на неблагоприятную внешнюю обстановку. Относительно Кавказа во второй половине XVIII — первой половине XIX в. наметилась постоянная угроза поощряемых европейскими государствами шаха и султана, а применительно к Средней Азии 60—80-х гг. XIX в. заметна опасность утверждения здесь Англии. Политические мотивы не исключают значения Кавказа и Средней Азии как рынков сбыта и источников сырья. Давние связи между кавказскими, среднеазиатскими и российскими народами способствовали созданию единого государства.

---

[68] Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. München—Wien, 1972, S. 21.
[69] Bourne K. The foreign Policy of Victorian England 1830—1902. Oxford, 1970, p. 141.

РАЗДЕЛ III

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ XIX в.

История Средней Азии богата событиями. Ее территория была ареной борьбы многих местных племен. Через Среднюю Азию шли торговые пути в Индию, Афганистан, Иран. В середине XIV в. бухарские и хивинские купцы доходили до Нижнего Новгорода. Начало государственных отношений России со Средней Азией падает на XVI в.[1] В 1558 г. правительство Ивана IV направило в Хиву и Бухару англичанина А. Дженкинсона (московские купцы в те годы из-за опасности пути не рисковали отправляться в Среднюю Азию) с предложением наладить свободную торговлю Хивы и Бухары с Россией. В результате этой поездки из Бухары и Хивы были направлены ответные посольства, но регулярности отношений не было достигнуто. Петр I пытался нормализовать эти отношения, установить торговые связи не только со Средней Азией, но и с Ираном и Северной Индией. Однако русские посольства в Среднюю Азию нередко кончались трагически. Известен печальный исход экспедиции в Хиву в 1717 г. посольства Петра I — князя А. Бековича-Черкасского. Его отряд, разделенный ханом на мелкие группы, был полностью истреблен. Это событие на время прервало усилия правительства по знакомству со Средней Азией и Средним Востоком, но не ослабило интереса к Средней Азии.

Во внешней политике России XIX в. в среднеазиатском вопросе можно отметить три этапа: 1-й — с начала XIX в. до 40-х гг., 2-й — с 40-х до 60-х гг., 3-й — с 60-х до середины 80-х гг. XIX в. Для первого этапа характерны дипломатическая разведка, попытки экономического проникновения в Среднюю Азию без применения военной силы. Главное место в правительственных действиях этого времени отводилось популяризации русско-азиатской и, в частности, русско-среднеазиатской торговли (введение торговых преимуществ для среднеазиатских купцов, торговавших в России, и предоставление некоторых льгот для русского, преимущественно мелкого, купечества, снаряжение разведывательных экспедиций).

С конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в., по мере активизации действий Англии на Среднем Востоке и в Средней Азии, правительство России вносит существенные изменения в прежнюю так-

[1] См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915, с. 3.

тику и санкционирует военное выступление против Хивы. Официальной мотивацией похода были «непрекращающиеся грабежи хивинцев». Но многократно выдвигаемые оренбургским генерал-губернатором эти причины ранее отвергались правительством. В связи с обострением обстановки на Среднем Востоке, герагским кризисом и англо-афганской войной 1838—1840 гг. Петербург дает согласие на вооруженное выступление и планирует его на 1840 г. С 40-х гг. можно говорить о начале нового этапа в среднеазиатской политике России, который знаменуется более активными, чем прежде, действиями в этом регионе, а также отказом правительства от решения среднеазиатского вопроса только дипломатическими средствами. Как новый рубеж определяют 40-е гг. и официальные документы[2]. 40-ми гг. XIX в. датирует начало завоевания Туркестана Ф. Энгельс[3]. Это не означает, что с 40-х гг. Россия отказывается от дипломатических, мирных средств проникновения в Среднюю Азию. Поход на Хиву в 1839 г. показал авантюризм замысла оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского, неподготовленность России к широким военным операциям.

Крымская война отвлекла внимание царизма от Средней Азии. Вместе с тем она доказала, что самым опасным и серьезным противником России в Европе и Азии является Англия. Эпизодичность связей со Средней Азией, слабое знакомство с состоянием ханств, задачи по укреплению внутреннего положения страны, продолжавшаяся война на Кавказе заставили правительство после Крымской войны возвратиться к дипломатическим, научным и торгово-разведывательным экспедициям в Среднюю Азию. Обострение политической обстановки в Европе в начале 60-х гг. XIX в. в связи с польским восстанием, углубление англо-русских противоречий, потребности развивающегося в России капитализма обусловили переход царизма к планам военного наступления на Среднюю Азию.

К середине 80-х гг. XIX в. вся территория Средней Азии с разной степенью зависимости была присоединена к России.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И РОССИЯ

§ 1. Территория, население, экономика

Обширную территорию Средней Азии[1], занятую в значительной своей части пустынями, степями и горами, населяли народы,

[2] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г.

[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 45, примечание.

[1] В официальных документах МИД России в понятие «Средняя Азия» включались помимо среднеазиатских государств также Казахстан, Киргизия и туркменские племена. — См.: АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 266 об.

находившиеся на разных ступенях общественного развития. Казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки в начале XIX в. переживали стадию разложения родового строя и постепенного складывания феодальных отношений. Они вели по преимуществу кочевую жизнь скотоводов. Узбеки и таджики перешли к оседлости, занимались земледелием, ремеслом, торговлей. Среди них происходил процесс феодализации общества.

В начале XIX в. на территории Средней Азии существовали Бухарское, Кокандскос, Хивинское и Ташкентское государства. Но уже к 1810 г. Ташкентское ханство было завоевано Кокандом. Наиболее крупным государством было Бухарское в центре Средней Азии, в бассейне Зеравшана. Его население — узбеки, таджики, туркмены — доходило до 3 млн. человек. На северо-востоке от Бухарского ханства, по течению Сырдарьи, было расположено Кокандское ханство. Там жили: узбеки, таджики, киргизы, казахи — в общем до 1,5 млн. человек (вместе с Ташкентом). Наиболее плодородные земли ханства были в Ферганской долине. В Хивинском государстве, занимавшем дельту Амударьи (до XVI в. страна называлась Хорезмским царством), жили узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи; это население составляло около 800 тыс. человек. В экономическом и политическом отношении Бухарское и Кокандское ханства были сильнее Хивы. Для всех среднеазиатских государств была характерна внутренняя раздробленность, которая, в частности, проявлялась в самостоятельных действиях правителей отдельных районов. Эти правители ограничивали свою зависимость от хана лишь уплатой в казну определенной суммы и участием воинов провинции в походах хана. Среднеазиатские правители мало заботились об укреплении власти в государстве, их усилия прежде всего были направлены на расширение границ своих владений [2].

По характеру общественных отношений в государствах Средней Азии господствовал феодальный строй с остатками (нередко значительными) патриархально-родовых и рабовладельческих отношений. Господствующими классами в Средней Азии были крупные землевладельцы — военно-феодальная аристократия и высшее мусульманско-суннитское духовенство. Земля делилась на государственную, частновладельческую и вакуфную (земли духовенства). Государственная земля находилась в руках хана, который предоставлял ее крестьянам (дехканам) при условии несения военной службы. Случалось, что хан передавал землю крупным феодалам, а те — крестьянам. За пользование государственной землей взималась подать, часто доходившая до половины урожая. Частновладельческая и вакуфная земля сдавалась участками в аренду крестьянам на основе издольщины (за определенную долю урожая). Путешественники, знакомившиеся со Средней Азией, обращали внимание на контрастность ее природы и хозяйства. В оази-

[2] См.: Соколов Ю. А. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1969, ч. 1, вып. 343, с. 36.

сах был достаточно высокий уровень земледельческой культуры и там сосредоточивалось основное оседлое население. Ферганский, Зеравшанский, Ташкентский районы отличались хорошо обработанной почвой, умелой ирригацией. В степных и пустынных районах существовало кочевое скотоводство; плотность населения была низкой.

Торговля между среднеазиатскими ханствами, а также Казахстаном представляла собой обмен продуктов земледелия на продукты скотоводства. Казахи, туркмены, каракалпаки, как правило, поставляли на рынки Бухары, Хивы, Коканда скот, обменивая его на продукты земледелия. Обмен производился на базарах, постоянных магазинов (лавок) было мало[3].

Некоторое развитие в Средней Азии получила промышленность, по преимуществу в форме ремесла. Изготовление шелковых, хлопчатобумажных, суконных, металлических изделий сосредоточилось в городах и крупных селениях. Часть этих изделий шла на продажу в Иран, Афганистан, Индию, Китай, а также в Россию и Англию. Так, в Бухаре, торговом центре Средней Азии, было 38 караван-сараев[4]. Ташкент был центром крупных сделок, отсюда богатые торговцы посылали своих агентов в города для закупки товаров, заключения подрядов на доставку необходимых изделий. В Коканде, Маргелане и других городах Кокандского ханства торговали хлопком, шелком и изделиями из них.

По форме правления ханства были типичными феодальными деспотиями; их правители имели единоличную власть. При взимании налогов, распределении воды, решении административных вопросов господствовал произвол. Законов, охраняющих жизнь населения, не существовало. В среднеазиатских государствах существовало рабство. Как правило, в рабов превращали пленных; рабы пополняли армию, были домашней прислугой.

Военная организация ханств была слабой. «Войско в Хиве, — писал Н. П. Игнатьев, возглавлявший в 1858—1859 гг. миссию в Хиву и Бухару, — пехоты 500 человек, набранных из невольников персиян и частью из отдаваемых в солдаты за дурное поведение сартов, узбеков и проч.; конницы из хивинцев, узбеков, туркмен — 20 тыс. В Бухаре пехота составляет 1500 человек, конница — 6 тыс.»[5].

Экономическую основу ханств составляли земледелие и скотоводство. На развитии экономики пагубно отражались непрекращающиеся войны между Бухарой и Кокандом, Хивой и Бухарой, среднеазиатскими государствами и Ираном. Во время этих столкновений уничтожались селения, разрушались оросительные каналы, истреблялось или уводилось в плен население, оставались необработанными поля. Н. П. Игнатьев писал по этому поводу:

---

[3] См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией 40—60-х годов XIX в. М., 1963, с. 37.

[4] См.: Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843, с. 88.

[5] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 318, л. 5.

«Торговля и промышленность в Хиве в упадке из-за беспокойств, продолжающихся несколько лет»[6]. На войны и вражду между правителями, а также отдельными народностями Средней Азии неоднократно указывали оренбургские генерал-губернаторы, осуществлявшие в первой половине XIX в. практическое руководство русско-среднеазиатскими отношениями. Так, А. А. Катенин писал: «Кокандский хан постоянно вторгался в пограничные города Бухарские... Хива разорена и обеднена до чрезвычайности, туркмены враждуют с хивинцами»[7].

Нередки были и народные восстания в ханствах, направленные против угнетателей. История помнит выступление кипчаков Бухары в 1821—1825 гг. и другие восстания, с большой жестокостью подавленные правителями[8].

§ 2. Русско-среднеазиатские торговые отношения в первой половине XIX в.

Торговые связи России с народами Средней Азии определялись прежде всего внутренним состоянием государств, а также международной обстановкой.

Для развивающейся русской промышленности азиатские рынки представляли немалую ценность. В таможенном уставе и тарифе 1817 г. для азиатской торговли, которыми руководствовалось правительство России в своих операциях со Средней Азией, прямо говорилось «о великом значении для России торга с Азией»[9].

Если в европейской торговле 40-х гг. XIX в. вывоз хлеба, сырых продуктов и полуобработанных материалов составлял 96% и лишь 4% отводилось на промышленные изделия, то в азиатской торговле вывоз промышленных товаров составлял 60%. Однако на протяжении всей истории России ее внешняя торговля занимала второстепенное место по сравнению с внутренней. В первых десятилетиях XIX в. ежегодные обороты внутренней торговли составляли примерно 900 млн. рублей, а во внешней они не превышали 250 млн. рублей[10]. Русский торговый флот был незначительным, внутренний рынок — достаточно широким, свободных капиталов было мало. В первой половине XIX в. класс буржуазии со своим мировоззрением, ясно очерченной программой еще не сложился. Буржуазия была инертна и экономически зависима от царизма. В этих условиях правительство Петербурга выступило инициатором многих мероприятий, связанных с развитием промышленности и торговли. В 20-х гг. XIX в. по предложению про-

---

[6] Там же, л. 7 об.

[7] ЦГАОРСС, ф. 730, д. 388, 1858 г., л. 1—1 об.

[8] См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974, с. 12.

[9] Министерство финансов. 1802—1902, ч. 1-я. Спб., 1902, с. 127.

[10] См.: Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959, с. 273.

мышленных кругов и при поддержке правительства для содействия развитию промышленности и торговли, контроля и помощи им были созданы в России Мануфактурный и Коммерческий советы. Само появление этих организаций свидетельствовало о значительном развитии капиталистических элементов в дореформенной России и признании правительством этого процесса [11].

Через периодические издания, публицистические и научные сочинения Александр I и особенно Николай I пытались пробудить интерес купечества и дворянства к русско-азиатской торговле. Однако эффективность этих призывов была незначительной. В 1825 г. торговля России со странами Азии (Турцией, Ираном, Китаем, Средней Азией) составляла 5,1% во всей внешней торговле России с некоторой тенденцией повышения в дальнейшем [12].

В Среднюю Азию Россия вывозила хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые изделия, металлы и металлические изделия, различную посуду. Среди товаров промышленного производства металлические изделия, сукно и хлопчатобумажные ткани превышали половину всего вывоза [13]. Из Средней Азии в Россию шли хлопок, хлопчатобумажные, шелковые изделия, красители. Привоз хлопка-сырца в 40—50-х гг. XIX в., по вычислениям М. К. Рожковой, составлял менее 10% всего вывоза. Кроме того, качество среднеазиатского хлопка было низким, волокно — грубым, коротким и плохо очищенным. Поэтому русские фабриканты предпочитали покупать американский, индийский, египетский хлопок [14]. Хлопчатобумажные ткани составляли главную статью импорта из среднеазиатских ханств в Россию. Они, как правило, не доходили до центра страны: их покупали жители пограничной со Средней Азией полосы.

Казахский рынок отличался по структуре от среднеазиатского. Главной отраслью хозяйства Казахстана было скотоводство: земледелие и ремесло были развиты слабо, поэтому в Казахстан из России шел прежде всего хлеб, а затем промышленные товары [15].

Российское правительство в условиях сохранения крепостнических институтов видело в расширении русско-азиатской торговли один из путей утверждения России как промышленной державы.

«Средняя Азия с некоторого времени стала иметь особенную для нас значительность, привлекая на себя более и более внимание правительства. Причина сему: возрастающая в России тор-

---

[11] См.: Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968, гл. IV.

[12] См.: Очерки экономической истории России.., с. 275.

[13] См.: Рожкова М. К. Указ. соч., с. 51; Соколов А. Я. Торговая политика России в Средней Азии. Ташкент, 1971, с. 30.

[14] Рожкова М. К., Указ. соч., с. 55; Оглобин В. Н. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях. — Русское экономическое обозрение, 1900, № 11, с. 26.

[15] См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 90.

говля и мануфактурная деятельность, требующая бóльших истоков, бóльших усилий к открытию новых путей для сбыта наших произведений», — читаем в отчете по Азиатскому департаменту МИД за 1839 г. В другом отчете прямо говорится, что «торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии» [16].

Протяженность русско-среднеазиатских границ, по сообщению дипломата и ученого Н. В. Ханыкова, посетившего Среднюю Азию в 1840 г., составляла 6 тыс. верст. «Уже по одному этому, — писал он, — заслуживает вполне внимания правительства». По мнению Н. В. Ханыкова, Средняя Азия «представляет обширный... рынок для развития коммерческой деятельности России». Тем внимательнее, полагал ученый, следует относиться к продвижению англичан в Среднюю Азию. «Англичане действуют в Афганистане, Персии. Даже ныне (1840 г. — *авт.*) при дружественном отношении России к Англии Кавказ — преимущественно агентура последней» [17].

Наибольшее значение в развитии торговли имели ханства Бухары, Хивы, Коканда.

Путь из России в Среднюю Азию чаще всего начинался в Оренбурге (реже по Сибирской линии). Он шел через «Киргизскую степь», то есть Казахстан (казахов в официальных документах называли киргизами. — *авт.*). Население Казахстана делилось на 3 родоплеменных объединения: Младший жуз, занимавший западную часть территории, между Уралом и Эмбой; Средний жуз, охватывавший Центральную часть, и Старший, расположенный в районе озера Балхаш. В 30—40-е гг. XVIII в. по ходатайству самих казахов Младший и Средний жузы вошли в состав России [18] (начальной датой присоединения Казахстана считается 1731 г.). Подчинение Казахстана царизму в XVIII — начале XIX в. в основном выражалось в уплате кибиточной подати. Султаны и старшины были освобождены от подати [19].

В 20—30-е гг. XIX в. влияние России распространилось на Старший жуз. В то же время на Оренбургской линии, возникшей в 30-х гг. XVIII в., стали строиться новые форты к низовью Сырдарьи. Правительство ограничивает власть султанов в жузах, что встречает поддержку населения. «Значение ханов совершенно упало, — отмечал полковник (позже генерал) В. Н. Троцкий, — и для охранения их приходилось назначать им русский конвой» [20].

Управление, введенное в 1822 г. М. М. Сперанским для Сибири, в 1824 г. было распространено на «сибирских киргизов» (население Среднего жуза Казахстана). Их территория делилась на округа, управляемые «приказами». При номинальном председательстве старших султанов в приказах ведущее положение зани-

---

[16] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1839 г., л. 296 об. — 297; 1838 г., л. 285.
[17] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1840 г., д. 12, л. 2, 3, 27—28.
[18] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6808, 1868—1869 гг., л. 3—3 об.
[19] Подробнее см.: Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973, с. 84.
[20] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 18.

мали русские чиновники. Округа включали волости, а волости делились на аулы. Общее управление жузом осуществлял генерал-губернатор в Омском областном правлении [21]. Новое управление ставило власть султанов под контроль царской администрации, стабилизировало положение в крае и способствовало колонизации Казахстана русскими крестьянами и казаками. Действия правительства вызывали сопротивление местной феодальной верхушки, которая возглавляла борьбу против России. Наиболее крупным движением, направленным на восстановление ханской власти, было выступление Кенесары Касымова (30—40-е гг. XIX в.). Это движение не имело социальной программы. Его участники совершали набеги на русские поселения и караваны, грабили казахские аулы, население которых не желало им подчиняться, натравливали казахские роды друг на друга. Члены Оренбургской пограничной комиссии сообщали в Петербург: «Кенесары собирает пошлины с торговцев, разъезжающих по степи, обирает купцов «без милосердия». Многие киргизы удаляются от Кенесары». Кенесары поддерживал связи с ханами Хивы, Бухары, Коканда. В одном из донесений пограничной комиссии в Азиатский департамент говорилось о посещении посланцами Бухары, Хивы, Коканда Кенесары. Тот «отпустил посланцев, — пишет русский чиновник, — поручив ханам содействовать ему в разрушении укреплений России в степи» [22]. Рассчитывая на поддержку населения, Кенесары откочевал к р. Чу, где в 1846 г. был захвачен в плен киргизами и убит [23].

Казахстан был политически раздроблен, точных границ между ним, среднеазиатскими ханствами и Россией не было. Жизнь казахов находилась в постоянной опасности: нападения, грабежи, особенно со стороны Коканда, были постоянным явлением. «В 1836 г., во время перекочевки «киргизского» рода, — сообщается в документах МИД, — на них напали хивинцы, отняли 400 верблюдов, 1000 лошадей, 1000 коров и 5000 баранов, затем 30 киргизов напали на хивинцев и убили 19 человек» [24]. Правительство России, заинтересованное в безопасности пути и стабилизации положения в Средней Азии, пыталось смягчить эти конфликты. «Внушая должное уважение к России, — предписывал МИД, — удерживать (местное население. — *авт.*) от всяких вредных для нее действий, которые особенно могут отразиться на положении подвластных России киргизов... Содействовать всеми мерами к обеспечению торговых с ними сообщений для пользы отечественной промышленности» [25].

Правительство стремилось к установлению добрососедских отношений с казахами, рассматривая их «как потребителей наших произведений и защитников караванов, проходящих через обшир-

[21] Там же, л. 24; Шоинбаев Т. Указ. соч.
[22] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1838—1848 гг., д. 6, л. 56, 154 об.
[23] См.: Шоинбаев Т. Указ. соч., с. 108—111.
[24] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1832—1848 гг., д. 5, л. 47—47 об.
[25] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1839 г., л. 297 об. — 298.

ные степи их»[26]. Казахи выступали в качестве проводников русских товаров, что высоко ценилось правительством, считавшим, что «азиатская торговля едва ли могла бы существовать, если бы киргизы не признали над собой владычества России»[27].

Поддерживать политические отношения с ханствами было нелегко, ибо дипломатических ведомств в европейском понимании в Средней Азии не было; не существовало регулярных обменов между государствами на уровне послов, посланников, поверенных в делах. Как правило, отношения были связаны с урегулированием межгосударственных инцидентов, поздравлениями по случаю восшествия на престол нового хана или императора России. Выполняли эти функции со стороны Средней Азии крупные чиновники или купцы; со стороны России — военные, ученые, политические деятели. Нередко ответная миссия отправлялась через несколько лет, бывали случаи, что и совсем не направлялась. Нерегулярность политических связей со среднеазиатскими странами правительство России объясняло материальными издержками и опасностью пути[28]. Эпизодичность русско-среднеазиатских политических отношений в определенной степени объясняет причины слабого знакомства правительства России с внутренним состоянием Средней Азии.

В России отношениями со странами Азии (Турцией и ее владениями, Ираном, Средней Азией, Афганистаном, Китаем) ведал Азиатский департамент Министерства иностранных дел, созданный в 1819 г. Его первым директором был К. К. Родофиникин, человек пунктуальный, ревностно служивший самодержавию. До этого времени объем работ, связанных с государствами Азии, входил в компетенцию Комитета министров[29]. Помимо этих учреждений, для решения конкретных вопросов по азиатским делам существовали Особые комитеты. Нередко в их состав включали чиновников, хорошо знавших Кавказ. Так, в Комитет по делам Астраханского края и коммерции по Каспийскому морю входил наряду с другими деятелями В. А. Зубов, ранее командовавший войсками на Кавказе. Что же касается собственно Кавказа, то он с XIX в. как территория России не входил в компетенцию МИД[30].

В 1819 г., наряду с Азиатским департаментом, был создан Азиатский комитет для обсуждения вопросов, по преимуществу связанных со Средней Азией и Казахстаном. Иногда на его заседаниях рассматривали дела об управлении «Закубанским краем»[31]. Комитет находился в подчинении министерств иностранных дел, военного и финансов. В состав комитета входили также главнокомандующие Кавказа, в частности генерал А. П. Ермолов.

---

[26] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1830 г., л. 138 об.
[27] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 302 об.
[28] АВПР, ф. Главный архив I—9, д. 8, ч. II, л. 171 об.
[29] Подробнее см.: Халфин Н. А. Указ. соч., с. 18—19.
[30] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1831—1832 гг., д. 225.
[31] АВПР, ф. Главный архив, IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 376.

Это учреждение и Азиатский департамент МИД с согласия царя осуществляли среднеазиатскую политику России.

Так как до 60-х гг. XIX в. правительство России не имело четко продуманной программы в среднеазиатском вопросе, Азиатский комитет созывался нерегулярно, по мере накопления текущих дел. Подавляющее большинство обсуждаемых комитетом вопросов касалось нарушений хивинцами, кокандцами, туркменами условий русско-среднеазиатской торговли, нападений местного населения на рыболовные суда России, плававшие по Каспийскому морю. Одновременно с этим в комитете решали и более значительные экономические и политические вопросы, связанные с организацией стабильной русско-азиатской торговли. Постановка этих вопросов правительством нередко имела связь с общеевропейской конъюнктурой, в частности с русско-английскими отношениями. Не случайно, что именно после Тильзитских соглашений 1807 г., присоединения России к континентальной блокаде, направленной против Англии в конце 1807 — начале 1808 г., правительство активнее включилось в обсуждение среднеазиатских дел. В 1807 г. среднеазиатские купцы получили право свободной торговли на российских рынках, что вызвало недовольство российского купечества, но жалобы русских купцов были отклонены правительством. В это время оренбургский генерал-губернатор Г. С. Волконский при поддержке видного политического деятеля, сторонника русско-французского союза Н. П. Румянцева и одобрении царя составил «Предложения об улучшении оренбургской торговли с Верхней Азией» и проект образования Российско-Азиатской компании. В «Предложениях» речь шла о ежегодном снаряжении вооруженного каравана с русскими товарами, направляемыми из Оренбурга в Бухару. Предполагалось, что караван может быть отправлен, если товаров будет не менее, чем на 1 млн. руб. Капитал Российско-Азиатской компании также должен был составлять 1 млн. руб. По проекту участники компании получали право торговли с государствами Азии от Астрахани до китайской границы (кроме Китая и Ирана) [32].

Все эти начинания не были осуществлены: купечество отказалось снарядить караван в Бухару, узнав о разрыве отношений с Англией и повышении цен на товары внутри России [33]. Иными словами, русские купцы не были экономически заинтересованы в экспедиции, поскольку русский рынок, свободный от английской конкуренции, давал возможность реализовать их товары на выгодных условиях.

В начале 30-х гг. XIX в., в обстановке нового обострения ближневосточного кризиса, связанного с турецко-египетским конфликтом, правительство России делает новые шаги по оживлению среднеазиатской торговли. В 1832 г. Азиатский комитет принял решение, позволяющее «азиатцам», приезжающим на

---

[32] Подробнее см.: Халфин Н. А. Указ. соч., с. 90—97.
[33] Министерство финансов. 1802—1902, ч. 1-я, с. 135.

Оренбургскую линию, в продолжении одного года пользоваться правом оптового торга без платежа гильдейских повинностей. Им было разрешено вести торговлю на главных ярмарках России — Ирбитской, Нижегородской и Коренной, заказывать непосредственно на фабриках России нужные товары. Привилегии среднеазиатских купцов вызывали жалобы оренбургского купечества. Оренбургские купцы писали в МИД об упадке своей торговли в связи с «преимуществами азиатцев». Однако Азиатский комитет, учитывая «приметное расширение торговли со Средней Азией», оставил в силе свои постановления, но для поощрения российских купцов, торговавших по Оренбургской линии, с одобрения царя продлил купцам 2-й и 3-й гильдий право первогильдейских купцов до 1 января 1842 г. [34]

В начале 30-х гг. оренбургские власти с согласия правительства вновь возвращаются к вопросу о создании Российско-Азиатской компании, но купечество центральных губерний и в эти годы не поддержало инициативы Петербурга. Перспектива расширения связей с Азией, поддерживаемая правительством, не увлекала в начале XIX в. российское купечество. По словам современников, «купечество пассивно, хотя казна оказывает пособия» [35].

Междоусобные распри, феодальная раздробленность, отсутствие безопасности «личности купца и его собственности» [36] мешали развитию прочных русско-азиатских связей. Вместе с тем появление проектов по созданию обществ, поощрительные меры правительства говорят об интересе государственных деятелей и оренбургского чиновничества к развитию экономических связей России со Средней Азией.

Наиболее тесные торговые отношения были у России с Бухарой. Русско-бухарский товарооборот из всех среднеазиатских ханств был самым значительным. Так, в 1857 г. из Бухары в Россию было привезено товаров на сумму 927 737 рублей, а из Хивы — на 175 289 рублей [37]. Из Бухары чаще всего направлялись посольства в Петербург и следовали ответные визиты к хану. «Произведения наших фабрик, — читаем в Отчете МИД, — стали входить в состав значительной массы товаров, отпускаемых в Бухарию». Бухару правительство России рассматривало как известное «ручательство» в прочности и успехе торговых отношений со всей Средней Азией [38].

Нестабильными были отношения России с Кокандом. В 1829 г. посланник кокандского хана благосклонно был принят в Петербурге. «Дружественные и торговые наши связи более и более упрочиваются», — говорилось в отчете МИД за 1830 г. [39]. Кокандский хан неоднократно обещал русским купцам «всякую защиту

[34] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1831—1832 гг., л. 233, 235—236.
[35] Журнал Мануфактур и торговли, 1838, № 6, с. 434.
[36] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 33.
[37] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 292, л. 4—5.
[38] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1830 г., д. 123 об.; 1831—1832 гг., л. 232—232 об.
[39] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1830 г., л. 123—124 об.

и покровительство», надеясь на столь же добрососедские отношения к кокандским торговцам. Но слова хана расходились с его делами. Стремясь к расширению своего ханства на севере, он усилил набеги на казахов, подданных России, «переманивал» их на свою сторону, что послужило основанием для разрыва в 1831 г. русско-кокандских политических отношений. С этого времени из Коканда в Россию не приезжали кокандские послы, а правительство России не отправляло доверенных лиц в Коканд. Еще менее прочными были отношения у России с Хивой. В начале XIX в. власть в ханстве находилась в руках жестокого и властного Мухаммед-Рахима. Он пытался централизовать управление ханством: ввел верховный совет, решавший гражданские и уголовные дела, установил связь с Афганистаном для совместной борьбы с Ираном, Кокандом, Бухарой. Его политика не содействовала развитию мирных отношений с Россией.

Русско-хивинская торговля была незначительной, и не она определяла торговые обороты региона. На состояние русско-среднеазиатских экономических связей пагубно влияли нападения хивинских феодалов на русские и бухарские караваны, пленение купцов, требования изменить привычный караванный путь. Хивинцы строили укрепления на территории Казахстана, рассылали по Орде «возмутительные письма», обращенные к батырям с требованием от имени хана, чтобы «кайсаки отложились и откочевали от наших пределов» [40]. Хива контролировала путь к Каспийскому морю, Ирану, закавказским владениям России. «Хива, не будучи значительным местом сбыта наших произведений, — писал оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский, — но, находясь на перепутье всех дорог из Средней Азии в Россию, у ключа к водным сообщениям с Бухарой и Бальхом по Аму, Ташкентом и Кокандом по Сыру, заслуживает особенного внимания» [41]. Значимость Хивы как опорного пункта Средней Азии объясняет посылку многочисленных экспедиций, направляемых туда Россией. Только в первой половине XIX в. были посланы экспедиции Фалькерзала, Пономарева—Муравьева, Берга, Карелина, Перовского, Никифорова, Данилевского.

С присоединением Грузии и Азербайджана Россия прочно утвердилась на западном побережье Каспийского моря и появилась возможность проникновения в Среднюю Азию со стороны Кавказа. Не случайно многие планы по решению среднеазиатского вопроса в XIX в. возникали на Кавказе: политические и военные деятели (А. П. Ермолов, Н. Н. Муравьев, А. А. Катенин, К. П. Кауфман, А. И. Барятинский и др.), занимавшиеся Кавказом, руководили или участвовали в обсуждении среднеазиатских дел.

Государственные деятели России в начале XIX в. размышляли над целями и средствами политики страны на окраинах. В этой

[40] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1832—1848 гг., д. 5, л. 67, 69.
[41] Там же, л. 84—84 об. О Хиве см.: История Хорезма. Ташкент, 1976.

связи представляет интерес записка известного экономиста и политического деятеля Н. С. Мордвинова «Покорение кавказских жителей», составленная им в 1816 г.[42] Н. С. Мордвинов одним из возможных путей сближения Кавказа с Россией считал проведение на Кавказе мирной, доброжелательной политики; он отдавал ей предпочтение перед военными действиями. Через Кавказ Мордвинов полагал возможным установить экономические связи с Бухарой, Ираном, Северной Индией. В Красноводском заливе Каспийского моря советовал он построить крепость «в видах военных и торговых» как опорный пункт в действиях России против хивинцев и туркмен (свои сведения о Средней Азии Н. С. Мордвинов получал от лиц, служивших на Кавказе и хорошо изучивших Среднюю Азию)[43].

Записка Мордвинова была передана Александру I, который нашел суждения автора «полезными». Поскольку основные мысли Мордвинова касались политики России на Кавказе, царь предписал А. П. Ермолову рассмотреть записку и вынести решение. А. П. Ермолов обратил внимание на идеи Мордвинова об оживлении торговли со странами Азии и утверждении России на восточных берегах Каспийского моря[44]. Для осуществления замыслов автора он полагал необходимым снаряжение экспедиции для «обозрения берегов Каспийского моря» и строительства там крепости. В письме к А. А. Аракчееву А. П. Ермолов напоминал о поездке в 1805 г. с той же целью инженера генерал-майора Фалькерзала, но находил, что место, избранное им для строительства крепости, неудобно. Ермолов полагал, что укрепление должно быть построено на таком месте, «дабы сколько возможно менее отдалиться от Хивы» и чтобы войсковые части, там находившиеся, могли охранять караван от грабежей[45].

Документы свидетельствуют, что задачи намечаемой экспедиции сводились к решению экономических и военно-политических вопросов: содействие развитию русско-среднеазиатской торговли, устранение препятствий на ее пути; вместе с тем предполагалось использовать новые укрепления в военно-стратегическом отношении в случае столкновений с Ираном, Хивой, Бухарой. Представляется возможным установить определенную связь между введением Россией с 1 января 1818 г. нового тарифа по азиатской торговле, выгодного для стран Азии, с направлением миссии Пономарева и Муравьева на Каспий и в Хиву по инициативе А. П. Ермолова. Учитывалась также международная обстановка — временное улучшение русско-иранских отношений, наступившее с окончанием русско-иранской войны 1804—1813 гг.[46]

[42] Архив графов Мордвиновых, т. V. Спб., 1902, с. 148—155. См. содержание этой записки у Н. А. Халфина (Указ. соч., с. 105—108).

[43] Архив графов Мордвиновых, т. V, с. 153; Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. Ашхабад, 1963 (Далее — РТО).

[44] РТО, док. 135.

[45] РТО, док. 136, 135.

[46] См.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л., 1963, с. 67—70.

Получив согласие правительства на снаряжение экспедиции в Хиву, Ермолов приступил к ее подготовке. В 1819 г. он составил инструкцию начальнику морской экспедиции майору М. М. Пономареву, в которой указывал на важность развития русско-хивинской торговли и неудобства прежнего пути из Астрахани в Хиву и обратно [47]. Ермолов предложил изучить новый путь к Хиве из Баку через восточный берег Каспийского моря. В обязанности членов экспедиции входило также знакомство с жизнью туркмен и установление с ними контактов. «Из числа народов в Азии, Российской державе подвластных, — писал А. П. Ермолов К. В. Нессельроде, — туркмены, или трухмены, по восточному берегу Каспийского моря с Персиею сопредельные, наиболее и самым бескорыстным образом доказывали к нам свою приверженность» [48]. Ермолов считал, что расположение туркмен и других азиатских народов к России надо поддерживать «ласками» и развитием экономических связей с ними.

Ответственным за сухопутную часть Хивинской экспедиции был 25-летний капитан генерального штаба Н. Н. Муравьев. В юности он был связан с передовыми людьми России, участвовал в войне 1812—1815 гг. [49] Выехав на Кавказ, Муравьев в 1816 г. отправился в Иран в составе посольства, возглавляемого А. П. Ермоловым. Как близкому человеку доверил Н. Н. Муравьеву главнокомандующий Кавказской армией участие в сложной и опасной Хивинской экспедиции.

В инструкции Муравьеву А. П. Ермолов писал о целесообразности установления дружественных отношений с туркменами и хивинцами, о необходимости найти место для строительства крепости на восточном берегу Каспийского моря [50], которое он рекомендовал искать подальше от Астрабада, «чтобы не тревожить персиян» [51]. Переговоры, которые поручалось вести Муравьеву с хивинским ханом, а также письмо и подарки хану, — все это исходило от Ермолова, а не от правительства. Вместе с тем Ермолов писал, что не отправил бы миссии, если бы не знал, что «великий государь российский желает дружбы и согласия между обоими народами» [52]. Наместник Кавказа объяснял свою, а не императора, ответственность за миссию соображениями политического характера. Он считал, что посланная от имени правительства миссия могла бы внушить опасения английским чиновникам Ост-Индской компании, «а от меня отправленный офицер ни малейших не возбуждал сомнений, особенно, когда я нарочно не скрывал о том и писал персидскому министерству, чтобы суда наши были приняты дружественно, если им случится зайти в Астра-

---

[47] РТО, док. 136.
[48] АКАК, т. VI, ч. 2. Тифлис, 1875, док. 1051, с. 697.
[49] Подробнее см.: Дружинин Н. М. В страну туркмен и узбеков. Л., 1927, с. 8—13.
[50] АКАК, т. VI, ч. 2, док. 1054.
[51] РТО, док. 137.
[52] АКАК, т. VI, ч. 2, с. 701.

бад»[53]. Этот факт еще раз свидетельствует о стремлении правительства России не обострять обстановку в Средней Азии, не давать повода к конфликтам с другими державами.

Летом 1819 г. два корабля экспедиции отправились из Баку к восточным берегам Каспия. М. М. Пономарев, Н. Н. Муравьев и другие участники экспедиции встретили радушный прием у туркмен, провели обследование берегов Каспийского моря. После выполнения необходимых работ на побережье Муравьев в сопровождении туркмен отправился в Хиву. Недалеко от столицы ханства его задержали, и в течение 48 дней он был узником хивинского хана[54]. Его ожидала, как он сам пишет в воспоминаниях, участь Бековича. Только авторитет России, полагал Муравьев, не позволил хану казнить его[55]. Когда Муравьева освободили из заключения, его привели в резиденцию хана, и здесь хан его принял. Во время краткой беседы с жестоким и властным Мухаммед-Рахимом Муравьев передал желание главнокомандующего Ермолова вступить в торговые отношения с Хивой. Пытаясь заинтересовать хана новым маршрутом из Хивы к Красноводскому заливу, Муравьев отмечал краткость нового пути (15—16 дней вместо 30) и бóльшую его безопасность. Но хан не принял аргументацию русского посланника, ссылаясь на враждебность к Хиве туркмен и их преданность каджарам (правящая династия Ирана. — *авт.*). Он фактически отказался отправлять торговые караваны по новому пути[56], но обещал направить «своего человека» к Ермолову для «утверждения дружбы с Россией». Одновременно хан просил Муравьева приехать в Хиву в следующем году[57].

Экспедиция завершилась. Надо было спешить в обратный путь до наступления зимы. Кончалось продовольствие. Лед, образовавшийся у берегов Балханского залива Каспийского моря, мог помешать движению корвета[58]. В середине декабря 1819 г. Муравьев встретился с экспедицией Пономарева, в составе которой были посланцы туркмен. 29 декабря корвет прибыл в Баку.

По возвращении в Россию Пономарев и Муравьев изложили итоги своих наблюдений в рапортах А. П. Ермолову. Руководствуясь полученной от главнокомандующего инструкцией, Пономарев пытался нарисовать картину жизни и отношений среднеазиатских народов между собой и с соседним Ираном[59]. Он писал о «безначальности» туркменского племени йомудов, хотя «персияне желают [на них] производить свои требования», о недружелюбии, существовавшем между туркменами и хивинцами. Пономарев полагал, что Россия может «привязать к себе» туркмен путем раз-

---

[53] Ермолов А. П. Записки, ч. II. Спб., 1868, с. 73.

[54] См.: Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Н. Муравьева. Ч. I—II. М., 1822. Ч. I, с. 102.

[55] Муравьев Н. Н. Указ. соч., ч. I, с. 102.

[56] РТО, док. 146, с. 217.

[57] См.: Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 91—92.

[58] См.: подробнее: Муравьев Н. Н. Указ. соч., ч. I, с. 150—153.

[59] РТО, док. 142.

вития торговли. «Все вообще изделия отечественные могут иметь выгодный изворот, как то: сукно, холст, юфть, простая посуда в домашнем быту... железо, сталь», — писал он. Что касается строительства крепости, то удобное место Пономарев находил при «Серебряном Бугре» или в Балханском заливе у Красноводска [60]. Экспедицию же в Хиву он считал неудачной, поскольку Муравьеву не удалось устранить взаимные «неприязненные» отношения.

В рапорте Н. Н. Муравьева содержались наблюдения о всех туркменских племенах, с преимущественным вниманием к йомудам. Он писал, что йомуды «не имеют над собой ни начальника, ни законов», не желают признавать власти ни Ирана, ни Хивы. Территориально они ближе к России, чем к каджарам [61]. По мнению Н. Н. Муравьева, укрепления, которые предполагалось строить в районе Каспия, должны выполнять двойную функцию — торговую и военную: снабжать туркмен хлебом, сукнами, оружием, свинцом, порохом, а также охранять русские караваны. В изданной в 1822 г. книге о своем путешествии в Хиву, с большой тщательностью описав все виденное и пережитое, Муравьев вновь с сожалением констатировал слабое развитие русско-хивинской торговли, отмечал недоверие хивинского хана к России. Муравьев полагал, что хан сам стремился подчинить себе йомудов и потому подозрительно встретил сообщение туркмен о строительстве русскими военной крепости вблизи его владений [62].

Сведения о туркменах и хивинцах, содержавшиеся в донесениях М. М. Пономарева и Н. Н. Муравьева, заинтересовали не только кавказскую администрацию, но и правительство. Они позволили в дальнейшем более обоснованно поставить вопрос о возвращении русских пленных, находившихся в Хиве. По возвращении в Петербург Муравьев был принят императором Александром I, встречался с Нессельроде и Родофиникиным [63].

Две делегации йомудского народа, прибывшие в Астрахань и Тифлис по вопросу о российском подданстве, и делегат хивинского хана были благосклонно приняты в феврале 1820 г. командующим отдельным кавказским корпусом А. П. Ермоловым и генерал-лейтенантом А. А. Вельяминовым. Прошения туркмен переслали в Петербург. Подобные обращения были и раньше. Так, в 1801 г. туркмены Мангышлака, кочевавшие на северо-востоке Каспийского моря, просили у Александра I подданства, и в 1803 г. они его получили. В 1820 г. с такой же просьбой обратились более многочисленные племена туркмен йомудов, населявших юго-восточное побережье Каспийского моря, у границ Ирана и Хивы.

Состояние русско-среднеазиатских отношений и, в частности, вопрос о подданстве туркмен специально рассматривались на за-

---

[60] РТО, с. 215—216, 215.

[61] РТО, с. 222, 224.

[62] См.: Муравьев Н. Н. Указ. соч., ч. I, с. 100—114.

[63] АКАК, т. VI, ч. 2, с. 733—735; ВПР, серия II, т. IV (XII). М., 1980, с. 470; подробнее см.: Записки Н. Н. Муравьева-Карского. 1820 год. Возвращение из Хивинской поездки. — Русский архив, 1887, № 3, с. 404—405.

седании Азиатского комитета, созванного в конце июля 1820 г.[64] Члены комитета одобрили инициативу А. П. Ермолова по установлению русско-туркменских связей и предложили ему осуществить эти начинания. Что же касается просьб представителей йомудов о подданстве России, то Ермолову поручалось установить с ними «постоянные сношения как дружественные, так и торговые, подобно тем, кои существуют с прочими независимыми народами»[65]. Ермолову были отпущены средства на покупку хлеба, пшена и снаряжения судна для отправки товаров туркменам, но конкретное решение о подданстве йомудов не было принято. Между тем вхождение туркмен в состав России таило немалые выгоды для обеих сторон: предотвратило бы беспрерывные войны туркмен с соседями, способствовало бы расширению связей России со Средней Азией через Кавказ, обезопасило торговые пути. Однако в Петербурге не было уверенности в прочности и надежности подданства туркмен. Вызывали также опасения возможные конфликты с соседями йомудов — Хивой, Ираном.

На заседании Азиатского комитета вновь была подтверждена необходимость строительства крепости на Каспийском море. Для отыскания места решили отправить вторую экспедицию в Туркмению, поручив ее организацию А. П. Ермолову. Экспедицию возглавил Н. Н. Муравьев, отправившийся из Баку в 1821 г. На восточном берегу Каспия, у острова Челекен, он отыскал место для строительства крепости. Совершить поездку в Хиву ему не удалось из-за враждебных действий Мухаммед-Рахима. Вскоре Н. Н. Муравьев вернулся в Баку.

В 20-е гг. XIX в. не осуществилось строительство укрепления на восточном берегу Каспийского моря. Восточный кризис 20-х гг. XIX в., завершившийся русско-турецкой войной 1828—1829 гг., русско-иранская война 1826—1828 гг. отвлекли внимание царизма от реализации плана Ермолова. Вновь самодержавие возвратилось к нему в 30-е гг., но этот план был осуществлен лишь в конце 60-х гг. XIX в.

После экспедиций Муравьева усилия правительства и оренбургского начальства по расширению связей со Средней Азией не прекращались. Теперь путь экспедиций вновь начинался в Оренбурге.

Параллельно с подготовкой второй миссии Н. Н. Муравьева в Хиву в 1820 г. правительство направило посольство в Бухару во главе с А. Ф. Негри. В составе миссии были ученые, военные, дипломаты. Цель путешествия сводилась к знакомству с внутренним состоянием ханств Средней Азии, а также с Северной Индией, Ираном, Афганистаном и Турцией[66], к расширению торговли, выкупу русских невольников. В декабре 1820 г. А. Ф. Негри добрался до Бухары, встретился с ханом, получил от него устное

---

[64] РТО, док. 151, 145, 147, 148, 83, 84, 85, 103, 152; ВПР, серия II, т. III (XI). М., 1977, док. 13.

[65] РТО, док. 152, с. 229.

[66] Подробнее об этом см.: Халфин Н. А. Указ. соч., с. 155—175.

согласие на пребывание русского консула для охраны интересов российских купцов в Бухаре.

В 1821 г. члены экспедиции возвратились в Россию. Практические результаты миссии были невелики: условия русско-бухарской торговли остались прежними; обещание хана, разрешающее пребывание российского консула в Бухаре, не было выполнено. В научном отношении миссия оказалась более успешной. Ее участники собрали большой материал об условиях жизни ханства, что позволило опубликовать интересные книги и статьи на эту тему, доказывающие перспективность русско-среднеазиатской торговли [67].

Снаряжение караванов было главной формой торговых отношений России с народами Средней Азии. Отсутствие безопасности на караванных путях, пленение проводников наносили колоссальные материальные убытки стране. Ценность грузов, отправляемых из России в Среднюю Азию, не гарантировалась правительством; неравенство в обложении товаров пошлиной с русских и мусульманских купцов препятствовало развитию взаимовыгодной торговли. Тем не менее в Оренбурге не оставляли надежд на ее развитие. Местные власти доказывали правительству большую будущность среднеазиатских связей, и Петербург чаще всего поощрял эти начинания. Он санкционировал торговые и разведывательные экспедиции, льготами и привилегиями пытался оживить русско-среднеазиатскую торговлю, рассчитывая таким путем экономически приблизить эти территории к России. До 30-х гг. XIX в. в Петербурге в согласии с оренбургской администрацией поощряли землепашество и стремление к оседлости у части казахов близлежащих к Оренбургу кочевий. Положение изменилось с начала 30-х гг. XIX в. Генерал-губернатор Оренбурга П. П. Сухтелен, сменивший П. К. Эссена в 1830 г., выступил против поощрения «к оседанию» казахов на земле. Он полагал, что кочевое состояние приносит России бóльшую пользу, чем земледельческое. Сухтелен считал, что кочевники в большей степени, чем оседлое население, потребляют русский хлеб и изделия мануфактурной промышленности [68]. Азиатский комитет, рассматривавший этот вопрос, хотя и отверг поощрительные меры по оседлости казахов на землю, тем не менее не запретил ее. «Принимая в уважение, — говорилось в решении комитета, — что земли по степи удобные к поселению весьма ограничены и что на них не может поселиться знатное число киргизов, комитет признал нужным тем из них, кои решаются на избрание жизни оседлой... позволить селиться в двух или трех местах» по указанию оренбургского генерал-губернатора [69]. Сменивший Сухтелена в этой должности В. А. Перовский в

[67] См.: Meyendorff G. Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826. Статьи Г. Мейендорфа были напечатаны также в «Журнале Мануфактур и торговли» за 1832 г., № 6, и других изданиях.

[68] См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. I. Спб., 1906, с. 93; Шоинбаев Т. Указ. соч., с. 53—55.

[69] АВПР, ф. Главный архив IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 41.

отношении оседлости казахов разделял взгляды своего предшественника. Он считал «противным естеству степи оседлость» и принимал меры, «дабы воспрепятствовать выходу киргизов из кочевого и пастушеского быта»[70]. Эти меры, по мнению Перовского, должны «укрепить зависимость киргизов от России, заставляя их обращаться за нужным им хлебом к нам, а не производить его собственными средствами»[71]. Однако вопреки действиям этих генерал-губернаторов у казахов относительно быстро распространилось хлебопашество. Этому в значительной степени способствовала крестьянская и казацкая колонизация. В дальнейшем правительственные чиновники отказались от мер, тормозивших развитие земледелия и оседлости у казахов. Генерал В. Н. Троцкий, составивший описание Хивинского похода 1873 г., отрицательно оценивал действия Сухтелена и Перовского в этой области[72].

А. А. Катенин — генерал-губернатор Оренбурга после В. А. Перовского в 1857—1860 гг. (до того служил на Кавказе) — был сторонником развития хлебопашества у казахов. Он с удовлетворением отмечал при знакомстве с владениями края, что там «в половину водворялось земледелие и оседлость» и что «киргизы уже торгуют своим хлебом с единоплеменниками, живущими южнее»[73]. Для поощрения земледелия А. А. Катенин разрешил покупать у казахов для русских гарнизонов ячмень, а гречневую крупу, полученную из Оренбурга, заменить местным просом. Он полагал, что оседлые и земледельческие народы правительству легче удержать в покорности, нежели кочующих скотоводов. А. А. Катенин обращал внимание на необходимость ограничения власти биев, многие из которых «первые виновники всяких беспорядков... самые надежные шпионы кокандцев и хивинцев»[74].

В условиях политической изоляции, наступившей после Крымской войны, подготовки реформ внутри страны и продолжавшихся военных действий на Кавказе Катенин предлагал заменить политику «преследования», свойственную Перовскому, политикой «милосердия» по отношению к местным жителям. Он был сторонником введения в Казахстане администрации, учитывавшей нужды населения. Катенин просил прислать в Оренбург «добросовестных, образованных и подготовленных чиновников, что позволит быстро обнаружить беззакония». «Грустно будет, — заключал генерал-губернатор, — если восстание сипаев не послужит нам уроком»[75]. Линию Катенина продолжал генерал-адъютант Безак. В 1861 г. совместно с Министерством внутренних дел он обратился в Комитет министров с представлением о разрешении казахам

---

[70] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1852—1859 гг., д. 8, ч. I, л. 172.
[71] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 62, 1861—1863 гг., л. 25 об.
[72] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 26 об. — 27. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. под редакцией генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого.
[73] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1852—1859 гг., д. 8, ч. I, л. 139, 172.
[74] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1854—1864 гг., д. 2, л. 47—47 об., 48.
[75] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1852—1859 гг., д. 8, ч. I, л. 178 об., 182.

Оренбургской области перейти к оседлости и заниматься хлебопашеством. Комитет министров «признал необходимым не только не препятствовать, но содействовать развитию земледелия между киргизами Оренбургской области, разрешить отвод киргизам поземельных участков в бессрочное пользование»[76].

Споры о преимуществах оседлости или сохранении кочевого образа жизни казахов, которые вели генерал-губернаторы Сухтелен, Перовский и Катенин, отражают различия во взглядах царской администрации на назначение окраин. Сторонники сохранения кочевого скотоводства, жестких мер по отношению к населению рассматривали Казахстан как рынок сбыта русского хлеба. Они опасались, что развитие местного хлебопашества сократит вывоз хлеба из метрополии и пагубно отразится на интересах русских помещиков и купечества. Катенин, генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, позже Кауфман шире понимали свои задачи. Они стремились к сближению Казахстана и Средней Азии с Центральной Россией, к развитию там земледелия, хлопководства, ирригации, были сторонниками гибкой административной системы.

На всех этапах взаимоотношений России с населением Средней Азии и Казахстана оренбургская и западносибирская администрация, несмотря на разногласия по другим вопросам, была едина в своих усилиях по установлению стабильности в русско-среднеазиатской торговле. От нее исходила инициатива в организации торговых экспедиций; различными способами местные власти пытались заинтересовать русское купечество и правительство в целесообразности расширения русско-азиатских связей. Большую активность в этих делах проявлял оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен. В ноябре 1824 г. ему удалось снарядить торговый караван из Оренбурга в Бухару и обратно, который сопровождала военная охрана[77]. Успех этого мероприятия, по мысли устроителей экспедиции, должен был привлечь внимание Петербурга к торговле со Средней Азией.

В январе 1825 г. на караван С. Т. Циолковского напали хивинцы, разграбили товары; во время столкновения с обеих сторон были убитые и раненые. Купцы и солдаты, охранявшие караван, были вынуждены возвратиться на Оренбургскую линию. Материальные убытки (около 300 тыс. руб., по подсчетам М. А. Терентьева) пали на правительство, участвовавшее в снаряжении каравана, и купечество, которое потеряло свыше 500 тыс. руб. (М. А. Терентьев склонен обвинить в неудаче, постигшей русских купцов, руководителя каравана С. Т. Циолковского)[78]. Подобные неудачи подрывали доверие купцов к начинаниям местных властей и правительства. Азиатский комитет, обсуждая обстоятельст-

---

[76] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 62, 1861—1863 гг., л. 26; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960, с. 337—338.

[77] Подробнее см.: Халфин Н. А. Указ. соч., с. 180—192.

[78] См.: Терентьев М. А. Указ. соч., с. 98—99.

ва разграбления русского каравана, считал действия Хивы оскорбительными для достоинства России и предлагал начать военные действия против хана.

В плане аргументации необходимости наступательной тактики России в Средней Азии представляет интерес записка генерал-майора Веригина, бывшего оренбургского гражданского губернатора, составленная в феврале 1826 г. Ее автор убедительно доказывал необходимость установления торговых путей в Азию для русской промышленности, изделия которой еще недостаточно высоки по качеству, чтобы конкурировать с европейскими. Значение азиатских рынков, рассуждал Веригин, возросло с присоединением России к континентальной системе, когда порты России были закрыты для английских судов, привозивших сырье. Опасность пути в Азию, материальные затраты на снаряжение караванов, а также распространение владычества Англии на Северную Индию, Бухару побуждают-де Россию покорить Среднюю Азию «силою меча». Главным объектом действий России, по плану Веригина, должна быть Хива как центр, связывающий Россию с Кабулом, Кашмиром, Тибетом и другими владениями Северной Индии, важными в торговом отношении [79]. Записка Веригина, после рассмотрения ее Александром I, была передана генералу И. Дибичу. В беседе с Веригиным Дибич признал его доводы «основательными и для государства полезными», но счел их «несвоевременными» [80]. Проект Веригина по вторжению в Хиву, как и решение Азиатского комитета 1826 г. не были приняты правительством. В первые десятилетия XIX в. Россия исключала применение военной силы «по усмирению Хивы», пытаясь дипломатическими средствами прекратить грабежи русских караванов и нормализовать торговлю.

В 1825 г. к Аральскому и Каспийскому морям была направлена экспедиция, имевшая военно-стратегическое назначение [81]. Ее возглавлял полковник Ф. С. Берг. Члены экспедиции изучали топографию местности, уровень Каспийского и Аральского морей, условия продвижения по степи военных отрядов. Они убедились в трудностях перехода через пустынную местность. Беспокойная обстановка на Среднем Востоке и в Средней Азии, а также мнения членов экспедиции об опасности пути побудили оренбургскую администрацию отказаться от похода против Хивы. Тем не менее сопровождавший экспедицию Берга отряд (более 2000 человек) вызвал панический страх у хивинского хана и желание возобновить дипломатические отношения с Россией, прерванные после разграбления каравана Циолковского. Посланец хивинского хана прибыл в Оренбург, но не был допущен до Петербурга. Уполномоченные правительства в Оренбурге потребовали от хана возме-

[79] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, составленный полковником А. Г. Серебренниковым, т. II. Ташкент, 1912, с. 4, 9, 10.

[80] Там же, с. 14.

[81] См.: Терентьев М. А. Указ. соч., т. I, с. 99—100.

щения убытков за разграбление каравана Циолковского. Не имея полномочия на ведение подобных переговоров, посланник хана в 1827 г. возвратился в Хиву.

Итак, многочисленные и разнохарактерные документы убеждают в том, что правительство России в начале XIX в. проявляло большой интерес к развитию торговых отношений с народами Средней Азии, что вызывалось объективными и субъективными причинами. Развивающаяся промышленность нуждалась в расширении контактов. Вместе с тем установление экономических связей, по мысли правительства, должно было содействовать политическому проникновению России в этот край, а также в государства Среднего Востока. Не случайно, прекращение политических отношений не вело к ликвидации торговых. «Политических сношений с сим ханством (Хивой. — *авт.*) вовсе не существует со времени нападения на караван наш, шедший в Бухарию, но торговля продолжается к пользе отечественной нашей промышленности» [82]. Так как хан Коканда продолжал сбор ясака с казахов, подданных России, с ним в начале 30-х гг. XIX в. также были прерваны политические связи, но продолжались торговые отношения [83].

Однако экономический эффект от русско-азиатской торговли был весьма скромен; ее объем почти не возрастал [84]. «Торговля со Средней Азией невелика из-за отсутствия всяких удобств сообщения», — читаем в одном из отчетов МИД за 1843 г. [85] В финансовом отношении торговля со Средней Азией не была прибыльной. Вывоз товаров из Средней Азии в Россию до конца XIX в. превышал ввоз. Так, в 1851 г. из России в Бухару, Ташкент, Коканд, Хиву было вывезено товаров на 839 тыс. руб., а в том же году ввезено в Россию на 1 238 тыс. руб. В 1852 г. вывоз из России составлял 710 тыс. руб., а ввоз — 1 400 тыс. руб. [86]. Кроме того, среднеазиатские купцы предпочитали вывозить из России деньги, вырученные за продажу своих изделий, а не российские товары, что приводило к утечке золота из страны.

Причинами, мешавшими развитию взаимовыгодной торговли, были опасности пути: нападения на караваны среднеазиатских племен, плен и убийства. В начале XIX в. только в Хиве было до 3 тыс. русских рабов [87]. Русские пленные высоко ценились на восточных рынках как рабочая сила [88]. Вопрос об освобождении пленных российское Министерство иностранных дел считало «главной своей заботой» [89]. Купцы настаивали перед правительст-

---

[82] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1830 г., л. 121.
[83] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1833 г., л. 178 об.
[84] См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства.., с. 180 (см. таблицу сбыта русских товаров в Азию с 1829 по 1840 г.).
[85] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1843 г., л. 199—199 об.
[86] См.: Рожкова М. К. Экономические связи России.., с. 53.
[87] См.: Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 64.
[88] См.: Муравьев Н. Н. Указ. соч., с. 99.
[89] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1831—1832 гг., л. 228.

вом об охране караванов, что удорожало и осложняло торговлю, но не всегда спасало от нападения, как было с караваном Циолковского. Причины грабежей, насилий, увода в плен таились, естественно, не в этнических свойствах среднеазиатских народов, а в особенностях экономического уклада и политической обстановки в Средней Азии, в беспрерывных войнах, межфеодальных раздорах, натравливании ханами одних народов на другие, в низкой покупательной способности населения.

Развитие торговли тормозили и неравные условия деятельности купцов. Купцы-христиане платили двойную или четвертную пошлину со своих товаров, а мусульманские купцы имели привилегии. Поэтому русские купцы отказывались от непосредственной торговли на рынках Средней Азии и прибегали к посредничеству мусульман, проживавших в России. Малый объем русско-среднеазиатской торговли отражает сравнительно с западными странами невысокий уровень экономического развития России, достаточную обширность ее внутреннего рынка. Даже в пореформенное время представители буржуазных кругов находили, что российская промышленность «далеко не так развита, чтобы страдать от неимения рынков для сбыта своих товаров»[90]. Тем более это относится к России начала XIX в.

Низкая покупательная способность населения Средней Азии, слабое развитие товарно-денежных отношений были объективными факторами, затруднявшими ведение торговли в широких масштабах.

§ 3. Русско-английские противоречия в Средней Азии

После завоевания Индии активизировалась деятельность Англии в Иране и Афганистане. Эти государства, лежавшие на скрещении торговых путей, стремилась использовать Англия в своих экономических и политических целях. Одновременно Англия рассматривала эти страны и как плацдарм возможной борьбы с Россией. В официальных документах России, записках русских купцов, торговавших в Средней Азии и Иране в 30—50-е гг. XIX в., все чаще встречаются сообщения о проникновении туда английских товаров и разведчиков Англии[91]. Так, оренбургский генерал-губернатор сообщал в МИД, что в Бухаре «появились в значительном количестве английские товары, привезенные туда афганцами из Персии и Индии и продававшиеся за дешевейшую против российских цену». Приводя эти факты, министр иностранных дел России К. В. Нессельроде отмечал: «Эти сведения были основаны на одних показаниях азиатцев, которые из разных корыстных

---

[90] Голос, 4 марта 1879 г.

[91] См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства.., с. 156—157; Соколов А. Я. Указ. соч., с. 26—28.

целей стараются преувеличить всякие подобные известия, до торговли касающиеся» [92].

В первой половине XIX в. Министерство иностранных дел не придавало большого значения этим донесениям [93]. Правительство России полагало, что обширность индийского рынка и трудности пути в Среднюю Азию должны отпугнуть англичан от широкого экономического проникновения в Среднюю Азию. «Отсюда, — заключал министр, — едва ли можно когда-либо опасаться их соперничества [94]. Петербург больше беспокоило военное и политическое проникновение Англии на Средний Восток и в Среднюю Азию. В силу этих причин правительство России пыталось установить опорные пункты на Каспии, которые могли бы служить препятствием к продвижению Англии в Среднюю Азию. Особое внимание в Петербурге уделяли освоению нового торгового маршрута из Баку через Каспийское море к туркменским племенам или из Астрахани на Мангышлак и далее караваном в Хиву. Этот путь, полагало правительство, принесет немалые материальные выгоды и будет менее опасным и дешевым. В 1832 г. по согласованию с военным министерством и оренбургским генерал-губернатором П. П. Сухтеленом к берегам Каспийского моря была отправлена морская экспедиция под начальством коллежского асессора Г. С. Карелина. В инструкции, составленной П. П. Сухтеленом, Карелину предлагалось выяснить: «может ли представиться удобность завести коммерческие фактории или военную оседлость на восточных берегах (Каспийского моря. — *авт.*), будут ли препятствия среди береговых жителей или племен, может ли представиться удобность сообщений с Хивой, какие можно извлечь выгоды для коммерции или в военном отношении»? Карелину категорически запрещалось употреблять оружие против местного населения [95]. Большую помощь Карелину оказали туркмены, сопровождавшие его в пути [96]. Теснимые хивинским ханом и казахскими феодалами, они искали поддержки России. 5 туркмен-проводников Карелин представил к наградам, и они получили их [97].

Участники экспедиции описали и сняли на карту места от устья Урала до Тюб-Караганского мыса, исследовали рыбные промыслы на Каспии. Главным успехом экспедиции МИД России считал открытие мест, удобных для устройства укреплений (есть пресная вода и материал для строительства) [98]. Результаты экспедиции Карелина были вынесены на обсуждение в Азиатский комитет, который признал, что «настало время» к использованию того, что в продолжение целого столетия составляло предмет

[92] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1833 г., с. 175 об.

[93] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 28. — Материалы для описания Хивинского похода 1873 г.

[94] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1834 г., с. 211.

[95] РТО, док. 178, с. 265.

[96] РТО, док. 182—184; Карелин Г. С. Путешествие по Каспийскому морю. — Записки Русского географического общества, кн. X. Спб., 1883.

[97] РТО, док. 182, 184.

[98] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1833 г., л. 192 об. — 194.

«особенной заботливости» правительства. Было решено: «...Приступить к совершению сего предприятия и основать укрепление на этом месте» [99]. Император утвердил решение комитета, возложив ответственность за его исполнение на нового генерал-губернатора Оренбурга В. А. Перовского, пользовавшегося особым расположением Николая I.

В инструкции, переданной Перовскому, говорилось, что строительство производится «не из желания распространить пределы Империи, а единственно для пользы торговли, дабы открыть новые истоки для сбыта наших произведений, привлечь к торговле киргизов, туркмен, даже хивинцев, изучить земли между Каспийским и Аральским морями, а также выяснить, насколько Аму-Дарья судоходна, чтобы перевозить по ней товары в Хиву и Бухару». Кроме того, строительство укрепления, по мнению комитета, «усилило бы влияние России на все народы, кочующие по степям Верхней Азии» [100]. В заключение отмечалось, что строительство крепости важно для политического и торгового влияния России в Средней Азии. Было решено построить укрепление на северо-восточном берегу Каспийского моря, где кочуют туркмены, подданные России. Укрепление, названное Ново-Александровским, было построено в 1834 г. на месте, указанном Карелиным (М. А. Терентьев считает, что место это выбрано неудачно: далеко от караванных путей и мест ловли рыбы) [101]. Строительство крепости вызвало враждебную реакцию хивинского и кокандского ханов. Оба правителя пытались поднять против России казахов, туркмен, кочевавших возле нового укрепления, рассылали «возмутительные письма». Но эти действия не удались, и хивинский хан для примирения с Россией отпустил русских пленных, захваченных на Каспийском море. Более того, он впервые запретил торговлю русскими пленными [102].

Примирительная тактика хивинского хана позволила правительству России в 1836 г. направить к восточным берегам Каспийского моря новую экспедицию, которую вновь возглавил Г. С. Карелин. Ему было поручено изучить племена, населявшие побережье Каспийского моря, их отношения друг с другом, а также с соседними государствами: Ираном, Хивой и представить «Соображения о степени наших с ними сношений». Участникам экспедиции вновь предлагалось исследовать восточное побережье Каспийского моря, а также собрать сведения о путях в Хиву, ознакомить жителей Туркмении с русскими товарами, установить торговлю с населением края. Одним из поручений Карелину было привлечение туркмен в подданство России: «... В случае, если бы при сих сношениях какие-нибудь племена туркменов обратились к Вам с изъявлением своего желания, — читаем в инструкции Азиатского департамента МИД, — прислать сюда депутатов,

[99] Там же, л. 195—198 об.
[100] Там же.
[101] См.: Терентьев М. А. Указ. соч., с. 95.
[102] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1834 г., л. 207—207 об.

дабы ходатайствовать о чем-либо, то, не отклоняя подобного с их стороны домогательства, а, напротив, поддерживая их в сем намерении, Вы можете внушить им, чтобы они отправили для сего депутатов своих в Астрахань как ближайший пограничный город».

В этой инструкции говорилось об осторожном поведении в отношениях с «киргизами» и туркменами, «о ласковом с ними обхождении», чтобы поддержать в них любовь и доверие к России. Одновременно с этим предписывалось «воздерживаться от всяких внушений туркменам, подвластным Персии» [103]. В ходе экспедиции Г. С. Карелину и его помощнику И. Ф. Бларамбергу удалось убедиться в дружественном расположении туркмен к России, в их желании вступить в подданство России. Летом 1836 г. старшины и казии, собравшиеся в селении Гасан-Кули, обратились через Карелина с прошением к правительству России с просьбой о подданстве. «Мы, — писали они, — сильны числом и храбростью, но слабы согласием, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя» [104]. С такой же просьбой обратились туркмены и из других селений.

Правительство России оказывало туркменам материальную помощь [105], внимательно относилось к их просьбам о покровительстве, стремилось к расширению торговли с ними, но и на этот раз не решилось принять их в число своих подданных. Петербург по-прежнему не желал обострять отношения с соседними государствами, в частности с Ираном и Хивой. Инструкции Карелину и его донесения подтверждают эту мысль [106]. Карелин писал о вражде туркмен-йомудов с Ираном, недружелюбном отношении с Хивой, о борьбе этих стран за власть над туркменами. В этих условиях новый конфликт России с Ираном и среднеазиатскими правителями был бы неизбежным. Обострение обстановки в Средней Азии и на Среднем Востоке, и это отлично понимали в Петербурге, не могло не вызвать вмешательства Англии. Азиатский комитет, обсуждавший вопрос о подданстве туркмен, не вынес определенного решения: «Им не дали ни обещаний, ни отказа, чтобы не отдалять их от России», — сообщалось в отчете К. В. Нессельроде [107]. Это решение утвердил царь. Российское правительство в эти годы придерживалось осторожной, умеренной тактики в отношении государств Средней Азии, Среднего Востока и Казахстана. Предложения В. А. Перовского, настаивавшего на занятии русскими «хотя бы одного» пункта в Большом жузе Казахстана в целях «успокоения населения», были сочтены несвоевременными» [108]. Еще ранее были отвергнуты подобные проекты в отношении Хивы.

---

[103] РТО, док. 188, 205, 198.
[104] РТО, док. 199, 200, 202, 213 и др.
[105] РТО, док. 220, 228, 229 и др.
[106] РТО, док. 198, 220 и др.; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 309—309 об.
[107] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 309 об.
[108] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1834 г., л. 219 об.

Не имела Россия агрессивных намерений также и в отношении Афганистана и Ирана. В 30—50-е гг. XIX в. Россия стремилась восстановить прерванные русско-иранской войной 1826—1828 гг. торговые и политические отношения с Ираном. В начавшемся в 1833 г. конфликте между Ираном и Гератом, в который был вовлечен Афганистан, Россия выступала за дипломатическое урегулирование вопроса.

Через посланника России в Тегеране И. О. Симонича из Петербурга советовали шаху Мохаммеду, занявшему престол после смерти Фетх-Али-хана, не воевать с Гератом, а заняться внутренними делами своего государства [109]. Имеющиеся в зарубежной и советской литературе 20-х гг. XX в. утверждения о том, что Россия обещала военную помощь шаху в борьбе за Герат и даже поставить в руководство иранской армией посланника Симонича, не подтверждаются документами [110]. Несколько иного взгляда придерживается американский историк Г. Н. Ингл. Он полагает, что Симонич, вопреки инструкциям Нессельроде, призывавшим содействовать мирному разрешению ирано-афганского конфликта, спровоцировал Мохаммед-шаха на войну. За это самоуправство русский дипломат был дезавуирован Петербургом [111]. Ближе к истине суждения генерала В. Н. Троцкого. Он отмечал: «Основанием этих слухов были страхи Ост-Индского правительства, которое увидело в действиях персидского шаха таинственную руку России, направляющую Персию к расширению ее владений до берегов Инда» [112].

Мохаммед-шах, переоценив свои возможности и стремясь этим походом поднять свой авторитет в стране, направил в Герат иранские войска, что вызвало немедленные осложнения с Англией. Учитывая стратегическое значение Герата, Англия к 30-м гг. XIX в. прочно обосновалась в этом княжестве. Она использовала Герат как плацдарм для наступления на Среднюю Азию. Из Герата направляли англичане своих лазутчиков в Бухару и Хиву [113]. Ф. Энгельс писал, что Герат как стратегический центр всей области «в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном...» [114]. Гератскую армию направлял английский офицер ост-индских войск Поттинджер. Английский дипломат Макнейл подстрекал жителей Герата

---

[109] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 246 об. См. также: Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832—1838 гг. М., 1967, с. 41—44, 116—117.

[110] См.: Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии. М., 1925, с. 22; Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815—1840. — The Cambridge Historical Journal, 1929, vol. III, No. 1, p. 67; Jelavich B. A. Century of Russian Foreign Policy 1814—1914. New York, 1964, p. 83.

[111] Ingle H. N. Nesselrode and Russian Repprochement with Britain 1836—1844. Berkeley—Los Angeles—London, 1976, p. 75—78.

[112] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 28. — Материалы для описания Хивинского похода 1873 г.; АВПР, ф. Главный архив I—9, 1834—1837 гг., д. 7, л. 37.

[113] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1838—1848 гг., д. 6, л. 54—58.

[114] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 126, 127.

к упорному сопротивлению иранцам, утверждая, что «независимость» города будет залогом безопасности владений Англии, а взятие Герата Ираном усилит влияние России на Среднем Востоке и будет угрожать британским владениям в Индии. По этому поводу Нессельроде не без иронии писал: «Англия во всем видит тайные замыслы против Ост-Индии» [115]. Из Герата посылали агентов в Среднюю Азию. Лондон через свои дипломатические и военные каналы требовал от шаха снять осаду Герата. Не получив положительного ответа, Макнейл вместе с членами миссии покинул лагерь шаха и направился к турецкой границе. В то же время английская эскадра появилась в Персидском заливе и захватила остров Харк. Английский офицер от имени своего правительства передал представителям шаха протест против подчинения Герата Ирану, считая это актом, «вредящим Англии». Он ультимативно заявил, что упорство шаха заставит Великобританию продолжить наступление [116].

Угроза Англии понудила Мохаммед-шаха в августе 1838 г. снять осаду Герата. Но иранцы сохраняли свои гарнизоны в некоторых городах Гератского княжества, что было использовано Англией как повод для разрыва дипломатических отношений с Ираном [117]. Шах был вынужден отступить, признать «независимость» Герата, вывести свои войска из других городов княжества [118]. Не имея возможности собственными силами отстоять свою независимость, шах просил содействия Петербурга по выводу английских эскадр из Персидского залива. Хотя правительство России не вмешивалось в конфликт, оно не отказало в этой просьбе шаху, выступив посредником в англо-иранских переговорах. Петербург предостерегал Тегеран от «неравной борьбы с Англией», вместе с тем он советовал шаху «не уступать ей во всем» [119]. Россия стремилась к примирению Ирана с Гератом, но не хотела потерять влияния на эти страны. Поэтому открытое вмешательство Англии в дела Ирана, Герата, Кандагара вызывало немедленную реакцию России.

В начале XIX в. Англия активно действовала и в Афганистане. Используя раздробленность и межплеменную борьбу в стране, Лондон еще в 1809 г. навязал афганскому эмиру договор, обязывавший его оказывать помощь Англии в борьбе с Ираном. В Кабул направлялись специальные миссии, целью которых были разведка и подчинение Афганистана исключительному влиянию Англии. Английский посланник в Тегеране откровенно говорил русскому представителю в Иране, что «на Афганистан надо смотреть

---

[115] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 248 об., 249.

[116] Там же, л. 256. И. О. Симонич в своих мемуарах оценивает поведение англичан как бестактное по отношению к Ирану (См.: Симонич И. О. Указ. соч., с. 120).

[117] См.: Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 150; Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983, с. 73.

[118] Подробнее см.: Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971.

[119] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 256 об.

как на границу нашей Индии»[120]. Желая сохранить свою самостоятельность, эмир Кабула Дост-Мохаммед обратился за помощью к России. С этой целью в 1835 г. он направил в Петербург своего посла[121]. С ответным визитом для знакомства со страной и развития русско-афганских отношений через Кавказ и Иран в 1837 г. был направлен ссыльнопоселенец, поручик И. В. Виткевич. Одна из задач И. В. Виткевича сводилась к «примирению афганских владельцев», к убеждению в пользе тесного их между собой соединения» и важности для них покровительства Ирана в борьбе с Англией. Российскому дипломату вменялось также в обязанность «вступить в контакт с некоторыми торговыми домами Кабула, убедив их в выгодности непосредственных русско-афганских торговых связей»[122].

Известие о прибытии посланника России встретило резкую враждебность Англии. Ее разведчик Бёрнс, находившийся в Кабуле, расценивал этот визит «как сигнал для Великобритании опасного и усиливающегося влияния России в пограничных англо-индийских владениях»[123]. Англия активизировала свои действия в Кабуле, требуя от его правителя выступить в гератском конфликте против Ирана. Вражда между владетелями отдельных афганских племен помогала выполнению плана Великобритании. В этой обстановке Дост-Мухаммед-шах уступил нажиму Англии.

И. В. Виткевич не мог не заметить зависимости Кабула от Лондона. «Дост-Мухаммед-шах, — писал он, — предался совершенно англичанам и условился послать войска на помощь принцу гератскому». Нессельроде, комментируя наблюдения Виткевича о событиях на Среднем Востоке, так определил назначение политики России в Средней Азии и в соседних с ней странах: «Поддерживать те чувства уважения и справедливого доверия, которые питают уже к России народы Средней Азии. Но поскольку Иран и Афганистан, — продолжал министр, — более приближены к границам Империи, то подлежат исключительному ее влиянию»[124].

Россия не желала уступать своих позиций на Среднем Востоке, противилась диктату Лондона над Кабулом, но она не хотела и войны с Англией. Через своего посла в Лондоне правительство России убеждало английский кабинет в неосновательности его опасений за прочность ост-индских владений, которые якобы хочет поколебать Россия. Правительство России многократно заявляло и подтвердило на деле, что его политика в Азии «чужда враждебных замыслов против Ост-Индии»[125]. В англо-иранских переговорах, которые велись в Лондоне в 1838—1840 гг., Россия стре-

[120] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1834—1847 гг., д. 7, л. 36—36 об.; Ingle H. N. Op. cit., p. 75.

[121] Подробнее см.: Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959, гл. 1.

[122] АКАК, т. VIII. Тифлис, 1881, док. 874, с. 944—945.

[123] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1834—1838 гг., д. 20, л. 7 об.

[124] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838 г., л. 270—270 об., 272—277 об.

[125] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1839 г., л. 283—284 об.; Ingle H. N. Op. cit., p. 86.

милась примирить обе стороны. Петербург считал, что российское и британское правительства «должны находиться в Персии в добром согласии» [126]. «Успокоение» на Среднем Востоке было необходимо также и для единства действий России и Англии на Ближнем Востоке, где вновь обострилась обстановка в связи со вторым турецко-египетским кризисом [127].

Продолжавшееся ирано-английское столкновение, а также новые осложнения на Ближнем Востоке позволили Англии начать агрессию против Афганистана [128]. В качестве повода были использованы претензии Дост-Мохаммеда на Пешавар и его попытки установить связи с Россией. В 1839 г. англичане вторглись в Синд, захватили Карачи, Кандагар, Кабул. Дост-Мохаммед-шах бежал из столицы.

Открытая агрессия Англии сплотила афганские племена, которые хорошо знавший Средний Восток Н. В. Ханыков называл «фанатически храбрыми» [129]. В Кабуле вспыхнуло народное восстание, в ходе которого завоеватели были изгнаны. В декабре 1841 г. Англия была вынуждена подписать с Афганистаном соглашение о выводе своих войск из страны.

В разгар англо-афганской войны и ирано-афганского конфликта Россия впервые в истории русско-среднеазиатских отношений первой половины XIX в. дала согласие на военное выступление против Хивы, что подчеркивает политическое и стратегическое значение экспедиции. Да и сам В. А. Перовский, инициатор этого плана, при обсуждении его в Азиатском комитете откровенно признал, что даже если торговля с хивинцами совсем прекратится — беда невелика: оттуда и так приходит мало караванов. В 1836 г., когда рассматривался этот проект, Азиатский комитет не поддержал начинания В. А. Перовского по захвату Хивы. Он считал, что предложения генерал-губернатора не согласны с намерениями России и с ходом политических дел в Иране [130]. Однако царь не подписал журнала комитета и потребовал от Перовского новых доказательств в пользу его плана. В конечном итоге Азиатский комитет вынужден был изменить решение, и император утвердил журнал комитета о принятии «решительных мер» против Хивы. Первоначально это выразилось в задержании хивинских купцов, приезжавших для торговли на Оренбургскую линию, как заложников до освобождения русских пленных из Хивы.

---

[126] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1834—1847 гг., д. 7, л. 28.

[127] См.: Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, гл. 1.

[128] Согласно господствующей в зарубежной литературе версии причиной выступления Англии послужили интриги Виткевича и Симонича (Norris I. A. The Afghan War 1838—1842. New York, 1967). Однако есть ученые, указывающие на «историческую русофобию» как на важный фактор британской внешней политики (Thornton A. P. Afghanistan in Anglo-Russian Diplomacy 1869—1873. — The Cambridge Historical Journal, 1954, vol. 11, No. 2, p. 205; Gleason J H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950).

[129] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6808, л. 6.

[130] См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 250, 254.

Меры по задержанию купцов предлагал и ранее Сухтелен: они были повторены Перовским. Однако Азиатский комитет ранее отверг это предложение, как «могущее иметь вредные последствия и навсегда расстроить связи с народами Азии» [131]. Отрицательный ответ на меры оренбургского генерал-губернатора аргументировался также опасностью установления более тесных отношений ханств Средней Азии с Англией.

Согласившись в конце 30-х гг. на военное выступление против Хивы, правительство России не торопилось с его реализацией, так как ему нужно было не иметь Иран, Англию и Бухару в стане противников России. К этому были направлены усилия русских дипломатов в Лондоне и Тегеране. «Бухарцы уверяют, — сообщал Перовский Нессельроде, — что англичане заняли Кандагар и готовятся занять Герат и Кабул». Высказывались также предположения об объединении усилий Ирана и Хивы «по делам туркмен» [132]. О связи между агрессией Англии на Среднем Востоке и действиями России в Средней Азии говорят донесения русского посла в Лондоне Бруннова Нессельроде. Посол полагал, что активность Англии на Среднем Востоке совпадает с событиями в Османской империи — переговорами европейских держав о подписании соглашения с Турцией (первая Лондонская конвенция, определившая ведущее положение Англии на Ближнем Востоке, была подписана в 1840 г.). Рассматривая русско-английские отношения, Бруннов писал: «Политика европейская и азиатская в отношениях между Россией и Англией не составляют **две**, а **одну**» [133].

Так, угроза утверждения Англии на Среднем Востоке и в Средней Азии, действия английской агентуры в Бухаре, Хиве и Коканде, и, наконец, события, связанные с завершением турецко-египетского кризиса, побудили Россию изменить свою тактику и санкционировать военное выступление против Хивы. Причинами, ускорившими экспедицию, были грабежи и нападения хивинцев на русские и бухарские караваны. О грабежах и нарушении нормального хода торговли многократно доносила в Петербург оренбургская администрация. Факты нападений хивинцев на купеческие караваны приводят и зарубежные авторы, считая их одной из причин похода Перовского [134]. Однако грабежи и угон скота хивинцами у казахов были обычным явлением. Они происходили и в начале XIX в., но тогда правительство возражало против вооруженной борьбы с хивинцами [135].

---

[131] АВПР, ф. Главный архив IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 25 об., л. 4 об.

[132] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1832—1848 гг., д. 5, л. 79.

[133] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1839—1864 гг., д. 14, 16 об., 269.

[134] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1832—1848 гг., д. 5, л. 70; Stumm H. Russia in Central Asia. London, 1885, p. 24—25; Pierce R. Russian Central Asia 1867—1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles, 1960, p. 18.

[135] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1852—1859 гг., ч. I, л. 60; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 28 об.

В марте 1839 г. Особый комитет по указанию Николая I обсуждал вопрос о военном походе в Хиву. Официально цели этого похода сводились к освобождению русских пленных и устранению препятствий в торговле, чинимых хивинцами. В случае удачи похода предполагалось отстранение прежнего хана и назначение дружественного России правителя. Поход из Оренбурга намечался в 1840 г. с тем, чтобы в 1839 г. была проведена его тщательная и незамедлительная подготовка: строительство складов, основание становищ, закупка скота, фуража и обмундирования для солдат. Однако В. А. Перовский решил ускорить события. Он убедил Николая I в целесообразности выступления поздней осенью 1839 г., когда отсутствие воды можно заменить снегом, а главное — опередить подготовку нападения хивинского хана, узнавшего о походе [136]. Стремясь успокоить Англию в ситуации, когда шли переговоры по урегулированию восточного кризиса конца 30-х гг., Петербург обстоятельно уведомлял Лондон о целях экспедиции, предложив не усматривать в ней ответ на британские действия в Афганистане. Но заверения Нессельроде не ослабили нервозности Пальмерстона. Вероятность русско-английского столкновения нарастала, пока не потерпели неудачу англичане в Кабуле и Перовский в своем походе [137].

Одновременно с экспедицией В. А. Перовского намечалась и другая — в Бухару во главе с Е. П. Ковалевским. Помимо налаживания торговли, ее цель сводилась к удержанию бухарского хана от совместного с Хивой выступления против России. В начале пути на караван совершили нападение казахи, и Ковалевский вынужден был отказаться от самостоятельного путешествия и присоединиться к экспедиции Перовского.

С отрядом в 4 тыс. человек, 10 тыс. верблюдов и 12 пушками оренбургский генерал-губернатор в ноябре 1839 г. направился в Хиву [138]. В декабре 1839 г. он подошел к Эмбенскому укреплению и двинулся к Ак-Булаку. Там Перовский был вынужден повернуть обратно: к февралю 1840 г. более половины верблюдов пало, кончались топливо, фураж и продовольствие. Многие участники экспедиции обморозились, начались глазные болезни, цинга. В июне 1840 г. уцелевшая часть отряда прибыла в Оренбург. Хива не была завоевана Перовским, но этот поход отрезвляюще подействовал на хана. В 1840 г. более 600 семей русских

---

[136] О хивинской экспедиции В. А. Перовского см.: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. II. Ташкент, 1912; Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. Спб., 1890; Захарьин И. Н. Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. Ч. I—II. Спб., 1901; Терентьев М. А. Указ. соч., т. I; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 274—278; Stumm H. Op. cit., p. 26—42.

[137] Ingle H. N. Op. cit., p. 92—93.

[138] Сообщение о походе в официальной его версии — «для обуздания хивинцев» — содержится в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1839 год, № 278.

пленных были освобождены [139]. Среди них находились люди, более 50 лет проведшие в плену. В июле 1840 г. хан издал фирман всем подвластным ему народам, в котором под угрозой смертной казни запрещалось покупать русских подданных [140]. Это решение было повторено и в письме хана в Оренбург. Петербург оценил действия Хивы как «проявление раскаяния хана в прежнем вероломстве» и восстановил с Хивой политические отношения, отпустил задержанных в России хивинских купцов и возвратил отобранные у них товары. Нормализация отношений с Хивой была также связана с действиями англичан в ханстве, «которые с ноября 1840 г. были при хане и стремились попасть в Коканд» [141]. Они предлагали хану «закрыть русским навсегда доступ в его владения и заключить наступательный и оборонительный союз с Англией» [142]. Но хан, напуганный походом Перовского, заявил о желании исполнять все требования России. Миссия Англии не принесла Лондону ожидаемых результатов. В 1840 г. британские газеты были наполнены паническими прогнозами относительно намерений России в Средней Азии [143]. В мае 1841 г. англичане вынуждены были покинуть Хиву [144].

Министерство иностранных дел России, оценивая результаты экспедиции, указывало: «Поход обратил внимание Европы. Он был предпринят почти в одно время с действиями англичан в Афганистане и вызвал опасения английского кабинета, не доверявшего действиям России в Средней Азии» [145]. Иной была реакция афганцев. Они, «узнав о походе, обрадовались, полагая, что он направлен против англичан» [146]. Как считал официальный Петербург, поход Перовского поднял авторитет России у среднеазиатских ханов и подорвал позиции англичан. Очевидно, влияние Англии было поколеблено не движением царских войск к Хиве, а английской экспедицией в Афганистан. «События в Афганистане показали опасность для Англии расширения владычества Ост-Индской компании», — сообщалось в отчете МИД России [147]. Однако предложенную Перовским идею новой экспедиции правительство не восприняло, что вызвало недовольство сторонников генерал-губернатора. Позднее Перовский и его единомышленники подвергнут критике российское правительство за чрезмерную осторожность, доказывая, что благоразумнее было бы принять

---

[139] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 317 об. — 318; Skrine F. H. The Expansion of Russia 1815—1900. Cambridge, 1900, p. 131; Stumm H. Op. cit., p. 41—42.

[140] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 316 об.

[141] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1832—1848 гг., д. 5, л. 118. — Перовский—Нессельроде 6 мая 1841.

[142] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 31.

[143] Gleason I. H. Op. cit., p. 246—248.

[144] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1832—1848 гг., л. 118 об.

[145] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1839 г., л. 299—299 об.

[146] Там же, л. 300 об.

[147] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 231.

вызов англичан на просторах Азии, а не на бастионах Севастополя [148].

В 1839 г. Лондонский кабинет просит содействия правительства России в освобождении из плена двух английских офицеров, ранее направленных в Бухару с разведывательной целью. Комментируя обращение Лондона, МИД России писал: «Таким образом, сами англичане осознают влияние России в Средней Азии» [149]. В 1842 г. английские офицеры были казнены ханом. Нессельроде объяснял действия Бухары, помимо вероломства хана, стремлением Англии «распространить свое влияние на сопредельные с нами области Средней Азии» [150]. В свою очередь, бухарский эмир через своих послов, прибывших в Петербург, просил «защиты от англичан, грозящих завоевать Бухару, и хивинцев, грабящих их караваны» [151].

В условиях агрессии Англии на Среднем Востоке, ее экономического и политического проникновения в Среднюю Азию, Россия была особенно заинтересована в сближении со среднеазиатскими ханствами. Министерство иностранных дел считало 1840 г. «началом новой эры» в истории сношений с приближенными к России ханствами Средней Азии, имея в виду возросший пиетет России в глазах правителей после похода В. А. Перовского, «устрашившего ханства» [152]. Действительно, все среднеазиатские ханы в начале 40-х гг. XIX в. прилагали усилия к нормализации отношений с Россией. «Даже кокандский хан, — сообщается в отчете МИД за 1841 г., — сделал первый шаг к восстановлению с нами дружественных сношений, прерванных с 1831 г.». Видимо, причины этого сближения крылись не столько в страхе ханств перед Россией (поход Перовского не удался), сколько в явной опасности, угрожавшей интересам России в Средней Азии и самим ханствам со стороны Англии. Это определяло их взаимное тяготение. «Азия в политическом отношении получила в последнее время особенное значение не только в глазах тех государств, коих интересы более или менее связаны с судьбой азиатских народов, но и в глазах всей Европы. Дела в Афганистане и война Англии с Китаем («опиумная» война. — *авт.*) не могли не возбудить всеобщего внимания», — подчеркивает МИД России политический аспект событий в Азии [153].

Весной 1841 г. из Оренбурга отправились одна экспедиция в Бухару, а другая экспедиция — в Хиву, обе по просьбе правителей среднеазиатских государств. Научно-дипломатическую миссию в Бухару возглавлял горный инженер, подполковник К. Ф. Бутенев. Цель поездки заключалась в проведении горно-

---

[148] Ingle H. N. Op. cit., p. 94—95.
[149] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1839 г., л. 301.
[150] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 286.
[151] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 327; Stumm H. Op. cit., p. 26—27.
[152] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 314 об.; Stumm H. Op. cit., p. 26—27.
[153] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 252 об.

рудных изысканий, в сборе сведений о Бухаре и соседних странах, в установлении прочных русско-бухарских отношений, которые следовало оформить документально [154]. Миссии было поручено договориться об учреждении русского консульства в Бухаре и соседних странах, а также добиться возвращения задержанного в Бухаре английского подданного Строддарта, прибывшего в ханство от Ост-Индского правительства в 1839 г. с тем, чтобы убедить хана не оказывать помощь кабульскому владетелю Дост-Мохаммед-хану [155]. Последняя просьба была связана с обращением английского правительства к Николаю I. Это, по мнению Несельроде, «может до некоторой степени служить доказательством, что в Бухаре влияние англичан не приобрело еще себе благонадежного основания» [156].

Участники экспедиции вели изыскательные работы (в районе Самарканда были обнаружены месторождения каменного угля), изучали экономику ханства, выясняли влияние там Англии. По их наблюдениям, английских товаров в Бухаре немного и они не лучшего против русских качества. Однако до осени Бутенев не имел возможности встретиться с ханом, воевавшим с Кокандом. Только в ноябре 1841 г., победив Коканд, хан Насрулла возвратился в Бухару и согласился принять русского посланника. Хан вел себя надменно. Ознакомившись с проектом акта, переданным ему Бутеневым, он не принял его условий. Даже просьба о выдаче русских пленных, находившихся в Бухаре, не говоря уже об английских офицерах, не была удовлетворена.

Неудача посольства в Бухаре показала сложность обстановки в Средней Азии, где наибольшую самостоятельность проявлял бухарский хан, одержавший победу над Кокандом. Непримиримость Бухары заставляла Россию настойчивее стремиться к соглашению с другими ханствами.

Одновременно с экспедицией Бутенева в мае 1841 г. была отправлена миссия капитана генерального штаба П. Никифорова в Хиву. Программа действий, предложенных правительством России главе экспедиции, была обширной: «Утвердить хана хивинского в доверии к правоте намерений его императорского величества, склонить хана к прекращению навсегда всяких враждебных действий против России и ее подданных, обязать хана к недопущению впредь пленения русских и к обеспечению лиц и имуществ их как в самой Хиве, так и между подвластными ей кочевыми племенами; определить границу влияния хивинцев на кочевые народы в степи и постановить некоторые условия для торговли нашей в ханстве, и в особенности по предмету взимания пошлины, которая весьма отяготительна и совершенно произвольна» [157]. Кроме того, Никифорову предлагалось «водворить в Хиву русского агента как покровителя российских подданных и посредника между хивинскими владетелями и оренбургским пограничным

[154] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. III. Ташкент, 1912, док. 1, 7 и др.; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 294—302; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 251.

[155] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 330 об.

[156] Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 300.

[157] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 321—322.

начальством», просить хана не притеснять азиатские караваны, идущие в Россию или из России в Азию. Результаты переговоров следовало оформить юридически. В инструкции, составленной К. В. Нессельроде, были также обычные для экспедиции требования по сбору сведений о Хиве, ее торговле, военной топографии, статистике [158]. Передавая эту программу П. Никифорову, МИД признавал, что «большой уверенности в успехе всей программы нет, но что-то возможно добиться» [159].

Программы Бутеневу и Никифорову составлялись во время англо-афганской войны, в обстановке реальной угрозы ввода английских войск в Герат [160]. По сравнению с прежними инструкциями в них заметно стремление России к бóльшему подчинению политики ханов требованиям царизма, к закреплению договорными актами этих отношений, к установлению бóльшей определенности в решении пограничных русско-среднеазиатских отношений. Реализовать эту программу полностью России не удалось, но немало было сделано.

Хивинский Аллакули-хан принял П. Никифорова «с приличным вниманием и уважением, соответствующим достоинству русского агента». Все члены миссии во время пребывания в ханстве пользовались свободой в своих действиях, что составляло разительную противоположность с тем приемом, который был оказан хивинским ханом Мухаммед-Рахимом капитану Муравьеву в 1820 г. Показателем «доверия» нового хана к Никифорову было разрешение «открытым образом» производить съемки в Хиве. Однако, несмотря на учтивость обращения, обязательный акт не был подписан [161], но в бумагах, переданных ханом в Петербург с двумя его посланцами, говорилось о дружбе Хивы с Россией. Только в 1842 г., с приходом к власти Рахимкул-хана и направлением в Хиву нового посланника, подполковника Данилевского (П. Никифоров по пути в Петербург умер), хан поставил свою печать на русско-хивинском акте [162]. В документе этом говорилось о мире и дружбе государств, об отказе Хивы участвовать во враждебных действиях против России, в том числе в Казахской степи и на Каспийском море; хан отказывался держать в неволе русских пленных. Что касается торговых отношений России и Хивы, то Рахимкул-хан обязался не облагать русские товары более чем 5%-ной пошлиной с цены товара. Однако в акте отсутствовали статьи, разрешавшие пребывание в Хиве уполномоченного России, а также не было упоминания о русско-хивинском разграничении в Казахстане, на чем первоначально настаивало правительство России. В Петербурге понимали зыбкость этого договора, допускали возможность отказа хана от подписанного соглашения,

---

[158] Там же, л. 322 об.
[159] Там же, л. 323; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6785, л. 31 об. — 32.
[160] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 222.
[161] Там же, л. 247, 247 об., 249 об.
[162] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. IV. Ташкент, 1914; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 322.

тем не менее считали его «точкой опоры» в дипломатических отношениях с Хивой на будущее [163]. Это был первый в истории русско-среднеазиатских отношений письменный акт, заключение которого свидетельствовало о возросшем влиянии России в ханствах.

Стабилизация обстановки в Средней Азии в начале 40-х гг. XIX в. отразилась на характере русско-азиатской торговли. В ней стали участвовать русские купцы (ранее ее вели мусульмане). На это обстоятельство обращал внимание правительства Нессельроде: «Торговцы России с некоторых пор сами уже стали ездить в Хиву. Там они не терпят никаких обид и притеснений и принимаются благосклонно». Русско-хивинский договор представляет интерес и в политическом аспекте. Он подписан с государством, которое «по важности своей относительно России должно занять первое место между владениями Средней Азии». Он был также определенным барьером против английского проникновения в Среднюю Азию.

Переговоры и подписание русско-хивинского акта положительно сказались и на обстановке в Казахстане. Казахи «ищут теперь милосердия России», говорилось в отчете МИД [164].

В 1841 г. было проведено «окончательное разграничение» между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств. С помощью русских чиновников от пограничного управления сибирских казахов и Оренбургского пограничного управления в декабре 1841 г. было заключено «Письменное мирное условие», способствовавшее урегулированию прежних военных претензий казахов различных родов. «Это решение, — сообщалось в отчете МИД, — послужит действенным средством к утверждению в Орде порядка» [165].

Вывод английских войск из Афганистана, посредничество России в ирано-английских переговорах, закончившихся восстановлением в 1841 г. дипломатических отношений двух стран и подписанием англо-иранского торгового договора, содействовали смягчению обстановки на Среднем Востоке. Вместе с тем эти события показали Ирану, Герату, Афганистану истинные цели английской «помощи» этим странам. После провала английской агрессии в Афганистане Лондон стал более сговорчивым. По требованию Ирана, при активной поддержке России, Англия в январе 1842 г. вывела свои войска с иранского острова Харк, который она занимала с 1838 г. «Эти действия России, — считал МИД, — подняли ее авторитет в Персии» [166]. Понимая, что позиции Англии на Среднем Востоке и в Средней Азии подорваны, Лондон предпринял усилия по сближению с Россией. Это проявилось в посредничестве дипломатов Англии и России в ирано-турецких спорах по пограничным вопросам, совместном выступлении представителей России и Англии в ирано-хивинском пограничном конфликте

---

[163] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 294.
[164] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1845 г., л. 181; 1842 г., л. 295, 287.
[165] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 264 об. — 265.
[166] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 247—247 об.

по поводу владения туркмен и пленения хивинцами иранцев. Обе державы были едины в мирном урегулировании спора. Они предложили иранскому шаху вступить в переговоры с ханом при посредничестве русского и английского чиновников. Нессельроде писал по этому поводу: «Отклонению оных (враждебных действий шаха против Хивы. — *авт.*) государство сие (Иран. — *авт.*) обязано единственно великодушному участию Вашего Величества в судьбе его, и тому совершенному согласию, которое во все это время соединяло императорские миссии на Востоке с посольством Великобританского правительства. Все вопросы решались по предварительному между Россией и Англией совещанию»[167]. При известном преувеличении русско-английского единства в Иране 40-х гг. XIX в. следует заметить, что Россия после подписания лондонских конвенций 1840—1841 гг. по Ближнему Востоку более настойчиво, чем прежде, стремилась к стабилизации обстановки на Среднем Востоке и в Средней Азии, к нормализации отношений с правителями Средней Азии, Среднего Востока и Англией. С этой мыслью соглашаются и отдельные зарубежные исследователи. Так, Г. Н. Ингл, к примеру, считает, что инициатива в смягчении русско-английских противоречий в Средней Азии на основе разграничения сфер влияния принадлежала не Лондону, а Петербургу[168]. Как сообщал Нессельроде, глава английского правительства Пиль, сменивший Пальмерстона, готов «разрешать по соглашению с императорским двором все, касающиеся до Персии и Средней Азии вопросы». Английское правительство, по словам Нессельроде, поняло, «что для обоюдных выгод не следует преступать хребта Гиндукуша, составляющего как бы естественную грань обоюдного влияния двух европейских держав в Азии». Английское правительство «объявило твердое намерение отнюдь не простирать своей власти на земли, лежащие по северную сторону Гиндукуша»[169]. «Англия не стремится к военным экспедициям, — писал Бруннов Нессельроде 7(19) ноября 1841 г. — Страх, например, за Герат слишком долго у Англии не проходил, и она не хочет столкновений с Россией»[170]. Не следует, конечно, полностью доверять этим «заявлениям», передаваемых русским послом. Однако они говорят о вынужденном лавировании Лондона после англо-афганской войны, о необходимости считаться с интересами России на Среднем Востоке.

Неудачу Англии по закабалению Ирана и Афганистана Россия использовала для укрепления своих экономических позиций в Закавказье, Средней Азии, Иране. В 40-е гг. XIX в. создаются общества по закавказской торговле с участием московских и ивановских купцов, а также магазин русских изделий в Астрабаде; купцы Центральной России шире вовлекаются в русско-азиатские

---

[167] Там же, л. 260—261, 262 об.
[168] Ingle H. N. Op. cit., p. 150—151.
[169] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1841 г., л. 230 об. — 231.
[170] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1839 г., д. 14, л. 220 об. — 221.

торговые отношения [171]. В эти же годы кокандский хан Магомет-Али «сделал первый шаг к восстановлению дружественных отношений с Россией» [172]. Он направил посольство в Петербург, которое было встречено там весьма благосклонно. Этому акту хана предшествовали усилия со стороны России. Весной 1839 г., когда готовился поход на Хиву, России необходимо было не допустить совместного выступления ханств против нее. Тогда российский МИД решил действовать через своего посла в Константинополе А. П. Бутенева, который должен был встретиться с представителем там кокандского хана [173]. Русскому послу надлежало провести дипломатическую разведку возможностей по восстановлению русско-кокандских отношений. Кокандский посланник выразил свое расположение России, но конкретных результатов эта встреча не дала. Не привело к подписанию договора и кокандское посольство в Петербург, хотя западносибирский генерал-губернатор П. Д. Горчаков весьма старательно действовал в плане сближения двух государств. В июне 1844 г. из Коканда в Омск, к генерал-губернатору Западной Сибири, приехал новый посол с грамотой хана, в которой не содержалось конкретных предложений по сближению. Коканд по-прежнему совершал нападения на казахов, «бунтовал» их против России.

С середины 40-х гг. правительство России осуществило в Казахстане ряд административных реформ, цель которых сводилась к приближению этой окраины по административному устройству к империи. В июне 1844 г. на заседании Особого комитета и Государственного совета были рассмотрены и утверждены императором «новые Положения» для управления казахами. Эти «положения» были призваны «улучшить» управление в жузах, «не делая, однако, коренного преобразования». Было решено увеличить число чиновников в пограничной комиссии; к трем прежним султанским правителям «киргизских орд» прибавляли четвертого султана-правителя; увеличивалось число киргизских начальников, избираемых из казахских общин. Для устранения столкновений казахов с русским населением Оренбургской линии вводилась должность попечителя, охранявшего интересы русских [174]. Не отказываясь от применения военной силы для подавления «бунтов», правительство полагало, что «киргизы заслуживают снисхождения, их надобно не столько карать оружием, сколько стараться вразумлять и образовывать». В Петербурге казахов считали наиболее преданным народом и стремились приблизить их к России. «Иногда милость, оказанная во-время и кстати, действует больше, чем сила», — заявлял министр иностранных дел А. М. Горчаков [175].

---

[171] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 38, д. 540, л. 36. Подробнее об этом см.: Куканова Н. Г. Очерки русско-иранской торговли первой половины XIX в. Саранск, 1977.

[172] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 276—276 об.

[173] Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии, с. 332—335.

[174] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1844 г., л. 211, 212—212 об.

[175] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 277 об.

В 40—60-е гг. XIX в. местная администрация с санкции Петербурга открывала школы для казахских детей с целью подготовки «нужных людей для ведения письмоводства в Орде, а также распространения знания русского языка и некоторой грамотности между киргизами». При составлении программ предлагалось учитывать нравы и обычаи «кочевого народа» [176]. В 1850 г. в Оренбурге была открыта первая школа для казахов, в которой обучалось до 30 человек [177]. «Цель русских школ у казахов, — справедливо пишет американский историк Ричард Пирс, — воспитывать послушную царизму местную интеллигенцию и местное чиновничество низшего звена» [178]. Помимо этой цели, светское образование, вводимое Россией, несло просвещение в массы, освобождая их от покорного следования корану, способствовало сближению местного и русского населения. Правительство России полагало, что проведение административных реформ в Казахстане приведет к «водворению порядка» в «Киргизской степи», ослабит влияние кокандского хана и Хивы. По мнению Нессельроде, «единственным средством против происков ханов Средней Азии в отношении киргизов является большее их подчинение законной власти, к чему устремлялись действия нашего правительства» [179].

В 40-е гг. XIX в. царизм, помимо дипломатических мер, предпринимает и военное наступление в Казахстане. В 1845—1847 гг. были построены укрепления: Уральское на Иргизе, Оренбургское на Тургае, Ново-Петровское на Мангышлаке (вместо срытого Ново-Александровского), Аральское (Раим). Строительство крепостей, по мнению правительства, «вело к упрочению нашей власти в Киргизских степях и постепенному сокращению там влияния хивинцев, кокандцев, бухарцев, присваивавших себе владычество над многими киргизскими родами, состоящими в подданстве России» [180].

В 1846 г. в Петербурге Николай I принял султана «Западной части Киргизской Орды» Баймухаммеда Айчувакова. Ему был оказан «благосклонный» прием и выданы награды. Этот визит был расценен в Петербурге как выражение упрочивающихся связей России с Казахстаном. Особенно примечательным для правительства России было сближение с Большим жузом, подданство которого России до середины 40-х гг. XIX в. «было более мнимым, нежели действительным». Через Большую Орду, занимавшую богатую территорию Семиреченского края, царская администрация рассчитывала расширить торговые связи с Западным Китаем и Кашгарией, установить «самый безопасный путь в Ташкент и Коканд» [181].

Донесения западносибирской администрации о прибытии

---

[176] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1844 г., л. 213.
[177] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1850 г., л. 182 об.
[178] Pierce R. Op. cit., p. 204.
[179] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1845 г., л. 180 об.
[180] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1846 г., л. 194 об. — 195.
[181] Там же, л. 200, 202, 203.

в Омск депутатов от казахов Большой Орды с просьбой принять их под покровительство России расценивали в Петербурге как победу русской политики и управления в Казахстане [182]. Подстрекательства хивинцев и кокандцев в эти годы к выступлению казахов против России не имели успеха, что, как отмечал Нессельроде, доказало, «до какой степени киргизы дорожат покровительством России». Правительство предписывало приставам действовать с «осторожностью» и «воздерживать (казахов. — *авт.*) от предосудительных поступков тихими мерами» [183]. Петербург с готовностью принимал посланцев казахов в столице, стараясь удовлетворить их просьбы [184], тем более, что строительство укреплений в Казахстане, в частности Раимского в устье Сырдарьи, осложнило отношения с Кокандом и Хивой. Хотя крепости находились на территории российских владений, кокандский хан выразил свой протест. Он направил в Петербург посольство для переговоров по этому поводу. В Омске, куда прибыл посол, западносибирский генерал-губернатор пытался его успокоить, заявив, что укрепления строятся для безопасности торговых путей, и Россия не имеет против Коканда враждебных целей. Члены посольства получили подарки, но следование их в Петербург было признано «неудобным» [185].

Объяснения правительства, переданные через западносибирского генерал-губернатора, и возвращение посольства из Омска в Коканд еще более ожесточили хана. Он усилил притеснения казахов, нападал на их кочевья, отбирал скот, облагал ясаком. Одновременно с этим он вел наступление и на Бухару. Бухарский эмир обратился за помощью к России. В конце 1848 г., после 6-летнего перерыва, было направлено посольство в Петербург с целью упрочить дружественные сношения с Россией. Посольство было принято Николаем I. В ответной грамоте российского правительства подтверждалось желание России поддерживать политические и торговые связи, для чего «необходимо соблюдать условия взаимности», то есть уменьшить пошлины с русских товаров, привозимых в Бухару, оказывать купцам защиту и покровительство. В грамоте вновь говорилось о необходимости возвратить на родину русских пленных, находившихся в Бухаре [186]. Россия в 1848 г. повторяла условия, которые выдвигались подполковником К. Ф. Бутеневым в 1841 г. и были отвергнуты эмиром. Петербург готов был восстановить политические отношения с Бухарой. В случае принятия эмиром требований России царское правительство соглашалось направить к эмиру «доверительное лицо» [187].

Благожелательная позиция России в отношении Бухары вытекала из общей обстановки в Средней Азии и на Среднем Востоке.

---

[182] Там же, л. 204—204 об.
[183] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1847 г., л. 217, 221.
[184] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1848 г., л. 207 об. — 229.
[185] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1847 г., л. 214 об. — 215.
[186] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1848 г., л. 309, 310.
[187] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849 г., л. 196.

Неудача в Афганистане не остановила Англию от дальнейшего наступления. Вслед за Синдом, в 1846—1849 гг. она проникла в Пенджаб. Английские эмиссары активно действовали в Бухаре.

«Успешному сбыту наших товаров в Бухарию в последние годы, — писал Нессельроде, — несколько препятствовал привоз туда английских товаров, которые проникают в среднеазиатские владения преимущественно через Персию». Однако министр по-прежнему считал опасность русско-английского торгового соперничества преувеличением русского купечества. «Непрочность этих (английских. — *авт.*) товаров, — заключал Нессельроде, — и сложность для англичан чего-либо вывозить из Средней Азии в обмен делает то, что соперничество их пока не представляет для нас большой опасности» [188]. В действительности, как показывают другие источники (записки частных лиц, материалы прессы), английская конкуренция представляла немалую угрозу для русской, еще слабой, торговли.

В конце 40-х — начале 50-х гг. Коканд и Хива, забыв свои распри, объединились в борьбе против России. Бухарский эмир вел себя уклончиво. Положительного ответа на предложение Петербурга он не давал.

Союзником России в эти годы остались казахи. Набеги хивинских и кокандских феодалов теснее привязали их к России. Они оказывали помощь при перевозках продовольствия в Оренбургское, Уральское и Раимское укрепления. «Баранта среди киргизов искореняется», — отмечалось в отчете МИД [189].

В конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. хивинский хан настаивал на выводе войск России из Раимского и Ново-Петровского укреплений, требовал прекращения плавания русских судов в Аральском море. Хотя Хива не имела прав на земли, населенные казахами, хан настаивал на своем требовании и направил посольство в Петербург. Его принял Николай I. В письмах царя и Нессельроде к хану высказывалось желание поддерживать мирные отношения с Хивой. Но их нарушают сами хивинцы: они нападают на казахов, собирают с них ясак, рассылают письма, направленные против России. Правительство России требовало «соблюдать правила доброго соседства» и прекратить выступления против казахов, подданных России, и населения, живущего в русских укреплениях. Россия соглашалась удовлетворить просьбу хана о направлении ответного посольства из России в Хиву только при условии соблюдения ханом правил «доброго соседства». Однако требования России не были приняты ханом, и враждебные действия Хивы против казахов продолжались [190].

Еще более недружелюбной в отношении России была политика Коканда; ханство продолжало нападения на казахов. На территории Большого жуза кокандцы построили крепость, назначение

---

[188] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1848 г., л. 316—316 об.
[189] Там же, л. 313—313 об., 318 об. — 319 об.
[190] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849 г., л. 201—203 об.; 1850 г., л. 174.

которой сводилось к установлению преград торговым отношениям России с Кашгарией, а также с «дикокаменными» киргизами (населявшими нынешнюю территорию Киргизии). В ответе правительства генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову, передававшему эти сведения в Петербург, говорилось о необходимости «принятия мер, какие по ближайшему усмотрению он найдет возможными и удобнейшими к ограждению наших интересов в Семиреченском крае». Одновременно с этим Петербург предписывал Горчакову, «чтобы степень наших в этом смысле усилий сообразовывалась с имеющимися средствами и чтобы были взвешены также все последствия, могущие произойти от принятия решительных мер» [191]. В условиях революционных событий в Западной Европе, движения горцев под руководством Шамиля Россия опасалась действовать в Средней Азии решительно. Учитывая опыт Кавказской войны, она стремилась предотвратить возможность выступления всех среднеазиатских ханств против царизма.

Однако открытые выступления кокандцев против казахов Большого жуза, угон их скота и населения в свои владения побудили генерал-губернатора с согласия военного министерства усилить гарнизон русского укрепления Копал. Эта мера была вызвана также претензиями Китая на земли казахов, кочующих вдоль Копальского укрепления, и требованиями его срытия [192]. Правительство России «дало понять», что казахи — ее подданные, а укрепление построено на территории, принадлежащей России. «Киргизы этих мест ранее ни от кого не зависели и добровольно поступили в подданство России, — писал Нессельроде. — Поскольку в последнее время их притесняли кокандцы, которые не имели на них никаких прав, то для ограждения киргизов по их просьбе было построено Копальское укрепление. Оно не угрожает китайцам» [193]. Китайское правительство было удовлетворено этим разъяснением Петербурга. В 1851 г. был подписан русско-китайский договор в Кульдже, способствовавший расширению русско-китайской торговли. Урегулирование русско-китайских отношений не изменило политики Коканда.

Враждебные действия кокандцев, направленные против казахов Большого жуза, продолжались. Это побуждало правительство России оказывать особое покровительство казахам. В частности, для тех из них, чей скот пострадал от засухи 1850 г., по распоряжению оренбургской администрации отпускали сено и выдавали ссуды, что должно было «укоренить чувства верноподданничества» царю [194]. В 1852 г. для поддержания среднеазиатской торговли Министерство финансов, с согласия МИД и утверждения царя, приняло решение, позволяющее купцам 2-й и 3-й гильдий Оренбургской и Астраханской губерний, а также Западной Сибири по

---

[191] Там же, л. 205 об. — 206; 1848 г., л. 206 об.
[192] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1850 г., л. 184.
[193] Там же, л. 190.
[194] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1851 г., л. 245, 228, 234—234 об.; 1852 г., л. 237.

заграничной с Азией торговле сохранять права купцов 1-й гильдии. Это распоряжение, по замыслу правительства и оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского (вновь занявшего этот пост в 1851 г.), должно было оживить торговлю с Бухарой, Казахстаном, Хивой.

Отношения с Кокандом в начале 50-х гг. оставались враждебными. «Кокандцы хотят привлечь к себе ближайшие киргизские роды, кочующие в Большой Орде на Сыр-Дарье, где у них построено несколько укреплений, — отмечалось в отчете МИД. — Они грабят киргизов, подданных России»[195]. К местам, прилегающим к Сырдарье, с целью «рекогносцировки» из Оренбурга с согласия правительства в 1852 г. была направлена экспедиция полковника (с 1853 г. генерал-майор) Бларамберга. Бларамберг исследовал правый берег Сырдарьи, изучал обстановку в Кокандском ханстве, производил съемку укреплений: Ак-Мечеть, Кош, Шил и др.

Многочисленные распри в ханстве привели к тому, что в 1852 г. в Малый жуз откочевало более 10 тыс. кибиток казахов, входивших в состав Коканда. В это время в Казахстан возвратился из Хивы и принял подданство России султан Илькей-Касимов, имевший влияние на казахов, кочевавших около Сырдарьи.

Эти и другие факты свидетельствовали об укреплении положения России в Казахстане к середине XIX в., чему содействовали также меры, принятые там российской администрацией. Среди казахских племен сократилась баранта, в жузах установилась известная стабильность. В то же время Коканд, не без поддержки Англии, усилил враждебные действия против казахов, подданных России[196].

Обстановка в Средней Азии, сложившаяся к началу 50-х гг. XIX в., позволила В. А. Перовскому с согласия правительства перейти к наступлению против Коканда. Летом 1853 г. войска России овладели крепостью Ак-Мечеть (форт Перовский). Дальнейшее продвижение России было остановлено Крымской войной[197].

Глава II

ПОЛИТИКА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 50-е—НАЧАЛЕ 60-х гг. XIX в.

§ 1. Средняя Азия в планах России и Англии в годы Крымской войны

Крымская война особенно активизировала антирусскую деятельность Англии. Провал прямой агрессии Англии в странах Среднего Востока в 30—40-е гг. XIX в. заставил английские правящие круги изменить тактику наступления и действовать под

[195] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1852 г., л. 231 об., 232—232 об.
[196] Там же, л. 238, 235—235 об.; 1853 г., л. 201.
[197] История Узбекской ССР, т. II. Ташкент, 1968.

личиной «помощи» Афганистану, среднеазиатским ханствам. В годы Крымской войны при материальной поддержке Лондона в Среднюю Азию и страны Среднего Востока были направлены турецкие агенты с целью объединить мусульманские народы в борьбе с Россией. Турецкие эмиссары побывали в Хиве, Коканде, Бухаре. «В Хиву явились агенты, подосланные Портою и английским правительством, — сообщалось в отчете МИД, — побудить хивинцев, вместе с другими среднеазиатскими владетелями организовать против России общее восстание». Однако хан хивинский «не решился на явную вражду». Для противодействия «козням турецких и английских агентов» правительство России поддерживало инициативу Перовского отправить к Хиву посланника России, чтобы отвратить хана от необдуманных поступков» [1]. Неудачи с Хивой не остановили противников России. Они переключили свое внимание на Бухару и туркменские племена [2]. Особое значение они придавали Бухаре — центру суннитского мусульманского мира Средней Азии, халифом которого был турецкий султан. В мечетях города читались воззвания султана о вооруженном выступлении мусульман против России; духовенство подстрекало жителей к газавату. «Но эмир бухарский, — отмечается в отчете МИД, — несмотря на явное расположение к Турции, несмотря на внушения его духовенства, остался доселе непреклонным в своем намерении сохранить мирные связи с Россией, без коей могла бы нарушиться торговля Бухарии, поддерживаемая главнейше оборотами бухарского купечества с нашими подданными». Турции и Англии удалось организовать зимой 1853/54 гг. лишь выступление 12-тысячного отряда кокандцев к крепости Ак-Мечеть. Бухарцы, хивинцы, казахи не поддержали Коканд. Отряд кокандцев был разбит русскими войсками. «Киргизы, кочующие у Сыр-Дарьи, — писал Нессельроде по этому поводу, — показали свою преданность России, старались помогать как могли» [3]. Неудачу кокандцев в походе правительство России расценивало как поражение Порты и Лондона в Средней Азии.

Одновременно со взятием Ак-Мечети Россия пыталась укрепить свои позиции в Заилийском крае (Большой жуз), на который претендовал Коканд. С этой целью за р. Или со стороны Семипалатинска был направлен отряд во главе с подполковником Перемышльским; там отряд начал строительство укрепления. В 1854 г. на р. Алма-Ата был построен г. Верный (ныне Алма-Ата), который стал центром Большого жуза. Здесь разместился военный гарнизон, здесь находился пристав, следивший за порядком в Большой Орде. Строительство укреплений замкнуло казахские жузы, преградило путь Коканду в Казахстан, привлекло на сторону России далеко кочевавших от русских границ

---

[1] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1853 г., л. 196, 197.
[2] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1854 г., л. 165.
[3] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1853 г., л. 197 об. — 198, 202—202 об.

«дикокаменных» киргизов. Они «прислали своих депутатов в Омск с просьбой принять их в подданство России»[4].

Однако английские и турецкие агенты, потерпев поражение в Казахстане и Средней Азии, не прекратили своей деятельности, направленной против России. Теперь объектом их усилий стал Иран. Они пытались использовать против России курдские полки, но безуспешно. Лондон, узнав о начавшихся по инициативе Ирана осенью 1853 г. русско-иранских переговорах в Тегеране, пытался их сорвать. Английское правительство демагогически обещало шаху ходатайствовать перед султаном о передаче Ирану спорных с Турцией территорий[5]. Английские агенты в Иране распространяли слухи о поражении России в войне, печатали провокационные сообщения в газетах с тем, чтобы подорвать авторитет России в глазах шаха. Об антирусской деятельности Англии сообщал командующему на Кавказе российский консул в Тебризе Н. В. Ханыков[6]. Однако вопреки происках Англии русско-иранские переговоры завершились подписанием 29 сентября 1854 г. русско-иранской конвенции о нейтралитете Ирана в Крымской войне. По этой конвенции Иран обязывался не оказывать материальную помощь противникам России, запрещал проход их войск через территорию Ирана. Россия, в свою очередь, отказывалась от взимания с Ирана оставшейся по Туркманчайскому договору доли контрибуции[7]. Заключение конвенции было большой дипломатической победой России, позволившей обезопасить русско-иранскую границу, помешать реализации планов Англии и Турции по вовлечению Ирана в антироссийский блок государств.

Дипломатические неудачи не остановили Лондон. Среди средств воздействия на страны Востока Англия решила использовать Афганистан — пограничное со среднеазиатскими ханствами государство. «Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии, — писал В. И. Ленин, — давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе... предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия»[8]. Англия поддерживала притязания Дост-Мохаммеда на земли по левому берегу Амударьи, ранее входившие в состав Бухарского ханства, разжигала афгано-бухарский конфликт. Лондон откровенно предлагал эмиру Афганистана свою поддержку в борьбе с его противниками. Дост-Мохаммед, решая свои внутренние дела по централизации государства, пошел на сближение с Англией. В Пешаваре состоялись переговоры сына эмира с представителем Ост-Индской компании, завершившиеся подписанием в 1855 г. договора о мире и «взаим-

---

[4] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1854 г., л. 182 об. — 183; 1853 г., л. 210 об.
[5] Там же, л. 153.
[6] См.: Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879, т. I. М., 1889, с. 319, приложение.
[7] АКАК, т. X. Тифлис, 1885, док. 716, с. 751.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 3.

ном уважении владений»[9]. Это соглашение давало возможность Лондону оказывать давление на внешнюю политику афганского эмира, активизируя его действия против Герата, Ирана и России. Агенты Дост-Мохаммеда под воздействием Англии пытались вовлечь среднеазиатские народы, в частности бухарцев, в борьбу с Россией, но встретили отпор эмира Насруллы. Кокандцы на протяжении Крымской войны действовали вместе с Англией и Турцией. Они нападали на владения России, рассылали «возмутительные письма» по кочевьям киргизов. В сентябре 1855 г. отряд кокандцев был разбит русскими войсками[10].

В годы Крымской войны в России не без основания считали наиболее опасным противником Англию. Не случайно именно в это время были написаны многочисленные записки по преимуществу военных деятелей России о необходимости наступательных действий России в Азии для нанесения там удара Англии. «Мир не может быть прочным, — писал генерал-лейтенант Хрулев в 1856 г., — потому, что Англия не перестает вредить России». Отсюда, заключал генерал, — **«война с Англией за Азию неизбежна»**[11]. В том же духе писали Торнау, Дюгамель, Бларамберг. Правительство России отвергло эти проекты как авантюристические, не учитывавшие реальную обстановку в Средней Азии и на Среднем Востоке, сложности внутреннего положения страны. Дальнейшие события подтвердили правильность этой позиции.

В начале 1856 г., воспользовавшись изменением международной обстановки, отвлечением внимания великих держав на Ближний Восток, иранский шах выступил против Герата, за территорию которого велась борьба между Ираном и Афганистаном. Английские правящие круги считали Герат «оплотом своих Ост-Индских владений» и потому поддерживали Кабул[12].

Россия, ослабленная Крымской войной, пыталась противодействовать планам шаха. Англия, выступавшая против захвата Герата шахом, поддерживала в этом вопросе Россию. Тем не менее шах продолжал наступление и в октябре 1856 г. овладел Гератом. В ноябре 1856 г. Англия, пользуясь англо-афганским договором, объявила войну Ирану. Английская эскадра вошла в Персидский залив, англичане оккупировали иранский остров Харк, овладели портом Бушир, Мохаммеру (ныне Хорремшах)[13]. Поражение иранской армии стало очевидным. По англо-персидскому договору, подписанному в марте 1857 г. в Париже, шах выводил свои войска из Герата, отказывался от своих претензий на его территорию, признавал независимость Афганистана и посредничество Англии в случае конфликтов Афганистана с другими государствами. Последнее условие облегчало вмешательство Вели-

---

[9] Подробнее см.: Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959, с. 64—66.

[10] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 283, 276.

[11] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1856—1864 гг., д. 12, л. 2 об.

[12] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., д. 285 об.

[13] См.: Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 178—179.

кобритании в дела Среднего Востока [14]. Анализируя англо-иранский договор, А. М. Горчаков писал, что он делает англичан «нацией, самой благоприятствующей на Востоке» [15].

Однако правительство России, истощенное тяжелой войной с Турцией и блоком европейских государств, было заинтересовано «в сохранении лояльных отношений с Ираном и в улучшении отношений с Афганистаном». С этой целью Министерство иностранных дел в депеше от 12 января 1857 г. просило российского посланника в Тегеране А. Е. Лаговского передать шаху намерения российских уполномоченных в Лондоне, Париже, Константинополе поддерживать Иран. В другой инструкции в Тегеран Горчаков сообщал, что правительство России освобождает шаха от уплаты части военно-контрибуционной суммы по условиям Туркманчайского договора [16].

В годы Крымской войны Иран соблюдал конвенцию о нейтралитете, подписанную в 1854 г. Усилия Англии и Турции по организации блока мусульманских государств, направленного против России, были сорваны. Разумным действиям русской дипломатии содействовали также противоречия, существовавшие между среднеазиатскими ханствами, Турцией, Ираном, Афганистаном.

§ 2. Три российские миссии в Среднюю Азию

Поражение царизма в Крымской войне заставило правительство временно отказаться от активной внешней политики и переключить внимание на внутреннее положение страны. Министр иностранных дел А. М. Горчаков, с суждениями которого считались царь и политические деятели Европы, на протяжении 25-летнего управления министерством, не уставал повторять, что «главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче» [17]. В международных отношениях в 50-х — начале 60-х гг. XIX в. центральной линией России была дипломатическая борьба за отмену ограничительных статей Парижского договора, запрещавших России — державе черноморской — иметь военный флот и строить крепости на Черноморском побережье. Однако непрекращающаяся экспансия Англии в Средней Азии, а также дальнейшее развитие капитализма в России с его потребностями в рынках заставляли царизм не выпускать из поля зрения и этот регион. «России нужен значительный рынок из-за возрастания нашей производительнос-

---

[14] Подробнее об этом см.: Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959.

[15] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 40 об.

[16] АВПР, ф. Главный архив I—1, оп. 781, д. 97, 1857 г., л. 19. — Всеподданнейший доклад А. М. Горчакова царю.

[17] Доклад А. М. Горчакова — Александру II 3 сентября 1865 г. — Красный архив, 1939 г., № 2(93), с. 108.

ти, — писал в 1857 г. генерал-майор Бларамберг. — Европа, так сказать, закрыта для нас вследствие соперничества других держав». Бларамберг обращал внимание правительства на соперничество Англии, полагая, что для нее «первейшей задачей» является «ослабить коммерческое влияние России в Азии». Для расширения русско-азиатской торговли и борьбы с английской конкуренцией он предлагал основать на Среднем Востоке компании купцов, которые обладали бы достаточными капиталами «и имели во главе них людей образованных» [18].

К концу 50-х — началу 60-х гг. XIX в. относятся многочисленные статьи в печати, публицистические работы, правительственные проекты, в которых проводится мысль о преимуществах русско-азиатской торговли перед европейской [19]. Сравнение записки Бларамберга и статей, составленных в конце 50-х гг. XIX в., с письмами и предложениями деловых людей в начале века свидетельствует о единстве их аргументации в пользу оживления русско-азиатской торговли. Различия заключаются в бо́льшей, чем прежде, тревоге по поводу активности Англии в Азии.

О путях утверждения России в Средней Азии представил письмо Александру II в декабре 1856 г. А. И. Барятинский, наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией. Он предлагал снарядить весной 1857 г. экспедицию для исследования местности между Каспийским и Аральским морями для строительства там железной дороги [20]. Железная дорога между этими морями, рассуждал Барятинский, расширила бы рынок сбыта русских товаров и укрепила бы политическое влияние России на Востоке, ослабив конкуренцию Англии. Наместник Кавказа предлагал усилить флот на Каспийском море, открыть путь к Аральскому морю, освоив в дальнейшем плавание по Сырдарье. Александр II, «признавая дело это весьма важным и полезным», предложил министру иностранных дел, военному министру, управляющему путями сообщения, оренбургскому генерал-губернатору обсудить вопрос и решение сообщить ему. В январе 1857 г. Особый комитет, рассматривавший письмо Барятинского, высказал убеждение в пользе прямого сообщения от восточных берегов Каспийского моря к берегам Аральского моря и с прибрежьями Амударьи и Сырдарьи. Однако экспедиция из-за ее неподготовленности, а также «после минувшей войны, — говорилось в решении комитета, — могла бы весьма вредно повлиять на азиатские племена... послужила бы к совершенному упадку нашего на них политического влияния и вообще имела бы пагубные последствия». По этим соображениям экспедиция с согласия Александ-

[18] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 286, л. 1, 2—4. — Статья генерал-майора Бларамберга «О важном значении, которое имеет Каспийское море в торговых и политических сношениях наших с Центральной Азией».

[19] Северная пчела, 1857, № 11; Шипов А. П. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России. М., 1858, с. 42.

[20] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1857 г., д. 24, л. 1; Rieber A. J. The Politics of Autocracy. Mouton, 1966, p. 72.

ра II была отложена «до более благоприятных обстоятельств»[21].

В этом решении, как и во многих других, принимаемых в конце 50-х гг. XIX в., видна общая линия внешней политики Министерства иностранных дел, поддержанная царем, — отказ от активных действий и в Европе и в Азии, стремление выйти из изоляции путем смягчения международной обстановки. Этим объясняются усилия правительства по нормализации отношений с Англией. «Вы помните, — писал А. М. Горчаков директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому, — что непреложным правилом нашей политики считаю не бросаться вперед, чтобы после не идти назад»[22]. Он предписывал командующему Оренбургской линии «вести себя осторожно и наблюдать за всем, что может касаться военных, политических и торговых интересов России вообще и безопасности линии в особенности»[23]. Министерство финансов, исходя из внутреннего состояния страны, поддерживало позицию Горчакова. «Сметы на 1857 год по всем ведомствам были урезаны до последней крайности, — писал начальник штаба Кавказского корпуса Д. А. Милютин, — всякие новые ассигнования сумм отклонялись. Даже учреждена была особая комиссия из ген.-адъютанта кн. Меньшикова, кн. Горчакова и Анненкова для пересмотра военной сметы и для изысканий в ней новых, крупных сокращений»[24]. Военное министерство в эти годы также противилось наступательным действиям в Средней Азии.

Правительство России во второй половине 50-х — начале 60-х гг., отказываясь от военного наступления, стояло за политическую и экономическую разведку в Средней Азии. Обсуждение проекта Барятинского — еще одно свидетельство слабого знакомства правительства с внутренним положением среднеазиатских ханств и их отношения к России.

В целях изучения возможностей политического и экономического воздействия России на Среднюю Азию и поисков путей ослабления там английского влияния в 1858 г. были направлены: в Восточный Иран (Хорасан) и Герат — научная миссия под руководством ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, в Хиву и Бухару — дипломатическое посольство Н. П. Игнатьева, в Восточный Туркестан (Кашгар) — миссия поручика Ч. Ч. Валиханова с торговыми целями. Руководил этими изысканиями Азиатский департамент МИД, директором которого с 1856 г. по 1861 г. был Е. П. Ковалевский. М. И. Венюков, много и плодотворно занимавшийся делами Востока, писал о нем: «Лучшего направителя азиатской политики России, как Егор Ковалевский, не было во все время существования Министерства иностранных дел»[25].

---

[21] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1857 г., д. 24, л. 45—48; Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, с. 66—67; Rieber A. J. Op. cit., p. 73.

[22] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1857 г., д. 24, л. 16 об.

[23] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856 г., л. 279 об.

[24] РОБЛ, ф. 169, картон 9, л. 5, л. 108.

[25] Венюков М. И. Из воспоминаний, т. I. Амстердам, 1895, с. 32.

Правительство России не случайно выбрало время экспедиции Ханыкова: вскоре после окончания англо-иранской войны и в ходе восстания в Индии, направленного против Англии. Речь шла о выработке «мер дипломатического противоборства» против влияния Англии в этом регионе [26]. На политическое значение миссий Ханыкова и Игнатьева — преодоление английского влияния в Средней Азии — обращают внимание и зарубежные историки [27].

Экспедицию в Хорасан и Герат возглавлял отличный знаток Востока и восточных языков — Н. В. Ханыков, сотрудник Азиатского департамента МИД. В 40-х гг. XIX в. он участвовал в посольстве в Бухару и оставил описание Бухарского ханства; в начале 50-х гг. он был помощником председателя Кавказского отдела Русского географического общества; с 1853 по 1857 г. Ханыков управлял Российским генеральным консульством в Тебризе [28]. Экспедицию субсидировало правительство, Русское географическое общество, возглавляемое великим князем Константином Николаевичем, и предприниматели. В состав миссии входили географы, биологи, этнографы, историки; они должны были изучить пути и средства сообщения в Хорасане, месторождения полезных ископаемых, растительный и животный мир, условия русско-иранской торговли и пути ее оживления [29].

В процессе подготовки экспедиции Ханыкова высказывались различные соображения по поводу ее характера, сроков и путей следования. Особую активность проявил Н. П. Игнатьев. В записке, составленной на имя А. М. Горчакова и Е. П. Ковалевского, он предлагал для «утверждения нашего влияния и уменьшения английского» предварительно отправить на Средний Восток не официальные дипломатические миссии, «а научные, под предлогом собрания географических, статистических, геодезических и ботанических сведений, для торговых сношений и составления карты: нечто вроде ученой комиссии, что было бы полезно и не дало бы повода к изменению наших отношений с английским правительством» [30].

Все эти предварительные сведения необходимы, по мысли Игнатьева, для противодействия английской политике в Азии. Он считал важным выработать меры борьбы с Великобританией в мирное и военное время, полагая, что «от относительного положения России и Англии в Азии будет зависеть значение наше в целом свете. В войне только в Азии можем мы вступить в борьбу с Англией, с некоторою возможностью успеха... К тому же Азия — единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности и развития промышленности, слишком еще слабой, чтобы войти в состязание с Англией, Францией и другими госу-

[26] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, д. 12, 1857 г., л. 3 об.

[27] Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhora and Khiva, 1865—1924. Harvard University Press, 1968, p. 16.

[28] Подробнее о Н. В. Ханыкове см.: Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.

[29] АВПР, ф. Главный архив I—1, 1857 г., д. 97, л. 202.

[30] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 304, л. 1—3.

дарствами»[31]. Содержание записки свидетельствует, что Игнатьев усматривал главный мотив продвижения России в Среднюю Азию в борьбе с Англией: торговые интересы России выдвигались в качестве дополнительной причины. В этом отношении точка зрения Игнатьева совпадала с правительственной. Россия стремится «положить там (в Средней Азии. — *авт.*) основание политическим сношениям, которые, если не теперь, то со временем могли бы принести нам пользу»[32].

Н. П. Игнатьев предлагал повременить с отправкой официальной миссии в Хорасан, Герат, Афганистан, обосновывая свои возражения неблагоприятной для России политической обстановкой на Среднем Востоке. Он писал об усилении влияния Англии в Герате после англо-иранской войны 1856—1857 гг., что могло бы помешать миссии Ханыкова. «Герат ныне уже очищен персиянами и там находятся английские офицеры, которые примут меры, чтобы затруднить его (Ханыкова. — *авт.*) действия, или воспрепятствуют следованию экспедиции... В Афганистане голод и разбои; наша ученая экспедиция может подвергнуться чрезвычайной опасности в этом крае при настоящих обстоятельствах». Игнатьев предлагал оставить за Н. В. Ханыковым решение научных задач, передав политические ему[33]. Министерство иностранных дел, поддерживая мысль Игнатьева о необходимости укрепления российско-азиатских связей в изучении Востока, не согласилось с ним относительно характера миссии Н. Ханыкова. Главное ее назначение заключалось в сборе сведений о политическом состоянии Ирана и Афганистана и укреплении там влияния России[34]. Развивая мысль о политической значимости миссии, Горчаков писал: «Россия не может оставаться безразличной к положению в Центральной Азии. Она хочет сохранения status quo или чтобы оно не было нарушено в пользу английского влияния»[35]. Министерство иностранных дел соглашалось с мнением барона Торнау по поводу того, что англо-иранская война ведется не только для укрепления влияния Англии в Иране, а потому, что «это необходимо против России»[36].

Особое значение в борьбе за влияние в Средней Азии придавали Афганистану, находившемуся под сильным воздействием Великобритании. Министерство иностранных дел предписывало Ханыкову добиваться разрешения у афганского эмира Дост-Мохаммед-хана посетить Кабул и убедить его, что «польза Афганистана столь же согласна с нашими видами, сколь противоположна

---

[31] Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. Спб., 1897, с. 2—3.
[32] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., д. 174.
[33] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 303, л. 1—1 об., 2. — Записка Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о целесообразности перенесения научной экспедиции в юго-восточную часть Хорасана, Герат, а затем Афганистан.
[34] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 174 об.
[35] АВПР, ф. Главный архив I—1, оп. 781, 1857 г., д. 98, л. 43 об.; Rieber A. J. Op. cit., p. 74.
[36] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1857 г., д. 12, л. 3 об.

видам Англии», которая стремится к сокращению его независимости, приготавливая ему «участь всех индийских владений». Горчаков ставил успех миссии в зависимость от положения дел в самой Индии во время пребывания Ханыкова в Афганистане.

Уверенности в изменении проанглийской ориентации эмира в пользу России в Петербурге не было. Большие надежды Петербург возлагал и на Иран, правительство которого после англо-иранской войны нуждалось в поддержке России. Вместе с тем в России не были заинтересованы в новом обострении англо-иранских и ирано-афганских отношений. Ханыкову поручалось убедить шаха соблюдать англо-иранский договор 1857 г. и не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, чтобы не вызывать осложнений на Востоке [37]. В обязанность Ханыкова входило также посещение Герата и Кандагара и установление дружественных связей с их правителями. В начале 1858 г. члены экспедиции прибыли из Грузии в Баку, затем направились в Астрабад, а далее, по приглашению правительства Ирана, в Тегеран, где Ханыков вел переговоры с шахом по торгово-политическим вопросам. В частности, глава миссии говорил о необходимости соблюдения Ираном подписанных им договоров и о расширении торговых отношений Ирана с Россией. Шах предлагал Ханыкову заключить русско-иранский союз, направленный против Афганистана и Англии. Но подписание договора могло бы вовлечь Россию в войну с Англией, которую Петербург стремился избежать. Передавая инструкцию Ханыкову, Горчаков через русского посланника в Тегеране Н. А. Аничкова, сменившего в 1858 г. Лаговского, подчеркивал необходимость проведения осторожной политики, которая бы разрядила обстановку на Востоке, сблизила государства Средней Азии и Среднего Востока [38]. Американский ученый Рибер справедливо считает главной задачей России в эти годы не ослабление, а укрепление среднеазиатских ханств путем создания тесного союза между ними, призванного противостоять экспансионистским замыслам англичан [39].

С сентября 1858 г. по январь 1859 г. Ханыков и участники экспедиции изучали природные условия Гератского оазиса, возможности торговли с Гератом, вкусы и запросы местного населения. В записках о путешествии Н. В. Ханыков подробно описывал быт Востока, слабую связь его населения с Европой, отмечал стратегическое значение Герата, хорошо укрепленной крепости — стоянки для всех караванов, идущих с востока или юго-востока в Иран [40]. В Герате членам миссии «были оказаны должные почести и предупредительное гостеприимство». Ханыкова принял султан княжества. «Так же как и в пределах Персии, в Герате

---

[37] АВПР, ф. Главный архив I—1, 1857 г., д. 97, л. 204.
[38] АВПР, ф. Главный архив I—1, оп. 781, 1859—1860 гг., д. 99, л. 24 об.
[39] Rieber A. J. Op. cit., p. 78.
[40] Khanikoff N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris, 1861, p. 128—129.

ничто не мешало занятиям на пользу науки», — сообщалось в отчете МИД о работе миссии. Неудача постигла Ханыкова в Афганистане. Афганский эмир отказался принять Ханыкова, ссылаясь на то, что появление представителя России «встревожило бы Англию и не принесло бы ему (Ханыкову. — *авт.*) никакой пользы» [41]. Отказ этот Ханыков объяснял зависимостью эмира от власти Англии. «Владетель Афганистана, — писал он, — храбрый и предприимчивый Дост-Мохаммед-хан издавна пользуется покровительством англичан... Английское правительство в усилении могущества и власти афганского эмира видело надежнейшее средство к обеспечению северной границы индийских владений от внешних нападений, поэтому старалось, по возможности, содействовать ему» [42]. Военная и политическая помощь Англии была использована эмиром для расширения границ Афганского государства и «устрашала Персию, что соответствовало политическим намерениям Лондона». Ханыков критиковал бездеятельность России в Средней Азии, что, по мысли дипломата, помогает успехам Англии в этом регионе. «Влияние Англии может усилиться, — пишет он, — если мы, со своей стороны, не будем стараться противодействовать ему». Ханыков предлагал правительству действовать на Среднем Востоке более активно: установить контакты с армянами, живущими в Иране, «сделать более последовательными сношения наши с епископом, посредством которого мы узнаем нужды персидских армян», способствовать отправлению их детей в Закавказский учебный округ [43].

В конце 1859 г. через Исфаган, Тегеран, Тифлис Хорасанская экспедиция возвратилась в Петербург. Несмотря на неудачу в переговорах с Афганистаном, экспедиция имела большое научное значение. Ее участники изучили географию Восточного Ирана, Герата, экономическое состояние и торговые связи этих стран. Подытоживая значение миссии, МИД отмечал: миссия «доставит, наконец, точные сведения о тех отдаленных странах, которые, конечно, должны войти в круг нашей политической деятельности» [44]. Экспедиция знакомила Россию с положением в Восточном Иране и афганских землях, что помогало правительству выработать общий курс политики на Востоке [45].

Большое значение придавало российское правительство миссии в Среднюю Азию. Руководитель дипломатической миссии в Хиву и Бухару флигель-адъютант Н. П. Игнатьев ранее выполнял ответственные поручения своего правительства в Лондоне и Китае. Он был известен как инициативный дипломат, сторонник активной

[41] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1858 г., л. 145 об., 150.

[42] АВПР, ф. Главный архив I—9, д. 8, ч. II, л. 144—144 об. — Сведения о среднеазиатских государствах, извлеченные из записки действительного статского советника Ханыкова, бывшего начальника Хорасанской экспедиции 1858 года.

[43] АВПР, ф. Главный архив I—9, д. 8, ч. II, л. 145, 157.

[44] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1858 г., л. 150 об.

[45] Н. В. Ханыков в 1860 г. уехал во Францию; в Париже он опубликовал результаты своих научно-географических наблюдений (Khanikoff N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris, 1861).

политики на Востоке. С 1861 по 1864 г. Н. П. Игнатьев руководил Азиатским департаментом МИД, а затем был послом России в Константинополе. Игнатьев был убежден в необходимости «завладеть Аму-Дарьей, если не фактически, то политически и коммерчески, учредив плавание наших военных судов по этой реке и в конце концов с этой стороны угрожать Великобритании, чтобы заставить ее дорожить нашею дружбою» [46]. В подборе состава миссии принимало участие военное министерство. В Среднюю Азию направлялись дипломатические агенты, переводчики, чиновники Оренбургского управления, военные, ученые. Морская флотилия под командованием капитана В. И. Бутакова должна была спуститься по Аральскому морю в Амударью и исследовать судоходность этой водной магистрали на всем ее протяжении.

Цель миссии сводилась к изучению внутреннего положения в Средней Азии, «укреплению торгового и политического влияния России в ханствах; уничтожению вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в соседние нам ханства и привлечь их на свою сторону» [47]. Как видно из отчета А. М. Горчакова, представленного императору, главная цель миссии была политическая, хотя в опубликованных документах большое внимание обращается на ее экономические задачи. Игнатьеву предписывалось также обсудить с ханами конкретные вопросы: добиться их согласия на присутствие в Хиве и Бухаре постоянных торговых агентов от России для наблюдения за ходом торговли; отменить двойные пошлины на товары с купцов-христиан сравнительно с купцами-мусульманами, установить единый пошлинный сбор (5% от цены товара). Однако решение экономических вопросов ставилось в зависимость от результатов обсуждения политико-стратегических задач. Получить согласие хивинского хана на судоходство России по Амударье было одной из главных целей миссии. Ради него Игнатьев был готов пойти на уступки правителям Средней Азии в торговых делах. Россия в этом случае соглашалась снять свое требование о снижении пошлины на товары, шедшие из России, и предоставить среднеазиатским купцам право торговать во всех городах и ярмарках России. На экспедицию Игнатьева были возложены также и научные изыскания. Академия наук направила в Среднюю Азию ориенталистов для знакомства с этнографией, историей, географией края.

Поводом для направления миссии послужил визит в Россию в 1857 г. посланцев из Хивы и Бухары в связи с коронацией Александра II. Они передали письма от ханов, в которых те просили об отправлении российского посольства в Среднюю Азию. В переговорах, которые велись с царем, представители ханств пытались «снискать к себе дружбу и покровительство России» [48]. Правительство России охотно приняло предложение среднеазиатских ханов. План миссии, составленный директором Азиатского департамента

[46] Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. Спб., 1897, с. 3.
[47] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 183.
[48] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 183.

Ег. П. Ковалевским, был утвержден императором в октябре 1857 г. Сухопутный состав миссии во главе с Игнатьевым выехал из Оренбурга в мае 1858 г., направляясь через Эмбенское укрепление в Хиву. Одновременно с Игнатьевым для знакомства с положением в Казахстане — «Киргизской степи» — выехал оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин. Он стремился выяснить род занятий местного населения, отношение казахов к России, а также ввести «правильное управление над киргизами и туркменами, кочующими по Усть-Урту»[49]. Материалы, собранные в результате экспедиции А. А. Катенина, позволили внести некоторые изменения в управление «Киргизской степью»: бóльшая часть населения Казахстана, вошедшая в состав России в XVIII — начале XIX в., перешла в ведение Министерства внутренних дел, а казахи, кочевавшие по Сырдарье, связанные менее прочными узами с государством, остались в управлении Министерства иностранных дел. В 1858 г. было открыто почтовое сообщение между Орской крепостью и Уральским укреплением[50].

Положение в Средней Азии к моменту вступления посольства Игнатьева в Хиву было тревожным. Голод и эпидемии обессилили ханство. Только в Кунграде за несколько дней умерло 600 человек[51]. Однако хан не прекращал войн с туркменскими племенами, которые нередко кончались их победами. Бухарский эмир враждовал с Кокандом и Афганистаном: Афганистан овладел территорией Бухарского ханства по левому берегу Амударьи. В этих условиях малейший дипломатический просчет мог втянуть Россию в войну на Среднем Востоке, что не входило в ее планы. Александр II предписывал Игнатьеву не вмешиваться в междоусобные конфликты[52].

Такая позиция Петербурга не совпадала с мнением оренбургской администрации и Игнатьева. Они полагали, что в случае обращения бухарского эмира за помощью к России против Коканда ее следует оказать и воспользоваться этим, чтобы «занять Туркестан и Ташкент с их областями»[53]. Эти соображения Игнатьева, отвергнутые правительством в 1858 г., были использованы в 60-е г. при столкновении с кокандским ханом.

Продвижение русской миссии по территории Хивы и особенно

---

[49] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 290, 1858 г., л. 8. — Записка оренбургского генерал-губернатора Катенина Александру II об организации им экспедиции для исследования «Киргизской степи».

[50] См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. I. Спб., 1906, с. 243.

[51] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 187.

[52] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 289, 1858 г., л. 79 об. — Переписка Н. П. Игнатьева с Ег. П. Ковалевским, А. А. Катениным, Бутаковым в связи с экспедицией в Хиву и Бухару. Горчаков — Игнатьеву 19 июля 1858 г.

[53] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 289, 1858 г., л. 7, д. 290, л. 13 об. — Переписка Н. П. Игнатьева с Ег. П. Ковалевским, А. А. Катениным, Бутаковым в связи с экспедицией в Хиву и Бухару. Записка Н. Игнатьева от 24 мая 1858 г.; Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. — РВ, 1871, № 2—3.

подход морской флотилии к Амударье обеспокоили хана. «Хивинцы сильно подозревают нас во враждебных намерениях и встревожены чрезвычайно появлением парохода близ южного берега Аральского моря», — писал Игнатьев Ковалевскому [54]. Хан отказался пропустить русские суда по Амударье далее Кунграда, несмотря на все просьбы и дружественные признания Игнатьева. Не желая обострять обстановку, глава миссии предписал начальнику морской флотилии Бутакову выполнить просьбу хана и возвратиться в Аральское море. Однако пребывание в Кунграде дало возможность экспедиции исследовать дельту реки и составить ее карту, что позволило доказать судоходность Амударьи. Другие члены миссии во главе с Игнатьевым в июле 1858 г. прибыли в Хиву, где в течение 10 дней добивались приема у хана. В записке о путешествии, в донесениях министру иностранных дел Игнатьев подробно описывал обстановку в ханстве, атмосферу недоверия и подозрительности, которая была при дворе правителя. «Вся моя корреспонденция, — писал Игнатьев Ковалевскому из Хивы, — перехватывается и пересматривается хивинцами» [55]. В другом донесении он сообщал, что хан под угрозой смертной казни запретил «жителям приходить к нам, останавливаться на улицах, говорить» [56].

Переговоры Игнатьева с ханом были малоутешительными. Игнатьев предлагал подписать договор о дружественных отношениях, который бы включал разрешение на плавание русских судов по Амударье, гарантию безопасности русских торговцев, пребывание русского торгового агента в Хиве, забвение всех прежних конфликтов между двумя странами, присутствие в Оренбурге торгового агента Хивы, право хана собирать пошлину не только с товаров, выгруженных в ханстве, но и транзитных [57]. Хивинский хан первоначально согласился подписать все статьи договора, кроме плавания русских судов по Амударье, усматривая в этом «завоевание ханства», а затем, воспользовавшись бегством на русский пароход плененного хивинцами иранца, отказался от своих обязательств. Не дав Игнатьеву прощальной аудиенции, в конце августа хан уехал в загородный дворец. Русское посольство покинуло Хиву и направилось в Бухару. Несмотря на неудачу с подписанием договора, император выражал удовлетворение результатами поездки Игнатьева, считая, что дело не в трактатах, а в возможности знакомства с политическим и экономическим состоянием края [58]. Игнатьев еще во время переговоров с ханом предлагал от слов перейти к делу. Он считал, что направление миссий в Среднюю Азию — «напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели, но иным образом» [59]. Одна-

[54] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 289, л. 50.
[55] Там же, л. 55. — Игнатьев — Ковалевскому, 25 июля 1858 г.
[56] Залесов Н. Г. Указ. соч. — РВ, 1871, № 3, с. 66.
[57] Там же, л. 43—46.
[58] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 289, 1858 г., л. 145. — Ковалевский — Игнатьеву, 4 сентября 1858 г.
[59] Залесов Н. Г. Указ. соч. — РВ, 1871, № 3, с. 69—72.

ко правительство по-прежнему настаивало на проведении дипломатических переговоров, без применения военной силы.

В конце сентября 1858 г., после тяжелого изнурительного пути, миссия Игнатьева прибыла в Бухару. Эмира в столице не было; он воевал с Кокандом. Население города встретило посольство доброжелательно. Первоначально Игнатьев вел переговоры о торговле, судоходстве по Амударье с наместником эмира, а затем с самим правителем Бухары. Поддерживая предложения Игнатьева, эмир заявил, что в случае противодействия хивинцев плаванию по Амударье он готов принять совместно с Россией меры «для уничтожения сего препятствия» [60]. Эмир согласился освободить русских пленных, находившихся в Бухаре, предоставить склады и караван-сарай русским торговцам, наполовину уменьшить таможенные обложения с русских товаров. Среди политических задач миссии Игнатьева главная сводилась к ослаблению позиции Англии в Бухарском эмирате. Горчаков предписывал Игнатьеву «выведать цель» пребывания английского агента, «расстроить его план». Ему вменялось в обязанность наблюдать в Средней Азии «как за действиями англичан, так и за ходом их торговли» [61]. Несмотря на уверения эмира «не поддаваться коварным замыслам англичан» и считать Россию своим могущественным и верным союзником», позиции Англии в Бухаре были довольно прочными [62]. Поэтому Игнатьев в беседе с наместником эмира Мирзой-Азизом обращал немалое внимание на происки англичан в Азии, их политику в Индии, сообщал о попытке англичан доставить в Коканд оружие и прислать туда офицеров, а также о тесном союзе, существовавшем между Кокандом и Хивой. Для доказательства агрессивных действий Англии в Азии Игнатьев коснулся восстания в Индии, войн англичан с Ираном и Китаем и покровительства, оказываемого Россией Ирану. Он говорил о выгодах, получаемых бухарцами от торговли с Россией, и возможности ее дальнейшего развития при обеспечении степных сообщений и перевозке товаров на судах по Амударье [63].

Опасность создания кокандо-хивинского блока заставила бухарского эмира внимательно прислушаться к предложениям Игнатьева, чтобы с помощью России разбить своих противников в Средней Азии. При завершении переговоров глава русской миссии высказал пожелание направить с ответным визитом в Петербург бухарского посла, который возвратится в Бухару водным путем через Аральское море и Амударью на русском пароходе. Это предложение было принято эмиром. Кроме того, условились, что весной 1859 г. бухарские товары будут отправлены в Россию по реке, что засвидетельствует прочность русско-бухарских торговых свя-

---

[60] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 302, 1859 г., л. 48. — Докладная записка Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о результатах переговоров с хивинским ханом и бухарским эмиром.

[61] АВПР, ф. Главный архив I—1, оп. 781, д. 98, л. 62 об.

[62] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 302, л. 54.

[63] Там же, л. 33—34; Игнатьев Н. П. Указ. соч., с. 211—212.

зей. 31 октября российское посольство покинуло Бухару и в декабре 1858 г. прибыло в Оренбург. Цель миссии — знакомство с внутренним положением государств Средней Азии и политикой Англии — была достигнута. Сведения политического, экономического, научного характера, собранные участниками посольства, были представлены в МИД. В отчете Н. П. Игнатьева о его поездке имеется помета Александра II: «Читал с большим любопытством и удовольствием. Надобно отдать справедливость Н. П. Игнатьеву, он действовал умно и ловко и большего достигнуто, чем мы могли ожидать» [64]. Посольство Игнатьева позволило правительству составить картину внутренней жизни Средней Азии. «Сведения, добытые нашей миссией... способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии», — писал Игнатьев о результатах миссии [65]. Семимесячное пребывание в Средней Азии дало возможность членам посольства уяснить расстановку политических сил, пути проникновения Англии в ханства, ознакомиться с экономикой края и характером его управления. Поездка утвердила Игнатьева в необходимости перехода от дипломатических методов политики в Средней Азии к военным действиям. Этот взгляд Игнатьева постепенно встречал поддержку у части чиновников, став к середине 60-х гг. официальным.

Одновременно с посольством Ханыкова и Игнатьева в 1858 г. правительство направило в Кашгар (Восточный Туркестан) миссию поручика русской службы, казаха по национальности, Ч. Ч. Валиханова.

Ч. Ч. Валиханов был человеком широких взглядов и культуры. В 1853 г. он окончил Омский кадетский корпус. В Омске Валиханов сблизился с ссыльными петрашевцами: писателем Ф. М. Достоевским и поэтом С. Дуровым. В течение 5 лет Чокан служил в Западносибирском генерал-губернаторстве, ездил в Джунгарию, в район Иссык-Куля, отлично знал историю, географию, обычаи, культуру Западного Китая, владел восточными языками. Истинная цель поездки Валиханова сводилась «к изучению наиболее удобных путей сообщения с Кашгаром, а также сбор на месте сведений о стране, имеющей для нас важное политическое значение» [66]. Перед экспедицией ставились политические и экономические цели: «... Государственная польза не будет пожертвована частной», предписывал Валиханову Горчаков [67]. Главе миссии следовало ознакомиться с внутренним положением Кашгара, выяснить прочность позиции Англии в Юго-Западном Китае. Он ехал под видом купца с товарами.

Между городами Восточного Туркестана, Средней Азией и Россией давно была налажена торговля. Там имели свои фактории бу-

[64] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 300, л. 1.
[65] Игнатьев Н. Указ. соч., с. 274.
[66] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1858 г., л. 217 об. — 218.
[67] Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961, с. 65.

харцы, иранцы, афганцы, русские. Из Кашгара в Россию вывозили чай и бумажный холст, имевший широкий спрос у казахов и киргизов. Россия ввозила в Кашгар хлопчатобумажные и шерстяные изделия, кожаные товары. Частые междоусобицы и смуты между маньчжурской династией и кокандскими претендентами на Кашгар, особенно восстание 1857 г., направленное против маньчжурской власти и притеснения феодалов, привели к прекращению связей России с Кашгаром. Валиханов должен был содействовать восстановлению русско-китайской торговли.

Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд предлагал правительству усилить русские отряды на кашгарской границе для оказания немедленной помощи кашгарцам в целях «упрочения самостоятельности этого владения»[68]. Петербург, посылая в Кашгар торгово-разведывательную экспедицию Валиханова, запретил вмешиваться в борьбу за власть в этом крае. Готовясь к экспедиции, Валиханов поехал в Казахстан и Среднюю Азию, чтобы убедить местных торговцев направить свои товары в Кашгар. Он обещал им выгодные сделки и крупные барыши.

29 мая 1858 г. караван вышел из Семипалатинска. Он принадлежал кокандским и бухарским купцам. «При караване было 8 походных юрт; 100 верблюдов, лошадей 65, прислуги 34 человека и товаров на сумму 20 000 рублей серебром»[69]. Осенью 1858 г. после осмотра каравана китайскими чиновниками миссия прибыла в Кашгар. «Кашгар построен из глины, — отмечал Чокан, — славится своей торговлей. Сюда приезжают караваны из среднеазиатских ханств и из Индии». Находясь в Кашгаре и прилегающих к нему городах, Валиханов изучал этот край, собирая сведения о его политическом и экономическом положении, состоянии военных сил провинции Синьцзян (Кашгар). Он убедился в возможности установления непосредственных связей России с Восточным Туркестаном. «Торговля находится в руках кокандцев, — отмечал он, — но России легко завладеть ею, учредив прямые сношения с Восточным Туркестаном». Валиханов не высоко оценивал военную силу Западного Китая. «Китайские гарнизоны в Восточном Туркестане дурно дисциплинированы, курят опиум и к серьезной обороне не способны»[70].

Общение с местным населением, учеными позволило Чокану приобрести уникальные восточные рукописи, коллекции горных пород, гербарии, нумизматическую коллекцию; знакомство с купцами дало необходимые сведения о Кашгаре и соседних странах. Товары, привезенные Чоканом, нашли большой спрос на рынках Кашгара. Они были проданы на сумму в 4 068 1/2 кокандских золотых[71]. Этот успех Валиханов объяснял тем, что его караван был первым после восстания 1857 г., привезшим товаров «на значитель-

[68] Там же, с. 339 (Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Гасфорд — военному министру Сухозанету, 2 декабря 1857 г.).
[69] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, с. 79.
[70] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1859 г., л. 219 об., 220.
[71] Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. II. Алма-Ата, 1961, с. 261.

ную сумму». Из-за недостатка вьючных верблюдов (60 из них пали в дороге) купцы не могли вывезти нужных им товаров. Они взяли лишь чай, полушелковые и хлопчатобумажные ткани.

К весне 1859 г. в Кашгаре вновь стало неспокойно; дальнейшее пребывание Валиханова делалось опасным [72]. 11 марта 1859 г. в сопровождении жителей города Чокан выехал из Кашгара и летом возвратился в Семипалатинск. Поездка в целом была успешной, хотя и очень тяжелой. Привезенные им материалы и личные наблюдения имели неоценимое значение для науки и правительства. Генерал И. Ф. Бабков — участник событий — отметил общероссийскую значимость поездки Валиханова. «Слух о пребывании нашего агента в Кашгаре и о собранных им любопытных сведениях о Восточном Туркестане и Малой Бухаре... проник и в петербургские сферы. Произведенное впечатление усиливалось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента известного Адольфа Шлагинтвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре» [73].

Итоги экспедиции подведены в отчете Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)» [74]. Этот отчет был первым научным сочинением, посвященным истории, географии, социальному строю народов Восточного Туркестана. Он раскрывал незаурядные способности, наблюдательность и ум путешественника. Генерал Гасфорд дал высокую оценку сочинению Валиханова: «Это описание... знакомит довольно отчетливо с военным, политическим и торговым состоянием малоизвестной страны и выказывает слабое и ошибочное знание оной темы немногими географами, сведениями которых мы доселе руководствовались» [75]. Работа Валиханова, помимо научного, имела и практическое значение. Государственные и военные деятели использовали ее как справочник, к ней прибегали при устройстве торговых факторий в Кашгаре. Материалы, собранные и обработанные Валихановым, позволили составить картину внутренней жизни края, понять экономические и политические позиции Англии в этой части Азии, пути восстановления торговых связей России с Восточным Туркестаном. Правительство высоко оценило результаты поездки Валиханова: «Самым важным событием в этом крае, — писал Горчаков, — можно считать достижение Кашгара русским караваном и пребывание нашего русского агента в Кашгаре» [76]. Экспедиции 1858—1859 гг. содействовали знакомству России с обстановкой на Среднем Востоке, с жизнью его народов, доказали существование в этом районе широких завоевательских планов Англии.

---

[72] Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. I, с. 69.

[73] Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. Спб., 1912, с. 125.

[74] Ныне опубликован во втором томе сочинений Ч. Ч. Валиханова.

[75] Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. I, с. 71.

[76] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1859 г., л. 217.

§ 3. Политика России в Средней Азии в начале 60-х гг. XIX в.

Общая линия правительственной политики России, направленная на дипломатическое решение международных вопросов, была характерна и для среднеазиатских дел. Экспедиция Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. привела к оживлению русско-среднеазиатских торговых отношений. Особенно упрочились связи России с Бухарой. «Московские дома с успехом вели свои дела и с некоторого времени стали отправлять русские товары в Бухару, где они весьма выгодно сбывались» [77]. Бухарские купцы тоже приезжали на Оренбургскую линию и Нижегородскую ярмарку. Иными были отношения с Кокандом. При поддержке англичан хан усилил набеги на пограничные русские земли. Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин с середины 50-х гг. неоднократно предлагал Петербургу приступить к решительным действиям в Средней Азии. В 1859 г. состоялось несколько правительственных совещаний по решению среднеазиатских дел. Генерал-губернаторы Оренбурга и Западной Сибири, директор Азиатского департамента Н. П. Игнатьев стояли за твердую политику. В докладе А. М. Горчакова в 1861 г. Игнатьев мотивировал необходимость наступательной политики неизбежностью борьбы с Англией. Он полагал, что английское правительство поддерживает дружественные отношения только с теми государствами, которых оно боится. «Для сохранения хороших отношений с Англией, — говорил он, — нужно ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб». Пути для этого он видел в торговой и промышленной конкуренции и проведении наступательной политики. Игнатьев указывал, что нанести удар морской торговле Англии можно в Приморском крае и на берегах Тихого океана, а угрожать ее сухопутным владениям Россия может только в Средней Азии. «России следует утвердиться в устьях Аму-Дарьи, держать в руках Хиву и Коканд, увлечь за собой Бухару, употребив против Англии мусульманское население Индии» [78]. Для выполнения этой программы Игнатьев предлагал действовать одновременно с Кавказа, Оренбурга и Западной Сибири, используя в качестве союзников Иран и Турцию. Игнатьев считал, что, хотя у России нет притязаний на Индию, в Англии надо поддерживать этот страх, ибо он, в частности, вызывает у нее материальные затраты, в то время как Россия «не издерживает ни одной копейки на военные приготовления, не пускает ни одного русского солдата в дело» [79].

Доклад Игнатьева Горчакову, предназначенный исключительно для внутреннего рассмотрения, свидетельствует об отсутствии у

---

[77] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1860 г., л. 281.

[78] Доклад ошибочно датирован Н. П. Игнатьевым 5 июля 1863 г. ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 507, 1861 г., л. 7—8. Записка Игнатьева о положении России и Англии в случае столкновения между ними.

[79] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 507, 1861 г., л. 3 об.

России реальных замыслов по завоеванию Индии. «Угрозу» Индии, по Игнатьеву, следовало использовать лишь как демонстрацию, долженствующую побудить Англию пойти на уступки России в европейских и восточных делах. Точку зрения Игнатьева на характер среднеазиатской политики в целом разделяли также и военные круги. Их в известной степени поддерживали российские, преимущественно московские, предприниматели и купцы. Заинтересованные в освоении новых рынков, они в прошениях и докладных записках царю просили «создать условия» для деятельности купечества, иметь в Бухаре российского консула. В газете «Северная пчела» в 1862 г. (№ 331) отмечалось «ненормальное состояние торговли на Оренбургской линии», предлагалось перенести таможенную черту «на настоящие границы государства... с южных границ Оренбургской губернии на южные границы Оренбургского края, на р. Сыр-Дарью».

В современной английской историографии высказывается мнение о том, что главная цель продвижения России в Среднюю Азию состояла в создании потенциальной угрозы Индии с тем, чтобы при возникновении в Европе ситуации, аналогичной восточному кризису 50-х гг. XIX в., иметь возможность отвлечь англичан проблемой безопасности их колоний и таким образом отбить у Лондона желание развязать войну [80]. Советские историки убедительно доказали ошибочность утверждений западной историографии о «русской угрозе» Индии [81].

Министерство иностранных дел во главе с А. М. Горчаковым отвергало «политику силы», считая, что она приведет к войне с Англией, а Министерство финансов, преимущественно по материальным соображениям, поддерживало эту линию.

Иной позиции придерживалась оренбургская администрация. В ходе экспедиции Н. П. Игнатьева А. А. Катенин писал А. М. Горчакову: «...поражает то вековое забвение, которому преданы были интересы наши в Средней Азии... Совершенное отсутствие определенных государственных видов и всякой системы в действиях наших относительно владений этой части Азии» [82].

В ноябре 1861 г. новый генерал-губернатор Оренбурга Безак, сменивший Катенина и продолжавший его линию, в рапорте военному министру Д. А. Милютину доказывал необходимость наступательной тактики. Он настаивал на целесообразности соединения Оренбургской и Сибирской линий, полагая, что в результате этих действий Россия получит большие выгоды: 1) надежную государственную границу, 2) возможность дешево снабжать русские фор-

---

[80] Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914. London, 1977, p. 145.

[81] См.: Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. — Исторические записки, т. 33. М., 1950; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957; он же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969.

[82] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1852—1859 гг., д. 8, ч. I, л. 250—250 об.

ты на Сырдарье продовольствием и лесом при помощи русской флотилии, 3) прекратятся «все междоусобия и баранта между нашими и кокандскими киргизами, кибиточный же сбор весьма увеличится», 4) Россия приобретет возле Туркестана территорию, богатую свинцовыми рудами, что чрезвычайно важно при отсутствии ее в России [83]. Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель не разделял мнения Безака, поддерживая позицию Горчакова [84].

На заседании Особого комитета в марте 1862 г. было принято решение, по которому соединение Оренбургской и Сибирской линий было признано несвоевременным. Милютин дал строгое распоряжение оренбургскому и западносибирскому губернаторам: «В нынешнем году никаких приготовлений по экспедиции не принимать» [85]. Выясняя причины, побудившие правительство России к 1863 — 1864 гг. изменить тактику и перейти к активным действиям в Средней Азии, необходимо выделить две: политическую и экономическую. Не противопоставляя их, а соединяя, следует сказать, что политические мотивы (борьба с Англией за господство над государствами Среднего Востока и Средней Азии) в 60—80-е гг. XIX в. для России были определяющими. Это доказывается не только правительственными документами 60—80 гг. XIX в., где, как правило, прежде всего говорится о задачах политического характера, но и самим выбором момента для «наступательной» политики в Средней Азии: осложнением обстановки в Европе и завершением Кавказской войны. Признание ведущей роли политического фактора не снижает экономического значения Средней Азии для России.

Российское правительство и буржуазия были заинтересованы в установлении регулярных русско-среднеазиатских торговых отношений, в использовании рынков Средней Азии для сбыта промышленных и сельскохозяйственных товаров и приобретения сырья. Многочисленные экспедиции в Среднюю Азию, направляемые из России, подтверждают это. Быстрые темпы капиталистического развития, характерные для пореформенной России, усиливали значение экономического фактора и ускоряли реализацию планов правительства относительно Средней Азии.

В начале 1860-х гг. вновь обострились русско-английские отношения, в частности, в связи с активными действиями Великобритании в Афганистане. Это ускорило выработку планов военного выступления России в Средней Азии. В 1862 г. Д. А. Милютин отклонил намерения оренбургского генерал-губернатора Безака готовить экспедицию в Среднюю Азию, а в 1863 г., по-прежнему считая «страхи Англии за ее Ост-Индские владения совершенно фиктивными», поддержал предложение Безака о наступлении российских войск на азиатской границе [86]. Именно в это время ди-

[83] ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 62, л. 13 об.
[84] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, д. 20, л. 2 об.
[85] ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 62, л. 42 об., 77 об.
[86] РОБЛ, ф. 169, картон 10, д. 8, л. 334—334 об.

ректор Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьев писал: «Нужно, чтобы наша восточная и западная политика согласовывались между собой и шли к одной и той же цели» [87]. Военное министерство вместе с Н. П. Игнатьевым выступило с критикой осторожной позиции МИД. «Наше Министерство иностранных дел, — писал Д. А. Милютин, — с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов Лондонского кабинета, ревностно следившего за каждым нашим шагом в степях» [88].

В феврале 1863 г. состоялось заседание Особого комитета с участием министров, а также оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов, на котором была достигнута договоренность о целесообразности соединения Сибирской и Оренбургской линий. Император в марте 1863 г. утвердил решение комитета, предписав чиновникам военного министерства и администрации Оренбургского края детально изучить местность между укреплениями Сырдарьи и Сибирской линией. На 1864 г. министерство назначило выполнение операции по соединению Оренбургской и Сибирской линий [89], предписав, однако, оренбургскому и западносибирскому генерал-губернаторам действовать «с крайней осторожностью, избегать излишней огласки, могущей возбудить в Европе толки, неблагоприятные для общей политики нашей» [90].

С 1864 г. начинается новый этап в среднеазиатской политике России, связанный с ее военным наступлением. Важно отметить, что к этому времени стабилизировалась обстановка на Кавказе и часть войск, находившихся там, могла быть переброшена в Среднюю Азию.

Глава III

ПОЛИТИКА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х — НАЧАЛЕ 70-х гг. XIX в.

Практическая реализация планов правительства возлагалась на оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов. Поскольку наиболее опасным противником России из среднеазиатских ханств в эти годы было Кокандское, на борьбу именно с ним были направлены усилия России. В мае 1864 г. командующий Сырдарьинской линией полковник Н. А. Веревкин начал наступление на г. Туркестан. Со стороны Западной Сибири к Аулие-Ате выступил Зачуйский отряд полковника М. Г. Черняева. В июне 1864 г. кокандцы сдали крепость Аулие-Ата. В июне же русская армия овладела г. Туркестан. В июле отряд Черняева начал на-

[87] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 507, л. 15 об.
[88] РОБЛ, ф. 169, картон 10, д. 17, л. 24.
[89] ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 62, л. 176—176 об.
[90] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1863 г., л. 182.

ступление на Чимкент, но, встретив сопротивление, вынужден был на время отойти. Борьба между сторонниками и противниками ориентации на Россию, разгоревшаяся в Чимкенте, ослабила силы кокандцев и ускорила победу русской армии. В сентябре 1864 г. городом овладели царские войска.

Взятием Аулие-Аты, Туркестана, Чимкента была сомкнута Оренбургская и Сибирская линии (Сырдарьинская и Новосибирская). Правительство считало эти акции успешными при «сравнительной незначительности средств, затраченных на них» [1]. Относительно дальнейших действий России в Средней Азии между Петербургом и местной администрацией не было единства: оренбургский генерал-губернатор и командующие армиями в Средней Азии считали целесообразным продолжение наступательной тактики, а военное министерство во главе с Д. А. Милютиным, не говоря уже о МИД, предлагало остановить наступление и укрепиться на занятых позициях.

Местное командование, не дождавшись указаний из Петербурга, в конце сентября 1864 г. начало наступление на Ташкент. Операцией руководил Черняев, честолюбивый, склонный к авантюризму, офицер. Он обосновывал свои единоличные действия сложившейся в Ташкенте обстановкой: притеснениями местного населения со стороны кокандцев и его расположением к России. Однако первый поход к Ташкенту оказался неудачным. Не решившись на вторичный штурм города, Черняев отошел к Чимкенту. Он рассматривал свое наступление на Ташкент как разведку, показавшую неплохую техническую подготовку кокандцев и организационно-техническое преимущество России.

Разногласия между военными кругами, находившимися в Средней Азии, и правительством относительно дальнейших действий затрудняли выполнение директив Петербурга и требовали принятия единого курса в среднеазиатских делах. В октябре 1864 г. Горчаков представил Александру II доклад, в котором была изложена общая политическая программа России в Средней Азии. На основании этого доклада Министерство иностранных дел совместно с военным министерством разработало конкретный план действий. В ноябре 1864 г. план руководителей обоих министерств был утвержден царем и сводился к следующему: «Дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведет только к раздроблению и ослаблению ее сил. Нам необходимо установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа» [2]. Касаясь отношений со среднеазиатскими ханствами, министры предписывали местной администрации не вмешиваться во внутренние дела ханств, оказывая на них «нравственное влияние». В специальной инструкции, составленной в начале 1865 г. на основании этого плана, обращалось

[1] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1864 г., л. 218.
[2] Там же, л. 218 об. — 219.

особое внимание на Ташкент, имеющий для России «важное политическое и торговое значение», и отмечалась нежелательность «включения Ташкента в пределы империи». Вместе с тем не исключалась возможность «вооруженного вмешательства для ограждения этого города от посторонних завоевательных замыслов, в особенности со стороны бухарского эмира» [3].

Программа правительства России в Средней Азии была направлена в российские миссии за границей для передачи главам государств. Политический смысл этой информации сводился к успокоению правительств Запада, прежде всего Англии, относительно действий России в Средней Азии [4]. Учитывая реакцию Европы, а также задачи внутреннего управления, Горчаков призывал местную администрацию «к благоразумной умеренности». Зарубежные авторы, основываясь на циркуляре Горчакова 1864 г., считают его «точным отражением мотивов и намерений Петербурга» [5].

Итак, правительственная программа в Средней Азии, выработанная в 60-х гг. XIX в., сводилась к укреплению позиций России на занятых рубежах, сохранению лояльных отношений с местным населением и Англией. Осуществление конкретных действий возлагалось на местную администрацию.

Кокандский хан, владевший ранее Южным Казахстаном с городами Аулие-Ата, Туркестан, Чимкент, не хотел без вооруженной борьбы отдать России эту территорию. В конце ноября 1864 г. он начал наступление на г. Туркестан, но, не дойдя до города, вернулся обратно в Ташкент, где начались выступления против хана. Войска бухарского эмира подошли к Ташкенту. Ремесленники и торговцы, терпевшие большой урон от беспрерывных войн, ориентировались на Россию; мусульманское духовенство поддерживало эмира. Кокандский хан по возвращении в Ташкент жестоко расправился с населением. Брожение ташкентцев казалось Черняеву удобным моментом для овладения городом. Однако МИД и новый директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов, сменивший в 1864 г. Н. П. Игнатьева, человек осторожный, придерживавшийся тактики Горчакова, считали нецелесообразным занятие Ташкента русскими войсками. В инструкции Горчакова новому оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому вновь повторялась мысль о необходимости избегать вмешательства во внутренние дела Кокандского ханства, что вовлекло бы Россию в беспрерывные войны и помешало бы освоению занятых территорий. Допускалось применение силы только при условии вторжения кокандских войск на территорию земель, вошедших в состав России. Что касается статуса Ташкента, то Горчаков полагал, что в интересах России следует добиваться для города самостоятельности, утраченной им в начале XIX в. В этом случае его можно было бы использовать как барьер против нападения Коканда и

[3] Там же, л. 198 об. — 199.
[4] Stumm H. Russia in Central Asia. London, 1885, p. 50.
[5] Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Harvard University Press, 1968, p. 19.

Бухары, а также для оказания давления на эти ханства со стороны России. Черняеву предписывалось внимательно следить за событиями в Ташкенте, оказывая моральное содействие «партии», стремившейся к отделению города от Кокандского ханства. Предписания МИД поддерживало также военное министерство [6].

По решению Особого комитета по Средней Азии, куда входили представители от военного министерства, Министерства иностранных дел, военного командования в Средней Азии, в целях централизации административного управления краем Новококандская и Сырдарьинская линии (от западной оконечности Иссык-Куля до Аральского моря) объединялись в одну Туркестанскую область,

военным губернатором которой с особыми полномочиями был назначен генерал-майор М. Г. Черняев. Воспользовавшись борьбой между Кокандом и Бухарой из-за Ташкента, Черняев без приказа Петербурга в июне 1865 г. овладел Ташкентом. В результате сражений с войсками хана русские потеряли 25 человек убитыми, 89 человек были ранены, 28 получили контузии [7]. Хотя Черняев действовал без указания из Петербурга, там приветствовали успехи

[6] См. подробнее: Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960, гл. 1; он же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, гл. IV.

[7] См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 195. По данным В. Н. Троцкого, 25 убитых и 47 раненых (ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6786, л. 8 об.). Подробнее об обстановке в Ташкенте см.: Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.

генерала. Министерство иностранных дел объясняло взятие Ташкента враждебными действиями бухарского эмира против населения города и обращением его жителей за помощью к России [8]. Эти мотивы не лишены оснований. Междоусобная борьба тяжело отражалась на положении населения и усиливала ориентацию на Россию как на сильного соседа. Однако царизм имел собственные завоевательные цели в Средней Азии. Распри между ханствами лишь ускоряли его вмешательство. Для нормализации положения Ташкента Черняев в обращении к жителям города говорил о неприкосновенности их веры, обычаев, гарантировал население от постоев и мобилизации в солдаты.

Политика России в Средней Азии вызывала большие споры в собственной стране, в Европе и на Востоке. Для части политических деятелей России обстановка в Средней Азии продолжала оставаться неясной. «Ташкент взят ген. Черняевым,— писал министр внутренних дел П. А. Валуев.— Никто не знает, почему и для чего» [9]. В известной степени эта неясность определялась слабым знакомством Петербурга с конкретной обстановкой в Средней Азии. «Известия о происходящих ныне событиях в тех краях, — признавался Горчаков,— крайне отрывочны и сбивчивы и требуют более точных подробностей для того, чтобы составить сколько-нибудь основательное заключение» [10]. Министр иностранных дел глубоко не вникал в изучение среднеазиатских дел. Его беспокоила необходимость избежать войны с Англией из-за Средней Азии.

Взятие Ташкента не означало его присоединения к России. По соображениям политическим и экономическим — управление городом было связано с большими материальными затратами — правительство первоначально не соглашалось с предложением Черняева присоединить Ташкент к империи. Оно считало целесообразным превратить город с ближайшими землями в отдельное ханство под контролем России. П. Н. Стремоухов писал в Оренбург Крыжановскому и Черняеву о неизбежных политических и торговых затруднениях России в случае ее дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Речь шла прежде всего о возможном столкновении с Англией. Крыжановский разделял доводы Азиатского департамента. Однако М. Г. Черняев продолжал настаивать на своем, считая, что образование из Ташкента самостоятельного ханства лишает Россию «того важного политического значения, которое приобрели мы с занятием этого города, стоящего во главе всей Средней Азии». В своем решении он опирался также на адрес ташкентцев, которые просили о присоединении к России [11].

---

[8] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1865 г., л. 199 об. Примечательно, что некоторые зарубежные исследователи XIX в. квалифицировали взятие Ташкента как меру, вынужденную и оправданную обстоятельствами (S t u m m H. Op. cit., p. 55—56).

[9] Дневник П. А. Валуева, т. II. М., 1961. Запись от 20 июля 1865 г., с. 60.

[10] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1865 г., л. 203 об.

[11] См.: Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу с приложением и картою Туркестанского генерал-губернаторства. Спб., 1868, с. 173, 35.

Многие общественные деятели страны поддерживали наступательную тактику Черняева, полагая, что успехи России в Средней Азии важны для ее престижа в Европе. «Опасаясь за потерю Индии, англичане станут гораздо сговорчивее, чем теперь, по всем вопросам европейской политики», — писал либерально настроенный М. И. Венюков [12].

Эту мысль разделяли и военные. «Ташкент — богатый и многолюдный город, — замечал полковник В. Н. Троцкий. — От его отношения с Россией зависело многое: явится ли он... базисом для новых враждебных нам действий кокандцев, или в силу мирных его торговых интересов займет независимое от Коканда положение и поторопится восстановить старые торговые связи с Россией» [13]. Оренбургский генерал-губернатор просил содействия министра финансов М. Х. Рейтерна в посылке в Ташкент группы «предприимчивых лиц» для изучения на месте условий торговли [14].

В этих условиях необходимо было определить статус Ташкента, так как набеги бухарского эмира на Ташкент продолжались, что осложняло обстановку в крае. В Петербург были вызваны Черняев и Крыжановский. Летом 1866 г. правительственным указом Ташкент был включен в состав России.

§ 1. Русско-бухарские отношения и образование Туркестанского генерал-губернаторства

Борьбу кокандского хана с русскими войсками за территорию Южного Казахстана и Ташкент использовал бухарский эмир. Осенью 1865 г. он овладел Кокандом. Захват Коканда, столицы ханства, куда входил Ташкент, а также арест эмиром посольства, которое направил в Бухару для переговоров Черняев, вызвали резкий протест российского правительства. Ни на какие политические уступки эмиру Петербург не соглашался. В 1866 г. военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал-майор генерального штаба Д. И. Романовский, который продолжал наступательную тактику М. Г. Черняева. Военные столкновения между русскими и бухарскими отрядами закончились поражением бухарцев. Захватив Ходжент и другие города Ферганской долины, русские войска остановились недалеко от Самарканда, самого крупного города Бухарского ханства.

Расширение границ Российской империи, экономическое освоение края требовали решения вопроса об его административном устройстве.

До середины 60-х гг. XIX в. дела, касавшиеся Средней Азии, решал по преимуществу оренбургский генерал-губернатор (реже западносибирский), который фактически был «уполномоченным

[12] Венюков М. И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского трактата, т. I. Лейпциг, 1879, с. 153.
[13] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6786, л. 11.
[14] См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 209.

представителем российского императора»[15]. Положение не изменилось с образованием в 1865 г. Туркестанской области, находившейся в зависимости от оренбургского генерал-губернатора. Однако пассивность местного управления областью, ожидавшего инструкций из Оренбурга, дублирование, а иногда и противоречивость решений, ограниченность штатов создавали неудобства такого устройства. Поэтому возникла идея отделения области от оренбургского генерал-губернаторства. Для знакомства с положением Туркестанской области в 1866 г. по инициативе военного министра Д. А. Милютина туда была направлена Особая комиссия, члены которой пришли к заключению о целесообразности создания самостоятельного управления этой области. По материалам комиссии главный штаб составил записку, в которой обосновывал необходимость отделения Туркестанского края от Оренбургской губернии. Особый комитет под председательством военного министра с участием оренбургского генерал-губернатора, начальника главного штаба, директора Азиатского департамента, директора департамента общих дел, военного губернатора Туркестанской области, товарища министра иностранных дел и других официальных лиц рассматривал этот вопрос. Участники заседания, за исключением оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, согласились с мнением комиссии о «безотлагательном отделении Туркестанской области от оренбургского генерал-губернаторства и введении одного ответственного перед правительством лица, соединявшего в одних руках власть гражданскую и военную». Единоличное управление, помимо решения внутренних вопросов, было необходимо «ввиду особенных международных условий, в которые поставлена Россия в Азии»[16].

11 апреля 1867 г. Александр II утвердил мнение большинства Особого комитета. В июле 1867 г. был опубликован закон об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего Сырдарьинскую и Семиреченскую области. Генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман (управлял краем до 1882 г.). Кауфман имел большой опыт административной и военной деятельности, служил на Кавказе, был виленским, ковенским, гродненским генерал-губернатором, пользовался большим доверием царя и военного министра[17]. Он был облечен широкими полномочиями в решении политических и торговых дел Средней Азии. Туркестанский край выходил из-под власти Оренбурга, и вся среднеазиатская политика сосредоточивалась в руках его начальника. Находясь в Ташкенте, столице Туркестанского генерал-губернаторства, в первые месяцы своего руководства краем Кауфман писал в Петербург о прочности там позиций России и нецелесообразности при мирных отношениях к России населения

[15] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1865 г., л. 201.

[16] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1867 г., д. 12, л. 4, 5 об., 7 об.

[17] Зарубежные историки признают неординарные административные способности Кауфмана (Sumner B. H. Russia and the Balkans 1870—1880. London, 1962, p. 49).

Бухарского и Кокандского ханств дальнейших военных действий [18]. Вскоре он отступил от этих заверений, что вызывалось внутренней обстановкой в Средней Азии.

В сентябре 1867 г. Крыжановский направил проект договора с Бухарой, согласованный им в Оренбурге с бухарским послом, в Ташкент на утверждение Кауфману. По проекту, Бухара сохраняла свою независимость во внутренних делах. Эмиру вменялось в обязанность «не посылать войска и шайки грабителей в русские пределы», а царские власти, со своей стороны, не должны были позволять «киргизам и другим народам, живущим в пределах России, делать набеги на Бухару». Эмир разрешал пребывание в Бухаре и других местах русских агентов, которые следили бы за положением российских подданных, находившихся в ханстве. Русские купцы получили право иметь в Бухаре караван-сараи, торговые пошлины на их товары уравнивались с пошлинами торговцев-мусульман, русским предоставлялось право свободно селиться в бухарских владениях и приобретать недвижимую собственность, оставаясь в подданстве Российской империи. Россия и Бухара обязались принять меры к развитию торговли и охране торговых путей [19]. Таким образом, проект договора включал условия, которые безуспешно добивалось закрепить правительство России в 40—50-х гг. XIX в.

Кауфман одобрил проект, но внес в него некоторые поправки. Пытаясь заинтересовать договором эмира, он решил сделать небольшую территориальную уступку Бухаре: вернуть эмиру крепость Яны-Курган. Кроме того, Кауфман отверг предложение Крыжановского включить в проект русско-бухарского договора обязательство Бухары отказаться от самостоятельной внешней политики, считая, что царская администрация еще не в состоянии следить за исполнением такого условия. После этих поправок проект договора был подписан Кауфманом и отправлен в Бухару на утверждение эмира. 5 месяцев держал у себя эмир проект договора, не подписав его. Становилась очевидной неизбежность нового столкновения с Бухарой. В этих условиях русскому командованию было необходимо установить мирные отношения с кокандским ханом. Овладение Ташкентом и перенесение туда столицы Туркестанского генерал-губернаторства делали, по существу, бессмысленной борьбу кокандского хана Худояра с Россией. В марте 1868 г. между ним и Кауфманом был подписан русско-кокандский торговый договор, по статьям которого устанавливалась постоянная 2,5%-ная пошлина на ввозимые товары (с обеих сторон). Русским купцам в ханстве и кокандским купцам в России гарантировались свободное пребывание и организация караван-сараев. Русские торговые агенты имели право пребывать в Коканде. При внешнем равноправии Кокандское ханство фактически ставилось под контроль России.

---

[18] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, 1866—1898 гг., д. 8, л. 23.
[19] Там же, л. 3—5.

Подписание русско-кокандского договора и стабилизация положения в Ташкенте позволили царской администрации переключить внимание на Бухару, где продолжались волнения. Духовенство и феодалы призывали эмира к «священной войне» против России. Нападения на сторожевые посты нередко сопровождались убийствами солдат. Военное командование царских войск устраивало репрессии и разрушало кишлаки «для примера другим». Для борьбы с Россией бухарский эмир пытался войти в союз с Хивой, Кокандом и Турцией. Эти переговоры были безуспешными. Коканд не хотел открытой войны с Россией, Хива не видела необходимости в войне, пока сохранялась ее собственная независимость. Не встретил сочувствия бухарский делегат и в Константинополе: султан при встрече с послом дал совет «быть в добрых отношениях с Россией» [20]. Эти предостережения султана не остановили бухарского эмира от войны с Россией.

В марте 1868 г. эмир Музаффар отказался ратифицировать русско-бухарский договор и объявил «священную войну» России. В апреле 1868 г. бухарские войска вышли на р. Зеравшан (район Самарканда), куда подошла русская армия во главе с Кауфманом. Эмир требовал возвращения территорий (г. Джизак и другие земли), занятых российскими войсками. Кауфман предлагал эмиру отказаться от территориальных претензий к России. Условия генерал-губернатора не были приняты. Военное столкновение на Зеравшане закончилось бегством бухарцев, а борьба в Самарканде между духовенством, требовавшим газавата, и торгово-ремесленными кругами города, стоявшими за добровольное присоединение Самарканда к России, обострилась. Когда войска России в начале мая 1868 г. подошли к городу, то ворота Самарканда оказались открытыми. В июне 1868 г. бухарский эмир подписал с Россией мирный договор, ранее им отвергнутый. Теперь, помимо прежних условий, в состав империи были включены бывшие города ханства: Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. Русские подданные получили право свободной торговли и учреждения торговых агентств в ханстве. Кроме того, эмир обязался выплатить 500 тыс. руб. контрибуции. На занятой российскими войсками территории был образован Зеравшанский округ, включавший Самаркандский и Катта-Курганский отделы. Во главе округа был поставлен генерал-майор Абрамов, подчинявшийся генерал-губернатору Туркестанского края.

Военные и дипломатические успехи России привлекли к Средней Азии внимание политических деятелей и предпринимателей. В периодической печати России обращалось внимание на торговое и политическое значение вновь присоединенных территорий, на необходимость удержать эти земли и не идти на уступки Англии [21]. Однако в планы России не входила полная ликвидация независимости ханств Коканда и Бухары, на чем настаивала местная администрация. С точки зрения Петербурга выгоднее было

[20] Там же, л. 29 об. — 30, 80—81.
[21] Вестник Европы, 1869, т. III, май, с. 376, 378.

сохранить за ханствами внутреннюю автономию при фактической подчиненности их России.

Закрепившись в центральных районах, российское правительство обратилось к Хивинскому ханству и Туркмении.

В 1864 г. одновременно с действиями правительства по соединению Оренбургской и Сибирской линий Министерство иностранных дел представило царю записку, в которой доказывались выгоды «неотлагательного занятия Красноводского залива в отношении политическом, военном и торговом» [22]. Особый комитет, обсуждавший этот вопрос, предложил в 1865 г. принять меры по строительству крепости в Красноводском заливе, «но самое устройство укрепления исполнить в 1866 г.». Предложение комитета было отложено из-за событий, связанных с Бухарой и Кокандом.

Закрепление за Россией части территории Средней Азии было использовано Англией для разжигания антироссийской пропаганды вокруг мнимой «угрозы Индии» [23]. Русофобская завеса позволяла Лондону усилить свою экспансию в Центральной Азии, использовать Иран, Афганистан и среднеазиатские ханства для борьбы с Россией. Английское правительство не отказывалось также от непосредственных переговоров с правительством России. В марте 1869 г. министр иностранных дел Англии Кларендон в беседе с русским послом в Лондоне Ф. Брунновым затронул вопрос о продвижении русских войск в Среднюю Азию. Министр заявил, что это не тревожит Англию, так как она сильна в Индии. Тем не менее он предложил, чтобы Россия и Англия признали некоторую территорию нейтральной между их владениями в Азии. Министерство иностранных дел России назвало к качестве такой зоны территорию Афганистана, отметив, что вмешательство в дела этого государства не входит в намерения России. Английское правительство, в свою очередь, считало, что нейтральная территория должна быть расширена на север от афганской границы таким образом, чтобы включить спорные между Афганистаном и Бухарой земли (Балх, Бадахшан, Кундуз). Россия не приняла условия Англии, и вопрос о нейтральной территории остался неразрешенным [24]. Новое обсуждение этого вопроса состоялось в октябре 1869 г. при личной встрече Горчакова с членом индийской администрации Дугласом Форсайтом. Представитель англо-индийского правительства вновь предложил России согласиться на расширение границ «нейтрального» Афганистана. Рассчитывая превратить Афганистан в подвластное Великобритании государство, английское правительство вновь предложило включить во владения бухарского эмира

---

[22] Указание на этот документ содержится в сборнике «Присоединение Туркмении к России». Ашхабад, 1960, док. 1, с. 19.

[23] См. об этом: Штейнберг Е. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969, с. 67—68; Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971.

[24] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1885 гг. Спб., 1886, с. 2—4.

территории, расположенные по нижнему течению Амударьи. Принятие предложений Англии обострило бы афгано-бухарский конфликт, в чем была заинтересована Англия, и усилило бы ее позиции на Среднем Востоке [25]. Россия отклонила английские условия.

Не достигнув договоренности, обе стороны передали подготовку конкретных решений туркестанскому генерал-губернатору и вице-королю Индии [26]. Эти переговоры показали истинные намерения Великобритании по закабалению Афганистана и нежелание России следовать в фарватере ее политики. Тем не менее в Петербурге по-прежнему старались избежать военного конфликта с Лондоном. Ради этого Министерство иностранных дел обратилось с просьбой к царю отсрочить намеченную на 1869 г. экспедицию на побережье Красноводского залива Каспийского моря и перенести ее на 1870 г. Однако наместник Кавказа великий князь Михаил (он стремился к активному участию в среднеазиатской политике) и туркестанский генерал-губернатор Кауфман убедили Александра II не откладывать экспедиции. Они мотивировали свою просьбу слухами о возможном союзе азиатских владетелей против России, а также «смутами в Киргизской степи» и подстрекательством Хивы [27]. Кауфман считал целесообразным но только высадку войск у Красноводского залива, но и взятие Хивы [28]. Американский историк Ричард Пирс, соглашаясь с этими причинами, выдвигает еще «необходимость держать под контролем восточное побережье Каспия, тем самым обеспечивая поддержку русской армии на Кавказе» [29], то есть он показывает связь действий России в Средней Азии с Кавказом.

Официальная цель экспедиции сводилась к обеспечению безопасности среднеазиатских окраин России и к открытию для русской торговли новых путей в Среднюю Азию через Каспийское море [30]. Успешная реализация этого плана позволяла расширить связи России с этим регионом через Кавказ. Военный отряд под командованием Н. Г. Столетова, решительного, хорошо знавшего Восток, человека, в ноябре 1869 г. выступил из Баку к Красноводскому заливу. Конницей его отряда командовал М. Д. Скобелев, позже прославившийся в русско-турецкой войне. У залива был заложен город Красноводск, ставший центром нового округа.

Туркмены, населявшие эти земли, узнав, что русская шхуна «останется надолго, начали перекочевывать ближе к берегу и сношения их с нашими были самые дружественные», — сообщал начальник Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране [31].

---

[25] АВПР, ф. Главный архив I—9, 1859—1868 гг., д. 8, ч. II, л. 9 об., л. 13.
[26] Афганское разграничение, с. 6.
[27] Там же; Присоединение Туркмении к России, док. 7, с. 32.
[28] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6814, л. 102.
[29] Pierce R. Russian Central Asia 1867—1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley—Los Angeles, 1960, p. 38.
[30] Присоединение Туркмении к России, с. 33.
[31] Там же, с. 27.

Хотя занятая русскими войсками территория не входила в состав Ирана, шах выразил беспокойство по поводу высадки десанта и через российского посланника в Тегеране А. Ф. Бегера просил, чтобы Петербург официально заявил, что правительство России признает владычество Ирана до Атрека [32]. Уступая просьбам шаха, в Петербурге согласились на русско-иранские переговоры, закончившиеся подписанием в декабре 1869 г. соглашения, по которому река Атрек была признана пограничной территорией [33].

Высадка военного десанта в районе Красноводского залива ухудшила отношения с Хивой. Ханство превратилось в центр борьбы против России. Хан вовлекал казахов и туркмен к нападению на укрепления России. Хиву, по сообщению оренбургского генерал-губернатора, посетил посол турецкого султана с предложением помощи и советовал объединить под своим владычеством всех недовольных политикой России. Однако усилия хивинского хана поднять туркмен против России не удались. После нескольких бесплодных попыток прекратили свои выступления и казахи, но хивинский хан не сложил оружия. Поэтому царская администрация в Средней Азии считала необходимым предпринять наступление на Хиву «для пресечения ее происков». Министерство иностранных дел не поддерживало предложения местной власти. Оно считало «желательным» избегать военной экспедиции в Хиву до тех пор, «пока не сделается совершенно неизбежной». Туркестанскому губернатору указывали на необходимость покровительствовать туркменам [34].

Новое обострение отношений с Бухарой отвлекло внимание России от Хивы. Военные неудачи бухарского эмира в 1868—1869 гг., восстановление торговых связей России с Ташкентом были отрицательно восприняты духовенством и феодальной верхушкой. В Бухаре усилилась борьба между сторонниками и противниками ориентации на Россию. Распри в государстве ослабляли власть хана. После подписания русско-бухарского договора 1868 г. это беспокоило Россию. Для умиротворения края царское правительство предлагало возвратить Самарканд Бухаре. Александр II через военного министра передавал туркестанскому генерал-губернатору: «Самарканд с... территорией, завоеванной в прошлом году, не удерживать за нами, а при первой возможности возвратить во владения эмира» [35]. Того же взгляда придерживалось и военное министерство. В предписании Кауфману от 18 июля 1868 г. министры иностранных и военных дел сообщали, что, не-

---

[32] Там же, док. 6, с. 32.

[33] См.: Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. I. Спб., 1883, с. 122.

[34] Присоединение Туркмении к России, док. 14, с. 47—48, док. 15, с. 49, док. 7, с. 34, док. 8, с. 35.

[35] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6808, л. 17. На стремление Александра II избежать столкновения с Англией в Средней Азии указывают и современные зарубежные исследователи. Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914. London, 1977, p. 105; Rieber A. J. The Politics of Autocracy. Mouton, 1966, p. 82.

смотря на блестящие успехи, «виды нашего правительства в этой части Азии не должны изменяться на будущее время. Занятие Бухарского ханства, со включением его навсегда в пределы России, не входит в цели правительства. Такое расширение наших владений привело бы немедленно к необходимости усилить число наших войск в этой части края, к увеличению издержек военных и административных и, не доставив притом особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше положение». Петербург предлагал «очистить временно занятый край», установив там устройство, которое позволяло бы России «иметь спокойного и дружественного соседа» [36].

Однако среднеазиатская администрация не разделяла мнения обоих министров. Она утверждала, что возвращение Самарканда подорвет авторитет императора и генерал-губернатора в глазах местного населения. Самарканд остался за Россией. Правда, Кауфман в донесении Стремоухову пытался объяснить свои действия отказом бухарского эмира принять условия России об уплате им «значительной военной контрибуции за возвращение территории Самарканда». Он словесно высказывал готовность исполнить волю императора и «возобновить переговоры с бухарским эмиром о возвращении ему занятой в 1868 г. территории» [37]. Созванный после занятия Самарканда военный совет единодушно высказался за необходимость движения на Бухару. Его участники считали, что, когда Самарканд у России, а Бухара — нет, существует вечная угроза выступления Бухары против России. Ораторы акцентировали внимание на политическом значении продвижения России, связывая ее успехи в Средней Азии с решением восточного вопроса и характером русско-английских отношений. «С занятием Бухары Россия приобрела бы больше веса в решении восточного вопроса», а Англия «умерила бы свою гордыню с приближением русских войск к ее владениям в Индии» [38].

Слабое знакомство Петербурга с местной обстановкой и отсутствие твердой позиции в правительстве по среднеазиатским делам позволили Кауфману при личной встрече с царем в столице убедить его в целесообразности удержания Самарканда за Россией. Главные доводы правительства в пользу отказа от активных действий в Средней Азии сводились к боязни «раздробить наши и без того немногочисленные военные силы, так необходимые для спокойствия и безопасности занятого нами Туркестанского края»; учитывались также материальные затраты на введение царской администрации. Правительство приводило еще один аргумент — опасения вызвать войну с Англией [39]. Доказывая правоту своих действий, Кауфман напоминал, что Англия нигде так не уязвима, как в Азии. «Эта узда, которой мы всегда можем сдерживать Анг-

---

[36] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 8, л. 263—265.
[37] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6808, л. 17, 17 об. — 18, 34 об.
[38] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 8, л. 220—222.
[39] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6808, л. 8 об., 15.

лию»[40]. Переходя к вопросу о Самарканде, он заметил, что этим городом Россия удержит Бухару в повиновении, а возвращение Самарканда подорвет позиции России в Средней Азии.

Последующие события — неурожаи в Бухарском ханстве в 1870 г., падеж скота, голод — еще более усложнили обстановку и временно сняли вопрос о Самарканде и Бухаре.

В начале 70-х гг. среднеазиатский вопрос был поставлен в широком плане. На особом совещании в Петербурге в декабре 1872 г. с докладом о «положении политических дел» в Средней Азии и о политике России в этом районе выступил Кауфман. Руководствуясь официальной правительственной концепцией, он говорил о стремлении России к миру, развитию торговли и умиротворению соседних народов. Одним из главных результатов отношений со среднеазиатскими ханствами он считал заключение с ними торговых договоров, в силу которых русским купцам предоставляются те же самые права, которыми пользуются среднеазиатские купцы в пределах России. Касаясь стабилизации положения в Средней Азии, он приводил в пример состояние Кокандского ханства, где «водворился порядок внутри, наладилась торговля, началось строительство базаров, караван-сараев, большого канала для орошения безводных степей». Кауфман советовал признать кокандского хана, первым понявшего «политический смысл программы России», законным государем. Он говорил об улучшении отношений с Бухарой, объясняя это возвращением эмиру г. Карши, временно занятого русскими войсками для предотвращения готовившегося там политического переворота. Главной причиной улучшения отношений он считал удержание за Россией верхней долины Зеравшана с Самаркандом, что ослабляло эмира и в то же время давало России возможность «немедленно наказать его за нарушение мирных соседских отношений». Кауфман ставил перед правительством вопрос об окончательном присоединении к России Зеравшанского округа[41].

Предлагая сохранить Самарканд за Россией, Кауфман вместе с тем был против включения в состав империи всего Бухарского ханства. Он считал, что гораздо «выгоднее владеть Бухарою нравственно, как мы владеем Кокандом, и иметь там вполне преданного нам, но самостоятельного по отношению к прочим соседям владетеля, чем самим управлять этой страной и быть вынужденным содержать там значительное войско для ограждения наших интересов и нашего там управления»[42].

Помимо сообщения о состоянии русско-среднеазиатских отношений, Кауфман коснулся политики Афганистана и Англии. Он заметил, что притязания эмира к расширению афганской территории на север, подогреваемые английским правительством, могут при-

---

[40] Толбухов К. Устроитель Туркестанского края. — Исторический вестник, 1913, июнь, с. 906—907.

[41] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1872—1873 гг., д. 12, л. 6, 11—11 об.

[42] Там же, л. 13.

вести к бухаро-афганскому и афгано-кокандскому конфликтам и не оставят Россию безучастной. Для предотвращения осложнений с Афганистаном учитывая его географическое положение и зависимость от Англии, Кауфман предлагал «оказывать предупредительное широкое гостеприимство Абдуррахман-хану», правителю Афганистана. Иными, по мнению генерал-губернатора, должны быть отношения к Хиве. Он считал, что «выжидательная политика» России «оказалась неприемлемой для этой страны... Хива не признает власти России», продолжает выступать против нее, что «влияет самым невыгодным образом на развитие нашей среднеазиатской торговли, мешает успеху развития благосостояния всех наших среднеазиатских владений и нашей Киргизской степи... Неприязненное отношение к нам Хивы усложняет вообще все наше положение в Средней Азии и мешает делу устройства наших степных областей» [43]. Поэтому Кауфман предлагал нанести решительный удар Хиве, но не присоединять ханство к России.

Программа, изложенная генерал-губернатором Туркестана, была одобрена правительством. В принятом решении говорилось о включении Зеравшанского края в состав империи. Для окончательного примирения с Бухарой было предложено заключить с ханом дополнительное к договору 1868 г. соглашение, уточнявшее русско-бухарскую границу. Кауфману поручалось выработать правила торговли и условия для решения споров между подданными России и Бухары. Программа, принятая на совещании 1872 г., свидетельствовала о продолжении правительственного курса, направленного на политическое и торговое освоение Средней Азии.

В сентябре 1873 г. в Шахрисябзе был подписан новый русско-бухарский договор, закрепивший бóльшую, чем прежде, подчиненность Бухары России. По условиям договора туркестанская администрация гарантировала эмиру территориальную целостность ханства и помощь в борьбе с противником; она получила право вмешиваться в решения вопросов о наследнике бухарского престола и о кандидатах на пост первого министра. Бухарское ханство утратило право проводить самостоятельную внешнюю политику.

Подписание нового договора стало завершающим этапом в истории русско-бухарских отношений. После его заключения Бухарское ханство сохраняло лишь внутреннюю автономию.

§ 2. Деятельность царской администрации в Туркестанском крае

Экономическое освоение Средней Азии и Казахстана было невозможно без введения единой системы управления. Народы Средней Азии до введения царской администрации не имели единых законов, обязательных для всех граждан. Каждое ханство руководствовалось волей и приказами своего правителя. В силу этого российское правительство в своей деятельности не могло опираться на местные законодательные акты.

[43] Там же, л. 16—17, 19.

«Успех завоеваний 1863—1867 годов, ознаменовавшийся рядом побед русского оружия, — писал К. П. Кауфман, — поколебал всю неподвижную и замкнутую систему этой страны, но не мог овладеть разбитыми силами, чтобы использовать их для выполнения новой политической и гражданской программы русского государства»[44]. Местное население, и особенно правители среднеазиатских государств, привыкшие к беспрерывным войнам и междоусобицам, появление царских войск рассматривало как временное явление. Царской администрации необходимо было учитывать это и доказать «бесповоротность» происходивших событий. Одновременно царизму надо было ввести такой порядок управления, который позволил бы местному населению видеть в российской администрации «защитников» от произвола ханов и вместе с тем не оттолкнуть ханов от новой власти. «Владетели этих стран, — отмечал в 1881 г. в отчете царю Кауфман, — заняли враждебно-выжидательную позицию»[45]. В такой сложной обстановке царская администрация была вынуждена учитывать настроение местного населения, и прежде всего правителей среднеазиатских ханств. Она по указанию Петербурга пыталась объяснить новое положение феодальной верхушке «как относительно России, так и своих подданных», показать общность ее интересов с интересами промышленных и торговых кругов России, а также «мирные намерения России, пробудить у нее стремление заменить устарелые формы политического и общественного быта новыми формами гражданственности»[46]. Иными словами, царская администрация строила свою политику на окраинах таким образом, чтобы не оттолкнуть от царизма феодальную верхушку края. Понимая значение для стран Востока мусульманской религии, российское правительство неоднократно повторяло, «что вера и обычаи их останутся без изменения». В подтверждение этих обязательств царская администрация, используя опыт реформ Екатерины II в Крыму и на Кавказе, оставила суд казиев (для оседлого населения) на прежних основаниях. Но параллельно суду казиев был создан российский суд, в котором местное население имело право разбирать свои дела. Чиновники предполагали, что при хорошей организации он «возьмет верх над грубыми постановлениями шариата». Однако русские судьи, как правило, не имели юридического образования, неквалифицированно вели дела, допускали насилия и произвол по отношению к тяжущимся, что обесценивало задачу, поставленную правительством.

При разработке проекта административных и социальных реформ была установлена постепенность мер по организации управления. «Всякая крутая мера в этом отношении принесет более

---

[44] Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867—1881 гг. Спб., 1885, с. 5.

[45] Там же, с. 5, 6.

[46] АВПР, ф. Главный архив IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 404 об.

вреда, чем пользы, и вызовет фанатизм и упорство народа»[47]. Эту особенность введения российских административных порядков на окраинах империи отмечают и зарубежные историки[48].

Такой подход к организации управления, по мнению Кауфмана, позволял «власти ввести внешний порядок и спокойствие, обеспечить необходимые государству средства от взимания податей, установить мир с соседями и постепенно ввести население в состав Российской империи»[49].

При разработке проекта административных и политических реформ учитывался также международный аспект проблемы. Продвижение России в Среднюю Азию «сделало эти страны предметом европейской и преимущественно английской политики ... поставив нас лицом к лицу с английским влиянием». Отношения России со странами Востока, по мысли правительства, теперь выходили «из их прежнего, как бы домашнего, круга на почву европейской политики»[50]. В 60—80-е гг. XIX в., как и ранее, Россия стремилась избежать войны с Англией. Она соглашалась на дипломатические переговоры с ней ради сохранения лояльных отношений. Новая система управления, вводимая Россией, должна была поднять авторитет Российского государства не только в Средней Азии, но и в Европе.

Подготавливая проект административных и хозяйственных реформ в Средней Азии, правительство руководствовалось общими принципами своей политики по отношению к окраинам, в частности для Крыма и, особенно, Кавказа[51]. «Россия стремилась не к обособлению края, — говорится в документе Азиатского комитета за 1875 г., — а к возможно полному слиянию его с остальной Россией»[52].

Систему управления Средней Азией разрабатывали местные власти, знакомые с условиями края, а санкционировало, с учетом международной и внутренней обстановки, правительство. При введении новой системы управления учитывались материальные затраты государства, которые предполагалось свести до минимума, и особенности каждой из областей, вошедших в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Одной из главных задач новой администрации правительство считало «попечение о нашей среднеазиатской торговле, для которой открывается утешительная будущность»[53].

Для подготовки нового «Положения» была создана комиссия, в обязанности которой входило знакомство с краем и составление

---

[47] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1867 г., д. 12, л. 56, 56 об., 66.
[48] Atkin M. Russia and Iran 1780—1828. Minneapolis, 1980, p. 146—148.
[49] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 46.
[50] АВПР, ф. Главный архив IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 405, 408, 403.
[51] Rhinelander L. H. Russia's Imperial Policy. The Administration of the Caucasus in the first Half of the XIXth century. — Canadian Slavonic Papers. 1975, v. XVII, p. 218.
[52] АВПР, ф. Главный архив IV—34, оп. 145, 1831—1875 гг., д. 1, л. 407.
[53] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1866 г., л. 296.

единого для кочевого и оседлого населения проекта. Проект обсуждался в Комитете министров и был утвержден царем временно, в виде опыта, на 3 года. Генерал-губернатору Туркестанского края разрешалось вносить в «Проект временного положения» изменения в соответствии с местными условиями и потребностями населения. Положения состояли из 4 частей: в первой части речь шла об устройстве центральной, областной, уездной, городской и местной администрации; во второй — устройство суда; третья и четвертая части были посвящены вопросам хозяйственно-общественного управления (раскладка податей, земских сборов с оседлого и кочевого населения). Вопросы поземельного устройства в проекте не рассматривались.

У генерал-губернатора была нераздельность власти военной и административной. Он одновременно был и командующим войсками. В управлении краем преобладал «военный элемент» [54]. В обязанности генерал-губернатора входило устройство высшего управления края, которое, «по возможности» должно было ближе подойти «к существующему в прочих частях империи». В проекте говорилось о предоставлении «внутреннего управления туземному населению», выборности «по всем делам, не имеющим политического характера» [55]. В действительности в состав местной администрации попадали представители богатой верхушки. Взяточничество при выборах было нередким явлением. Провозглашалось отделение суда от администрации. Вместе с тем отмечалось устранение в местном управлении, его законах и обычаях «всего того, что оказывалось решительно вредным в интересах государства».

Временные правила 1867 г. должны были стать переходными для царской власти от «чисто наблюдательной» функции к роли «учредительной и организующей» [56]. В действительности царская администрация в 60-е гг. XIX в. была не только «наблюдательным» органом. В дальнейшем, по мере внесения изменений в «Положения», ее значение в местном управлении возросло.

Во главе областей были поставлены военные губернаторы, которым подчинялось уездное начальство. Они были командующими войсками в областях. Городское управление на принципах городового положения 1870 г. было введено в Ташкенте как значительном торговом городе в 1877 г.[57]

Хотя в правительственных декретах провозглашалось единство в управлении оседлого и кочевого населения, во временных правилах его организация была различной. Кочевое население в каждом уезде делилось на волости, а те — на аулы. Волости уп-

[54] Pierce R. Op. cit., p. 64.

[55] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 43. Известный английский публицист и историк второй половины XIX в. Г. Роулинсон замечал, что практиковавшийся в Средней Азии принцип «смешанного русско-туземного управления» давно и успешно зарекомендовал себя в Закавказье. Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875, p. 284.

[56] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 43, 44.

[57] Там же, с. 17.

равлялись волостными управителями, а аулы возглавляли аульные старшины, избираемые на 3 года. Волостное управление сосредоточивало власть административную и полицейскую.

Для оседлого населения областей власть административная и полицейская сосредоточивалась в руках аксакалов, которые избирались населением и утверждались военным губернатором области на 3 года. Для ослабления власти феодалов (баев) волости и аулы создавались не по родовому признаку, а по территориальному, что нередко вызывало сопротивление крупных феодалов и родоплеменной знати.

Местные суды (казиев и биев) рассматривали мелкие уголовные и гражданские дела «туземного» населения. Крупные дела, «особенно опасные преступления» местного и русского населения, разбирали военно-судебные комиссии, а также полевые суды, создаваемые по распоряжению генерал-губернатора. В XX в. полевые суды чаще всего рассматривали дела участников революционного движения.

Положение 1867 г. вводило новую систему взимания налогов, в основе которой лежали род занятий населения и его доходы. Для кочевников вводили единый кибиточный сбор (2 рубля 75 коп. с кибитки).

Оседлое население платило харадж (поземельный налог), равный 1/10 части урожая (при ханской власти он составлял 1/2 — 1/3 части урожая), закят (с торговли), а также налоги на содержание дорог, оросительных каналов, мостов, базаров и др. Распределение налогов между сельскими обществами осуществлял съезд волостных выборных. Поскольку волостные выборные, как правило, были представителями феодальной знати, то основную сумму налогов платила беднота. Волостные управители и сельские сборщики фактически были освобождены от налогов. Даже Кауфман признавал податную систему «несовершенной со всех сторон: тягостной для народа, который она оттесняет в праве распоряжаться имуществом, маловыгодной для казны, которую она заставляет нести большие расходы по издержкам взимания». Тем не менее генерал-губернатор отмечал высокий авторитет царской администрации. «Он (народ. — *авт.*) увидел русскую силу не только на поле битвы, но и в участии к его быту и управлении» [58].

В 1868 г. впервые в крае специально созданная комиссия провела перепись населения. Хотя система переписи была несовершенной и полученные данные весьма приблизительны, она позволила разделить население по уездам и волостям, составить представление о его численности и роде занятий. Члены комиссии объезжали села и зимовья (кочевников), знакомились с обстановкой на местах, объясняли смысл положений 1867 г.

В своем отчете Кауфман отмечал, что родовая аристократия, духовенство кочевых и оседлых племен противились новым прави-

---

[58] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6829, л. 10 об., 12 об. — Кауфман — Милютину, 27 ноября 1869 г.

лам, но были бессильны из-за «принятия их основным населением» [59]. О биях, ханах, крупных феодалах как активных противниках действий России сообщали и ранее в Петербург царские администраторы. «Это большею частью первые виновники всяких беспорядков, — доносил в МИД А. А. Катенин, — главные укрыватели воров и грабителей, самые надежные шпионы кокандцев и хивинцев» [60]. Царские управители Средней Азии (как, впрочем, и Кавказа) использовали этот антагонизм и временными уступками, снижением налогов привлекали на свою сторону население, недовольное произволом местных властей [61].

По мере расширения владений России в Средней Азии новые территории включались в Туркестанское генерал-губернаторство. В его состав вошли: в 1868 г. — Зеравшанский округ, в 1873 г. — Амударьинский, в 1876 г. — Ферганская область. На эти территории распространялись правила 1867 г.

Положения 1867 г. не случайно были названы «временными». Их готовили в ходе военных действий, «меры были наскоро продуманы» [62]. Чиновники плохо знали местные условия, отсутствовала четкость в определении прав и обязанностей местных администраторов. Все это потребовало подготовки нового проекта положений, составленного в 1873 г.

В проекте 1873 г. по сравнению с «Правилами» 1867 г. был усилен контроль губернаторов над местной властью в волостях, аулах и селах. Кроме того, в проекте содержались рекомендации по решению земельного вопроса, отсутствовавшие в «Правилах» 1867 г. Обсуждение нового проекта в Петербурге показало его несовершенство. Потребовалось создание комиссии для изучения состояния края. Новое положение об управлении Туркестанским краем было принято в 1886 г.[63] Оно практически просуществовало до Великой Октябрьской революции.

Сравнение Временных правил 1867 г. с новым «Положением» 1886 г. свидетельствует о сохранении в силе главных основ политики самодержавия — постепенного слияния края с Центральной Россией. Более жесткой регламентации со стороны генерал-губернатора было подвергнуто областное управление. Система местного управления оседлого и кочевого населения не подверглась существенным изменениям. Выборное начало волостных управителей и сельских старшин со всеми ограничениями, присущими Правилам 1867 г., сохраняло свою силу и в новом «Положении». Судебная реформа Центральной России нашла отражение и в «Положении» 1886 г. В Туркестанском крае создавались мировые (уездные) и областные суды, дела разбирались гласно и публично. При областных судах учреждались областные прокуроры и их помощники.

---

[59] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 50, 56.
[60] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1854—1864 гг., д. 2, л. 48.
[61] Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples Ed. by Vucinich W. S. Stanford, 1972, p. 274.
[62] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1867 г., д. 14, л. 4.
[63] Положение об управлении Туркестанского края, т. I—II. Спб., 1886.

У коренного населения (кочевого и оседлого) для решения мелких дел сохранялись народные суды.

Преступления государственные, против «веры христианской» и порядка управления, постановления о повинностях, собственности, а также убийства народные суды не разбирали [64].

Сравнение «Положения» 1886 г. с Временными правилами 1867 г. в области административного управления свидетельствует о бóльшей централизации управления, о постепенном приближении его к управлению Центральной Россией, о взгляде правительства на Среднюю Азию как на окраину империи.

Экономическая политика царской администрации в Средней Азии содействовала разрушению замкнутого натурального хозяйства, развитию товарно-денежных отношений.

После введения Правил 1867 г. особое внимание царская администрация обращала на решение земельного вопроса. С этой целью в конце 1869 г. была создана Особая комиссия, которая выясняла «юридическое право здешнего населения на занимаемые ими земли... и практическое применение письменного мусульманского права к бытовым условиям населения» [65]. Кауфман обращал внимание членов комиссии на изучение таких прав (по шариату и адату), «кои, соответствуя нуждам народа и, по возможности, не насилуя исконных народных воззрений на поземельное право, приближались бы к порядку, существующему по сему предмету в прочих частях Империи». Здесь вновь генерал-губернатор ставит вопрос о постепенном слиянии окраин с Россией. Естественно, во главу угла ставились интересы царской власти. Кауфман пишет, что существующее в крае положение не позволяло России «воспользоваться ни пашней, ни степью, ни камышами... везде вырастал неведомый собственник, опиравшийся на свидетельства и обычаи» [66]. Действительно, в мусульманском законодательстве было обозначено лишь государственное право собственности на землю. Все прочие виды отношений не фиксировались, что приводило к беспрерывным столкновениям и спорам населения. Для стабилизации положения земли феодальной знати, ранее сдававшиеся в аренду мелкими участками дехканам, царская администрация закрепила за дехканами на правах потомственного землепользования. Эта мера правительства увеличивала налоговые поступления с частновладельческих земель (мюльк), ранее не облагавшихся налогом, и ослабляла позиции феодалов-землевладельцев, их децентралистские тенденции.

Царская администрация, осуществляя классовые задачи дворянства и буржуазии по превращению Средней Азии в источник сырья, много делала для развития хлопководства, слабо развитого до появления там русских. По инициативе Кауфмана при об-

---

[64] Положение об управлении Туркестанского края, т. I, ч. 2, ст. 117, с. 16, ст. 120, с. 17, ст. 118, с. 16, ст. 141.

[65] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6829, л. 9—9 об. — Кауфман — Милютину 27 ноября 1869 г.

[66] Там же, л. 13, 10.

ществе любителей естествознания была создана комиссия, которая исследовала достоинства и недостатки среднеазиатского хлопка и пришла к выводу о его низких качествах. Ученые отмечали небольшую крепость и эластичность нити, короткое и грубое волокно[67]. Эксперименты по изготовлению ситцев из среднеазиатского хлопка проводили также московские и петербургские фабриканты, пришедшие к тем же выводам, что и ученые.

Для улучшения качества местного хлопка с 60-х гг. XIX в. опытные плантации стали засевать американскими семенами; часть из них бесплатно передавали местному населению. В Ташкенте была создана специальная хлопковая ферма, где вели посевы американского и египетского хлопка. В Северную Америку были направлены царские чиновники для изучения способов выращивания высококачественного хлопка. Эти меры правительства, наряду с покровительственной пошлиной на иностранный хлопок, введенной в 60-х — начале 80-х гг., а также строительство железной дороги (Закаспийская железная дорога от Красноводска до Самарканда), связавших Среднюю Азию с Центральной Россией и отдельные районы Средней Азии между собой, появление новых городов вырывали Туркестан из состояния застоя, положительно сказывались на экономике края.

В 1889 г. большая часть хлопковой площади в Туркестане засевалась американским хлопчатником. За 5 лет (с 1886 по 1890 г.) посевные площади под ним увеличились почти в 5 раз[68]. С ростом производства местного хлопка сокращалось потребление промышленностью России иностранного хлопка.

К 900-м гг. Средняя Азия стала основным поставщиком хлопка для промышленности России. Вместе с тем расширение посевов хлопчатника вело к некоторому сокращению и без того небольших площадей, занятых под посевами продовольственных культур (1/50 всех земель генерал-губернаторства) [69]. Это вызывало повышение цен на хлеб и отрицательно сказывалось на положении местного населения. Одновременно с этим велись, хотя и в небольшом объеме, расчистка пустошей и осушение камышовых болот.

Наряду с развитием хлопководства широкое развитие в Средней Азии к 90-м гг. получили шелководство и каракулеводство, приобретавшие также торговый характер. Развивалась и промышленность, по преимуществу связанная с первичной обработкой сырья: хлопкоочистительная, маслобойная, шелкопрядильная, мыловаренная.

Царская администрация осуществляла в Средней Азии колонизацию. Ежегодный приток колонистов в Туркестанский край составлял 50 000 человек. С 1867 по 1882 г. население края возросло с 1 до 3 млн. человек. Это было связано прежде всего с расшире-

---

[67] См.: Костенко Л. Ф. Туркестанский край, т. 3. Спб., 1880, с. 42.

[68] См.: Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966, с. 71.

[69] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 210.

нием территории края, а также спокойной обстановкой по сравнению с другими областями Средней Азии и наличием свободных земель, менее отягощенных податями. Имиграция в Туркестанское генерал-губернаторство шла из Китая, Сибири, Хивы, Бухары, Центральной России. Царские администраторы больше ценили эмиграцию оседлого населения (оно «оседало надолго»), нежели кочевого. Они поощряли также русскую колонизацию, шедшую преимущественно из Сибири, считая, что она нужна «для политических целей государства» [70].

Неоспоримым следствием присоединения Средней Азии к России был рост оседлого населения. С конца 60-х до начала 80-х гг. XIX в. оседлое население возросло с 30 до 60%. Для поощрения оседлости казахов и занятий земледелием в 70—80-е гг. правительство установило единые принципы наделения землей русских и казахов. Учитывая ирригационный характер земледелия и столкновения, происходившие ранее между казаками и казахами, правительство отдавало предпочтение крестьянской колонизации перед казачьей.

Наибольшее число переселенцев из России с конца 60-х — начала 80-х гг. приходится на крестьян: 13 074 из 29 847 переселившихся; купцов 1-й и 2-й гильдий — 783, казаков — 5 772, мещан — 6 795, остальных — 3 423.

Пытаясь создать социальную опору из русских переселенцев, Кауфман поддерживал переход земли от местного населения к русскому и предлагал ввести земельное законодательство, которое закрепило бы отсутствующее право частной собственности на землю (существовало право первого занятия земли и ее обработки). Для увеличения числа русских переселенцев Кауфман считал целесообразным освободить их от уплаты податей в течение 15 лет [71]. Переселение русского населения в Среднюю Азию не решило задач, поставленных правительством. Оно, напротив, привело к трудовому и идейному сближению русского и местных народов, а в дальнейшем способствовало развитию революционного движения в крае. Опасным врагом российской политики Кауфман считал деятельность татарских мулл, ведших «фанатическую пропаганду ислама»; он предлагал запретить татарам постоянно селиться в Туркестанском крае. «Мусульманская религиозная пропаганда, — писал он, — не отвечает интересам и видам русской политики в отношении к степному населению». Вместе с тем он призывал к веротерпимости по отношению к верующим мусульманам, «к выдержанному, последовательному игнорированию мусульманства с его фанатическими учреждениями» [72]. Это игнорирование сказалось, в частности, в создании «русско-туземных школ», одна из целей которых сводилась к умалению в крае влияния духовного мусульманского образования. Первые школы появились

---

[70] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 210, 130, 132—134.
[71] Там же, с. 163, 171—172, 198, 205, 222, 202.
[72] Там же, с. 206, 207—208.

в Казахстане, в городах Казалинск и Перовск в начале 60-х гг. В них обучались русские и казахи. В 1866 г. были открыты школы в Ташкенте, Ходженте и других городах; в отличие от мусульманских мектебов они имели более высокий уровень посещаемости [73]. Эти школы (начальные) и медресе (высшие) содействовали распространению русской культуры у среднеазиатских народов и помогали их единению с русским населением. В 1876 г. в Ташкенте и Верном (ныне Алма-Ата) были открыты 2 мужские прогимназии для подготовки учителей [74]. Созданное в 1876 г. управление учебными заведениями Туркестанского края осуществляло контроль над русско-местными школами. Однако открытие этих школ не решало задачи образования народа. Школ было мало, и обучавшиеся в них дети баев, казиев, купцов в дальнейшем, как правило, занимали административные посты на местах. Воспитание в школах носило верноподданнический характер.

Население Средней Азии, как и Центральной России, было в массе неграмотным. Только 1% из туркестанского бюджета шел на просвещение. По данным переписи 1897 г., среди узбеков неграмотных было 96,4%, таджиков — 99,5, киргизов — 99,4, туркмен — 99,3, казахов — 97,9%.[75]

К началу 80-х гг. XIX в., когда на территории Средней Азии еще велись военные действия, Туркестанский край в финансовом отношении был для царизма убыточным. Доходные поступления с края по мнению Министерства финансов не соответствовали суммам, на него расходуемым. За 12 лет управления (с 1868 по1880 г.) государственные затраты почти в 3 раза превысили доходы [76]. Такое состояние обусловливалось военно-политическим положением края, для охраны границ которого (их протяженность составила 4000 верст) было выделено более 50 000 воинов. В этих условиях военные затраты во много раз превышали расходы на содержание гражданского управления. Положение меняется к 90-м гг., со стабилизацией обстановки не только в Средней Азии, но и на Среднем Востоке. К этому времени значительно сократились суммы, выделяемые государством на военное управление, возросли расходы на железнодорожное строительство, ирригацию, расширение посевов под хлопок, рис и другие культуры [77].

В период империализма Средняя Азия становится типичной национальной окраиной Российской империи, где происходили те же процессы, что и в Центральной России: усиливался антагонизм между трудом и капиталом, росло классовое сознание рабочих и их единение в борьбе с царизмом.

---

[73] Russia and Asia. Op. cit., p. 251.

[74] См.: [Остроумов Н.] Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899, с. 232, 241, 245.

[75] См.: Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980, с. 35.

[76] Проект всеподданнейшего отчета.., с. 371.

[77] Соколов А. Я. Торговая политика России в Средней Азии. Ташкент, 1971, с. 73.

Глава IV

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В 70—80-е гг. XIX в.

Превращение Коканда и Бухары в вассальные от России государства затрудняло положение независимой Хивы. Правители ханства, не желая подчиниться царской власти, возбуждали недовольство населения Хивы и Казахстана политикой России, призывали к выступлению против «белого царя». Окруженное степями и пустынями, ханство было менее Бухары и Коканда заинтересовано в установлении торговых и политических связей с Россией. Русско-хивинский договор 1842 г. хан давно предал забвению. Нападения на русские торговые караваны, укрытие в Хиве участников набегов вынуждали царскую администрацию настаивать на военном походе против Хивы [1]. Министерство иностранных дел и военное министерство до конца 1872 г. возражали против наступления на Хиву, «пока не испытаны все средства к поддержанию... спокойствия» [2].

«Движение против Хивы со стороны Сыр-Дарьи, — писал директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов Кауфману в январе 1870 г., — едва ли может быть оправдано в настоящее время, в особенности же ввиду недавнего занятия Красноводска и новых правительственных мероприятий по отношению к восточному берегу Каспийского моря...» [3].

Царская администрация занялась строительством укреплений на северном берегу Аральского моря, рассчитывая после обоснования в Красноводске, внушить «почтение» «своим близким соседством хивинцам». Однако взаимные претензии продолжались. Туркестанский генерал-губернатор в письме к хану требовал «открыть Хиву для русской торговли, подобно тому, как сделала это Россия для хивинцев, возвратить русских пленных, находившихся в Хиве, не собирать податей с казахов, подданных России». Хан не ответил на письмо генерал-губернатора. Он направил послание бухарскому эмиру, предлагая совместно повести войска к Казалинску [4]. В донесении в Петербург 1 февраля 1872 г. Кауфман сообщал о безуспешности дипломатических переговоров и неизбежности военного столкновения с Хивой. В качестве главного аргумента в пользу такого решения он приводил пленение русских подданных и отказ хана в выдаче их. «Не предрешая времени, — писал Кауфман, — мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену» [5]. Однако правительство по-прежнему не давало санкции на войну с Хивой. Кроме боязни осложнений с Англией, это решение вызывалось ев-

[1] Stumm H. Russia in Central Asia. London, 1885, p. 101—106.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 49, 1871 г., л. 60.
[3] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6823, л. 53 об.
[4] Там же, л. 55 об., 56.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 49, 1871 г., л. 150.

ропейской политикой России, ее отношениями с Германией и Австро-Венгрией. В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась встреча трех императоров, завершившаяся в октябре 1873 г. оформлением соглашения между ними. Этот союз, помимо решения европейских дел, был необходим России в случае возможных столкновений с Англией в Средней Азии [6]. В этом случае поддержка Германии и Австро-Венгрии для России была весьма желательна, но переговоры о союзе с этими государствами осложнились бы в условиях нового конфликта в Средней Азии. Поэтому правительству России нужно было сохранить спокойствие на Среднем Востоке и лояльные отношения с Англией. Лишь после достижения договоренности с Берлином Петербург дал согласие на вооруженную борьбу с Хивой. Чтобы не обострять отношений с Лондоном из-за Хивы, Россия готова была пойти на уступки в вопросе о границах Афганистана, который фактически находился под протекторатом Англии.

Для переговоров с Великобританией в Лондон в январе 1872 г. был направлен П. А. Шувалов. Русский дипломат вручил английскому правительству послание Александра II, в котором он пообещал не включать Хиву во владения России и разрешил официально заявить об этом в парламенте. Император выразил уверенность, что вопрос о границах Афганистана (Англия настаивала на расширении его территории за счет включения княжеств, расположенных в верховьях Амударьи) не будет препятствовать соглашению между двумя странами. Английская печать расценивала миссию П. А. Шувалова как начало нового этапа в англо-русских отношениях при первенстве Англии. «Таймс» отмечала, что от выполнения предписаний царя о Хиве будет зависеть доверие Англии к России.[7] Спустя некоторое время после отъезда Шувалова из Лондона английское правительство направило в Петербург ноту с изложением конкретных предложений о границах Афганистана, которые были приняты Петербургом. А. М. Горчаков в письме Бруннову от 19 (31) января 1873 г. советовал «не преувеличивать значение этого частного вопроса (о северной границе Афганистана. — *авт.*) и доказать Англии нашу предупредительность» [8]. Однако, уступая Англии в вопросе о северной границе Афганистана, правительство России просило Лондон передать эмиру, чтобы он не предпринимал наступательных действий в Средней Азии. В результате русско-английских переговоров по афганскому вопросу в 1872—1873 гг. Англия и Россия пришли к соглашению, которое официально не было оформлено. По договоренности Россия признавала, что Афганистан находится вне сферы ее политических интересов и она не вмешивается в его внутренние дела.

---

[6] Jelavich B. St. Petersburg and Moscou. Bloomington, London, 1974, p. 200.

[7] См.: Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969, с. 86—87.

[8] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1885 гг. Спб., 1886, с. 6.

Россия соглашалась на расширение территории Афганистана в сторону его северных границ. Оба правительства признавали независимость Афганистана, хотя в Лондоне полагали, что в результате соглашений Афганистан переходил под протекторат Англии. Петербург считал главным условием соглашения превращение Афганистана в нейтральную зону, которую оба государства не должны были нарушать. Это соглашение стабилизировало обстановку на Среднем Востоке, сдерживало Англию от провоцирования эмира Кабула на выступления против Бухары. По поводу афгано-бухарских пограничных споров П. Н. Стремоухов писал: «Я вполне уверен в возможности устранить всякое столкновение между Бухарой и Афганистаном, если только англичане, со своей стороны, не будут подбивать (афганского эмира) к враждебным действиям против нашего соседа» [9].

Уступки России, сделанные Англии в отношении границ Афганистана, позволяли царизму перейти к решению хивинского вопроса [10]. В декабре 1872 г. Д. А. Милютин писал К. П. Кауфману: «Высочайше повелено приступать к приготовительным распоряжениям, согласно предложенному плану экспедиции» [11]. Этот поход, в отличие от похода Перовского, готовили с большой тщательностью: изучали местность, проверяли оружие, делали закупки продовольствия и медикаментов, готовили запасы воды. Руководство операцией было поручено туркестанскому генерал-губернатору. Выступление русских войск против Хивы, начатое в феврале 1873 г., проводилось со стороны Красноводска, Оренбурга и Ташкента. Из-за малочисленности Красноводского отряда в походе участвовала Кавказская армия. По мысли наместника Кавказа, великого князя Михаила, помощь Кавказской армии была нужна и по материальным соображениям: снаряжать армию с Кавказа выгоднее, чем снаряжать ее из Ташкента или Оренбурга. Кроме того, холода могли помешать движению войск из Оренбурга в Хиву [12]. Командующим общим отрядом в 12 000 человек был К. П. Кауфман. Продвижение русских частей к Хиве вызвало активное противодействие Англии. В Лондонском географическом обществе в связи с этим открылись публичные чтения, в которых приняли участие известные ученые и путешественники (Роулинсон и др.). Смысл этих лекций сводился к «разжиганию страстей англичан против России» [13].

Под руководством Англии из Бомбея, Кашгара, Калькутты, Хивы были направлены послы в Константинополь для организации совместных выступлений против России. «Много представителей из Хивы, — сообщал в Петербург российский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, — в частности, брат хивинского хана. Посол писал также, что среди путешественников есть эмиссар англий-

[9] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, д. 15, л. 23 об.
[10] См.: Хидоятов Г. А. Указ. соч.
[11] ЦГИА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 53, л. 120.
[12] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6790, л. 1.
[13] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6792, л. 3 об.

ский из Центральной Азии»[14]. Англо-индийское правительство посылало офицеров и эмиссаров в Афганистан и Иран, пытаясь привлечь их к борьбе с Россией[15]. Усилия Англии были напрасными. Хивинское войско, плохо вооруженное и малочисленное, не могло оказать сколько-нибудь сильного сопротивления российской армии; добиться единства Турции, Афганистана, Ирана, Кашгара Англии не удалось. В мае 1873 г. войска России вошли в Хиву. В августе 1873 г. между Кауфманом и ханом Мухаммедом-Рахимом II в Гандемианском саду в Хиве был подписан мирный договор, по которому хан признавал вассальную зависимость от России, отказывался от прямых внешнеполитических отношений с другими государствами и заключения с ними новых договоров без согласия России. Первым мероприятием российского правительства была ликвидация рабства и работорговли: получили освобождение до 40 000 невольников. Рабы-иранцы не только получили свободу, но и под контролем российской администрации были доставлены в Иран. Эти действия России получили широкий отклик за границей. Англия, враждебно следившая за продвижением русской армии, была вынуждена оценить этот акт как «гуманный»[16].

Границей владений России и Хивы объявлялась Амударья, правый берег которой переходил к России. На левом берегу реки хивинские власти обязывались предоставить российским подданным территорию для устройства пристаней, торговых складов и обеспечить их безопасность. Русские купцы освобождались от выплаты торговых пошлин и получали доступ во все города и селения ханства. Хива облагалась военной контрибуцией в 2 200 тыс. руб., выплата которой распределялась на 20 лет[17]. Таким образом, по Гандемианскому договору Хивинское ханство становилось вассальным владением России, при сохранении за ханом свободы действий в вопросах внутренней политики.

Ликвидация рабства и работорговли, установление регулярных торговых отношений с Россией, прекращение междоусобных войн, в дальнейшем запрещение торговли опиумом были прогрессивными факторами, способствовавшими поступательному развитию края.

Отношения России с Кокандом после подписания русско-кокандского договора 1868 г. до середины 70-х гг. не вызывали осложнений. Кокандский хан выполнял все требования туркестанской администрации: не вел самостоятельных сношений с соседними государствами, согласился на пребывание русского агента для контроля над русско-кокандской торговлей. В знак признательности правительство России передало Худояр-хану «бриллианто-

[14] АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 28, л. 27.

[15] ЦГАОРСС, ф. 730, оп. 1, д. 859, 1873 г., л. 6—7. — Записка Поля Анино, русского агента на Среднем Востоке, — Игнатьеву, 25 мая 1873 г.

[16] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6792, л. 6. — Мнение англичан о Хивинском походе.

[17] Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952, с. 129—134.

вые знаки ордена Св. Станислава I степени», согласилось на просьбу хана разрешить его сыну совершить поездку по России [18]. Однако внутреннее положение ханства было тревожным. Рост налогов, произвол ханской власти вызывали недовольство населения. «Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов, рабочие сгоняются со всех концов ханства, — писал в донесении Кауфману статский советник Вайнберг, — причем они трудятся безвозмездно, а в случае неявки на работу наказываются палками (случается, что их избивают до смерти), иногда ослушников ханской воли живыми зарывали в землю» [19]. В этих условиях участились случаи бегства кокандцев в Россию, особенно массовыми они были в Южной Киргизии. Царская администрация старалась не вмешиваться во внутренние дела ханства, хотя тревожные сведения о состоянии Коканда доходили до Петербурга. Однако МИД предписывал Кауфману оставаться «в положении исключительно наблюдательном». Горчаков по-прежнему опасался вмешательством в дела Коканда вызвать осложнения с Англией или зависимыми от нее государствами Среднего Востока.

Недовольство народа политикой Худояр-хана использовали в своих интересах феодальная верхушка и духовенство, подстрекая население к мятежу. Они объясняли свои выступления против хана тем, что тот признал зависимость от России. Действия хана они отождествляли с политикой царской администрации. Очагом недовольства стала территория Ферганской долины. Слабый и безвольный, Худояр-хан, не имея опоры в ханстве, был вынужден бежать из Коканда, что еще более ослабило положение в стране. Феодально-клерикальные круги, посадив на престол сына Худояр-хана Насреддина, выдвинули требования о восстановлении старых границ ханства. Правительство России через туркестанского генерал-губернатора согласилось признать нового хана, но при условии сохранения в силе договора 1868 г. Кауфман не получил ответа на это заявление. Между тем движение в Кокандском ханстве приобретало широкий размах, охватив не только Ферганскую долину, но и земли, близкие к Ташкенту. Первоначально оно было направлено против местных феодалов и царизма [20]. С расширением территории восстания и сохранением междоусобной вражды в ханстве изменялся характер движения: утрачивались антифеодальные и усиливались религиозно-националистические черты.

Войска России в августе 1875 г. выступили против кокандских частей, расположенных в пограничной с Туркестанским краем Кокандской крепости Махрам. Неравенство сил привело кокандцев к бегству. После этого царские войска без сопротивления вошли в Коканд, сохранив на престоле Насреддина.

---

[18] ЦГИА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 49, л. 79.

[19] ЦГИА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 60, л. 195. Список налогов насчитывал 18 пунктов. Документ, составленный Вайнбергом, датирован 10 ноября 1874 г.

[20] См. подробнее: Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-е гг. XIX в. Фрунзе, 1961.

В сентябре 1875 г. между кокандским ханом и генерал-губернатором Туркестана был подписан русско-кокандский договор, по которому сокращалась территория ханства за счет присоединения Наманганского бекства к Туркестанскому генерал-губернаторству. Кокандский хан обязывался выплатить военную контрибуцию. Договор был подписан в Маргелане; Насреддин возвратился в Коканд, а царские войска покинули ханство. Однако и после подписания русско-кокандского договора волнения в Кокандском ханстве не прекращались. Местом средоточения недовольных, которыми руководило мусульманское духовенство, стал Андижан. Хан Насреддин не пользовался авторитетом в стране. В сентябре 1875 г. он, как ранее его отец, вынужден был бежать из Коканда и отдать себя под покровительство России. Восставшие захватили Наманган; возникла опасность, что призывы к «газавату» найдут поддержку в Бухаре, Хиве и Афганистане. Это движение пыталась использовать Англия, засылая агентов в среднеазиатские ханства и Афганистан, разжигая там недовольство против России. В таких условиях Кауфман считал необходимым немедленно занять все Кокандское ханство. Его предложение, настороженно встреченное в МИД, нашло поддержку у военных и царя. Прибыв в начале 1876 г. в Петербург, Кауфман добился разрешения царя на занятие Кокандского ханства и включения его в состав России. Это распоряжение Александра II было немедленно реализовано, и царские войска овладели Наманганом, Андижаном, Маргеланом и Кокандом. Генерал Колпаковский, замещавший Кауфмана, обратился к населению Коканда с призывом восстановить порядок, открыть торговлю. 19 февраля 1876 г. был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства под названием Ферганской области в состав Туркестанского края. Военным губернатором области был назначен М. Д. Скобелев.

К середине 70-х гг. XIX в. большая часть территории Средней Азии находилась в разных формах зависимости от России. Кокандское ханство было присоединено к России, Бухарское и Хивинское ханства, сохранили свою внутреннюю автономию, но утратили самостоятельность в решении межгосударственных дел. Вне зависимости от России оставалась часть туркменских племен, не имевших централизованной власти.

Продвижение царских войск в район туркменских степей, пограничных с Афганистаном и Ираном, вызвало противодействие российского МИД, строившего политику с учетом позиции стран Среднего Востока и Англии. Военное министерство и царская администрация в Средней Азии руководствовались прежде всего той конкретной обстановкой, условиями, связанными с необходимостью соединения войск, находившихся в районе Каспийского моря, с частями, расположенными у Аральского моря. Путь к соединению частей лежал через территорию Хивы и пограничные с Ираном и Афганистаном земли, которые не имели строго фиксированных границ с туркменами. Однако, пользуясь поддержкой Англии, Иран и Хива претендовали на туркменскую территорию.

Для оправдания своих агрессивных действий в Средней Азии Лондон выбросил лозунг «угроза Индии». Под этим прикрытием Англия установила связи со среднеазиатскими правителями, пыталась договориться с туркменскими племенами, втягивала в борьбу против России Турцию, Иран, Афганистан. В английской прессе раздавались призывы к утверждению Англии в Иране, к завоеванию Кветты — транспортного узла на пути в Афганистан. Действия Великобритании в Средней Азии побуждали царскую администрацию законодательно оформить господство России над занятыми в Закаспии территориями.

В марте 1874 г. было издано «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае», по которому Закаспийский военный отдел от восточного побережья Каспийского моря до западных границ Хивинских владений включался в Кавказское наместничество [21]. Начальник Закаспийского военного отдела был и командующим его войсками. Центром отдела стал Красноводск. Местное управление осуществлялось по волостям и аулам; запрещались жестокие наказания: продажа в рабство, отсечение рук и др. Вводилось некоторое узаконение налогов. Местное население платило кибиточную подать, земельный сбор, натуральные повинности: исправление дорог и мостов в местах кочевий, предоставление должностным лицам лошадей для проезда. Взимание сборов, не утвержденных правительством, запрещалось. Местное население сохраняло свои обычаи, религию, быт; вводилась бесплатная медицинская помощь, но медицинских пунктов было мало, а суеверия, веками существовавшие в народе, мешали оказанию даже первой медицинской помощи.

«Положение» 1874 г. впервые вводило на территории Туркмении административный порядок и регламентацию прав и обязанностей местного населения. Начальник Закаспийского отдела, генерал Н. П. Ломакин придерживался осторожной тактики. Он пытался расположить туркмен к России, принудить их отказаться от аламанства и вернуться к мирным занятиям. Стабильность положения способствовала сближению туркмен с Россией, уставших от бесчисленных набегов хивинцев, иранцев, бухарцев. Нередкими были случаи, когда жители оказывали поддержку русским войскам в борьбе с хивинцами: снабжали их продовольствием, давали скот, вступали в торговые сделки с русскими купцами. Промышленники России направляли своих представителей на восточные берега Каспийского моря для разведок залежей полезных ископаемых [22].

Английское правительство любыми средствами стремилось помешать утверждению России в Средней Азии. Особенно его беспокоили действия российской армии в Туркмении, в направлении Мерва [23]. Учитывая политическую обстановку в Средней Азии, не

[21] Присоединение Туркмении к России. Сборник документов. Ашхабад, 1960, док. 60, с. 142—151.

[22] См.: Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960, с. 22—23, 36.

[23] Sumner B. H. Russia and the Balkans 1870—1880. London, 1962, p. 55.

только МИД, но и военное министерство в середине 70-х гг. XIX в. предписывали местному генералитету не предпринимать наступательных действий в направлении Мерва. Они отвергали план похода в Ахалтекинский оазис, считая, что он может вызвать осложнения не только с населением, расположенным на территории Мерва, но и с Англией. Кроме того, экспедиция в Мерв была сопряжена с большими расходами, не соответствовавшими финансовым возможностям страны. В этих условиях политическое и экономическое подчинение Средней Азии при сохранении номинальной независимости и внутреннего автономного управления представлялось правительству наиболее целесообразным.

Не прекратив своих происков в Средней Азии, Англия активизировала по мере углубления ближневосточного кризиса свою деятельность в Иране и Афганистане. Местная царская администрация сообщала в Петербург о направлении английских эмиссаров в северные провинции Ирана и туркменские степи, о продаже английских ружей туркменам [24]. Особенной активностью отличался английский разведчик Непир в Мешхеде. Ему удалось собрать сведения о расположении российских войск в Закаспии, установить связи с туркменами; он обещал им материальную помощь в борьбе с Россией. Военный министр Д. А. Милютин в ноябре 1875 г. сообщал К. П. Кауфману о частом посещении в последнее время «великобританскими офицерами нашей границы на р. Атрек и на сношения их с соседними нам текинцами» [25].

В конце 1876 г. в Лондоне был разработан конкретный план военных действий против России. Он предусматривал одновременные операции в Средней Азии и на Ближнем Востоке: поднять Туркестан против России, подготовить нападение на нее из Индии [26]. Для реализации этих широких планов у Англии не оказалось достаточно надежных союзников, а воевать собственными силами она не хотела. Однако, отказавшись от «большой войны», она продолжала подрывные действия против России. Особенно осложнялось положение Средней Азии в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Англия пыталась сколотить блок мусульманских государств, направленный против России. С этой целью представитель турецкого султана посетил Бухару, предлагая совместные действия против «белого царя». Английские дипломаты, как и во время Крымской войны, через турок создавали агентурную сеть на территории Кавказа, Средней Азии и Среднего Востока. Они действовали среди туркменских племен. В результате происков англичан племя теке прекратило дружественные отношения с русскими, установило строгие караулы, вооружалось. Текинцы, как отмечалось в документе, говорили: «Русские никогда не решатся прийти к нам — англичане не позволят». В ответ на враждебный

---

[24] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1869—1878 гг., д. 5, л. 51.
[25] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 1, д. 420, 1873—1876 гг., л. 17 об.
[26] См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, с. 341—342.

демарш Англии Россия предприняла контрмеры. Командующему русскими армиями в Средней Азии было дано предписание увеличить состав войск Туркестанского округа и Закавказского отдела, «выдвинуть возможно большой отряд к Аму-Дарье... с целью лучше обеспечить безопасность наших пределов от возможных внешних покушений»[27].

На Особом совещании в Петербурге под председательством Александра II в апреле 1878 г. обсуждалась тактика России в Средней Азии. На случай разрыва с Англией было решено: «оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно не удобно, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии, следует нам принять ныне надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря». Однако правительство отвергло предложение оренбургского генерал-губернатора Крыжановского о демонстративном движении войск России к Индии[28]. Товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс заметил: «Мы не имеем видов на Индию»[29].

Военные приготовления рекомендовалось проводить так, чтобы не вызвать опасений у Ирана, с которым Россия сохраняла дружественные отношения, и у населения Средней Азии. Особое внимание обращалось на Афганистан, союз с которым считался «желательным». С этой целью предполагалось отправить к эмиру «доверенных лиц или даже официальное посольство, которое и должно объяснить, что выдвижение наших отрядов не имеет ничего враждебного против Афганистана, а, напротив, может быть даже полезно ему как поддержка его независимости против англичан»[30].

Выполнение решения совещания в части, касавшейся Афганистана, было поручено генерал-майору Н. Г. Столетову, руководителю Красноводской экспедиции 1869 г., герою русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Весной 1878 г. во главе российской миссии он выехал из Ташкента в Кабул. Н. Г. Столетов должен был расположить афганского эмира в пользу России, предупредив его о ее военных приготовлениях в Туркмении, прозондировать почву относительно русско-афганского союза. Помимо вопросов, связанных с делами Средней Азии и Среднего Востока, миссия Столетова имела и другую цель: демонстрацией военных и дипломатических приготовлений России в Средней Азии оказать давление на враждебную ей позицию Лондона в восточном вопросе. Не случайно Н. Г. Столетов отправился из Ташкента в Кабул до начала работы Берлинского конгресса, одним из активных организаторов которого была Англия. Путь Столетова был долгим и утомительным:

---

[27] Присоединение Туркмении к России, док. 178, с. 336; док. 193, с. 360; док. 177, с. 335.

[28] Присоединение Туркмении к России, док. 177, с. 334.

[29] **АВПР, ф. Среднеазиатский стол, 1879 г., оп. 485, д. 854, л. 5.** — Записка Гирса от 21 мая 1878 г.

[30] Присоединение Туркмении к России, док. 177, с. 336.

через грозные перевалы, узкие ущелья, бурные реки при нестерпимой жаре.

Направление российской миссии в Кабул вызвало смятение в Лондоне. Вместе с тем действия России развязывали руки для реализации планов Англии по закабалению Афганистана. Поэтому дружественный прием, оказанный в Кабуле Столетову, и отказ эмира принять английское посольство были использованы Великобританией для начала развязывания войны против Афганистана.

Английские колониальные круги еще в 30—40-е гг. XIX в. безуспешно пытались подчинить Афганистан. В 1876 г. английские войска овладели Кветтой (княжество Келат), расположенным вблизи афганской границы. В январе 1877 г. по инициативе Англии в Пешаваре начались англо-афганские переговоры о размещении британских офицеров в Афганистане. Условия, предъявленные Англией, вызвали протест представителя эмира. После срыва переговоров Англия стала открыто готовиться к войне с Афганистаном. Офицерам англо-индийской армии, находившимся в отпусках, было предложено вернуться в свои части. У афганской границы англичане открыли военные действия [31]. О подготовке английских отрядов для вторжения в Афганистан сообщал Горчакову Кауфман в марте 1877 г. Он писал: «... Мы находимся, может быть, накануне важных событий, которые если не превратят Афганистан в английскую провинцию, то могут все-таки поставить эту страну в совершенно вассальные отношения к Ост-индскому правительству» [32].

Эти и другие факты опровергают утверждения историков Запада, будто приезд Н. Г. Столетова в Кабул привел к англо-афганской войне [33].

В ноябре 1878 г. 32-тысячная англо-индийская армия вторглась в Афганистан [34]. Захватчики не щадили мирных жителей, сжигали деревни, уничтожали посевы. Плохо подготовленная к войне афганская армия терпела поражение. Англичане овладели Кандагаром и Джелалабадом. В мае 1879 г. в местечке Гандамак (недалеко от Кабула) был подписан англо-афганский договор, обязывавший эмира все внешнеполитические дела государства согласовывать с Англией. В Кабул въехал английский резидент, ставший фактическим хозяином страны. Афганцы не покорились захватчикам. В стране начались восстания против завоевателей, жестоко подавляемые оккупантами. В октябре 1879 г. англичане вступили в Кабул.

---

[31] См.: Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959, с. 92—93.

[32] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, д. 15, л. 69 об., 71.

[33] Brockelmann C. History of the Islamic Peoples. London, 1949, p. 428—429; Sumner B. H. Russia and the Balkans 1870—1880. London, 1962, p. 38; Bourne K. The foreign Policy of Victorian England 1830—1902. Oxford, 1970, p. 142.

[34] Подробнее об англо-афганской войне см.: Соболев М. Н. Страницы из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря, т. 1—4. Спб., 1882—1885; Халфин Н. А. Вторая англо-афганская война (1878—1880 гг.). — ВИ, 1974, № 2.

Одновременно с оккупацией Афганистана англичане усилили свой нажим на Иран; шах вынужден был обратиться через российского посланника за помощью к России [35]. Через северные провинции Ирана англичане установили связь с туркменским населением, продавали ему оружие, подстрекая к выступлениям против России. Лондон не скупился на угрозы, заявляя, что продвижение российских войск в районе Мерва «будет рассматриваться как первый шаг к Герату, который является ключом к Индии» [36]. В этих условиях в 1879 г. правительство России отдало приказ о занятии Ахалтекинского оазиса в качестве противовеса здесь английскому влиянию. Цель похода сводилась к установлению прочной границы российских владений в Средней Азии, к борьбе с английским влиянием, а также к прекращению набегов текинцев на российские укрепления. На Особом совещании в январе 1879 г., которое проводил главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич, было решено сформировать весной 1879 г. в крепости Чат отряд, «достаточный для подчинения власти России Ахал-Текинского оазиса» [37]. Действия российских войск ограничивались только территорией оазиса. Войскам запрещалось двигаться к Мерву и подходить к иранской границе [38]. Этим решением правительство России пыталось ослабить противодействие возможной экспансии Англии и Ирана.

В августе 1879 г. воинские части во главе с генерал-майором Ломакиным направились из крепости Чат, расположенной на правом берегу Атрека, в центр оазиса крепость Геок-Тепе. Первая атака царских войск была отбита мужественными текинцами. Российские войска вынуждены были отойти от крепости, потеряв убитыми и ранеными 464 человека [39]. Текинцы потеряли до 2 тыс. человек [40]. Эти неудачи вызвали тревогу царского правительства, опасавшегося, что Англия, завоевав Афганистан, начнет наступление на Среднюю Азию.

В итоге многочисленных заседаний, проходивших в Петербурге в январе — феврале 1880 г. по поводу «закаспийской политики», было принято решение предпринять «серьезные меры в Азии» ввиду агрессивной политики англичан [41]. Мнение противников наступательной тактики, считавших целесообразным добиваться соглашения с Англией по среднеазиатскому вопросу, было отвергнуто. Кроме того, речь шла об установлении связи Кавказа с Туркестаном: ее отсутствие позволяло Англии оказывать влияние на политику в Закаспии [42].

---

[35] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1879—1882 гг., д. 4, л. 58—59.
[36] АВПР, ф. Главный архив I—9, оп. 8, 1879 г., д. 15, л. 51.
[37] Присоединение Туркмении к России, док. 197, с. 378, док. 196, 197, с. 379.
[38] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6861, ч. I, л. 62.
[39] См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 44.
[40] См.: Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. I. Спб., 1883, с. 162.
[41] Дневник Д. А. Милютина, т. III. М., 1950, с. 224—226.
[42] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6862, ч. II, л. 12; ч. V, л. 123.

В марте 1880 г. Александр II утвердил доклад Д. А. Милютина о необходимости занятия Геок-Тепе. Командующим войсками Закаспийского военного отдела был назначен боевой генерал М. Д. Скобелев, ранее участвовавший в среднеазиатских походах и русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Он принадлежал к последовательным сторонникам наступательной тактики в Средней Азии. М. Д. Скобелев считал, что надо торопиться с наступлением, чтобы Англия после англо-афганской войны не успела подчинить своему влиянию Иран, передав ему Герат. Царь поддержал Скобелева. Напутствуя генерала, Александр II говорил ему: «Никаким неприятелем пренебрегать не следует. Я всегда был того мнения, что среднеазиатский неприятель вовсе не так ничтожен, как некоторые полагают. Судя же по тому, что мне докладывали о текинцах, полагаю, что это должен быть особенно воинственный народ» [43].

Неудачи первого похода заставили царское командование тщательно продумать план операции, внимательно отнестись к комплектованию войск, обеспеченности средствами передвижения (верблюдами, лошадьми). В мае 1880 г. Скобелев из Тифлиса через Баку прибыл в Красноводск.

Экспедиция России в Ахалтекинский оазис чрезвычайно интересовала Иран и Англию. Через текинцев Англия начала получать сведения об экспедиции. Чтобы лучше следить за действиями России, английское правительство в конце 1879 г. перевело свое консульство из Решта в Астрабад. Отсюда по телеграфу сведения передавались в Тегеран и Лондон. В ходе продвижения своих отрядов Скобелев придавал большое значение северным районам Ирана как источникам снабжения войск продовольствием и району, где особенно активно действовала Англия. В сохранении лояльных отношений с Ираном и решении продовольственного вопроса большую помощь Скобелеву оказал российский посланник в Тегеране И. А. Зиновьев, хорошо знавший страну. Ему удалось парализовать происки Англии в Иране, убедить шаха, что покорение Ахалтекинского оазиса не затрагивает интересов Ирана, а, напротив, способствует укреплению власти шаха в северных провинциях страны, где особенное беспокойство доставляли набеги туркменских племен. Разумная тактика Зиновьева позволила добиться согласия шаха на продажу армии Скобелева муки, ячменя, масла [44].

Одновременно с этим Петербург готов был пойти на уступки Ирану в пересмотре по его просьбе условий коммерческой конвенции Туркманчайского договора 1828 г., в частности, повысить пошлину на товары, ввозимые в Иран. «Согласие России на пересмотр договора, — передавали из Петербурга Зиновьеву, — лучшее доказательство полной готовности поддерживать с Персией дружест-

---

[43] Гродеков Н. И. Указ. соч., т. I, с. 180.

[44] См.: Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. Т. II. Спб., 1883, с. 10, 20.

венные отношения». Министерство иностранных дел просило посланника «дать это понять правительству шаха» [45].

Движение царских отрядов по направлению к Геок-Тепе в 1880 г. встретило сопротивление местного населения, подогреваемое враждебной пропагандой Англии. В конце 1870 — начале 1880 г. Англия направила в туркменские степи несколько офицеров для военного обучения туркмен и их подготовки для борьбы с российской армией. Эти офицеры нередко выдавали себя за торговцев, арендовали дома и лавки, устанавливали связи с местным населением, собирая нужные им сведения [46]. Большой изощренностью отличался английский разведчик Стюарт, называвший себя Ибрагимом Саабом. Он был тесно связан с Лондоном. С фактического согласия Англии он приступил к строительству крепости на пересечении границ Ирана, Афганистана, России, где должен был находиться афганский гарнизон [47]. Не менее активной была деятельность англичанина-журналиста О' Донована. Из Северного Ирана он пытался пробраться с помощью старейшин отдельных туркменских племен в Ахалтекинский оазис, но был задержан [48].

Движение российской армии сорвало планы английских разведчиков. Однако их антирусская пропаганда, обещания помощи от Англии усилили сопротивление местного населения войскам Скобелева. Выступления туркмен подавлялись с большой жестокостью. Царские войска сжигали аулы непокорных, уводили скот с пастбищ. Упорной была борьба за крепость Геок-Тепе. Скобелев доносил в Тифлис: «Взятие Геок-Тепе есть дело серьезное. Неприятель решил драться упорно и все подготовил» [49]. Шейхи туркменских племен в своих письмах возбуждали воинственные настроения в мусульманах и уверяли в поддержке извне [50]. Все это накаляло обстановку в оазисе. В течение трех недель российские войска не могли овладеть крепостью Геок-Тепе. Только в январе 1881 г. туркмены прекратили борьбу и оставили город. Стараясь заручиться поддержкой населения, военное командование объявило амнистию всем воевавшим против войск России. Туркменские семьи, возвращавшиеся в Геок-Тепе, получали землю, одежду, им оказывалась медицинская помощь. «По 1 мая в Ахал-текинском оазисе, — рапортовал руководитель расселением туркмен на этой территории, — было возвратившихся из Мерва и поселившихся на прежних своих местах всего 8496 кибиток и преимущественно несостоятельного народонаселения» [51].

---

[45] АВПР, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 854, л. 26 об.

[46] См.: Абдуллаев Ю. Н. Астрабад и русско-иранские отношения. Ташкент, 1975, с. 69.

[47] См.: Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971, с. 113.

[48] См.: Гродеков Н. И. Указ. соч., т. II, с. 141.

[49] Там же, с. 150.

[50] См.: Хидоятов Г. А. Указ. соч., с. 391.

[51] Присоединение Туркмении к России, док. 281, с. 543—544, док. 307, с. 571.

Вскоре войска России без сопротивления овладели селением текинцев — Ашхабадом.

В мае 1881 г. Ахалтекинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде. Взятие Геок-Тепе и утверждение России в Ахалтекинском оазисе имело важное значение для России и населения Средней Азии. Введенный порядок управления областью, сходный с управлением в Туркестанском генерал-губернаторстве, отказ от репрессий по отношению к воевавшим против России способствовали улучшению русско-туркменских отношений.

После взятия Ахалтекинского оазиса сохранили независимость только туркменские племена Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов. На часть этих земель претендовал иранский шах; его войска совершали набеги на туркменские поселения. Сборщики податей переходили границу Атрека, собирали налоги с туркмен, подданных России [52]. Эти набеги поощряла Англия; она поддерживала претензии Ирана на туркменские земли, в частности на Мерв. Этот важный стратегический центр Средней Азии вызывал особый интерес Лондона. Под различными предлогами в Мерв засылались английские агенты. Капитаны Бэтлер и Непир еще в 1876—1877 гг. были направлены для организации туркменских отрядов для борьбы с Россией [53]. Касаясь деятельности английской агентуры в Средней Азии, английский журналист Ч. Марвин писал: «Если бы Бэйкер и Мак-Грегор, Нэпир и Бэтлер не появились на северо-восточной границе Персии, Россия была бы избавлена от целой серии кампаний... От завершения Хивинской кампании 1873 г.... до осады Геок-Тепе не проходило года, чтобы английский офицер или кто-нибудь другой не продвигались вдоль туркменской границы» [54].

В 1880 г. в Мерв с разведывательной целью были направлены капитан Джилл и полковник Стюарт. Журналист О' Донован, ведя там подрывную работу, призывал к независимости мервских туркмен против «честолюбивых замыслов России». Англичане, вынужденные в связи с сопротивлением афганского народа в 1880 г. вывести свои войска из Афганистана, добивались, чтобы Россия оставила Ахалтекинский оазис [55]. Однако осуществить эти намерения Англии не удалось. «В данную эпоху, — рапортовал в октябре 1881 г. начальник Закаспийской области командующему Кавказской армией, — влияние англичан в Мерве кончено, хотя, как я буду иметь честь ниже изложить, англичане продолжают зорко следить за тем, что там делается» [56]. Желая вызвать недовольство

---

[52] Присоединение Туркмении к России, док. 292, с. 559, док. 293, с. 563.

[53] См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. II. Спб., 1906, с. 317.

[54] Цит. по: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 338—339.

[55] Присоединение Туркмении к России, док. 310, с. 582; Афганское разграничение, с. 12.

[56] Присоединение Туркмении к России, док. 308, с. 574.

политикой России в Афганистане и Иране, англичане распространяли слухи о возможном движении России к Герату. В английском журнале «Army and Navy Magazine» в ноябре 1881 г. была помещена статья Марвина, который пытался убедить читателей, что России из Ахал-Тепе легче двинуть войска до Герата, нежели Англии из Сакара, Сиби или Кветты [57].

Английские разведчики занимались также топографической съемкой местности на Кавказе, следили за дислокацией русских частей по побережью Каспийского моря.

После взятия Ахал-Тепе Скобелев был готов овладеть остальной территорией Туркмении. Предлагая этот план, он учитывал обстановку в Мерве. По этому поводу в 1881 г. российский посланник в Тегеране И. А. Зиновьев доносил в МИД: «Значительнейшие мервские ханы различных племен прислали агенту в Мешхеде через доверенное лицо прошение, в коем ходатайствуют о принятии мервского населения под покровительство России и обязываются подчиняться нашим распоряжениям» [58].

Однако Милютин приказал Скобелеву прекратить наступление: в Тегеране начинались переговоры о разграничении владений России в Туркмении от владений Ирана. По дипломатическим соображениям, желая ослабить остроту русско-английских противоречий, в качестве «примирителя» выступил английский представитель. Со стороны России переговоры вел И. А. Зиновьев; иранскую сторону представлял шах. Переговоры велись в глубокой тайне и были напряженными; английский делегат мало знал об их содержании [59]. По окончании переговоров 9 декабря 1881 г. была подписана конвенция о разграничении между Россией и Ираном к востоку от Каспийского моря [60]. Иран обязывался «ни под каким видом» не вмешиваться в дела туркмен, населяющих территорию Мерва и Теджена, запрещал вывоз оружия и военного снаряжения через свои северные провинции. Россия, в свою очередь, не могла продавать оружия туркменам, жившим на территории Ирана. Россия получала право назначать своих представителей в пограничные пункты Ирана для наблюдения за выполнением условий конвенции и действиями туркмен, населявших пограничную полосу.

Конвенция 1881 г. — соглашение о границах между Россией и Ираном — фактически была русско-иранским союзом. Этот дипломатический акт наряду с военными победами в Средней Азии стал определенной гарантией от агрессии со стороны Англии. По секретной конвенции 1881 г., неизвестной Англии, Россия получила право проводить свои войска через иранскую границу [61].

---

[57] Присоединение Туркмении к России, док. 324, с. 600.

[58] Присоединение Туркмении к России, док. 324, с. 600; док. 294, с. 564.

[59] Подробнее об этом см.: Хидоятов Г. А. Указ. соч., с. 393, 415 и др.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1964, с. 57.

[60] Присоединение Туркмении к России, док. 397, с. 602—605.

[61] АВПР, ф. Отчеты МИД. Отчет Азиатского департамента за 1890 г., л. 92—92 об.

Русско-иранское соглашение обеспокоило Лондон. Британское правительство в ответ на эту конвенцию предложило Петербургу вступить в русско-английские переговоры относительно определения «пограничной черты между Персией и Туркестанской областью». Лондон объяснял свое предложение «заботой» о судьбе Афганистана и «озабоченностью индийского правительства». Якобы для стабилизации положения Англия предлагала, чтобы Иран «принял на себя роль оплота безопасности русских владений» (строительство фортов, содержание войск). В действительности принятие таких мер при военной слабости Ирана укрепило бы позиции Великобритании на Среднем Востоке. Естественно, что Россия не могла принять эти условия, несовместимые с достоинством страны. Русскому послу в Лондоне было предложено в переговорах руководствоваться соглашением 1872—1873 гг. и заявить английскому статс-секретарю, что правительство России «не может допустить постороннего вмешательства» в русско-иранские отношения» [62]. Переговоры 1882 г. были прерваны. Их неудача усилила подрывную деятельность английской агентуры в районе Мерва; английские разведчики обещаниями военной помощи пытались возбудить у туркмен неприязнь к России. В английской прессе вновь стали повторять старые утверждения о значении Мерва для «защиты Индии». Россия в этих условиях должна была действовать с большой осторожностью, чтобы удержать Англию и Иран от открытых враждебных действий. «Наши интересы настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержания там партии мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие... а потому вся цель наших будущих сношений с Мервом, — читаем в одном официальном документе Российского МИД, — должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии» [63]. Подобно другим крупным городам Средней Азии, среди населения Мерва не было единодушия относительно политической ориентации. Трудящиеся были заинтересованы в прекращении разорительных набегов, стремились к сближению с Россией и к объединению с туркменами, находившимися в Геок-Тепе. Английский историк Д. Джиллард признает существование в Мерве прорусской «партии», при воздействии которой этот город был присоединен к России» [64]. Родо-племенная верхушка и мусульманское духовенство были противниками сближения с Россией. Отсутствие в Мерве прочной власти позволило Англии проводить подрывную деятельность против России. Однако попытки Лондона склонить мервцев на свою сторону не удались. На «собрании народных представителей» 1 января 1884 г. было принято общее решение о добровольном присоединении Мерва к России. 31 января 1884 г. делегация

---

[62] Афганское разграничение, с. 16, 20.
[63] Присоединение Туркмении к России, док. 283, с. 547.
[64] Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914. London, 1977, p. 144.

Мерва в Ашхабаде, торжественно встреченная населением, дала присягу в верности царю Александру III[65]. Мерв был принят в подданство России: городу предоставлялось внутреннее самоуправление, сохранялось мусульманское вероисповедание, запрещались разбои и работорговля. В марте 1884 г. Мервский оазис вошел в состав Российской империи.

Присоединение к России Мервского, Тедженского и Пенденского оазисов вызвало новый приступ антирусской истерии в Англии. Она «рассматривала Мерв как стратегический пункт, с которого можно угрожать Афганистану и Индии», — писал министр иностранных дел Н. К. Гирс[66], продолжавший в среднеазиатском вопросе политику Горчакова. Под предлогом защиты интересов Афганистана, якобы ущемленных изменением статуса Мерва, Англия готовилась к войне. Агрессивные английские круги от имени афганского эмира предъявили претензии на туркменские земли, воспользовавшись тем, что часть пограничной черты примерно на 450—500 км по Амударье во время англо-русских переговоров 1869—1873 гг. не была официально установлена. В район Кушки в 1885 г. были стянуты афганские войска, вступившие в борьбу с российскими частями, там расположенными. Несмотря на численное превосходство афганцев, которыми руководили английские офицеры, русские заставили их покинуть Кушку и отступить[67]. Россия не хотела дальнейших осложнений, которые с неизбежностью привели бы к войне на Среднем Востоке. Англия, в свою очередь, изолированная австро-германо-русским союзом 1873 г., тоже не желала воевать с Россией и отступила. Афганистан предложил России начать переговоры, которые проводились в Лондоне. В сентябре 1885 г. была достигнута договоренность об определении северо-западной границы Афганистана[68]. В 1887 г. был подписан окончательный протокол, которым устанавливалась русско-афганская граница от Герируда на западе до Амударьи на востоке. Правительство России выражало удовлетворение достигнутым соглашением, полагая, что оно будет способствовать ослаблению русско-английских противоречий в Центральной Азии и «откроет эру мирных отношений»[69].

Присоединением Туркмении к России в 80-х гг. XIX в. завершился период русско-среднеазиатских отношений, связанный с утверждением ее влияния и господства в Средней Азии. Эти отношения были осложнены подрывными действиями Англии. В 90—900-е гг. наступает некоторое смягчение англо-русского антагонизма, вызванное стабилизацией обстановки в Средней Азии и углублением германо-английских противоречий в колониях и Европе. Первым симптомом «потепления» было заявление британского

---

[65] См. подробнее: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 147—149, 151—152.
[66] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1884 г., л. 71.
[67] Подробнее см.: Хидоятов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981.
[68] Афганское разграничение, с. 377—381.
[69] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1887 г., л. 56—57.

премьера Солсбери на парламентском заседании летом 1887 г. о том, что в Азии достаточно места и для русских, и для англичан [70]. Образование Тройственного австро-германо-итальянского союза, сложившегося в начале 80-х гг. XIX в., заставляло Лондон думать о сближении с Францией и Россией. Русско-английское соглашение 1907 г. юридически оформляло ранее наметившиеся контакты двух государств.

* * *

Политика России в Средней Азии определялась политическими и экономическими интересами господствующих классов. В первой половине XIX в. российское самодержавие стремилось к экономическим контактам со Средней Азией. Углублявшийся процесс разложения феодальной системы и развитие капиталистических отношений вызывали интерес правительства России к расширению торговых связей с государствами Азии. Кроме того, завоевание среднеазиатских рынков должно было содействовать политическому влиянию России в этом регионе. Однако эффективность русско-среднеазиатской торговли была невелика; ее обороты были незначительными.

С завоеванием Индии и активизацией действий Англии на Среднем Востоке и в Средней Азии усиливается англо-русское соперничество. Оно, наряду с экономическим фактором, определяло для 60—80-х гг. XIX в. причины продвижения России в Средней Азии. «В течение веков, — писал Горчаков, — мы там (в Средней Азии. — *авт.*) оставались безоружными против Англии» [71]. Методы, которыми проводилось присоединение Средней Азии к России, были мирными и военными. Царские власти не всегда считались с интересами местного населения, вводили в Средней Азии порядки, в которых прежде всего были заинтересованы правящие круги России. Однако при всех бедствиях, которые несли трудящимся Средней Азии, как и другим народам России, царские сатрапы, присоединение среднеазиатских ханств к России имело прогрессивное значение для дальнейшего исторического развития их народов. Еще в процессе присоединения Россия освободила рабов, запретив работорговлю. Правительственными декретами был запрещен ввоз наркотиков, ранее получивший широкое распространение в странах Азии [72]. Правительство России, заинтересованное в оживлении экономических связей со Средней Азией, не препятствовало развитию местной, по преимуществу обрабатывающей, промышленности, поощряло торговлю, содействовало оседанию кочевников на землю.

---

[70] Popowski J. The Rival Powers in Central Asia or the Struggle between England and Russia in the East. Transl. from the German. Westminster, 1893, p. 78.
[71] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1873 г., л. 73.
[72] См.: Хидоятов Г. А. Британская экспансия.., с. 54—55.

Возможность непосредственного перехода населения из центральных губерний России на окраины и обратно способствовала установлению трудовых и идейных контактов, сближала народы Средней Азии с русским народом.

Установление тяжелой, но сильной власти ликвидировало разорительные для народа войны и распри ханов. Уничтожение феодальной раздробленности создало условия для централизации Средней Азии. В начале 90-х гг. XIX в. была введена единая таможенная граница для Хивы и Бухары, сохранявших автономию. В ходе присоединения к России в Средней Азии начался процесс капиталистического развития: в частности, происходила специализация края на производстве хлопка, расширялся внутренний рынок. В Бухаре было открыто отделение Коммерческого банка. С 80-х гг. XIX в. началось строительство железных дорог, связавших Центральную Россию со Средней Азией. Закаспийская дорога, отмечал В. И. Ленин, открыла для капитала Среднюю Азию [73]. К концу XIX в. возникают новые города: Скобелев (Фергана), Пишпек (Фрунзе), Красноводск; возросло влияние старых городов: Ташкента, Самарканда, Коканда, Бухары в экономической, политической и культурной жизни края. Средняя Азия, подобно Кавказу, втягивалась в мировое товарное обращение, нивелировались местные особенности, разрушался старый патриархально-феодальный строй. Признание прогрессивности капитализма, отмечал В. И. Ленин, «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима» [74]. Социальная неоднородность, свойственная капитализму, и общность интересов трудящихся всех национальностей Российской империи способствовали их единению в борьбе с самодержавием.

---

[73] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.
[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения России с Кавказом и Средней Азией складывались под воздействием двух факторов: политики российского правительства и ориентации самих народов. Необходимо также иметь в виду, что закономерные формационные процессы, естественные для всех народов в условиях гигантской по масштабам Российской империи, сказывались и на сопредельных с нею территориях, население которых находилось на более отсталом уровне общественно-политического развития.

Кризис феодально-крепостнической системы и формирование нового общественно-экономического уклада в России привели к хозяйственному освоению Степного Предкавказья, а это, в свою очередь, вызвало оживление экономической жизни всего Кавказа. Развитие производительных сил, торговли и обмена вели к разрушению общинно-родового строя. Эти процессы слабее проявились в Средней Азии, но и там перемены в экономике России вели к подъему хозяйственной и общественной жизни края.

Наряду с объективными факторами в прогрессирующем развитии русско-кавказских и русско-среднеазиатских отношений действовали и факторы субъективные. Один из стимуляторов этих отношений — политика Турции, Ирана, Крымского ханства, а из европейских держав — Англии. Экспансионистские устремления этих стран, временами ставившие отдельные народы Средней Азии и Кавказа на грань катастрофы, в конечном счете вели к формированию тесного военно-политического союза этих народов с Россией. Так, русско-закавказские отношения из-за политики Турции и, особенно, «каджарской опасности» 90-гг. XVIII в. делали исторически необходимым переход от покровительства России над Грузией, установленного Георгиевским трактатом 1783 г., к ее присоединению.

Агрессивные действия Англии в Средней Азии, начиная с 30-х гг. XIX в. вынуждают российское правительство предпринимать энергичные политические акции, во многом опережавшие экономические интересы России в этом регионе.

Привлеченные нами материалы позволяют проследить складывание внешнеполитических программ России на Кавказе и в Средней Азии, смысл которых сводился к поэтапному установлению там русского влияния. С начала XVIII в. российское прави-

тельство разрабатывало планы, содействовавшие укреплению прорусской ориентации среди народов Кавказа, что имело первостепенное значение в условиях ирано-турецко-крымской агрессии в этом регионе. Выход в конце XVIII в. к Черному морю и присоединение Крыма стали важными событиями в международной жизни и политике России. Они подняли ее авторитет в Европе и Азии и одновременно обострили отношения с Османской империей и Ираном.

В 70—80-е гг. XVIII в. стержнем политики России становится Грузия. Отношения с ней влияли на связи России с Северным Кавказом, Каспием, Средней Азией, Ираном.

Русско-турецкие и русско-иранские войны начала XIX в., в которых активными союзниками России были кавказские народы, завершили этап присоединения большей части территории Кавказа к России. С 20-х гг. XIX в. кавказский вопрос становится частью внутренней политики страны, но не утрачивает своего международного значения.

В 30—60-е гг. XIX в. место Турции и Ирана как главных сил, противостоявших России на Кавказе, занимает Англия. Именно к русско-английским противоречиям в эти годы сводились основные события кавказской и среднеазиатской проблем как международных. Британская экспансия на Кавказе и в Средней Азии и ее провал свидетельствовали о прочности русско-кавказских и среднеазиатских связей.

Политика российского правительства на окраинах, отражавшая интересы господствующих классов, видоизменялась в зависимости от конкретных задач, вставших перед государством. Справедливое утверждение о союзе самодержавия с местной феодально-клерикальной знатью не исчерпывает всего многообразия действий правительства. В отдельные периоды русско-кавказских и русско-среднеазиатских отношений бóльшую восприимчивость к политике России проявляли свободные общинники, а также свободное и полузависимое крестьянство, на права которого постоянно посягала местная феодализирующаяся знать. Эта часть населения связывала с присоединением к России сохранение своего «независимого» социального положения, ликвидацию междоусобных войн и стабилизацию жизни. Не случайно, что прорусская политическая ориентация была наиболее устойчивой среди свободного и полунезависимого крестьянства — основного населения Кавказа и Средней Азии. Правительство России придавало серьезное значение поддержке «низов» и своими действиями часто вызывало недовольство местной знати.

Отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило не столько географическим, сколько политическим фактором. Это заставляло самодержавие считаться с местными особенностями регионов: процессы, происходившие в центре и на окраинах, имели непосредственную связь, в отличие, например, от английских владений в Индии. Индийский крестьянин знал лишь английского солдата и колониального чиновника. Практически исключа-

лось общение между индийскими и английскими трудящимися. Иноземный гнет, приобретавший в данном случае классические проявления, послужил причиной многолетней колониальной борьбы, закончившейся в итоге отделением Индии от Англии. Карл Маркс отмечал, что британцы причинили Индостану неизмеримо глубокие бедствия, а их созидательная работа едва заметна за грудой развалин [1]. Напротив, созидательная работа России во всех сферах жизни Кавказа и Средней Азии началась с первых лет их присоединения. Страны, стоявшие в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории [2], втягивались в рыночные связи и товарно-денежные обращения, развивались экономика и культура местных и российских народов, усиливались их общение и взаимное влияние.

Российский капитализм пускал корни на новых землях, происходила усиленная колонизация окраин, росли города и городское население. Капитализм углублял социальную неоднородность населения, способствовал поляризации общества, складыванию национальной буржуазии и пролетариата. Под воздействием идей русских революционеров народы Кавказа и Средней Азии пробуждались к политической борьбе, на окраинах России создавались социал-демократические кружки и организации.

С присоединением к России трудящиеся окраин, руководимые российским пролетариатом, включались в общее революционное движение, направленное против царизма.

«Мы... хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство» [3]. Великая Октябрьская социалистическая революция, покончившая с угнетением, воплотила в жизнь идеи Ленина. Исторический опыт народов СССР доказал огромное прогрессивное значение их единства и тесного сотрудничества.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 131, 225.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 294—295.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абашадзев, князь 53
Абашидзе Кайхосро, феодал 55
Аббас Бек, нукер 95
Аббас-Мирза, наследник шаха 105, 112, 125—127
Абдуллаев Ю. Н. 309
Абдул-Меджид, султан 192
Абдуррахман, правитель Афганистана 287
Абенашвили Бакуа 119
Абрамов, генерал 281
Авалов Г., член посольства 98
Ага Мухаммед-хан 78—90, 93—96, 104
Айдамир, владетель 23
Айтеков Джембулат, князь 125
Айчуваков Баймухаммед 248
Акопян Т. З. 126
Александр I 100—102, 107, 108, 110, 114, 121, 214, 221, 224, 229
Александр II 182, 183, 256—258, 263, 264, 267, 274, 279, 283, 284, 298, 302, 305, 308
Александр III 313
Александр, царевич 48, 82, 85, 96, 105, 106, 108, 111, 115, 116, 119, 122, 123
Алексеева Е. П. 130
Алексидзе Л. 52
Али, паша 130
Али-ага, посланник казикумухского хана 69
Али-Мурат-хан 49
Али-паша, визирь 19, 186
Али-хан ширазский 79
Аллакули-хан хивинский 244
Аллен У. Е. Д. 16, см. также Allen W. E. D.
Аминов А. 11, 294
Амир-Гамза, уцмий 39
Андерсон М. С. 101, см. также Anderson M. S.
Анино Поль, агент 300
Аничков Н. А., посланник 261
Анненков 258
Аппоньи, посол 190, 203
Аракчеев А. А. 221
Аргутинский Иосиф (Аргутян Овсен) 44—47, 64, 86, 89
Арутюнян П. Т. 16
Аслан-бек казикумухский 120
Аслан-хан кюринский 120
Атажуко Хамурзин, офицер 75
Ахмадов Ш. Б. 68, 69
Ахмадов Я. З. 24, 42
Ахмеджанов Г. А. 236, 282, 309
Ахмер-хан, уцмий 17
Ахмет-хан азербайджанский 64, 65
Бабаходжаев А. 11, 294
Бабков И. Ф., генерал 269
Багратиды 101, 105, 107, 108, 115, 116
Багратиони Д. 48, 49, 52, 53, 71, 73, 82, 83, 85, 97
Багратион-Мухранский И. К. 49
Байбулатов Н. К. 10, 23, 24, 42
Балаев Яков 117
Барант, посол 147, см. также Barante de
Барклай де Толли М. Б. 115
Барятинский А. И., наместник 5, 193, 195, 199, 200, 207, 220, 257, 258
Батал-паша, командующий армией 75
Батыр-Гирей, крымский хан 56
Батырев, руководитель экспедиции 27
Баумгарт В. 163, 208, см. также Baumgart W.
Бегер А. Ф., посланник 284
Безак Н. П., генерал-губернатор 227, 271, 272
Безбородко А. А., дипломат 49, 76
Бейкер, агент 310
Бекович-Черкасский А., князь 209, 223
Белл Д. С., купец 139, 140, 146, 148—150, 153—156, 158, см. также Bell J. S.
Бентковский И. В. 58—61
Берг Ф. С. полковник 220, 229
Бердзенишвили Н. А. 10, 51
Бернс, разведчик 237
Бескровный Л. Г. 125
Билс Э., адвокат 203
Битсон У. Ф., генерал 174
Бларамберг И. Ф., генерал 71, 234, 252, 255, 257
Блиев М. М. 8, 10, 21—24, 29, 35, 42, 48, 66, 111, 124, 132
Блиева З. М. 58
Блудов Д. Н. 182
Бороздин К., офицер 177—181
Боцвадзе Т. Д. 10, 29, 48, 51, 66
Браггиотти, купец 198, 199
Брайт Д., парламентарий 152
Брант Д., вице-консул 135
Брок Т., капитан 162, 163
Бруннов Ф. И., дипломат 183—188, 201, 202, 239, 246, 282, 298
Будберг, посол 197
Бузуртанов М. О. 10, 23, 24, 42
Булвер Г. Л., посол 205, 206, см. также Bulwer H. L.
Булгаков Я. И., посланник, генерал 71, 111, 118
Буоль, канцлер 188—190, 195, 197, 198, 200
Бурн К. 208, см. также Bourne К.

Бурнашев С. Д., полковник 49, 51, 54, 65, 71
Бутаков В. И., капитан 263—265
Бутенев А. П., посол 133, 134, 136—138, 146, 148, 151, 153, 155, 157, 191, 192, 202, 247, 229
Бутенев К. Ф., инженер, полковник 242—244, 249
Бутков П. Г. 9, 16, 19, 21, 25, 27, 28, 31, 32, 43, 53, 61, 64, 67, 68, 70, 74, 75, 81, 87, 88, 94
Бушев П. П. 256
Бушуев С. К. 11, 16, 17, 19, 135, 111
Бэтлер, капитан 310
Вайнберг, чиновник 301
Валевский А. Ф., граф, министр иностранных дел 184, 185, 188, 190, 195, 199
Валиханов Ч. Ч. 258, 267—269
Валуев П. А., министр внутренних дел 277
Ванявин С., руководитель экспедиции 25
Вахтанг VI 15, 16, 21, 48
Вахтанг, царевич 106
Веллингтон А. У., герцог 134
Вельяминов А. А., генерал 136, 154, 224
Венюков М. И., ученый 258, 278
Вердеревский, майор 91
Веревкин Н. А., полковник 273
Веригин, генерал, губернатор 229
Веселицкий П. Т., посланник 56
Вешняков, комендант 68
Вивиан Р. Д., генерал 169
Виктория, королева 182, 188, 203
Вильям IV, король 134
Вильямс Ф., генерал 165—169, 174
Виноградов В. Б. 8, 10, 23, 24, 41—43
Виткевич И. В., поручик 237, 238
Волконский С. Г., князь, генерал-губернатор 110, 218
Волынский А. П. 15
Воронцов А. Р., сенатор 59
Воронцов М. С., наместник Кавказа 5, 154, 161, 182
Воронцов С. Р., посол 77
Воудхаус, посол 194, 196, 199, 200
Вульф П. 153, 154
Гаджиев В. Г. 10, 17, 20, 23, 24, 39, 42, 69, 81, 101, 102, 111—113, 116, 117, 120
Галоян Г. А. 10, 45, 46, 49, 52, 64, 83
Гальцев В. С. 36
Гамелен, генерал 162
Гамрекели В. Н. 16
Гарай-бек 65
Гардан, генерал 104
Гарданов В. К. 20
Гасан-Али-хан дербентский 101
Гасан-паша 55
Гасфорд Г. Х., генерал-губернатор 228, 268, 269
Георгиев В. А. 156, 158, 238
Георгий XII 83, 85, 94, 96—100
Герман И. И., генерал 75
Герси, консул 136, 155
Гигинешвили О. 48
Гирс Н. К., министр иностранных дел 305, 313
Глазгов, офицер 156
Глазенап, генерал 110, 112
Головчанский С. Ф. 42
Горич, генерал 68, 74
Горчаков А. М., министр иностранных дел 5, 142, 189, 192, 194—200, 206, 247, 256, 258—261, 264, 266, 267, 269—272, 274, 275, 277, 282, 298, 301, 306, 313, 314
Горчаков П. Д., генерал-губернатор 247, 251
Грабовский Н. 22
Греков, генерал 124
Гренвилль Д. Л., министр иностранных дел, 145
Грибоедов А. С. 127
Григорян З. Т. 10, 44, 46, 64, 89
Гриценко Н. П. 28, 43
Гродеков Н. И., полковник 284, 307—309
Гудович И. В., генерал, губернатор 75, 77, 79, 80, 83—86, 92, 93, 95, 112—114
Гукас, католикос 46, 64
Гуляков, генерал 103
Гурко-Кряжин В. А. 235
Давид, царевич, см. Соломон II
Давид, царевич 97
Давид Георгиевич, царь 55
Дадиани Екатерина, княгиня 179
Дандас Д. У., адмирал 162, 166
Данилевский, подполковник 220, 244
Дарья, царица 82, 83, 96
Дебидур А. 206
Дебу И. 36
Девлет-Гирей, крымский хан 31, 32
Дегоев В. В. 8, 12, 147
Дегостодия, руководитель экспедиции 27
Дельпоццо, генерал, комендант 117, 119
Дерби Э. Д., премьер-министр 200
Джавахов И. 98
Джевад-хан ганджинский 90, 96, 103
Джевдет-паша 67, 69
Дженкинсон А., купец 209
Джилл, капитан 310
Джиффард, капитан 167
Дибич И. И., генерал 128, 130, 229

Дмитриев С. С. 8
Дол, владетель 68
Дост-Мохаммед, эмир 237, 238, 243, 254, 255, 260, 262
Достоевский Ф. М., 267
Дружинин Н. М. 222, 223, 230
Дружинина Е. И. 26, 31, 32, 34, 40
Дубровин Н. Ф. 9, 55—58, 65, 67, 68, 74, 75, 79—92, 94, 96
Дударов А., феодал 106, 108, 110, 111
Дуров С. 267
Дурхэм, посол 135, 136, 140, 141, 143, 144, 146, 152
Дюгамель, генерал-губернатор 255, 272
Екатерина II 22, 25, 30, 33, 35, 36, 39—41, 44—46, 49, 50, 52, 55—60, 65, 69—71, 77, 79, 84, 86—88, 91—93, 288
Елизавета Петровна, императрица 20, 29
Елиханов (Магкаев) Зураб, посол 21
Ермолов А. П., главнокомандующий Кавказской армией 5, 123—126, 217, 220—225
Жобер, дипломат 104, 105
Жуковский С. В. 9, 209
Зайончковский А. М. 160
Зайончковский П. А. 8
Залесов Н. Г. 264, 265
Заноглу-Мегмет-Гирей-бей, агент 56
Захарьин И. Н. 240
Зиновьев И. А., посланник 308, 311
Зиссерман А. Л. 5, 9, 199, 200, 254
Зияев Х. С. 11
Зубов В. А., граф, военный деятель 85, 88—92, 94, 217
Зубов П. А., граф, военный деятель 88, 89
Ибрагимбейли Х. М. 11, 166, 177, 179
Ибрагим-хан карабахский 53, 64, 82, 85
Ибрагим-хан шушинский 88, 96
Ибрагим-эфенди, агент 64, 67
Иван IV 209
Иванин И. 9
Иванов М. С. 236, 255
Игнатьев Н. П., дипломат 212, 258—260, 262—267, 270—273, 275, 299, 300
Иддо, лейтенант 155, 156
Иимс Д., консул 135
Ильинский (Искандер-паша), офицер 177
Иоаннисян А. Р. 11, 31, 45, 49, 64, 104
Иордан В., агент 203
Иосиф II 49
Ираклий II 21, 30, 31, 34, 35, 47—54, 63, 65—67, 71—73, 76, 79—88, 90, 91, 94—96, 97, 105
Исмаил-бей, агент 162
Исмаил-паша, начальник почт 191, 192
Калмыков И. Х., 130
Канабадзе С. 30
Каннинг С., посол 149, 167, 168, 174, 175, 182, 183, 188, 190, 191
Кара-ага 69
Карелин Г. С., руководитель экспедиции 220, 232—234
Касаев Измаил, князь 125
Касимов Илькей, султан 252
Кастельская З. Д. 296
Касумов А. Х. 11, 173, 197
Касымов Кененсары 216
Катенин А. А., генерал-губернатор 213, 220, 227, 228, 264, 270, 271, 292
Каули, посол 175, 183
Кауфман К. П., генерал-губернатор 5, 220, 228, 279—281, 283—289, 291, 293, 295—297, 299—302, 304, 306
Каховский, генерал 74
Кембриджский Д. У., герцог 173
Кемпбелл, капитан 205
Керим-хан Зенд, правитель Ирана 48
Киняпина Н. С. 8, 104, 132, 214
Киселев П. Д., государственный деятель 182
Кларендон Д. У., министр иностранных дел 163, 165, 167—169, 174, 178, 180, 185—190, 193, 196—201, 282
Клапрот Ю. 17, см. также Klaproth J.
Ключевский В. О. 12, 92
Кнорринг К. Ф., генерал 98—102, 104—107, 111
Кобден Р., член парламента 152
Кобиев Давид, руководитель восстания 119
Кобиев Соломон, руководитель восстания 119
Ковалевский Е. П., директор департамента 240, 258, 259, 264, 265
Коваленский П. И., дипломат 98, 99
Кодрингтон У. Д., офицер 180—182
Коллер, посол 195
Колпаковский Г. А., генерал 302
Кольцов П., бригадир 21
Консидайн, полковник 134, 155
Константин Николаевич, великий князь 259
Костенко Л. Ф. 294
Котиков С. Б. 29, 118
Котляревский, генерал 122
Коцарев, полковник 124

Кречетников П. Н., генерал-губернатор 33
Крыжановский Н. А., генерал-губернатор 275, 277—280, 305
Крым-Гирей, крымский хан 25
Крым-Шамхалов Ислам, глава депутации 128
Кубатиев Кирман, владетель, майор 70
Кузнецова Н. А. 236
Куканова Н. Г. 247
Кумыков Т. Х. 10, 22
Курбан, старшина 117
Куроедов, комендант 43
Кустар-оглы Исмаил 204
Кутузов М. И. 78, 79, 104, 121
Кушева Е. Н. 10
Лавров Д. 30
Лаговский А. Е., посланник 256, 261
Лазарев, генерал 100, 105, 106
Лазарев Иван (Лазарян Ованес) 44, 45
Лайонс, капитан 133
Лайонс Э., адмирал 162, 163, 166, 172, 175, 190
Лапинский Т. 191, 197, см. также Lapinski T.
Ларина В. И. 25
Леван, царевич 116
Левашов В. Я., дипломат 16, 25
Левиатов В. Н. 39
Лейк, полковник 168, 174
Ленин В. И. 4, 115, 254, 315, 318
Лефорт А. А. 70
Лобанов-Ростовский, дипломат 202
Ломакин Н. П., генерал 303, 307
Лонгуорт Д. А. 153—158, 170—173, 179, 183, 203, см. также Longworth T. A.
Луи-Филипп, король 147
Лэм Ф., посол 141, 142
Люксенбург Н. 170, см. также Luxenburg N.
Магомедов Р. М. 82
Магомед-паша 97
Магомед-хан казикумухский 39, 69
Магомед-Али, хан кокандский 247
Мадатов В. Г., князь 126
Мак-Грегор, агент 310
Макдональд Д., посланник 125
Макинтош А. Ф., генерал 164, см. также Macintosh A. F.
Макнейл Д., дипломат 23, 52, 80, 104, 161, 235, 236, см. также McNeill J.
Максим, митрополит 29
Макшеев А. И. 240
Малькольм Д., капитан 103, см. также Malcolm J.
Мальмсбери, министр иностранных дел 200—202
Мамед-бек 102
Мамиев Карадзау 70
Маннанов Б. 311
Мансур (Ушурма), шейх 65, 67—69, 73—75
Мантейфель, министр-президент 195
Марвин Ч., журналист 310, 311
Маркова О. П. 11, 18, 34, 37, 49, 51, 52, 54, 62, 63, 65, 66, 69—71, 79, 82, 85, 87, 89, 92, 96, 104
Маркс К. 57, 103, 130, 134, 137, 189, 210, 219, 235, 318
Маррин, капитан 155
Мартенс Ф. Ф. 9, 130, 138, 143—145, 184
Мачарадзе В. Г. 54
Машнин, консул 194, 198, 205, 206
Медем, генерал 39
Мейендорф Г., общественный деятель 226, см. также Meyendorff G.
Мельбурн, премьер-министр 142, 184
Меньшиков А. С., князь, государственный деятель 126, 258
Меттерних, канцлер 141, 142, 147
Мефре, полковник 179
Мехти-хан, шамхал 112
Милютин Д. А., военный министр 194, 258, 271—274, 279, 291, 293, 299, 304, 307, 308, 311
Мирза-Абдул-Хасан 122
Мирза-Азиз, наместник эмира 266
Мирза-бек-Баята 39
Мирза-Садык 69
Мирза Шефи, первый министр 116
Мириан, царевич 73, 80, 83
Михаил Николаевич, великий князь 5, 283, 299, 307
Мойсум Махмуд-бек 17
Мордвинов Н. С., государственный деятель 221
Мохаммед, шах 235, 236
Музаффар, эмир бухарский 281
Мур, капитан 176, 177
Муравьев Н. Н., генерал 174, 177, 181, 220—225, 230, 244
Мурат-Гирей-султан, сераскир 55
Муртаза Кули-хан 79
Муртазалиев Абакар, руководитель депутации 113
Муртузали, шамхал 63
Мусин-Пушкин 106
Мустафа-паша 75, 166, 172
Мустафа-хан шемахинский 111
Мухамед Эмин, наиб 163, 172, 176, 177, 191—193, 202
Мухаммед-Рахим I, хан 220, 223, 225, 244
Мухаммед-Рахим II, хан 300
Мухаммед-хан эриванский 64
Мэннерс Д., член парламента 187
Мэнсфилд, генерал 174

Надир-шах 20, 78
Найт, агент 156
Наполеон I 104, 105
Наполеон III 147, 163, 175, 180, 181, 183, 185, 188, 203, 206
Нарышкин А. В., сенатор 59
Насреддин, хан 301, 302
Насрулла, хан 243, 255
Натадзе Г. А. 30
Наталишвили Гарджаспи, князь, агент 119
Невская В. П. 130
Негри А. Ф., руководитель посольства 225
Немич И., комендант 27, 28
Непир, агент 304, 310
Неплюев И., резидент 18, 19
Несветаев, генерал 111, 117
Нессельроде К. В., министр иностранных дел 128, 136, 140, 141, 145, 146, 148, 182, 184, 222, 224, 231, 232, 234, 236, 237, 239—246, 248—251, 253
Никифоров П., руководитель экспедиции 220, 243, 244
Николай I 126, 133, 136, 140—143, 145, 147, 157—159, 162, 184, 214, 233, 240, 243, 248—250
Новиков Е. П., посол 206
Новосельцев А. П. 8, 52
Нухбек 120
Ньюкасл Г. П., герцог, военный министр 160, 165, 176, 177
Обрезков, дипломат 25
Оглобин В. Н. 214
О'Донован, разведчик 309, 310
О'Коннелл, член парламента 150
Олферт, майор 168
Омар-хан (Умма-хан) аварский 52, 65—67, 69, 82, 90, 96
Омер-бей, офицер 202
Омер-паша, генерал 175—181, 185
Орлов А. Ф., дипломат 182, 183, 185—188
Осборн Ш., капитан 172
Остерман, вице-канцлер 19
Остроумов Н., 296
Павел I 91—94, 96—100
Пайчадзе Г. Г. 52
Палованлов Е., член посольства 98
Пальмерстон Г. Д., министр иностранных дел, премьер-министр 133, 137, 139, 142—152, 156, 158—160, 164, 165, 169, 170, 173, 182, 184, 186—188, 200, 203, 205, 240, 246
Панин Н. И., глава коллегии иностранных дел 27, 33, 34
Панин П., генерал 31
Парнаоз, царевич 105
Парсамян В. А. 10
Паскевич И. Ф. генерал 126, 127
Пейсонель К., консул 20
Пелисье, генерал 173
Перемышльский, подполковник 253
Перовский В. А., генерал-губернатор 210, 220, 226—228, 233, 234, 238—242, 252, 253, 299
Пестель, генерал 124
Петр I 13, 15—19, 21, 35, 37, 90, 209
Петров А. Н. 72, 185—188
Пиль Р., премьер-министр 149—151, 246
Пирс Р. 248, 283, см. также Pierce R. A.
Платов М. И., атаман, генерал 37
Погосян А. М. 166
Покровский М. В. 197, 206
Пономарев М. М., руководитель экспедиции 220—224
Понсонби Д., посол 135, 136, 138—140, 142—153
Попко И. 88
Попов А. Л. 11
Поповски И. 159, 160, см. также Popowski J.
Потапов, генерал, комендант 26
Потемкин Г. А., князь 33, 37, 39, 44, 46, 47, 49, 56, 57, 63, 67—70, 74, 75, 77, 84
Потемкин П. С., генерал-губернатор 36, 41, 46, 47, 49, 53, 54, 56—60, 63—65, 67—70
Поттинджер, офицер 235
Потто В. А. 9, 58, 109, 122
Поццо-ди-Борго К. О., посол 140, 143—146, 148, 151, 188
Прокеш-Остен, посол 191
Пур, майор 205
Пьюриер В. Д. 150, см. также Purуеаг V.
Пэнмюр Ф. М., военный министр 173—175, 180—182
Рази-бек, уцмий 101
Рассадина Е. Ф. 259
Расселл Д., министр иностранных дел 164, 204, 206
Ратушняк В. Н. 56, 57
Рахимкул-хан хивинский 244
Реад Н. А., генерал 162
Рейнегс Якоб Эйлис 49
Рейтерн М. Х., министр финансов 278
Репнин Н. В., генерал 40
Решид-паша, визирь 191
Риза-паша, военный министр 202
Робак Д. А., член парламента 150
Рогава А. А. 84
Родофиникин К. К., директор департамента 217, 224
Рожкова М. К. 11, 212, 214, 230, 231, 259

Розен Г. В., барон, главнокомандующий армией на Кавказе 136, 137, 153
Розмардюк, граф, предприниматель 177
Ролланд, майор 205
Романовский Д. И., генерал 277, 278
Ромье, дипломат 104
Роулинсон Г. 13, 200, 299, см. также Rawlinson H.
Ртищев Н. Ф., генерал 122, 123
Румянцев Н. П., 218
Румянцев П. А., фельдмаршал 40
Руссо, консул 104
Рустем-бек, кадий 17
Рэглан Ф. Д., командующий 162
Савельев, генерал 84, 86, 87
Сагиб-Гирей, крымский хан 31
Сагитов Гитинав 116
Саграб-бек, владетель 101
Салим-паша ахалцихский 116
Салтыков Н. И., глава военной коллегии 91
Самойлов, генерал 56
Сарафов М. 45
Сардар-шах, хан эриванский 126
Саркисянц Э. 13, 14, 32, 43, см. также Sarkisyanz M. (or E.)
Сафар-Али, нукер 95
Себастиани, посол 114
Селим II 73
Семенов Л. С. 11, 126, 221
Сент-Арно, маршал 163
Сент-Олер, посол 140, 142
Серебренников А. Г., полковник 229
Сефер-бей, агент 135—138, 155, 157, 171—173, 176, 190, 192, 193, 198
Сидаков Мухаммед, глава депутации 20
Симмонс, полковник 77, 178
Симонич И. О., посланник 235, 236, 238
Симонович, генерал 106
Скитский Б. В. 23, 26, 29, 68
Скобелев М. Д., генерал, военный губернатор 283, 302, 307—309, 311
Смирнов Н. А. 10, 18, 19, 39, 40, 42, 62, 63, 67, 68, 74, 75, 77, 105
Соболев М. Н. 306
Соколов А. Я. 214, 231
Соколов Ю. А. 211, 276
Соловьев С. М. 16
Соломон I 34, 35, 48, 51, 54
Соломон II 73, 83
Солсбери Р. А., премьер-министр 314
Сотер, капуцин 27
Спенсер Э., разведчик 154, см. также Spencer E.
Сперанский М. М. 215
Стащук Н. И. 61
Стемковский, офицер 108
Стенли, лорд 149
Стивенс, консул 205, 206
Столетов Н. Г., генерал 283, 305, 306
Стремоухов П. Н., директор департамента 275, 277, 285, 297, 299
Строддарт 243
Стюарт Дадли, член парламента 150
Стюарт (Сааб Ибрагим), агент 136, 154, 309, 310
Суворов А. В. 40, 44—46; 56, 57, 72, 86, 88
Сулейман-паша ахалцихский 63, 65
Султан-Ахмед-хан аварский 102
Султан-Махмуд, владетель 17
Сурхай-хан казикумухский 111, 115—120
Сухозанет Н. О., военный министр 268
Сухтелен П. П., генерал-губернатор 226—228, 232, 239
Сырохнев, полковник 84, 86
Сэрл В., майор 134
Тавакалян Н. А. 41
Тайманов Бей-Булат 125
Талейран Ш. П., министр иностранных дел 105
Тарле Е. В. 159, 160, 166, 180, 182, 184—186
Татищев Д. П., посол 142
Тейлор Г., секретарь 134
Теймураз II, царь 21, 29
Теймураз, царевич 106, 108
Текелли П. А., генерал 72, 74
Терентьев М. А. 9, 226, 228, 229, 233, 240, 264, 310
Тер-Саакян Степан 64
Тетбу-де-Мариньи, консул 154
Тисдейл, майор 174
Тихомиров М. Н. 303, 307, 313
Толбухов К. 286
Толстой И., подпоручик 16
Томаре, полковник 54
Томпсон, капитан 168, 174
Тормасов А. П., генерал 115, 116
Торнау, генерал 255, 260
Тотлебен, генерал 30, 33
Тревельян Ч., помощник министра финансов 161
Троцкий В. Н., генерал 215, 227, 235, 276, 278
Тулатов Мирзабек, старшина 113
Уайтсайд Д., член парламента 165
Уманец Ф. М. 123
Умаров С. Ц. 10, 24, 41, 43
Уркарт Д., публицист, разведчик 12, 13, 132—140, 145, 147—156, 203, 205, см. также Urquhart D.
Ушаков Ф. Ф. 76
Фабрициан 56

Фадеев А. В. 10, 11, 41, 58, 61, 103, 105, 127
Фадеев Р. А., публицист 4, 5, 9, 203
Фалькерзал, генерал 220, 221
Фатали-хан кубинский 39, 69
Федоров В. А. 8
Федосов И. А. 8
Фелицын Е. Д. 9
Фетх-Али-хан (Баба-хан) 96—99, 104, 105, 108, 112, 125, 126, 235
Филипсон Г. И., генерал 190, 193, 194
Финч Э., посланник 103
Фонвилль А. 207
Форсайт Дуглас 282
Франциск, капуцин 27
Фрауендорф И. Л., комендант 28
Фридрих II 95
Фромгольт, руководитель экспедиции 27

Хаджи-Ибрагим-хан, первый министр, 98
Хаджи-Оглу-Мансур, князь 155
Хаджи-Хасан-оглу, паша 127, 204—205
Хадсон Д., секретарь 134—136, 155
Хай Андрей, разведчик 134, 135
Халим-Гирей 56
Халфин Н. А. 11, 213, 217, 218, 221, 225, 228, 237, 238, 240, 243, 244, 247, 255, 258, 259, 271, 276, 278, 304, 306, 310
Ханыков Н. В., дипломат 212, 215, 238, 254, 258—262, 267
Хасанов А. 301
Хатуко К. 134, 136, 160, 163
Хашаев Х. М. 10
Хвабулов, поручик 29
Хетагов (Кесаев) Елисей, военачальник 21
Хетагуров Коста 71
Хидоятов Г. А. 11, 271, 282, 298, 299, 309, 311, 313, 314
Хрептович, посланник 196
Хржановский, разведчик 137
Хрулев, генерал 255
Худояр, хан 280, 300, 301
Хусейн Кули-хан 82
Хутинцев, генерал 120

Цагарели А. А. 29
Цицнадзе Я. З. 29

Allen W. E. D. (Аллен У.) 11, 29, 34, 38, 42, 80, 84, 116, 166
Allworth N. Y. (ed.) (Олворт Н.) 13
Almazan S. P. (Альмазан С.) 166
Anderson M. S. (Андерсон М. С.) 62, 102, 147, 148
Ashley E. (Эшли Э.) 160, 164, 165
Aslan K. (Аслан К.) 16
Atkin M. (Эткин М.) 52, 79, 84, 93, 97, 289
Auty R. (Оти Р.) 12

Циолковский С. Т., руководитель экспедиции 228—231
Цицианов П. Д., главнокомандующий Кавказской армией 103, 107, 108, 110—112, 123

Чавчавадзе А. Г., князь 98
Чавчавадзе Г. А., посол 49, 71, 83, 94—95, 98
Чайлдс Т., капитан 140
Чернов С. Л. 8
Чернышев А. И., военный министр 154
Черняев М. Г., генерал 273—278
Чудинов В. 30
Чхеидзе А. Е. 11, 159, 173, 177

Шаамирян 47
Шагин-Гирей, крымский хан 55—57
Шалле, консул 140, 154
Шамиль 12, 133, 134, 136, 138, 153—156, 158, 162, 163, 170—172, 176, 178, 191, 194, 198, 202, 203, 205, 206, 251
Шеремет В. И. 130
Шипов А. П. 257
Ших-Али-хан дербентский 81, 89, 90, 101, 111, 112, 115—117, 119, 120
Ших-Али-хан кубинский 101
Шлагинтвейт Адольф, агент 269
Шоинбаев Т. 215, 216, 226
Шпаро О. Б. 127
Штейн (Ферхад-паша), офицер 177, 192
Штейнберг Е. Л., 271, 282
Шувалов П. А., дипломат 298

Эбердин Д. Г., премьер-министр 134, 169
Эзов Г. А. 15, 49, 64
Эльтон Д., публицист 103
Эммануэль Г. А., генерал 128
Энгельс Ф. 57, 130, 134, 137, 189, 210, 219, 235, 318
Эсадзе С. 9
Эссен П. К., генерал-губернатор 226, 228
Эстергази, граф, дипломат 197

Юзефович Т. 76, 77, 129
Юлон, царевич 82, 85, 105, 106, 108, 116

Якоби, генерал 39

Baddeley J. F. (Бэдли Дж. Ф.) 12, 157, 178
Barante de (Барант) 138, 140, 141, 143, 147, 148
Baumgart W. (Баумгарт В.) 164, 208
Baumgarten G. (Баумгартен Г.) 183, 185
Beaumont-Vassy (Бомон-Васси) 147
Becker S. (Беккер С.) 13, 259, 275

Bell J. S. (Белл Дж. С.) 153
Bell H. (Белл Г.) 139, 142, 146, 149, 152, 164, 188
Blake R. (Блейк Р.) 175
Blanch L. (Блэнч Л.) 12
Bolsover G. H. (Болсовер Г. Х.) 133, 137, 139, 143, 149
Bourne K. (Бурн К.) 143, 181, 208, 306
Brock P. (Брок П.) 134, 137, 203—205, 207
Brockelmann C. (Брокельман К.) 306
Buchan J. ed. (Бачен Дж.) 164
Bulwer H. L. (Булвер Г. Л.) 144, 145
Burtt J. (Бертт Дж.) 45
Buxton H. (Бакстон Г.) 45, 47
Buxton N. (Бакстон Н.) 45, 47
Buzzard T. (Баззард Т.) 176
Carrére d'Encausse H. (Каррер д'Анкосс Х.) 13
Chirovsky N. L. (Чировский Н. Л.) 12, 17
Clayton G. D. (Клейтон Г. Д.) 144, 148
Crawley C. W. (Кроули С.) 133, 152, 235
Creasy E. S. (Кризи Э. С.) 49
Cunningham A. B. (Каннингхем) (ed.) 134
Curtiss J. S. (Кёртисс Дж. С.) 163
Douglas G. (ed.) (Дуглас Г.) 170
Driault E. (Дрио Э.) 169, 172
Duncan Ch. (Дункан Ч.) 165
Fitzmaurice E. (Фицморис Э.) 183
Florinsky M. (Флоринский М.) 12
Geffcken H. (Геффкен Х.) 186
Gillard D. (Джиллард Д.) 93, 130, 271, 284, 312
Gleason J. H. (Глизон Дж. Х.) 139, 143, 149, 150, 152, 154, 238, 241
Guedalla Ph. (Гедалла Ф.) 164, 165
Harcave S. (Харкейв С.) 12
Hoffmann J. (Гоффманн Дж.) 183, 187, 188, 190, 193, 194, 196—200, 202, 203
Hozier H. M. (Хозьер Х.) 160
Hunczak T. (Ханзак Т.) 12
Ingle H. N. (Ингл Г. Н.) 141, 235, 237, 240, 242, 246, 248
Ingram E. (Ингрэм Э.) 144, 148, 149
Jelavich B. A. (Джелавич Б.) 12, 100, 235, 298
Judd D. (Джудд Д.) 165
Khanikoff N. (Ханыков Н. В.) 261
Klaproth J. (Клапрот Ю.) 17, 23, 40, 48, 55, 67
Kottenkamp F. (Коттенкамп Ф.) 135, 147, 155
Lane-Poole S. (Лейн-Пул С.) 168, 169, 189
Lang D. M. (Лэнг Д. М.) 11, 16, 29, 30, 54, 111
Lapinski T. (Лапинский Т.) 197
Longworth J. A. (Лонгуорт Д.) 153
Lorne K. T. (Лорн К. Т.) 182, 188
Luxenburg N. (Люксенбург Н.) 171, 177
Macintosh A. F. (Макинтош А.) 164
Macler Fr. (Маклер Ф.) 16
Madariaga I. (Мадарьяга И.) 49
Malcolm J. (Малькольм Д.) 84
Martin K. (Мартин К.) 160
Martineau J. (Мартино Ж.) 176, 177
Martovych O. (Мартович О.) 12
Maxwell H. (Максуэлл Г.) 160, 167, 168
McNeill J. (Макнейл Дж.) 23, 52, 80, 104, 161
Meyendorff G. (Мейендорф Г.) 226
Mourier J. (Мурьер Дж.) 179, 180
New Ch. W. (Нью Ч. У.) 143
Nolan E. H. (Нолан Э. Н.) 167, 168, 174, 176, 178
Nolde B. (Нольде Б.) 49, 97, 100
Norris I. A. (Норрис И. А.) 238
Obolenski D. (Оболенский Д.) 12
Pierce R. A. (Пирс Р. А.) 13, 239, 248, 283, 290
Popowski J. (Поповски И.) 159, 160, 163, 314
Puryear V. J. (Пьюриер В. Дж.) 133—135, 137, 143, 147, 148, 151
Quandour M. I. (Куандур М. И.) 12, 143, 204, 207, 235
Ramsay G. (ed.). (Рамзей Г.) 170
Rawlinson H. (Роулинсон Г.) 13, 290
Reid S. J. (Рейд С.) 141, 146
Rhinelander L. H. (Ринеландер Л. Г.) 289
Rieber A. J. (Рибер А.) 257, 258, 260, 261, 284
Robinson G. (Робинсон Г.) 148, 163
Rousset C. (Руссе К.) 160, 162, 163, 180
Rywkin M. (Рывкин М.) 13
Sandwith H. (Сандвит Х.) 178
Sardari R. (Сардари Р.) 49, 79
Sarkisyanz M. [or E.] (Саркисьянц Э.) 13, 14, 26, 32, 43
Sayer Fr. (ed.) (Сэйер Ф.) 172
Schroeder P. W. (Шредер П. У.) 160, 164, 169, 182, 185, 187, 188
Sencourt R. (Сенкур Р.) 175
Seton-Watson H. (Сетон-Уотсон Х.) 11, 52, 139
Seton-Watson R. W. (Сетон-Уотсон Р.) 143, 164, 183
Seymour H. D. (Сеймур Х. Д.) 165
Skrine F. H. (Скрайн Ф. Х.) 117, 241
Spencer E. (Спенсер Э.) 154
Stephenson G. (Стефенсон Г.) 5
Stumm H. (Стамм Х.) 239—242, 275,

277, 297
Sumner B. H. (Самнер Б. Х.) 11, 279, 303, 306
Temperley H. (Темперли Г.) 148, 151, 182, 185, 187, 188
Thornton A. P. (Торнтон) 238
Tyrell H. (Тайрелл Х.) 163, 166, 168, 169, 173, 174, 178, 181, 185, 200
Urquhart D. (Уркарт Д.) 13, 132, 133, 137, 139, 142—144, 148—150, 152
Villari L. (Виллари Л.) 18, 84, 100
Vucinich W. S. (ed.) (Вусинич У. С.) 13, 292
Walsh W. B. (Уолш У. Б.) 159
Wardrop O. (Уордроп О.) 29, 95, 117
Watson R. G. (Уотсон Р. Г.) 94
Webster Ch. (Уэбстер Ч.) 142, 144, 145, 149—152
Wellesley V. (Уэлсли В.) 175
Widerszal L. (Видержаль Л.) 194, 201, 205, 207
Wood R. (Вуд Р.) 134

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы

АВПР — Архив внешней политики России
АСОНИИ — Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАОРСС — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГВИА СССР — Центральный Государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде
ЦГИА Узб. ССР — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР

* * *

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
ВИ — Вопросы истории (журнал)
ВПР — Внешняя политика России. Сборники документов
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИЧИНИИИЯЛ — Известия Чечено-ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы
КС — Кавказский сборник
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РИО — Сборники русского исторического общества
РОБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
РТО — Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963
СГВ — Ставропольские губернские ведомости

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Раздел I

Политика России на Кавказе во второй половине XVIII в. — первой трети XIX в. 15

Глава I

Формирование внешнеполитической программы России на Кавказе . . 15

Глава II

Завершение присоединения Центрального Кавказа к России 38

Глава III

Политика России на Кавказе в конце XVIII в. 78

Глава IV

Кавказ во внешней политике России первой трети XIX в. 98

Раздел II

Кавказский вопрос в международных отношениях 30—60-х гг. XIX в. 131

Глава I

Обострение русско-английских противоречий на Кавказе в первой половине 30-х гг. XIX в. 131

Глава II

Британская политика на Кавказе во второй половине 30-х гг. XIX в. . 138

Глава III

Кавказский вопрос в годы Крымской войны 158

Глава IV.

Политика западных держав на Кавказе в 1856—1864 гг. 189

Раздел III

Средняя Азия в политике России XIX в. 209

Глава I

Социально-экономическое развитие Средней Азии в первой половине XIX в. и Россия 210

Глава II

Политика России в Средней Азии в 50-е — начале 60-х гг. XIX в. . . 252

Глава III

Политика России в Средней Азии во второй половине 60-х — начале 70-х XIX в. 273

Глава IV

Завершающий этап присоединения Средней Азии к России в 70—80-е гг. XIX в. 297

Заключение 316

Указатель имен 319

Список сокращений 327